

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

4

Июль — Август

1987

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ ● ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

Советская этнография в условиях перестройки	3
Р. Ш. Джарылгасинова (Москва). Теория этнического самосознания в советской этнографической науке (основные аспекты проблемы)	9
В. Ф. Петренко (Москва). Психосемантический подход к этнопсихологическим исследованиям	22
Ю. Д. Анчабадзе (Москва). Народное искусство в современном обществе (социальная роль и перспективы развития)	38
М. А. Агларов (Махачкала). Этнокультурные процессы в условиях множественности политических структур в Дагестане (до XX в.)	48
Г. С. Киселев (Москва). О роли власти в генезисе классового общества (на материале доколониальных обществ Тропической Африки).	58

Дискуссии и обсуждения

Обсуждение статьи Ю. В. Бромлея, М. В. Крюкова «Этнография: место в системе наук, школы, методы»	71
А. И. Першиц (Москва). Этнография: некоторые спорные вопросы	71
Ю. И. Семенов (Москва). О предмете и внутренней структуре этнографической науки	73
С. И. Вайнштейн (Москва). Историческая этнография в структуре этнографической науки	77
Г. Е. Марков (Москва). Этнография и историзм	82
А. С. Мыльников (Ленинград). Об этнографическом изучении культуры: источниковедческий аспект	85

Из истории науки

А. В. Гринев (Барнаул). Забытая экспедиция Дмитрия Тарханова на Медную реку	88
---	----

Сообщения

А. Б. Кунанбаева (Ленинград). Казахский эпос сегодня: сказитель и сказание	101
М. Д. Савуров (Ташкент). Современная трансформация антропонимической модели у уйгуров Узбекистана	110
А. И. Локотко (Минск). Типы традиционной застройки крестьянского двора в Белоруссии (XIX — середина XX в.)	114

Поиски, факты, гипотезы

И. Н. Соломоник (Москва). Катхпутли: народные марионетки Раджастана (к проблеме ирано-индийских этнокультурных связей)	128
--	-----

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА

Научная жизнь

- Р. Ш. Джарылгасинова, Дж.-Б. Логашова (Москва). Первая всесоюзная конференция по тюркской ономастике 143
- Т. В. Яковлева (Москва). XVI международная конференция объединенной редакции журнала «Демос» 143
- Коротко об экспедициях 148

Критика и библиография

Народы СССР

- А. А. Сусоколов (Москва). Статистика в этнографии 151
- М. О. Османов, А. Р. Шихсаидов (Махачкала). С. Ш. Гаджиева. Семья и брак у народов Дагестана в XIX — начале XX в. 153
- Б. П. Кербелите (Вильнюс). Э. В. Померанцева. Русская устная проза . . . 155

Народы Зарубежной Европы

- А. Я. Гуревич (Москва). Ф. Бродель. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное 156
- С. Я. Козлов (Москва). В. А. Житомирский. Апартеид по-британски 159
- Н. С. Ермакова (Москва). *Tove Scutnabb-Kangas*. Bilingualism or Not: The Education of Minorities 160

Народы Зарубежной Азии

- О. Д. Комарова (Москва). Т. Ф. Сиверцева. Семья в развивающихся странах Востока (социально-демографический анализ) 163

Народы Америки

- Н. Н. Кулакова (Москва). Ш. А. Богина. Этнокультурные процессы в США. Конец XVIII — начало XIX в. 166
- Г. А. Агранат (Москва). *Русская Америка в «Записках» Кирилла Хлебникова* . . 168

Народы Океании

- С. А. Арутюнов (Москва). И. М. Меликсетова. Трибализм и государственность (этнонациональные и социально-политические процессы в Папуа — Новой Гвинее в 60-е — 80-е годы XX в.) 170

Редакционная коллегия:

К. В. Чистов — член-корр. АН СССР (главный редактор),
В. П. Алексеев — член-корр. АН СССР, С. А. Арутюнов, С. И. Брук,
Н. Г. Волкова (зам. главн. редактора), Л. М. Дробижева, Т. А. Жданко,
Р. Н. Исмаилова, Р. Ф. Итс, Л. Е. Куббель (зам. главн. редактора),
Г. Е. Марков, Р. М. Мунчаев, А. И. Першиц, Н. С. Полищук (зам. главн. редактора), П. И. Пучков, Ю. И. Семенов, В. А. Тишков, Д. Д. Тумаркин

Ответственный секретарь редакции Н. С. Соболев

Адрес редакции: 117036, Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19,
телефоны: 126-94-91, 123-90-97
Зав. редакцией Е. А. Эшлиман

© Издательство «Наука»,
«Советская этнография», 1987 г.

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕСТРОЙКИ

Одна из отличительных особенностей нашего времени — заметная активизация творческого, интеллектуального потенциала советского общества. Апрельский 1985 года Пленум ЦК КПСС, XXVII съезд партии «открыли путь объективному критическому анализу сложившегося в обществе положения, приняли исторические для судеб страны решения»¹. Ярким выражением процесса перестройки в сознании и политике стал очередной Пленум ЦК КПСС, работавший в Москве 27—28 января 1987 года. Его значение не ограничивается постановкой вопросов совершенствования деятельности органов государственного управления и партийного руководства, подбора, воспитания и расстановки кадров. Пленум рассмотрел некоторые предварительные итоги преобразований в экономике и в других сферах общественной жизни, обратил внимание на факторы, сдерживающие эти преобразования, вновь подчеркнул сформулированные съездом положения о важнейших направлениях стратегического курса партии во внутренней и внешней политике. «Главный замысел нашей стратегии,— отмечалось в докладе М. С. Горбачева,— соединить достижения научно-технической революции с плановой экономикой и привести в действие весь потенциал социализма»².

Дух реализма и критичности, ставший столь характерным для партийных документов последнего времени, на январском Пленуме ЦК КПСС проявился в полной мере. Предостерегая против самоуспокоенности и обольщения достигнутыми успехами, Политбюро ЦК КПСС сочло необходимым специально указать, что «дело перестройки оказалось более трудным, причины и корни накопившихся в обществе проблем — более глубокими, чем это представлялось нам раньше»³. На Пленуме было недвусмысленно высказано отрицательное отношение к фаталистическим взглядам на перспективы развития страны. В докладе М. С. Горбачева Пленуму было ясно сказано, что объективные гарантии успеха перестройки у нас есть. «Но мы не можем рассматривать эти гарантии,— подчеркивалось в опубликованных тезисах доклада,— как нечто такое, что действует независимо от нас и при любых условиях, как бы автоматически»⁴. Смысл подхода, выраженного этой фразой, заключается в том, что движущей силой истории являются не лозунги и не объективные возможности сами по себе, а осознанная и целенаправленная деятельность людей, напряженный труд по переустройству общества. Непременное условие, а в конечном счете и смысл перестройки — всемерное развитие социалистической демократии, привлечение широких слоев населения к участию в решении существующих проблем. «По мере расширения и углубления исторического творчества людей,— писал В. И. Ленин,— должен возрастать и размер той массы населения, которая является сознательным историческим деятелем»⁵.

¹ О перестройке и кадровой политике партии. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на Пленуме ЦК КПСС 27 января 1987 года//Коммунист. 1987. № 3. С. 5.

² Там же. С. 12.

³ Там же. С. 5—6.

⁴ Труд. 28 января 1987 г. С. 1.

⁵ Ленин В. И. От какого наследства мы отказываемся?//Полн. собр. соч. Т. 2. С. 539—540.

Пленум еще раз подтвердил выдвинутое съездом требование научной обоснованности планов экономического и социального развития. Естественно, что это требование относится в первую очередь к самой науке, перед которой стоит задача «обогащить наши знания о процессах и явлениях современной жизни, осмыслить их с партийных позиций глобально и всесторонне»⁶. На состоявшемся в марте общем собрании Академии наук СССР были намечены пути повышения эффективности научных исследований, приняты решения по реорганизации деятельности научных учреждений.

В системе гуманитарных наук этнография занимает свое особое место. Внося вклад в познание генеральных закономерностей общественного развития, она призвана изучать все многообразие его вариантов реальной жизни людей, без понимания которой любая теория остается абстрактной схемой. Поэтому сегодня мы должны задаться вопросом: как идет перестройка в этнографии, в чем она должна заключаться, что нужно сделать для того, чтобы этнографическая наука в нашей стране развивалась более успешно, чем до сих пор?

В последние десятилетия советские этнографы добились заметных успехов в исследовании многих фундаментальных проблем этнической истории и современного этнокультурного развития народов СССР и зарубежных стран. Важное значение имела разработка теоретических вопросов, связанных, в частности, с определением специфики и границ предметной области этнографии, совершенствованием ее понятийного аппарата. Возникли новые направления исследования и вспомогательные дисциплины: этносоциология, этнопсихология, этнодемография, этноэкология и др. Укрепились научные связи с зарубежными коллегами возрос международный авторитет советской этнографии. Вместе с тем достигнутые успехи уже не могут нас удовлетворить.

По мере развития общества в условиях научно-технической революции, последствия которой прямо или косвенно проявляются в экономике социальных отношениях, культуре, сознании и т. д., неизбежно возникают принципиально новые проблемы. Соответственно возникает потребность в качественном совершенствовании способов изучения этих проблем, выработке новых форм организации науки и новых исследовательских методов.

Организационная перестройка — только одна сторона дела. Перестройка окажется формальной, если не будет сопровождаться осознанием учеными своего гражданского долга перед обществом, повышением ответственности и требовательности к своей профессиональной деятельности. Эти понятия не сводятся лишь к добросовестному выполнению должностных обязанностей. Гражданский и профессиональный долг ученого-обществоведа, ученого-этнографа состоит прежде всего в том, чтобы вскрывать и анализировать актуальные проблемы современности, находить в себе силы честно и прямо говорить о них, разрабатывать практические рекомендации для совершенствования управления социальными процессами. Именно в этом смысле следует понимать намеченное XXVII съездом КПСС генеральное направление развития общественных наук — изучение современности на базе углубления фундаментальных исследований.

Приступая к осуществлению этой двуединой задачи, необходимо внести ясность в вопрос о соотношении исторической, «традиционной» тематики и тематики современной в этнографических исследованиях. Мнения, которые порой высказываются на этот счет, по существу являются отголосками давних споров о хронологических рамках предмета этнографической науки. Между тем, характер предмета этнографии делает подобные споры бессмысленными. С одной стороны, нельзя познать современную жизнь того или иного народа, не познав его историю. С другой, — нельзя исключать современность из этнической истории этого на-

⁶ Для каждого нашего шага вперед. Общественные науки и перестройка//Правда. 11 февраля 1986 г. С. 1.

рода. История любой культуры — это постоянный процесс развития и смены традиций. Едва ли поэтому правомерно сводить традиции лишь к архаике. Правильней при изучении формирования современных этнических культур обратиться к выявлению и исследованию механизма и факторов их возникновения и взаимодействия с прежними культурами. Важно выяснить, в чем заключается содержание и сущность современных этнокультурных процессов, что питает повсеместный рост этнического самосознания у народов нашей страны, у народов мира. Нисколько не умаляя значения исторической этнографии, мы должны отдавать себе отчет в том, что предметом этнографической науки является не история культуры вообще, а характерные этноспецифические черты образа жизни народов на всем протяжении их существования вплоть до современности. Особое значение приобретает фиксация этнографами еще сохранившихся традиционных компонентов культуры. Это тем более необходимо, что в условиях НТР исчезновение многих из них приобретает лавинообразный характер.

Важно понимать и то, что этнография никогда не была сугубо «академической» наукой. Во все времена и во всех странах она неизменно выполняла важные практические функции; сохраняет она их и сегодня.

Перестройка в любом деле, в науке особенно, не может сводиться к достижению каких-то заданных результатов. Она должна представлять собой перманентный процесс совершенствования — совершенствования научных концепций и организации труда ученых. Естественно, что это возможно только в условиях гласности и демократии, на основе творческой инициативы коллективов научных учреждений. Необходимо всемерно — не на словах, а на деле — развивать практику и навыки научной дискуссии, свободного обмена мнениями, принципиальной критики. В науке, как ни в каких других сферах общественной жизни, вредно провозглашение «истины в последней инстанции», нужен приток свежих и смелых идей. Однако столь же решительно надо бороться против дилетантства и спекуляций на почве науки, которые прикрываются лозунгами новизны и антидогматизма, а нередко — и националистическими лозунгами.

Среди проблем, нашедших свое отражение в партийных документах последнего времени, в выступлениях руководителей партии и государства, есть и проблема национальных отношений в СССР. В многонациональном Советском Союзе, где проживает более ста народов, обладающих своими историческими традициями, культурой, языком и самосознанием, при выработке политических решений, планов социально-экономического и культурного развития должны обязательно учитываться и этнические аспекты. Без их учета расчеты на активизацию человеческого фактора окажутся бесплодными, а само это понятие утратит свое конкретно-историческое содержание.

Приходится констатировать, что в течение длительного времени межнациональные отношения трактовались упрощенно⁷, по образному и очень точному определению М. С. Горбачева, в стиле «здравствуй товстиков»⁸. В полной мере этот упрек относится к ученым, ответственным за разработку теории национальных отношений, в том числе и к этнографам. Обществоведы подчас убаюкивали себя и других общими тезисами о полном торжестве ленинской национальной политики, о ничем не омраченной дружбе народов СССР, о быстром сближении наций и народностей Советского Союза. Такая позиция избавляла от необходимости углубленного изучения современных национальных процессов, приводила к игнорированию их сложности и противоречивости.

Разработка теоретических вопросов национальных отношений велась преимущественно на уровне общефилософских абстракций, без доста-

⁷ О перестройке и кадровой политике партии. С. 1.

⁸ Горбачев М. С. Убежденность — опора перестройки. [Встреча в ЦК КПСС]// Правда, 14 февраля 1987 г. С. 2.

точного привлечения и осмысления конкретных данных об этнокультурном развитии народов СССР. В методологическом плане теоретические концепции также не отличались безупречностью.

В материалах XXVII съезда партии содержатся важные замечания касающиеся понимания характера национальных проблем при социализме. Отмечая, что «национальный вопрос, оставшийся от прошлого в Советском Союзе успешно решен», Программа КПСС обращает внимание на «новые задачи по совершенствованию национальных отношений»⁹. На съезде были подвергнуты критике представления о беспроblemности этой сферы жизни советского общества. «Противоречия, — отмечалось в Политическом докладе ЦК, — свойственны всякому развитию неизбежны они и в этой сфере. Главное — видеть постоянно возникающие их аспекты и грани, искать и своевременно давать верные ответы на вопросы, которые выдвигает жизнь»¹⁰. В речи на совещании руководителей средств массовой информации М. С. Горбачев вновь подчеркнул, что на фоне больших достижений советской национальной политики не должны оставаться незамеченными противоречия, имеющее место в действительности: «это живая жизнь, движение, развитие, а потому на каждом этапе могут быть свои противоречия»¹¹.

Осознание того, что новая действительность порождает новые проблемы, должно способствовать выявлению причин их возникновения возможных путей их разрешения. К пониманию этих причин мы только подходим, и пока можно с большей или меньшей уверенностью говорить скорее об основных направлениях исследования в области национальных противоречий.

Обнаруживая негативные явления в сфере межнациональных отношений, мы обращаем внимание на факты извращения принципов ленинской национальной политики в некоторых союзных и автономных республиках, на недостатки в интернациональном воспитании молодежи. Ошибки и недостатки нужно и можно исправить. Однако не следует упрощать стоящие за ними проблемы. Что касается, например, интернационального воспитания, то суть дела заключается не только в том, что некоторые партийные комитеты или комитеты ВЛКСМ не умеют составлять планы идейно-воспитательной работы и небрежно относятся к их выполнению. Видимо, вся система воспитания действует недостаточно эффективно для формирования интернационалистского сознания культуры межнационального общения. В школьных учебниках, в газетах и популярных журналах, в передачах радио и телевидения лозунг о братстве народов Советского Союза занимают большое место. Н яркой, содержательной и умело поданной информации о жизни, истории и культуре народов СССР явно не хватает, а без знания и понимания традиций и культурных ценностей другого народа не может быть и действительного уважения к ним. Упущения в интернациональном воспитании молодежи — это и следствие недостатков в преподавании общественных дисциплин в учебных заведениях, которые решают задачу формирования научного мировоззрения у студентов не всегда достаточно успешно.

Известно также, что помощь, которая оказывалась союзным республикам в процессе формирования кадров национальной интеллигенции, нередко была ориентирована на количественные, а не качественные показатели. Это приводило к снижению требовательности к специалистам из среды коренных национальностей, порождало ложные представления о правомерности национальных привилегий. Между тем оценка человека по его национальной принадлежности — прямой путь к возбуждению националистических настроений. Значительные и неоспоримые достиже-

⁹ Программа Коммунистической партии Советского Союза // *Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза*. М., 1986. С. 156.

¹⁰ Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. // *Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза*. С. 53.

¹¹ *Горбачев М. С. Убежденность — опора перестройки*. С. 2.

ния в развитии науки, искусства, литературы в союзных республиках не должны заслонять негативных явлений, проявившихся в ходе развития национальных культур.

Более сложным, чем это может показаться, является и другой вопрос, о котором в последнее время много говорится: дальнейшее распространение русского языка среди нерусских народов и овладение русским населением языком коренных национальностей в союзных республиках. В связи с этой задачей возникают проблемы разделения и совмещения функций языков. Выработка оптимальных, сбалансированных решений подобных вопросов особенно актуальна для народов, живущих в иноэтническом окружении и не имеющих своей автономии.

Одной из ведущих тенденций современного этнокультурного развития народов мира является процесс унификации, интернационализации культуры. Как показывает практика, этот процесс в определенных ситуациях и у определенных слоев населения вызывает негативную реакцию, которая выражается в росте этноцентризма и национальных предубеждений. В различных странах и у различных народов, в условиях буржуазного общества и общества социалистического, данная тенденция имеет свои особенности и проявляется с неодинаковой силой. Но ее общей социально-психологической основой является непонимание объективности и неизбежности в современных условиях процесса интернационализации культуры и образа жизни, боязнь утраты культурных традиций своего народа.

В нашем общественно-политическом сознании, а также в науке давно утвердился совершенно верный тезис о сближении наций и народностей Советского Союза через развитие национальных культур. В нем заложен глубокий смысл, отражающий диалектику процессов этнического развития народов СССР. Однако очевидно, что сближение наций в сочетании с развитием национальных культур таит в себе также определенное противоречие. Оно проявляется в том, что развитие национальных культур сопровождается ростом этнического самосознания, национальной гордости, стремления того или иного этноса самоутвердиться среди других народов. Игнорировать данное обстоятельство — значит не понимать объективности проблем, встающих в ходе национально-культурного строительства. Этнографическая наука призвана изучать эти проблемы, активно участвовать в их решении, давать решительный отпор любым рецидивам националистической идеологии. В то же время мы обязаны высказать свое принципиальное отношение и к другой крайности, может быть, не столь заметной, но все же существующей в нашем обществе, — к национальному нигилизму, не имеющему ничего общего с подлинным интернационализмом, хотя и маскирующемуся интернационалистскими лозунгами. Он неизбежно ведет к выхолащиванию и шельмованию культурного наследия народов, к бездуховности и безыдейности. Поэтому так важна сегодня популяризаторская, общественно-политическая деятельность этнографов, их участие в сохранении и развитии культурных ценностей народов нашей страны.

Решение затронутых выше проблем непосредственно связано с необходимостью дальнейшего развития этнографической науки, с преодолением недооценки ее значения для общества и государства. Следствием недостаточного внимания к этнографии является тот удивительный факт, что в Советском Союзе с его многонациональной структурой населения имеется менее тысячи профессиональных этнографов, на которых лежит обязанность изучения более ста народов нашей страны и не менее трех тысяч зарубежных народов. У нас существует фактически лишь одно головное специализированное научное этнографическое учреждение — Институт этнографии АН СССР, — которое располагает к тому же ограниченным штатом сотрудников, устарелой материально-технической базой, явно недостаточными средствами для ведения широких полевых исследований на территории страны и чисто символическими возможностями для экспедиционной работы за рубежом. Из-за слабости издательской базы многие нужные и интересные работы этнографов годами

лежат неопубликованными, теряя свою актуальность. У нас не хватает специалистов по ряду отраслей этнографической науки, по целым регионам и народам. Некоторые народы СССР, в том числе и довольно крупные, советскими этнографами изучались явно недостаточно. Нельзя не отметить и того, что этнографы встречаются с ограничениями, препятствующими их работе. Наблюдается, например, прогрессирующая тенденция неоправданного сокращения публикаций официальных статистических материалов, в результате чего необходимые сведения часто становятся практически недоступными. Между тем их невозможно заменить локальными обследованиями, которые ведут этнографы и этносоциологи.

Долгое время в нашей науке ученые не имели возможности разносторонне высказываться по ряду тем, касающихся некоторых вопросов этногенеза, этнической истории, современного общества, негативных явлений в жизни народов СССР (например, калыма, религиозности населения, проявлений национализма и шовинизма и иных пережиточных явлений). Это наносило ощутимый ущерб не только науке, но и практике.

Справедливо предъявляя к самим себе претензии по поводу ощущаемого несовершенства методики этнографических, этносоциологических, этнопсихологических исследований, выдвигая требование повышения оперативности и актуальности научных разработок, мы остро чувствуем и ограниченность своих возможностей в решении этих вопросов. До сих пор этнографы практически не могут использовать во время полевых работ технические средства фиксации материала, киноплёнку, звукозапись. Ученые, работающие с массовыми статистическими источниками, продолжают только мечтать о крайне необходимой вычислительной технике — нужного качества и в нужном количестве.

Следует также отметить и другие очень важные для развития советской этнографической науки моменты. Один из них связан с изучением специалистами нужных им языков. Странно об этом говорить, но в вузах (даже там, где есть кафедры этнографии) не преподаются языки народов СССР.

На научно-исследовательской и массово-просветительной деятельности ученых Института отрицательно сказывается отсутствие в Москве этнографического музея, опрометчиво ликвидированного еще в 1948 году. Разговоры о его восстановлении, о создании этнопарка не сдвигают дело с мертвой точки, и Москва остается едва ли не единственной в мире столицей многомиллионного государства, не имеющей музея этнографии.

Перед отечественной этнографической наукой стоят большие задачи и прежде всего — исследование современных этнических процессов у народов Советского Союза и зарубежных стран мира, фундаментальных проблем истории культуры народов мира, закономерностей развития человеческой цивилизации. Предстоит значительно увеличить вклад этнографов в решение практических вопросов поступательного развития общества. Все это требует более откровенного освещения возникающих проблем, повышения теоретического уровня советской этнографической науки, улучшения организационного и материально-технического обеспечения научных исследований, постановки этнографического дела на подлинно государственную основу.

**ТЕОРИЯ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ
В СОВЕТСКОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКЕ
(основные аспекты проблемы)**

Теоретические проблемы изучения этнического самосознания получили новое освещение в советской этнографической науке в последние десятилетия и связаны с успехами, достигнутыми советскими учеными в разработке теории этноса, в том числе типологии этнических общностей, проблем этногенеза и этнической истории, этнических процессов. Наиболее полно и всесторонне основные параметры теории этноса изложены в монографиях Ю. В. Бромлей¹.

Определяя понятие «этнос», Ю. В. Бромлей пишет: «Этнос (или этнос в узком значении этого термина) может быть определен как исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании (этнониме)» (1983, с. 57, 58). Принципиально новым в теории этноса является выделение в одном понятии двух категорий собственно этноса-этникоса и этносоциального организма (ЭСО). Подчеркивая особое значение социального, общественного, потестарно-политического фактора в судьбе этноса, Ю. В. Бромлей пишет, что «в объективной реальности этнос не существует вне социальных институтов, выступающих в роли его структурообразующей формы» (1973, с. 38, 39).

На наш взгляд, можно говорить, что в теории этноса сложилась определенная система взглядов на этническое самосознание, которую можно определить как «теория этнического самосознания», хотя формирование отдельных ее слагаемых продолжается. В создании этой теории принимают участие советские ученые многих специальностей: этнографы, социологи, филологи, историки, демографы, антропологи, психологи, философы.

Среди проблем, которые рассматривает теория этнического самосознания, можно выделить следующие: определение понятия «этническое самосознание»; история изучения; источниковедческая база; методика исследования; определение места этнического самосознания среди других признаков этноса; этническое самосознание и этнические общности разного таксономического уровня; этническое самосознание и типы этнической общности; этногенез и этническое самосознание; компоненты этнического самосознания и их истоки; соотношение этнического самосознания и других форм общественного сознания, и прежде всего этнополитического; особенности этнического самосознания различных социально-экономических формаций, исторических эпох; функционирование этнического самосознания и его связь с социально-экономическим развитием общества; соотношение между самосознанием этноса и его самоназванием; судьбы этнонимов, прежде всего самоназваний (эндоэтнонимов); причины усиления или ослабления роли этнического самосознания в истории этноса.

Все перечисленные аспекты теории этнического самосознания в том или ином объеме освещены в нашей науке. В данной работе мы остановимся на историографии нескольких, как нам представляется, узловых проблем.

Из истории термина «этническое самосознание». Интерес к проблемам национального самосознания в советской науке пробуждается в

¹ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973; *его же*. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М., 1981; *его же*. Очерки теории этноса. М., 1983. Далее, при повторном цитировании этих и других работ сноска на них будут даваться в тексте.

40-х годах, еще во время Великой Отечественной войны и вскоре после победы советского народа. Почти одновременно трое ученых: историки В. В. Мавродин, литературовед Д. С. Лихачев и этнограф П. И. Кушнер отметили огромную роль национального самосознания и истории древних и современных народов.

В 1945 г. в Ленинграде издательством ЛГУ была опубликована монография В. В. Мавродина, в основном написанная в 1943—1944 гг. в Саратове². Заключительные главы книги посвящены проблеме формирования древнерусской народности. При анализе этой кардинальной проблемы автор выделяет два аспекта: язык и национальное самосознание³. «Два основных фактора, — замечает он, — определяют собой народность как понятие этническое: язык и национальное самосознание, сознание себя как единой народности» (с. 396). И далее, раскрывая содержание и истоки национального самосознания древнерусской народности, В. В. Мавродин пишет: «Достаточно беглого взгляда, брошенного на наши древнерусские источники (а именно они отражают мысли передовых людей Древней Руси), чтобы убедиться в том, насколько развито было у далеких наших предков чувство патриотизма, любви к Родине, само понятие Родины, земли Русской, насколько большое, всеобъемлющее понятие вкладывалось ими в слово „Русь“, „Русская земля“» (с. 396).

Для изучения развития взглядов на национальное самосознание высказывания В. В. Мавродина представляются очень важными. Исследование огромного материала по истории Древней Руси подвело автора к признанию самосознания в качестве важнейшего признака древнерусской народности. Более того, В. В. Мавродин вскрывает истоки формирования национального самосознания, находя их как в характеристике (признаках) этноса, так и в его конкретной истории, наконец, он определяет компоненты самосознания.

В том же 1945 г. была опубликована книга Д. С. Лихачева, в которой автор рассматривает проблему самосознания через призму русской литературы и искусства XI—XVII вв. В небольшом предисловии к книге Д. С. Лихачев раскрывает свое понимание понятия «национальное самосознание русского народа»: «Национальное самосознание в Древней Руси имеет своими показателями не только памятники письменности и искусства: борьба за свою политическую и культурную самостоятельность и за свое государство служат самым ярким свидетельством высокого уровня национального сознания русского народа»⁴.

Примечательно, что в работах В. В. Мавродина и Д. С. Лихачева национальное самосознание не только названо как один из важнейших признаков народа, но и определены его истоки, намечены его компоненты (В. В. Мавродин); охарактеризованы источники изучения; формы проявления (Д. С. Лихачев).

Как известно, в советской этнографической литературе заслуга постановки вопроса о национальном (этническом) самосознании как важном признаке этнической общности принадлежит П. И. Кушнеру (Кнышеву). 14 декабря 1948 г. П. И. Кушнер выступил на заседании Группы общей этнографии Института этнографии АН СССР с докладом на эту тему. В 1949 г. автореферат его доклада был опубликован в «Кратких сообщениях Института этнографии»⁵. В этой работе, а также в монографии «Этнические территории и этнические границы» он не только утверждал необходимость учитывать национальное (этническое) самосознание при характеристике этнической общности, но и отмечал, что

² Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945.

³ В тот период понятие «национальное самосознание» использовалось для различных исторических эпох.

⁴ Лихачев Д. С. Национальное самосознание Древней Руси. М.; Л., 1945. С. 3; см. также его книгу «Культура Руси эпохи образования русского национального государства (конец XIV — начало XVI в.)». М.; Л., 1946.

⁵ Кушнер П. И. Национальное самосознание как этнический показатель // Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР. 1949. VIII.

национальное самосознание меняется в ходе ее развития. «Национальное самосознание не является прирожденным свойством человека»⁶, — писал П. И. Кушнер. Особо он подчеркивал, что национальное самосознание развивается из более примитивных форм сознания этнической общности и проходит ряд этапов, соответствующих стадиям развития общества» (1949, с. 3). Данное замечание П. И. Кушнера представляется в высшей степени плодотворным, ибо оно утверждает историчность понятия «национальное самосознание».

В последующие годы вопросы национального самосознания получили свое освещение в работах И. И. Потехина, посвященных национально-освободительному движению и современным этническим процессам у народов Африки. В книге о южноафриканских банту национальному самосознанию посвящена специальная глава⁷. «Национальное самосознание — это, прежде всего и главным образом, сознание принадлежности к своему народу, осознание его национальных интересов», — писал И. И. Потехин. И далее: «национальное самосознание является органической частью общественного сознания и подчиняется тем же законам развития» (с. 218). Развитие национального самосознания анализировалось автором наряду с такими аспектами, как «этническая территория», «экономическая общность», «язык и культура» (с. 177—218). К вопросам национального самосознания И. И. Потехин вновь обратился в 1964 г. Рассматривая сложный путь этнического развития народов Ганы в прошлом и выявляя специфику национального развития в 60-е годы XX в., он обращал внимание на три основных момента: языковую ситуацию, формирование общих черт материальной и духовной культуры, развитие национального самосознания⁸.

Национальное самосознание как этнический определитель наряду с языком было положено в основу этнодемографического исследования «Численность и расселение народов мира»⁹.

Определенным рубежом в развитии представлений об этническом самосознании стал 1964 г. Здесь еще раз надо отметить, что до этого времени речь шла о «национальном самосознании» применительно и к древним этносам и к современным.

В 1964 г. появляются две работы двух выдающихся советских этнографов: С. А. Токарева и Н. Н. Чебоксарова, в которых впервые речь шла не только о национальном самосознании, но и шире — об «этническом самосознании».

Этническое самосознание — неотъемлемый компонент этноса. Летом 1964 г. на открытии одного из симпозиумов VII МКАЭН (Москва, 1964) Н. Н. Чебоксаров выступил с докладом «Проблемы происхождения древних и современных народов», в котором не только включил этническое самосознание в число признаков этноса, но и особо подчеркнул вторичность фактора этнического самосознания по отношению к основным признакам этнической общности: фактор этнического самосознания представляет собой некоторую результативную функцию действия основных признаков этнической общности¹⁰. Далее Н. Н. Чебоксаров отмечал, что взаимодействие всех основных признаков этнической общности, «их суммарное влияние на образование и сохранение этнической общности выражаются в виде вторичного фактора, фактора этнического самосознания, который является в конечном счете решающим для определения принадлежности к той или иной этнической общности» (с. 748).

В том же году была опубликована статья С. А. Токарева, в которой он определил этническое самосознание как порождение исторического соотношения различного вида социальных связей (общности происхождения, языка, территории, государственной принадлежности, экономи-

⁶ Кушнер П. И. Этнические территории и этнические границы. М., 1951. С. 42.

⁷ Потехин И. И. Формирование национальной общности южноафриканских банту. М., 1955. С. 219—238.

⁸ Потехин И. И. Становление новой Ганы. М., 1965. С. 314—331.

⁹ Численность и расселение народов мира/Под ред. Брука С. И. М., 1962. С. 46—49.

¹⁰ Чебоксаров Н. Н. Проблемы происхождения древних и современных народов (Вступительное слово на симпозиуме). Труды VII МКАЭН, т. V. М., 1970. С. 748.

ческих связей, культурного уклада, религии), на которых может быть основана этническая общность. «Исторически обусловленное соотношение между этими видами связи,— писал С. А. Токарев,— порождает этническое самосознание, посредством которого субъективно определяется в наше время этническая принадлежность того или иного лица, той или иной социальной группы»¹¹. В этом высказывании С. А. Токарева был поставлен вопрос об истоках этнического самосознания, о его связи с признаками, характеризующими этническую общность.

Идеи, изложенные в работах С. А. Токарева и Н. Н. Чебоксарова, имели огромное значение для дальнейшего развития нашей науки. Примечательно, что за высказанными положениями стоял обширный этнографический материал, уникальные энциклопедические познания, присущие этим ученым. Эти работы стали также важной вехой в изучении этнического самосознания, определенным водоразделом между двумя этапами. С одной стороны, они как бы завершали предшествующий период изучения этнического самосознания, и в то же время открывали новые горизонты.

В работах ряда исследователей конца 40-х — начала 60-х годов национальное самосознание уже рассматривалось как один из признаков этнической общности. Причем в определениях национального самосознания содержатся мысли о вторичности самосознания, о его истоках и содержании. Особо выделяется представление об эволюции этнического самосознания. Но все же в целом, анализируя этот период, мы можем говорить, что тогда был сделан лишь первый (хотя и очень важный) шаг на пути формирования теории этнического самосознания, всестороннее развитие которой начинается с середины 60-х годов.

Во второй половине 60-х годов в связи с дискуссией по теории нации, проводившейся журналом «Вопросы истории», в ряде работ историков и этнографов вновь был рассмотрен вопрос об этническом (национальном) самосознании. Подавляющее большинство участников дискуссии включало национальное самосознание в число признаков нации (Бромлей, 1983, с. 173—175).

Наиболее полно проблемы национального самосознания были поставлены в работах В. И. Козлова¹².

В 1967 г. В. И. Козлов так определил этническое самосознание: «...этническое самосознание — сознание принадлежности людей к определенному народу, конкретно проявляющееся в употреблении ими единого названия народа». Далее он отмечал, что этническое самосознание «возникает в процессе длительной совместной жизни людей под воздействием ряда факторов. Сильное воздействие на его формирование оказывают социальная среда, представление об общем происхождении и общих исторических судьбах и т. д.» (с. 109).

Интересным представляется поставленный В. И. Козловым вопрос о роли этнического самосознания в судьбах этнической общности. В этой же работе В. И. Козлов выдвинул этническое самосознание на первое место среди других признаков этнической общности (с. 111). Это положение В. И. Козлова было поддержано Г. В. Шелеповым¹³.

Значительный вклад в развитие представлений об этническом (национальном) самосознании в 60-х годах внесли работы Б. Ф. Поршнев¹⁴ и И. С. Кона¹⁵.

¹¹ Токарев С. А. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии)//Вопр. философии. 1964. № 11. С. 53.

¹² Козлов В. И. Некоторые проблемы теории нации//Вопр. истории. 1967. № 1; *его же*. О понятии этнической общности//Сов. этнография (далее — СЭ). 1967. № 2; *его же*. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса//СЭ. 1974. № 2.

¹³ Шелепов Г. В. Общность происхождения — признак этнической общности//СЭ. 1968. № 4. С. 71.

¹⁴ Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1966; *его же*. «Мы и они» как конститутивный принцип психологической общности//Материалы III Всесоюзного съезда Общества психологов. М., 1968. Т. II. Вып. 1.

¹⁵ Кон И. С. Психология предрассудка. О социально-психологических корнях этнических предрассудков//Новый мир, 1966. № 9; *его же*. Национальный характер — миф или реальность?//Иностран. лит., 1968. № 9.

В работах Ю. В. Бромлей этническое самосознание стало определяться как «непременное условие функционирования этноса» (1973, с. 98), как «неотъемлемый компонент этноса» (1983, с. 173).

Этническое самосознание и этнические общности. Вычленение этнического самосознания как одного из признаков этноса поставило перед этнографами вопрос о соотношении этнического самосознания как с этническими общностями разного таксономического уровня (в синхронном плане), так и с различными типами этнических общностей (в плане исторического развития).

Как известно, в связи с развертыванием исследований по теории этноса внимание советских исследователей привлекла проблема типологии этнических общностей¹⁶.

Несмотря на дискуссионность многих вопросов, связанных с типологией этнических общностей¹⁷, необходимо отметить, что в настоящее время большинство ученых признает необходимость выделения на синхронном уровне в системе «этническая общность» понятий (и явлений) разного таксономического уровня. Впервые эта точка зрения была высказана М. Г. Левиным и Н. Н. Чебоксаровым в 1957 г. в связи с раскрытием понятия «этническая общность». Во введении к трехтомному изданию «Очерки общей этнографии» М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров писали: «Наряду с термином „народ“ этнографы часто употребляют выражение „этническая общность“. Последнее понятие шире первого, так как этнической общностью можно назвать и группу народов, близких по языку и культуре, и часть народа, имеющую известное языковое и культурное своеобразие»¹⁸. Эта точка зрения более подробно изложена Н. Н. Чебоксаровым в его уже упоминавшемся докладе на симпозиуме VII МКАЭН (1964), а также в статье «Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых»¹⁹. К этим вопросам в 1967 г. обратился и В. И. Козлов.

Проблема этнических общностей разного таксономического уровня нашла свое освещение в работах К. В. Чистова и Ю. В. Бромлей. Чтобы отличать «этнические общности» от «этнографических общностей», Ю. В. Бромлей ввел иные терминологические понятия: 1) «основные этнические подразделения», или «этноты» («народ», по терминологии Н. Н. Чебоксарова), т. е. совокупность людей, обладающих наибольшей интенсивностью этнических свойств; 2) «элементарные этнические единицы», или «микроэтнические единицы» («этнографические группы», по Н. Н. Чебоксарову) — наименьшие составные части основного этнического подразделения, представляющего собой предел делимости последнего; 3) «макроэтнические единицы» («этнолингвистические общности», по Н. Н. Чебоксарову и В. И. Козлову) — этнические общности, которые охватывают несколько основных подразделений²⁰.

Система взглядов Н. Н. Чебоксарова на «этническую общность» (1964, 1967) включала представление о том, что во все эпохи существовали и существуют общности более высокого и более низкого таксономического уровня, чем основные этноты. Особенно важным представляется замечание Н. Н. Чебоксарова, что этнический характер этих общностей определяется наличием у них «элемента самосознания» (Чебоксаров, 1970, с. 750). И далее, Н. Н. Чебоксаров отмечал, что самосознание может быть многостепенным и включать сознание при-

¹⁶ Историографический обзор работ советских исследователей на начало 70-х годов см.: Кузнецов А. И. Понятие «этническая общность» в советской науке последнего десятилетия (Доклад для IX МКАЭН). М., 1973.

¹⁷ Об этом, в частности, свидетельствуют материалы дискуссии, опубликованные на страницах «Советской этнографии» в 1986 г. (№ 3, 4) в связи с публикацией статьи М. В. Крюкова «Еще раз об исторических типах этнических общностей»//СЭ. 1986. № 3.

¹⁸ Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Общие сведения (расы, языки и народы)//Очерки общей этнографии. Общие сведения. Австралия, Океания, Америка, Африка. М., 1957. С. 10.

¹⁹ СЭ. 1967. № 4.

²⁰ Бромлей Ю. В. Опыт типологизации этнических общностей//СЭ. 1972. № 5. С. 61, 62.

надлежности как к этносу, так и к группам, стоящим таксономически выше и ниже его. В разных исторических условиях различные уровни (градации) самосознания могут проявляться с разной силой.

В 1972 г. К. В. Чистов показал, что иерархичность этнического самосознания определяется и осложняется тем, что на синхронном уровне оно сосуществует, непрерывно взаимодействует, трансформируется, совпадает с самосознанием классовым (сословным), государственным, локально-географическим, конфессиональным, расовым, профессиональным и другими формами самосознания (например, «исковичи, западно-русские, русские»; «старообрядцы, старожилы, русские» и т. д.) или противопоставляется ему²¹.

В работах последних лет проблема многоступенчатости, иерархичности этнического самосознания, а также вопрос о соотношении его различных таксономических уровней наиболее полно и всесторонне рассмотрены на богатом фактическом материале развития самосознания славян в эпоху раннего средневековья²².

Одним из кардинальных вопросов теории этноса и теории этнического самосознания является вопрос о соотношении этнического самосознания с разными типами этнической общности. Несмотря на дискуссионность многих проблем, связанных с типологизацией этнических общностей, в настоящее время в советской этнографической науке общепринятым является представление о том, что основными типами этнических общностей в их историческом развитии являются племя, народность (в том числе «рабовладельческая народность» и «феодалная народность») и нация (в том числе «капиталистическая нация» и «социалистическая нация»).

В последние десятилетия советские этнографы немало сделали для разработки типологии этнических общностей. Хотя проблемы типологии затрагивались в работах советских ученых еще в начале 40-х годов (например, статья И. В. Арского (1941 г.) и доклад А. Д. Удальцова)²³, новый этап в их изучении приходится на 60-е годы. Зачинателем нового подхода к этому кардинальному направлению этнографии был С. А. Токарев (1964 г.).

В целом надо отметить, что в последнее десятилетие наибольшее число работ этнографов, историков, филологов и философов посвящено анализу формирования и функционирования, а также всесторонней характеристике этнического самосознания нации²⁴.

Большой интерес представляют также теоретические и конкретные историко-этнографические исследования, в которых рассматриваются проблемы возникновения этнического самосознания²⁵, его формирования и функционирования в раннеклассовом обществе²⁶, его эволюции в период раннего и позднего феодализма. Особо здесь надо отметить исследования, специально посвященные развитию этнического самосозна-

²¹ Чистов К. В. Этническая общность, этническое самосознание и некоторые проблемы духовной культуры//СЭ. 1972. № 2. С. 74.

²² Королюк В. Д., Литаврин Г. Г. Заключение//Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 250—266.

²³ Арский И. В. Вопрос о формировании национальностей в Западной Европе//Уч. зап. ЛГУ. Сер. ист. наук. Л., 1941. Вып. 12; Удальцов А. Д. Теоретические основы этногенетических исследований (Доклад, зачитанный в Ташкенте в 1942 г.)//СЭ. Вып. VI—VII. М.; Л., 1947. С. 301—303.

²⁴ См., например: Куличенко М. И. Марксистско-ленинское учение по национальному вопросу и современность. М., 1972; *его же*. Расцвет и сближение наций в СССР. Проблемы теории и методологии. М., 1981; Хабибулин К. Н. Самосознание и интернациональная ответственность социалистических наций. Учебное пособие. Пермь, 1974.

²⁵ См., например: Алексеев В. П. О самом раннем этапе расообразования и этногенеза//Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982. С. 32—55; Арутюнов С. А. Этнические общности доклассовой эпохи//Там же. С. 55—82; Шнирельман В. А. Протоэтнос охотников и собирателей (По австралийским данным)//Там же. С. 83—109; Алексеев В. П. Этногенез. М., 1986.

²⁶ Куббель Л. Е. Этнические общности и потестарно-политические структуры доклассового и раннеклассового общества//Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. С. 124—146; Перишиц А. И. Этнос в раннеклассовых оседло-кочевнических общностях//Там же. С. 163—179.

ния славян в период раннего феодализма²⁷, формированию этнического самосознания англосаксов и германских народов²⁸. Проблемы эволюции этнического самосознания детально рассматриваются в многотомной серии по этнической истории китайцев²⁹. Выводы, к которым приходят авторы этого исследования, а также методика их анализа имеют первостепенное значение для изучения эволюции этнического самосознания этносов в период раннего средневековья. Проблемам формирования этноса и этнического самосознания чжурчжэней в X—XII вв., а также самосознания японцев в период раннего средневековья посвящены монографии М. В. Воробьева³⁰. Этническое самосознание корейцев в раннефеодальную эпоху рассматривается Р. Ш. Джарылгасиновой³¹.

Этническое самосознание — этногенез и этническая история. В системе представлений об этническом самосознании одно из центральных мест принадлежит проблеме: самосознание и этногенез.

Как известно, теория и методология изучения этногенеза и этнической истории народов мира всегда были одними из основных направлений развития советской этнографической науки³². Примечательно, что даже в годы Великой Отечественной войны в 1942 г. в Ташкенте была проведена научная сессия по этногенезу Средней Азии (27—29 августа). Среди ее участников были: А. Д. Удальцов, С. П. Толстов, Л. В. Ошанин, М. М. Герасимов, Н. А. Кисляков, Г. Ф. Дебеч и многие другие. Идея, высказанные в докладах, представленных на сессии, не утратили своего теоретического и историографического значения и в наши дни³³. Многие из них получили дальнейшее развитие в работе С. А. Токарева³⁴. Положения, выдвинутые С. А. Токаревым, в частности комплексный подход к изучению проблем этногенеза, стали на многие десятилетия основополагающими для нашей науки.

С начала 70-х годов, на новом этапе развития теории этногенеза, в советской науке утвердилось представление об определенной иерархичности, таксономической неравноценности признаков этнической общности. Советскими учеными, и в первую очередь В. Ф. Генингом³⁵, были выделены такие понятия, как «этнообразующие факторы», и «собственно этнические признаки». Среди последних наряду с языком и совокупностью черт культуры (а также особенностями быта) особое место было отведено «этническому самосознанию».

Признавая непрерывность мирового этногенетического процесса и этнической истории, советские этнографы высказывают мысль о наличии «кульминационных», «критических точек» в этническом процессе. Причем эти «прерывы постепенности» и знаменуют собой завершение

²⁷ Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. Этнографія беларусаў. Гісторыяграфія, этногенез, этнічная гісторыя. Мінск, 1985.

²⁸ См., например: Колесницкий Н. Ф. Об этническом государственном развитии средневековой Германии (IV—XIV вв.)//Средние века. Вып. 23. М., 1963. Шервуд Е. А. Развитие этнического самосознания англосаксов (до XI в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980.

²⁹ Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М., 1978; Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979; Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983; Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос в средние века (XII—XIII вв.). М., 1984.

³⁰ Воробьев М. В. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в.—1234). Исторический очерк. М., 1975. С. 295—382; его же. Япония в III—VII вв. Этнос, общество, культура и окружающий мир. М., 1982. С. 264—288.

³¹ Джарылгасинова Р. Ш. Этническое самосознание корейцев в раннефеодальную эпоху: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1986.

³² Подробнее об этом см.: Волкова Н. Г. Этническая история: содержание понятия//СЭ. 1985. № 5.

³³ Сессия по этногенезу народов Средней Азии//СЭ. Вып. VI—VII. М.; Л., 1947. С. 301—325.

³⁴ Токарев С. А. К постановке проблем этногенеза//СЭ. 1949. № 3.

³⁵ Генинг В. Ф. Этнический процесс в первобытности. Опыт исследования закономерности зарождения и раннего развития этноса. Свердловск, 1970.

этногенеза той или иной этнической общности на определенном историческом отрезке. Примечательно, что одним из первых эту мысль еще в 1942 г. высказал С. П. Толстов³⁶. Важной задачей любого этногенетического исследования С. П. Толстов считал «определение того узлового исторического момента и того территориально-социального объединения, когда и где этногонический и глоттогонический процессы данного народа достигают ступени, близкой к завершению, когда становятся ясными его грядущие этнолингвистические результаты». Отмечая особую роль в этногенезе народов Средней Азии периода с IX по XII в., С. П. Толстов писал, что к этому времени процесс их этнического развития «достигает своей кульминационной точки, за которой язык и культура этих народов до конца средневековья не претерпевают качественных изменений, меняясь лишь количественно» (с. 304).

К аналогичному выводу о «критических точках» в развитии этноса на примере вестороннего исследования этнической истории китайцев пришел М. В. Крюков³⁷. Новым в развитии теории этногенеза, в понимании значения «кульминационных», «критических точек» в этническом развитии народов является вывод М. В. Крюкова, сделанный им в результате сравнительно-типологического исследования этнической истории древнекитайского и древнегреческого этносов. Этот вывод заключается в том, что «критическая точка», «прерыв в непрерывности» прежде всего характеризуется появлением у того или иного этноса «отчетливого самосознания, одним из проявлений которого является возникновение общего самоназвания», что и свидетельствует о «завершении процесса этногенеза» (с. 62).

В уже упоминавшемся многотомном исследовании по этнической истории китайского народа одно из центральных мест было отведено анализу развития этнического самосознания. Обобщение богатейшего материала, разнообразных видов источников, наконец, энциклопедический характер всего исследования позволили М. В. Крюкову по-новому подойти к трактовке теории этнического самосознания. Так, благодаря анализу особенностей этнического самосознания китайцев в различные исторические эпохи он смог показать, что в почти трехтысячелетней истории китайского этноса можно выделить две «критические точки», два «прерыва в непрерывности». Первый знаменовал завершение первоначального этногенеза, сложение этнической общности древних китайцев. Этот этап, хронологически датируемый серединой I тыс. до н. э., характеризуется появлением у древних китайцев отчетливого самосознания и общего самоназвания *хуася*. Вторым важным периодом в этнической истории китайцев (второй «критической точкой»), таксономически равным по своему значению первому, была эпоха VII—XIII вв., когда в основном закончилось формирование общности современных китайцев (Крюков, Малявин, Софронов, 1984, с. 293). К этому времени изменилось самосознание народа и одно из внешних проявлений этнического самосознания — самоназвание. Начиная с X—XIII вв., новое самоназвание китайцев — «люди хань» вытесняет все остальные. Это самоназвание китайцев сохраняется и в наши дни.

Резюмируя свое понимание механизма процесса этногенеза того или иного этноса и, что особенно важно в аспекте рассматриваемой нами проблемы, определяя место самосознания в этом процессе, М. В. Крюков писал в 1976 г.: «Именно появление отчетливого этнического самосознания, одним из проявлений которого является возникновение общего самоназвания, и является свидетельством завершения процесса этногенеза» (с. 63).

Необходимо отметить, что этот процесс является длительным, и возникающее общее самоназвание долго сосуществует с другими названия-

³⁶ Толстов С. П. Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии//СЭ. Вып. VI—VII. М.; Л., 1947. С. 303—305.

³⁷ Крюков М. В. Эволюция этнического самосознания и проблемы этногенеза// Расы и народы. Вып. 6. М., 1976. С. 62.

ми. Для периода формирования этноса, для времени этногенетического процесса характерна многоступенчатость этнического самосознания и соответственно многоступенчатость этнических самоназваний.

Определение места этнического самосознания среди признаков этноса сопровождалось и рассмотрением проблемы «этническое самосознание и этническая история». Так, в 1967 г. этот вопрос был поставлен В. И. Козловым: «Достигнув определенной стадии развития, этническое самосознание, подобно другим идеологическим формам, может приобрести известную самостоятельность. Оно, в частности, может сохраняться довольно длительное время даже при территориальном и хозяйственно-культурном отрыве отдельных групп народа от основного этнического ядра и при утрате им своего родного языка» (с. 109).

Особая роль этнического самосознания в истории народа была подчеркнута в 1972 г. К. В. Чистовым, который писал, что «этническое самосознание является не только результатом, но и одним из факторов, воздействующих на этнические процессы (их направление, темп, содержание и т. д.)» (с. 78). В этой же работе К. В. Чистов обращает внимание на тот факт, что в разные периоды этнической истории самосознание может обостряться или ослабевать (приглушаться), может иметь стихийный характер или организуемый.

Выявление закономерностей усиления и ослабления уже сформировавшегося этнического самосознания на тех или иных этапах развития этноса представляется важнейшей задачей дальнейших теоретических исследований. Несомненно, дальнейшее исследование этого аспекта проблемы имеет не только научное, но и огромное практическое значение³⁸.

Компоненты этнического самосознания. Утверждение в советской этнографической науке представления о том, что этническое самосознание — неперемное условие функционирования этноса, его неотъемлемый компонент, послужило основой для более углубленного развития системы взглядов на этническое самосознание.

Так, почти одновременно встал вопрос о содержании понятия «этническое самосознание»: часть исследователей понимает этническое самосознание узко, лишь как осознание принадлежности к тому или иному этносу (Козлов, 1974, с. 84), большая же часть предполагает более сложную структуру самосознания и понимает его расширительно (Бромлей, 1983, с. 190).

Вопрос о структуре этнического самосознания, о его элементах (компонентах) впервые был поставлен Г. В. Шелеповым (1968 г.). В структуру этнического самосознания автор включал: осознание людьми своей этнической принадлежности, этноцентризм, этнический стереотип, этнические антипатии (этногонизм) и этнические симпатии. Подчеркивая взаимосвязь всех элементов этнического самосознания, Г. В. Шелепов «главным структурным элементом» считал «осознание людьми своей этнической принадлежности», которое, по мнению автора, отражает общность их происхождения (с. 72).

Особая роль субъективного представления членов того или иного этноса об общности происхождения была детально рассмотрена в 1972 г. К. В. Чистовым, который в уже упоминавшейся работе писал, что «...объективная сложность этногенетических процессов не мешает людям, причисляющим себя к отдельным этносам, считать, что им свойственна общность происхождения, или по крайней мере родство, они — „соплеменники“ члены одной общности — народа». Важность этого субъективного осознания социальных связей как внесоциальных, по мнению К. В. Чистова, столь значительна, что он включает его в понятие этнос. «Под „этносом“ („этнической общностью“, „народом“), по нашему мнению,— пишет он,— следует понимать исторически сложившуюся и отно-

³⁸ Дробизева Л. М. Национальное самосознание: база формирования и социально-культурные стимулы развития//СЭ. 1985. № 5; Бромлей Ю. В. Национальные процессы в СССР: достижения и проблемы//Правда. 1987. 13 февр. С. 2, 3.

сительно устойчивую социальную общность, которая, однако, осознается людьми, причисляющими себя к ней по рождению, прежде всего как общность внесоциальная» (с. 73, 74). В этой же статье К. В. Чистов впервые поставил проблему взаимосвязей этнического самосознания: духовной культуры этносов³⁹.

В развитии теории этнического самосознания значительную роль сыграли выдвинутые Ю. В. Бромлеем положения о структуре этнического самосознания, о внутреннем механизме его развития, объективных основаниях его существования (1973, с. 98). С этого времени одним из аспектов изучения этнического самосознания становится направление связанное с выявлением и анализом его компонентов, исследование их генезиса и эволюции. Ю. В. Бромлей высказал мысль о том, что компоненты этнического самосознания на субъективном уровне отражают объективные свойства этнической общности. Характеризуя идею общности происхождения членов этноса, он писал: «Необходимо различать два аспекта проблемы: с одной стороны, объективное существование общности происхождения членов этноса, с другой—представление о такой общности, выступающее как компонент этнического самосознания» (1973, с. 102, 103). Среди компонентов этнического самосознания Ю. В. Бромлей прежде всего выделил два основных: «представление об общности происхождения членов этноса» и «своеобразное отражение его объективных свойств». Эти два компонента он назвал «важнейшими составляющими этнического самосознания», отмечая при этом, что они находятся в тесном взаимодействии контролируя и дополняя друг друга (1973, с. 105).

Вопрос о компонентах этнического самосознания на примере изучения этнической истории древнекитайского и древнегреческого этносов получил освещение в работе М. В. Крюкова (1976 г.). Среди компонентов самосознания этих древнейших этносов человечества автор выделил следующие: представления о территории, о языке, об особенностях культуры, о единстве происхождения; этнические стереотипы.

Однако наиболее существенным и новым является высказанное М. В. Крюковым суждение об истоках формирования этнического самосознания. Автор убедительно показал, что эти истоки лежат на разных уровнях и восходят к таксономически неравнозначным понятиям. Он выделил три источника формирования этнического самосознания. Прежде всего это этноформирующие факторы (например, территория). Так, в этническом самосознании и древних китайцев, и эллинов важное место занимало представление о том, что они имели свою родину, общую (для каждого из этих народов) территорию расселения (1976, с. 59). Другие компоненты этнического самосознания могут отражать объективные признаки этноса как адекватно (например, язык), так и избирательно (например, особенности культуры) (с. 58). Наконец, в состав этнического самосознания могут входить компоненты-представления, которые существуют лишь на субъективном уровне и не являются отражением ни этноформирующих факторов, ни признаков этноса. К числу таких компонентов М. В. Крюков относит представление о «превосходстве» своего этноса (с. 59). Выявление иерархии происхождения компонентов этнического самосознания позволило автору наметить схему структуры характеристики этноса в целом, в которой самосознание (и его компоненты) связаны как с этнообразующими факторами, так и с этническими признаками (с. 60, 61).

Однако необходимо отметить, что одним из источников компонентов этнического самосознания являются социально-политические факторы. Причем на более ранних этапах формирования этноса и социальных институтов влияние последних на этнические особенно велико. Сознание социальных общностей входит как компонент в этническое самосознание.

³⁹ См. также об этом: Чистов К. В. Народные традиции и фольклор (Очерк теории). Л., 1986.

Таксономическая неравнозначность истоков компонентов этнического самосознания позволяет высказать предположение, что для процесса его формирования характерна хронологическая сегментация, длительная временная протяженность, постепенное складывание как бы отдельных элементов (территориальное самосознание, языковое самосознание и т. д.); количественное нарастание которых дает на определенном этапе качественный скачок. В этом плане представляется очень плодотворной мысль, высказанная В. А. Шнирельманом на основе анализа этнического развития австралийских охотников и собирателей, о существовании протоэтнуса, т. е. того состояния, когда этнос только формируется (1982, с. 102).

Представляется, что дальнейшее исследование проблемы структуры этнического самосознания, соотношения его компонентов, их эволюции как в теоретическом плане, так и в ходе накопления фактического материала по этнической истории народов мира сделает эту проблему одной из фундаментальных. Ибо, как уже сейчас показано М. В. Крюковым, изменения в структуре самосознания, перемены в значимости отдельных компонентов и их смысловой наполненности и отражают главнейшие перемены в судьбе этноса.

В работах последних лет особое внимание уделяется проблеме качественных изменений в структуре этнического самосознания в ходе исторического развития этноса. Так, на примере развития этнического самосознания китайцев и корейцев в эпоху древности и раннего средневековья было показано, что возникающие различия выражаются в значимом соотношении компонентов.

Дальнейшие исследования структуры этнического самосознания, возможно, расширят сам спектр его компонентов. Так, например, изучение самосознания корейцев в раннефеодальную эпоху позволило вычленил компонент, который был определен нами как «сопряженность-отстраненность» (или как «компонент притяжения-отталкивания»), отражавший отношение корейских этносов раннефеодальной эпохи к китайской культуре или, точнее, к китайской древности, бывшей, по определению Н. И. Конрада, античностью для восточноазиатского историко-культурного региона. Этот компонент может помочь в изучении этнического самосознания молодых этносов, формировавшихся на периферии центров античности (как известно, этим процессом было охвачено подавляющее большинство народов Евразии), а также в современную эпоху для более полного и всестороннего понимания структуры национального (этнического) самосознания освободившихся от колониального гнета народов Азии, Африки, Латинской Америки, особенно при восприятии ими ценностей «своей» и «мировой» («европейской») культуры (Джарылгасинова, 1986).

Примечательно, что в последние годы появился ряд работ, посвященных проблемам традиционной культуры этносов, в которых на богатом фактическом материале показано, как различные сферы традиционной культуры (фольклор, народная этика, календарные праздники) связаны с этническим самосознанием⁴⁰.

В книге «Очерки теории этноса» Ю. В. Бромлей расширил структуру этнического самосознания, выделяя следующие компоненты: этническую (национальную) идентификацию; представление об общности исторического прошлого народа; представление о «родной земле» и о государственной общности.

Принципиально новый этап связан с этносоциологическими и этнографическими исследованиями этнического самосознания у народов СССР. Эти исследования развернулись с начала 70-х годов; они проводились в РСФСР, Узбекской, Грузинской, Молдавской, Эстонской ССР;

⁴⁰ См., например: Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год. М., 1985; Чистов К. В. Народные традиции и фольклор (Очерки теории). Л., 1986; Громыко М. М. Традиционные формы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.

национальная идентификация изучалась у удмуртов, карел и вепс. В центре этих исследований находятся такие компоненты этнического самосознания, как автостереотипы, ценностные ориентации, отношения к своей культуре, национальные интересы⁴¹.

Результаты этих исследований подтверждают наличие среди компонентов этнического самосознания представления об общности исторического прошлого, представления о своей культуре (язык, традиционные виды культуры), о «родной земле». При этом возрастает значение такого компонента, как «национальные интересы», ослабевает роль этнических стереотипов⁴². Было подтверждено, что на разных этапах этнической истории на первый план выдвигаются различные компоненты самосознания, а иногда даже отдельные составные элементы того или иного компонента.

Внимание исследователей привлекала проблема функционирования этнического самосознания и его компонентов на уровне общности в целом и на уровне личности. В этом направлении значителен вклад этнических психологов⁴³.

Этническое самосознание и этноним. Одним из важнейших проявлений этнического самосознания является самоназвание.

Самоназвания, как и другие наименования народа (и его групп различного таксономического уровня), являются предметом исследования одного из разделов ономастики — этнонимии. «Этнонимика — особая отрасль науки об именах собственных, — писал в 1965 г. А. И. Попов, — отрасль, изучающая этнические имена»⁴⁴. Хотя одно время и высказывались сомнения по поводу включения этнонимов в разряд имен собственных, в настоящее время этнонимика заняла свое место в системе ономастических наук⁴⁵.

Сегодня к различным разделам этнонимии обращаются ученые различных профилей — лингвисты, этнографы, историки. Значительная роль в развитии этнонимии в последние десятилетия принадлежит основанной в 1967 г. группе ономастики Института этнографии АН СССР и ее руководителю В. А. Никонову. По его инициативе был подготовлен и издан в 1970 г. первый в мировой науке сборник «Этнонимы», специально посвященный вопросам этнонимии. Книга получила высокую оценку и у нас в стране, и за рубежом. Разделы по этнонимии содержатся почти во всех изданиях группы⁴⁶.

⁴¹ Пименов В. В. Некоторые черты национального самосознания. (по материалам Удмуртской АССР)//Торжество ленинской национальной политики. Чебоксары, 1972. С. 345—358; Клементьев Е. И. Социальная структура и национальное самосознание (на материале Карельской АССР). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975; Пименов В. В. Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л., 1977; Кожанов А. А. Методика исследования национального самосознания (опыт разработки на материалах Карельской АССР). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1978; Арутюнян Ю. В. О некоторых тенденциях культурного сближения народов СССР на этапе развитого социализма//История СССР. 1978. № 4; Старовойтова Г. В. О формировании татарской этнодисперсной группы в населении Петербурга-Ленинграда//СЭ. 1980. № 1; Дробищева Л. М. Духовная общность народов СССР. Историко-социологический очерк межнациональных отношений. М., 1981; *ее же*. Национальное самосознание: база формирования и социально-культурные стимулы развития//СЭ. 1985. № 5.

⁴² Дробищева Л. М. Национальное самосознание. С. 3—16; Крюева Г. У. Методы изучения этнических стереотипов//Социальная психология и общественная практика. М., 1985.

⁴³ См., например: Кон И. С. Социология личности. М., 1967; *его же*. К проблеме национального характера//История и психология. М., 1971; Дашдамиров А. Ф. Нация и личность. Баку, 1976; Чеснокова И. П. Проблема самосознания в психологии. М., 1977; Кон И. С. Открытие «Я». М., 1978; Дашдамиров А. Ф. К методике исследования национально-психологических проблем//СЭ. 1983. № 2; Кон И. С. В поисках себя. М., 1984.

⁴⁴ Попов А. И. Основные проблемы изучения этнонимии СССР//Питання ономастики. Київ, 1976. С. 59.

⁴⁵ Попов А. И. Указ. раб.; Никонов В. А. Этнонимия//Этнонимы. М., 1970. С. 5—12; Джанузакоев Т. Д. Основные проблемы ономастики казахского языка. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Алма-Ата, 1976. С. 86—87.

⁴⁶ См., например: Ономастика Поволжья. Ульяновск, 1969. С. 239—257; Этнография имен. М., 1971. С. 6—32; Ономастика Поволжья. Горький, 1971. С. 285—298; Оно-

Многочисленный материал по этнонимии народов мира, обобщенный в научной литературе, позволяет со всей очевидностью говорить о том, что каждый народ в ходе своего развития, а также на каждом временном, синхронном срезе обладал и обладает целым комплексом наименований, который, очевидно, можно назвать этнонимической системой. Представляется возможным в этой системе вычлениить три основных пласта, три ряда: предэтнонимы; самоназвания, или по терминологии, предложенной Ю. В. Бромлеем, эндоэтнонимы; названия, данные другими народами, или, по терминологии Ю. В. Бромлея, экзоэтнонимы (1981, с. 12). Каждый из этих пластов очень сложен по своему составу. При этом надо иметь в виду, что эти пласты исторически взаимопроницаемы (так, например, название, данное другим народом, может со временем стать самоназванием).

Для изучения этнической истории народа, его культурно-хозяйственного облика, контактов, истории языка важно исследование как всей совокупности этнонимической системы, так и ее отдельных составляющих. При всей довольно тесной связи «народа» и его «наименований» нельзя смешивать историю народа и историю этнонима⁴⁷.

Хотя в этнонимической системе самоназвания являются не самыми многочисленными, в плане изучения этнического самосознания именно они представляют наибольший интерес. Для изучения самоназваний особое значение приобретают работы, посвященные выявлению наиболее раннего слоя самоназваний — «люди», «настоящие люди»⁴⁸, восходящего к дихотомии «свой» — «чужие».

Представляется, что дальнейшее накопление материалов по самосознанию этносов мира позволит выявить закономерности между этносом, его самосознанием и самоназванием.

Представление о сложной этнонимической системе, характерной для каждого народа, прекрасно выявляемое этнографами на современном материале, особенно важно, когда мы обращаемся к данным исторической этнонимии или к материалам палеоэтнонимии⁴⁹. Как правило, древние источники сохраняют лишь незначительную часть наименований того или иного народа. И по этим свидетельствам бывает трудно установить, какое место это наименование занимало в этнонимической системе. Особенно осторожно надо относиться к единичным этническим наименованиям, так как, несомненно, в реальной жизни они существовали в системе.

Необходимо отметить, что даже в синхронном разрезе, как правило, одновременно сосуществуют наименования разного таксономического уровня, соответствующие этническим общностям разного таксономического уровня. В 1970 г. М. А. Членов предложил такие этнонимы называть «собственно этнонимами», выделяя среди них «микроэтнонимы», «истинные этнонимы» и «макроэтнонимы»⁵⁰. Правда, в этом выделении

мастика Поволжья. Уфа, 1973. С. 9—26; Ономастика Поволжья. Саранск, 1976. С. 9—26; Ономастика Средней Азии. М., 1978. С. 6—37; Ономастика Средней Азии. Фрунзе, 1980. С. 3—66; Ономастика Востока. М., 1980. С. 199—241; Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976. С. 180—193; Ономастика Кавказа. Орджоникидзе, 1980. С. 58—83; Этническая ономастика. М., 1984. С. 6—69.

⁴⁷ Зуев Ю. А. Из древнетюркской этнонимии по китайским источникам//Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана. Алма-Ата, 1962. С. 113; Никонов В. А. Указ. раб. С. 11.

⁴⁸ Никонов В. А. Указ. раб. С. 15—17; Чеснов Я. В. Ранние формы этнонимов и этническое самосознание//Этнография имен. С. 9—13; Крюков М. В. «Люди», «настоящие люди» (к проблеме исторической типологии этнических самоназваний)//Этническая ономастика. С. 6—12.

⁴⁹ См., например: Туголуков В. А. Народ один — названий много//СЭ. 1970. № 5. Пименов В. В., Федоров В. В. Удмуртские и марийские названия народов Поволжья//Ономастика Поволжья. 1973. С. 22—28; Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973; *ее же*. О названиях азербайджанцев на Кавказе//Ономастика Востока. С. 208—210; *ее же*. Названия кумыков в кавказских языках//Этническая ономастика. С. 23—27; Горленко В. Ф. Об этнониме черкасы в отечественной науке конца XVIII — первой половины XIX в.//СЭ. 1982. № 3. С. 96.

⁵⁰ Членов М. А. О некоторых индонезийских этнонимах (к вопросу об этнонимической классификации)//Этнонимы. С. 100.

не различаются самоназвания (эндоэтнонимы) и наименования, данные другими народами (экзоэтнонимы). Этнонимический материал, обобщенный в литературе, свидетельствует о том, что категории, выделенные М. А. Членовым, могут быть соотнесены как с самоназваниями, так и с экзоэтнонимами. Следовательно, можно будет выделять среди самоназваний микроэндоэтнонимы, истинные эндоэтнонимы, макроэндоэтнонимы; а среди экзоэтнонимов — микроэкзоэтнонимы, истинные экзоэтнонимы, макроэкзоэтнонимы. Примечательно, что в реальной жизни этноса каждая из этих категорий может быть представлена несколькими наименованиями. Исторически экзоэтнонимы (как правило, более многочисленные в этнонимической системе) взаимопроницаемы с эндоэтнонимами. Среди наименований этноса, или, правильнее сказать, так и иначе (часто ошибочно) связанных с этносом, — значительная группа названная М. А. Членовым «псевдоэтнонимами», которую в исторической (или палео-) этнонимии бывает довольно трудно отделить от «собственно этнонимов».

Для решения задач этногенеза народа и формирования его самосознания первоочередным представляется выявление в этнонимической системе самоназваний, утверждающих завершение формирования этноса.

При этом необходимо постоянно иметь в виду, что иерархичность самосознания на синхронном уровне отражается в иерархичности самоназваний, на что неоднократно обращали внимание советские исследователи⁵¹.

Достижения советской этнографической науки в разработке вопросов этнического самосознания несомненны. Но несомненно также и то, что дальнейшие этнографические исследования конкретного материала и его теоретическое осмысление позволят расширить наши представления в целом об этническом самосознании, о закономерностях его развития, которые имеют огромное научно-познавательное и практическое значение.

⁵¹ См., например: *Чистов К. В.* Этническая общность, этническое самосознание... С. 74; *Моногорова Л. Ф.* Эволюция национального самосознания припамирских народностей // Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М., 1980. С. 125, 126, 133, 134.

В. Ф. Петренко

ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ

Развитие городской цивилизации ведет к определенной унификации человеческого жилища, транспорта, предметов потребления. Телевизор и холодильник, телефон и легковая машина становятся привычными предметами жителей как Европы, так и Северной и Латинской Америки, Австралии и Средней Азии. Житель Костромы может носить сорочку, шитую по европейской моде из материи, сотканной, скажем, в Индии, покупать продукты, например марокканские апельсины, в универсаме, спланированном по типу американских супермаркетов, свободно говорить, скажем, по-английски и оставаться при этом типичным представителем русского этноса. Как справедливо отмечает Ю. В. Бромлей¹, национальная специфика интериоризируется, ментализируется, акцент в ее изучении смещается с анализа внешних материальных носителей культуры к изучению внутренних (ментальных) форм представлений че-

¹ Бромлей Ю. В. К вопросу о влиянии особенностей культурной среды на психику // Сов. этнография. 1983. № 3. С. 67—75.

ловека о мире и о своем месте в нем. Наряду с классическим образом этнографа-путешественника, отправляющегося с рюкзаком в края далекие, появляется образ его коллеги, роющегося в городской свалке с целью составить картину потребления жигелей большого города или при помощи опросников и анкет исследующего его этнический состав. Возможен и образ этнопсихолога с персональным компьютером вместо привычного диктофона, где на экране дисплея перед испытуемым разыгрываются различные бытовые стереотипные ситуации, и ответы последнего (оценка ситуации, прогноз ее развития и т. п.) записываются в памяти компьютера, структурируются и обрабатываются по заданной программе.

Усложнение и развитие человеческого общества, взаимопроникновение культур и стилей жизни, задачи воспитания человека-интернационалиста и одновременно патриота своей страны, своей национальной культуры поднимают вопросы, решение которых требует дальнейшей интеграции и кооперации наук о человеке — гуманитарных наук. Об этом, в частности, свидетельствуют материалы дискуссии о предмете этнопсихологии, проводившейся на страницах журнала «Советская этнография» (А. Ф. Дашдамиров, С. А. Арутюнов, Ю. В. Бромлей, И. С. Кон, Л. М. Дробижева, Г. В. Старовойтова и др.)², участники которой подчеркивали необходимость совместных усилий этнографов, психологов, историков, фольклористов для решения проблем идентификации человека в рамках того или иного этноса, для выделения психологического профиля представителей этноса, в частности определения понятия «национальный характер».

Высказывались дискуссионные взгляды, связанные, в частности, с влиянием биологического фактора (общность генофонда в рамках этноса), определяющего доминирующие психофизиологические типы нервной системы (Г. В. Старовойтова)³. Однако все участники обсуждения были достаточно единодушны в том, что «сферу национальной психологии образуют чувства, переживания, привычки, обычаи, традиции, вкусы, установки и т. д., в которых отражены особенности национального бытия, национальной истории, интернациональные связи и взаимодействия» (А. Ф. Дашдамиров)⁴, в том, что «в центре внимания оказываются этнические установки, стереотипы самосознания» (И. С. Кон)⁵, т. е. в отношении к предмету этнопсихологии вопросов, по традиции изучаемых как проблематика обыденного сознания. Это положение наиболее отчетливо выражено в статье Ю. В. Бромлея: «Проще вопрос о наличии этнической специфики в содержании обыденного сознания. Это прежде всего относится к так называемым „значениям“ — стереотипам, фиксирующим типичные для членов этноса „понятия“, „знания“, „умения“, „нормы поведения“. Представляя „пограничную зону общественного сознания“ (на его обыденном уровне) и бытовой культуры, эти стереотипы выполняют важную функцию в воссоздании характерных для каждого этноса свойств... Важное место в системе стереотипов-значений занимают представления человека об окружающей нас действительности, себе самом, своих отношениях с этой действительностью и окружающими людьми, т. е. так называемые модели мира»⁶.

Представление о модели мира, присущей обыденному сознанию представителей того или иного этноса, а значит, и о возможности типологизации этносов по их имплицитной картине мира сближает позиции Ю. В. Бромлея с методологическими построениями патриарха советской психологии А. Н. Леонтьева, касающимися образа мира⁷, понимаемого как наиболее общая концептуальная структура, в рамках которой инте-

² Сов. этнография. 1983, № 2—4.

³ Сов. этнография. 1983, № 3.

⁴ Сов. этнография. 1983. № 2. С. 66.

⁵ Сов. этнография. 1983. № 3. С. 77.

⁶ Сов. этнография. 1983. № 3. С. 71.

⁷ Леонтьев А. Н. Психология образа // Вестн. МГУ. Сер. 14. Психология. 1979. № 2. С. 3—13.

гриируются отдельные процессы восприятия, памяти, мышления и выходящими из этого представлениями о возможности проведения индивидуальной психодиагностики личности по ее образу (тех или иных локусов) мира, реализуемой психосемантикой.

Картина мира субъекта как представителя того или иного этноса включающая не только познавательные (когнитивные), но и ценности (аксиологические) компоненты, и является, на наш взгляд, тем общим объектом анализа этнографии и психологии, который задает возможность методологической стыковки двух наук и выступает мостиком, связующим их интересы. Оговорим при этом, что человеческое сознание является гетерогенным⁸ и наряду с национальной принадлежностью его системообразующими факторами являются, конечно, половая, возрастная, социально-профессиональная принадлежности человека. Значимость этих факторов различна в разных содержательных пластах быденного сознания, и дифференцировать их влияние можно только на основе специально организованного многофакторного исследования.

Обращение А. Н. Леонтьева к категории «образ мира» связано с дальнейшей разработкой теории сознания, заложенной в трудах Л. С. Выготского⁹. Критикуя традиционные представления о сознании как «сцене, на которой разыгрывается психическая жизнь человека, в которой само сознание (сцена) не участвует» и следующее отсюда представление о пассивности и неизменности сознания, А. Н. Леонтьев развивает семиотическую модель сознания, где его образующей выступают исторически выработанная и несущая совокупный общественный опыт система значений в единстве с личностными смыслами, задающими пристрастный, связанный с мотивами и потребностями характер сознания.

Исследование содержания, генезиса и функционирования индивидуальной системы значений, присущей субъекту, осуществляется в психологии методами экспериментальной психосемантики и связано, в частности, с построением субъективных семантических пространств¹⁰, являющихся формой модельного представления такой системы значений. Субъективные семантические пространства выступают своеобразным мета-языком, в рамках которого осуществляется содержательный (семантический) анализ исследуемых объектов (понятий, изображений, материальных предметов культуры и т. п.); их построение связано с группировкой признаков (шкал, дескрипторов) исходного языка описания в более емкие категории-факторы, отражающие основания классификации (категоризации), сознательно или неосознанно используемые субъектом. Исторически семантические пространства являются дальнейшим развитием теории семантических полей (И. Трир, В. Порзиг, Л. Вайсбергер и восходят к идеям В. Гумбольдта, ставившего задачу реконструкции «духа народа» через особенности «внутренней формы» (грамматики семантической структуры) его национального языка. «Разные языки — это не различные обозначения одного и того же предмета, а различные видения его...»¹¹. Методологические воззрения сторонников теории поля близки к теории «лингвистической относительности» Сэпира-Уорфа и базируются на платформе неокантианства. Использование методов современной многомерной статистики, требующей применения ЭВМ, сделало возможным переход от одномерных семантических полей к многомерным семантическим моделям, которыми являются семантические пространства и описания в рамках последних психологической структуры значения¹².

⁸ *Левин-Брюль Л.* Первобытное мышление. М., 1930; *Тулльviste П.* О теоретических проблемах исторического развития мышления//Принцип развития в психологии. М., 1978.

⁹ *Выготский Л. С.* Мышление и речь. М., 1934.

¹⁰ *Петренко В. Ф.* Экспериментальная психосемантика: исследование индивидуального сознания//Вопр. психологии. 1982. № 5; *его же.* Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в быденном сознании. М., 1983.

¹¹ *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 9.

¹² *Леонтьев А. А.* Психологическая структура значения//Семантическая структура слова. М., 1971.

В методологическом плане советская психология реализует «деятельностный принцип», согласно которому «значение является превращенной формой деятельности» и демиург «образа мира» — не сам язык, несущий в себе совокупный общественный опыт, а специфика бытия и истории человеческой общности. Тем не менее признается, что в функциональном плане структуры языка во многом направляют и структурируют мышление и индивидуальную деятельность субъекта.

Построение субъективных семантических пространств включает реализацию трех последовательных этапов.

На первом этапе устанавливаются семантические связи анализируемых объектов. В специально организованной искусственной деятельности, моделирующей реальные речемыслительные процессы, испытуемые оценивают различные объекты по шкалам, классифицируют их, дают на них ассоциации, оценивают их субъективное сходство; организуются диалоги испытуемых с помощью заданных символических средств, например, пословиц, поговорок и т. п.; вырабатываются условные реакции на анализируемые объекты и через их генерализацию устанавливаются семантические связи объектов и т. п. Важно подчеркнуть, что установление семантических связей значений осуществляется не путем интроспекции (самонаблюдения), а в режиме «употребления», и испытуемые могут не осознавать, на основе чего производят тот или иной выбор, ту или иную оценку.

Второй этап психосемантического эксперимента состоит в выделении структур, лежащих в основе семантических связей. Он заключается в применении процедур факторного и кластерного анализа, многомерного шкалирования к исходной матрице семантических связей. Наконец, третий шаг психосемантического эксперимента включает интерпретацию выделенных структур, осуществляемую на основе поиска смысловых инвариантов пунктов, входящих в фактор или кластер, а также на основе дифференциации анализируемых объектов в рамках этих структур. Для облегчения интерпретации в исходный набор объектов вводятся эталонные объекты с заданным набором признаков, привлекаются экспертные судьи, осуществляется конвергентная валидность, т. е. сопоставление выделенных факторов с данными других, уже апробированных методов, и т. д.

При геометрическом представлении семантических пространств выделенные факторы-категории представляются в виде координатных осей некоего n -мерного евклидова пространства, а анализируемые значения описываются как координатные точки внутри этого пространства. Исходя из нагрузок значений (проекций их на координатные оси), осуществляется их семантический анализ на языке категорий — факторов. Геометрические расстояния между соответствующими координатами значений отражают отношения их семантического сходства и различия.

Отдельные параметры семантического пространства выступают операциональными коррелятами когнитивной организации сознания. Так, размерность семантического пространства (число независимых факторов) отражает когнитивную сложность субъекта (или группы субъектов) в некоторой содержательной области. Сознание человека гетерогенно, и субъект может иметь высокую когнитивную сложность (множество оснований категоризации), например, в оценке систем родства и низкую при классификации видов флоры и фауны, высокую в политической терминологии (дифференциации политических партий по множеству оснований) и низкую, скажем, в сфере межличностного восприятия.

Другим существенным параметром является само содержание выделенного фактора, т. е. группировка отдельных взаимосвязанных признаков в целостную структуру категоризации (конструкт). Например, для раннехристианской этики было справедливым утверждение «легче верблюду пройти через игольное ушко, чем богатому попасть в рай». Если перейти на язык психосемантики, то можно сказать, что признаки «богатство» в различных раннехристианских текстах и «богоугодность» имеют отрицательную корреляцию, и при представлении их в виде век-

торов в семантическом пространстве угол между этими векторами будет близок к 180 градусам. В буржуазной этике справедливым окажется, очевидно, противоположное мироощущение, для которого материальное преуспевание является свидетельством богоугодности человека, и угол между соответствующими векторами будет близок к нулю, т. е. в сознании богатого ремесленника эти понятия будут почти синонимичными.

Параметром, отражающим субъективную важность того или иного основания категоризации, связанным с мотивационной сферой личности является мощность выделенных факторов, определяемая вкладом фактора в общую дисперсию. Семантическое пространство, как резиновая пленка, растягивается по направлению ведущих оснований категоризации, меняя масштаб единиц измерения и влияя на вклад отдельных признаков в суммарном сходстве или различии объектов анализа.

Интеркорреляции факторов наряду с рядом других параметров (например, униполярность — биполярность фактора) несут в себе информацию о взаимосвязи отдельных параметров категоризации и также отражают когнитивную сложность субъекта. Наконец, размещение значений в семантическом пространстве позволяет построить фрагмент образа мира субъекта в той или иной содержательной области, провести психодиагностику, отнести субъекта к тому или иному типу личности в рамках восприятия и отношения к этому фрагменту действительности.

Построение субъективных семантических пространств, являющихся как методом семантического анализа, так и формой модельного представления категориальной структуры сознания, наряду с широким применением в психологической науке находит свое применение и для культурно-сопоставительных исследований.

Предложенное ниже экспериментальное исследование этнических стереотипов в семейно-бытовой сфере, традиционно являющейся областью этнопсихологического анализа¹³, представляет собой попытку иллюстрации психосемантического подхода к этнографии.

Исследование этнических стереотипов проводилось в рамках разработанной нами методики *множественной идентификации* и осуществлялось на материале двух культур: азербайджанской¹⁴ и русской. Метод заключается в том, что оценка психологического сходства (степень идентификации) образов самого себя и обобщенных образов других людей (так называемых ролевых позиций) осуществляется через сходство приписываемых им поступков. *Испытуемыми* были 80 девушек в возрасте от 20 до 23 лет, незамужние; половина из них — студентки филологического факультета Азербайджанского педагогического института, другая половина — студентки филологического факультета МГУ.

Процедура эксперимента. Испытуемые оценивали вероятность (или степень естественности) совершения ряда поступков (например, «поместить брачное объявление в газете», «выйти замуж за представителя другой национальности», «распоряжаться семейным бюджетом» и т. д.) — всего 90 поступков, по некоей 6-балльной градуальной шкале (где 0 — означает «никогда», 5 — «всегда») со следующих ролевых позиций: «я сама»; «моя мать»; «идеал женщины, с моей точки зрения»; «идеал женщины, принятый в обществе»; «типичная женщина»; «женщина 40 лет назад»; «женщина через 20 лет»; «женщина с неудавшейся личной жизнью»; «презираемая мною женщина»; «русская» — для испытуемых-азербайджанок; «азербайджанка» — для испытуемых-русских; «грузинка»; «эстонка».

Процедура обработки данных: ответы отдельных испытуемых суммировались в две общегрупповые матрицы данных, отдельно для азербайджанской и русской группы испытуемых (см. табл. 1). Таким обра-

¹³ См., например, Дробизжева Л. М. Духовная общность народов СССР. М., 1981; Опыт этносоциологического исследования образа жизни. М., 1980; Социальный и культурный облик советских наций. М., 1986; Старовойтова Г. В. Этническая группа в современном советском городе. М., 1987.

¹⁴ В проведении эксперимента принимала участие стажер-исследователь Л. А. Алиева.

зом, в каждой соответствующей графе на пересечении ролевой позиции и поступка могли бы стоять числа от 0 (если ни один испытуемый не приписал ни одного балла данной ролевой позиции по данному поступку) до 200 — максимально возможной суммарной оценки для 40 испытуемых. Но для удобства чтения матрицы даются полусуммы суммарных данных, т. е. числа от 0 до 100.

Наиболее простой и общедоступной формой обработки исходной матрицы данных является сопоставление ролевых позиций путем подсчета парных коэффициентов корреляций оценок поступков, приписанных этим позициям, т. е. вычисления коэффициентов парной корреляции вертикальных столбцов исходной матрицы данных (табл. 2).

Сопоставляя корреляционные матрицы азербайджанской и русской выборок, можно зафиксировать, что и у азербайджанских, и у русских девушек высокая степень совпадения образа «я» и «идеала» (0,9/0,8). У азербайджанок более высокая идентификация с образом матери (0,8) по сравнению с русскими девушками (0,6). Индивидуальные идеалы в интимно-личностной сфере обеих групп испытуемых в значительной мере совпадают с общественными (0,9/0,9). Однако представления об «идеале с точки зрения общества» значительно расходятся для русской и азербайджанской выборок. Так, если для русских «идеал с точки зрения общества» высоко коррелирует с «женщиной через 20 лет» и дает нулевую корреляцию с женщиной прошлого — «женщиной 40 лет назад», то для азербайджанских девушек картина обратная. По их мнению, «идеал с точки зрения общества» больше походит на женщину прошлого (0,8), чем на женщину будущего (0,2). Это отношение противоположной «временной ориентации» русских и азербайджанок сохраняется, но в меньшей степени и для «индивидуального идеала». Так, «индивидуальный идеал» русских больше коррелирует с «женщиной через 20 лет» (0,6), чем с «женщиной 40 лет назад» (0,2), «индивидуальный идеал» азербайджанок больше напоминает «женщину 40 лет назад» (0,5), чем «женщину через 20 лет» (0,4). Интересно тем не менее отметить, что, несмотря на противоположную «временную ориентацию» «индивидуальных идеалов» двух выборок, по сравнению с «идеалом с точки зрения общества» «индивидуальный идеал» русских девушек несколько сдвинут в сторону традиционного образа женщины, а «индивидуальный идеал» азербайджанок — в сторону «женщины будущего». Таким образом, в своих «индивидуальных идеалах» русские и азербайджанские девушки дают более сходные позиции по сравнению с позициями, задаваемыми их культурно-национальной средой. Налицо сближение стереотипов в семейно-бытовой сфере молодых представительниц разных национальностей. Так, коэффициент корреляции ролевых позиций «мой идеал» у русских и азербайджанок составил $r=0,5$. Образ «типичной женщины» для русской выборки также ближе к образу «женщины будущего» (0,7), а образ типичной азербайджанки в сознании азербайджанок ближе к образу «женщины 40 лет назад» (0,7). Интересно наличие значимой корреляции образа «типичной женщины» и образа «женщины с неудавшейся личной жизнью» (0,5), полученной по результатам русских испытуемых. Ниже мы еще вернемся к обсуждению этой зависимости.

В плане сопоставления образа женщины собственной национальности («типичная женщина нашего общества») и представительниц других национальностей проявился эффект центрации¹⁵, вызванный большей дифференцированностью сознания в зоне собственного национального автостереотипа и меньшей различающей способностью на периферии своей культурологической области. Так, образ «типичной женщины» своей культуры для обеих выборок испытуемых мало на кого похож из представительниц других национальностей. Но для сознания русских испытуемых высоко совпадают образы азербайджанок и грузинок (0,9), а для азербайджанских девушек похожими оказываются русские и эс-

¹⁵ Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М., 1969.

Поступок	Рольевые	
	я	моя мать
Познакомиться с парнем на улице, поддержав завязанный им разговор	18/71	0/52
Послать брачное объявление в газету	0/20	0/5
Испытывать постоянную потребность в новых людях	82/67	71/32
Стремиться к высшему образованию	88/87	45/55
Изменить мужу в ответ на его измену	8/38	1/14
Рассказывать сослуживцам о конфликте с мужем	4/5	12/11
Шить и вязать для семьи	63/80	80/91
В присутствии друзей мужа сделать ему замечание	0/44	8/46
Скрыть от мужа, что сделала дорогую покупку	11/16	8/19
Скорее терпеть претензии свекрови, чем пойти с ней на конфликт	72/33	88/56
Курить сигареты	0/32	0/5
Активно участвовать в общественной жизни	48/60	43/68
Прожить жизнь, не вступая в брак	11/27	0/27
Ходить на танцы или дискотеку	60/90	7/57
Считать, что лучше развестись с нелюбимым мужем, чем терпеть его ради детей, к которым он внимателен и заботлив	31/59	0/56
Переживать бессмысленность своей жизни	44/75	43/60
Посплетничать с соседями	16/52	12/36
Быть гостеприимной и приветливой с друзьями мужа, которые тебе не нравятся	38/64	50/83
Распоряжаться семейным бюджетом	38/79	30/78

* Первые числа характеризуют азербайджанок, вторые (через косую черту) — русских испытуемых.

Матрицы интеркорреляций ролевых позиций

Рольевые позиции	я	моя мать	мой идеал	общественный идеал	типичная женщина
1. Я		0,8/0,6	0,9/0,8	0,8/0,9	0,8/0,6
2. Моя мать			0,8/0,6	0,9/0,6	0,8/0,3
3. Мой идеал				0,9/0,9	0,8/0,3
4. Идеал общественный					0,9/0,6
5. Типичная женщина					
6. Женщина 40 лет назад					
7. Женщина через 20 лет					
8. Женщина с неудавшейся личной жизнью					
9. Русская/азербайджанка *					
10. Грузинка					
11. Эстонка					

* Девятая ролевая позиция: «русская» — для азербайджанок и «азербайджанка» — для русских испытуемых позициями в представлении азербайджанок, а цифра через косую черту — соответствует корреляции

тонки (0,8). Этот интересный эффект большей дифференцирующей силы сознания в зонах, примыкающих к личностной сфере человека (моя национальность, моя профессия, мой индивидуальный жизненный ареал — дом, район, город..., круг моих интересов и т. п.), является, очевидно, универсальным применительно к любой содержательной области, которая становится объектом осознания человека. Так, например, в ряде исследований Б. М. Величковского¹⁶, проведенных совсем на другом материале, был описан сходный эффект центрации, вызванный «пристраст-

¹⁶ Величковский Б. М., Блишкова И. В., Лапин Е. А. Представление реального и воображаемого пространства // Вopr. психологии. № 3. 1968. С. 103—112.

азербайджанской и русской выборок

позиции						
идеал женщины, с моей точки зрения	идеал женщины, с точки зрения общества	типичная женщина нашего общества	женщина 40 лет назад	женщина через 20 лет	женщина с неудавшейся личной жизнью	женщина, которую я презираю
18/56	2/67	30/67	0/32	72/76	60/72	80/52
8/13	0/33	15/28	0/6	67/59	64/72	60/64
81/68	70/74	58/79	50/48	90/75	76/56	44/60
76/95	61/95	65/65	25/42	100/86	28/78	24/42
12/30	16/43	32/56	0/29	55/55	48/55	72/83
8/0	15/10	40/52	16/24	52/30	61/64	71/82
91/92	80/96	67/80	84/72	83/72	48/64	28/32
0/33	13/31	31/48	0/34	54/55	56/72	88/69
6/4	17/15	34/54	10/32	28/40	60/64	81/82
55/44	88/52	67/51	99/65	28/38	43/56	36/82
8/5	0/54	26/68	0/8	56/55	58/72	64/84
64/74	44/70	55/63	16/45	84/78	52/71	24/64
0/24	0/32	11/46	0/33	36/44	26/56	40/51
60/81	16/98	46/83	4/76	60/95	54/63	76/76
47/51	9/66	36/64	4/36	64/72	43/52	80/64
6/50	4/44	44/41	50/30	48/64	68/88	44/16
10/26	20/46	48/79	44/68	76/64	62/64	78/84
41/84	68/72	50/60	64/72	98/56	50/48	20/21
32/66	32/76	51/88	16/61	80/84	52/77	60/66

Таблица 2

для азербайджанской/русской выборок

женщина 40 лет назад	женщина через 20 лет	женщина с неудавшейся личной жизнью	русская/азербайджанка	грузинка	эстонка	женщина, которую я презираю
0,6/0,2	0,3/0,7	0/0,3	—0,1/0	0,3/0	0/0,4	—0,6/—0,4
0,9/0,6	—0,1/0,1	0/0,2	—0,4/0,1	0,1/0,2	—0,3/0,1	—0,6/—0,5
0,5/0,2	0,4/0,6	—0,1/0,2	0/0	0,3/0	0/0,5	—0,6/—0,5
0,8/0,2	0/0,7	0/0,3	—0,3/0	0,1/0	—0,3/0,6	—0,7/—0,4
0,7/0	0,1/0,7	0/0,5	—0,2/0,2	0,2/0,1	0,2/0,4	—0,5/0,2
	—0,3/—0,3	0/—0,1	—0,5/0,4	0/0,5	—0,5/—0,1	—0,5/—0,2
		0/0,4	0,4/—0,1	0,3/—0,1	0,4/0,6	—0,1/0
			0,2/—0,1	0,4/—0,1	0,2/0,4	0,4/0
				0,6/0,9	0,8/0,0	0,4/0,2
					0,6/0	0/0,1
						0,3/0

ных. В этом столбце первая цифра показывает корреляции образа русской женщины с другими ролевыми образами азербайджанки другими ролевыми позициями в представлении русских женщин.

ной позицией наблюдателя»: при построении карты-схемы образа местности расстояния между пунктами пространства, хорошо освоенными, человеком переоценивались, а расстояния между пунктами, в которых человек редко бывал, недооценивались. Так, в сфере, примыкающей к системе отсчета «я», сознание более дифференцировано и семантическое пространство имеет как бы больший масштаб. Перефразируя известное изречение Ф. Бекона «Знание — сила», можно сказать: «Знание порождает пространство».

Семантические пространства для азербайджанской и русской выборок. Более сложной формой обработки данных и одновременно формой

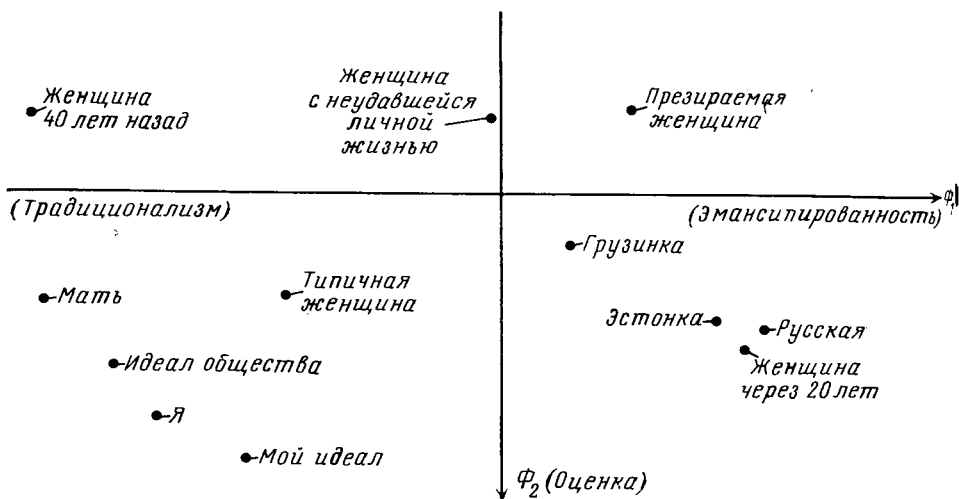

Рис. 1. Ролевые позиции в семантическом пространстве поступков ($\Phi_1\Phi_2$) для азербайджанской выборки

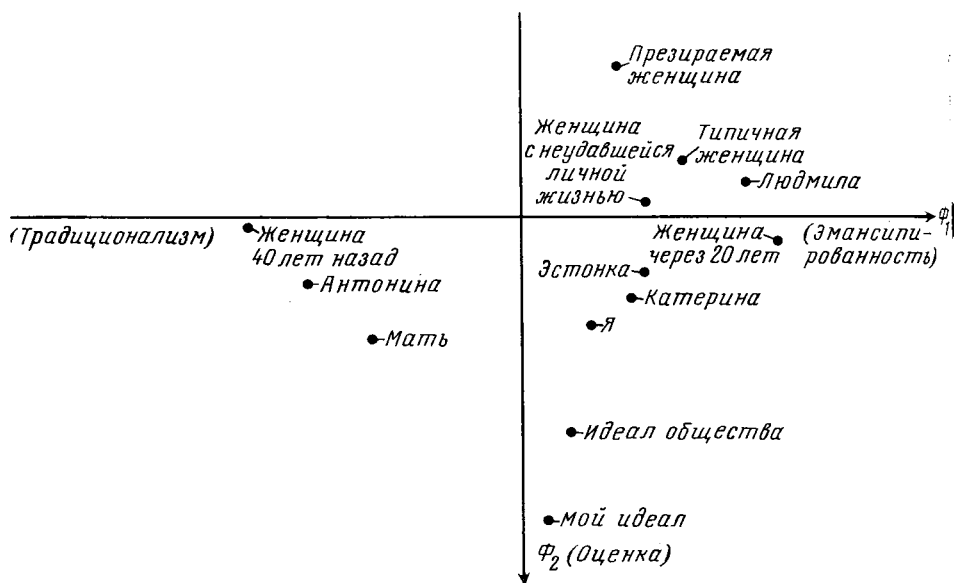

Рис. 2. Ролевые позиции и образы киногероинь художественного фильма «Москва слезам не верит» в семантическом пространстве поступков ($\Phi_1\Phi_2$) для русской выборки

их представления является построение субъективных семантических пространств, являющихся операциональным аналогом категориальных структур индивидуального сознания. Построение семантических пространств основано на использовании факторного анализа. Факторный анализ позволяет уменьшить исходное пространство поступков (в нашем случае 90), по которым дифференцируются ролевые позиции, и свести множество взаимосвязанных (высококоррелирующих) поступков к неким обобщенным факторам, объединяющим сходные поступки в одно измерение. Мерой сходства отдельных поступков является сходство оценок, приписываемых им испытуемыми с различных ролевых позиций. Выделяемые факторы отражают основания классификации, которыми сознательно или неосознанно пользуются испытуемые при сопоставлении этих поступков. При геометрическом представлении данных выделяемые факторы представляются как оси некоторого n -мерного семантического пространства, где мерность пространства определяется числом

независимых, некоррелирующих друг с другом факторов. Ролевые позиции при этом можно представить как точки или векторы внутри этого семантического пространства. Размещение ролевых позиций («я», «моя мать», «идеал женщины с моей точки зрения», «типичная женщина» и т. д.) достигается путем суммирования оценок каждой ролевой позиции по всем поступкам, входящим в этот или иной фактор (группировку поступков), и рассмотрением полученной усредненной оценки как проекции ролевой позиции на ось этого фактора. Выделение проекций ролевой позиции на все выделенные факторы позволяет восстановить ее координаты, представив ее как соответствующую точку внутри n -мерного семантического пространства. Сходство и различие анализируемых ролевых позиций (степень идентификации) будет соответствовать расстоянию между соответствующими ролевыми позициями точками внутри семантического пространства и определяться по формуле $D_{ij} =$

$$= \sqrt{\sum_{k=1}^{k=n} (x_{ik} - x_{jk})^2}, \text{ где } D_{ij} \text{ — расстояние между ролевыми позициями } i$$

и j ; x_{ik} — нагрузка (проекция) ролевой позиции i по фактору k ; x_{jk} — нагрузка ролевой позиции j по фактору k ; n — количество выделенных независимых факторов.

Обработка данных с помощью факторного анализа проводилась методом главных компонент¹⁷.

На азербайджанской выборке было выделено два значимых по критерию Хемфри¹⁸ фактора, объясняющих соответственно 69 и 18% общей дисперсии. Размещение ролевых позиций в пространстве выделенных факторов для азербайджанской выборки представлено на рис. 1.

Первый мощный биполярный фактор включал на одном из полюсов поступки типа:

Познакомиться с парнем на улице, поддержав завязанный им разговор	+0,98
Послать брачное объявление в газету	+0,93
Вступить в интимные отношения с любимым до женитьбы	+0,93
Распоряжаться семейным бюджетом	+0,96
Пойти на конфликт с мужем, так как приходится много времени уделять его родным	+0,98
Курить сигареты	+0,93
Ходить в турпоходы	+0,91
Активно участвовать в общественной жизни	+0,91
Прожить жизнь, не вступая в брак	+0,92
Считать, что лучше развестись с нелюбимым мужем, чем терпеть его ради детей, к которым он внимателен и заботлив	+0,97
Выйти замуж и жить вдали от родителей	+0,97
Стремиться к высшему образованию	+0,87
Принять у себя в доме бывшую подругу мужа	+0,97
Дать мужу пощечину за неуважительное обращение	+0,92
Поехать на отдых с любимым, хотя вы не расписаны	+0,96
Осуждать родителей за то, что вмешиваются в воспитание ребенка	+0,95
Заниматься спортом	+0,83
Употреблять жаргонные словечки	+0,81
Держать дома собаку	+0,81

Величины факторных нагрузок поступков соответствуют проекции вектора поступка на ось фактора и отражают, насколько смысл, заданный данным фактором, выражен в данном поступке. Знак факторной нагрузки содержательного смысла не имеет, а показывает отнесенность поступка к левому или правому полюсу фактора.

Противоположный полюс первого фактора включает, например, поступки:

¹⁷ Харман Г. Современный факторный анализ. М., 1972.

¹⁸ Об этом см. Левандовский Н. Г. О корректности применения факторного анализа//Вопр. психологии. 1980. № 5. С. 138—142.

Бросить учебу ради семьи, если возникнет такой выбор	—0,98
Считать неприличным вмешиваться в разговор между мужем и его друзьями	—0,94
Скорее терпеть придирки свекрови, чем «поставить ее на место»	—0,95
Считать, что материальное обеспечение семьи — дело исключительно мужа	—0,89
Не выйти замуж за любимого, так как этого не хотели твои родители	—0,97

Исходя из того, что наиболее полярными при ранжировании по этому фактору оказались ролевые позиции «женщина через 20 лет» и «женщина 40 лет назад», мы можем назвать этот фактор по содержанию одного из его полюсов фактором «эмансипированности» или «современности» или же по содержанию обоих полюсов фактором «изменения нравов во времени» или просто фактором «времени».

Отметим, что любой поступок может быть рассмотрен с разных позиций и оценен как хороший или как плохой. Например, такое поведение, как «стремиться к высшему образованию», имеет высокую корреляцию с фактором «современность» и положительную оценку, а такой поступок, как «изменить мужу в ответ на его измену», также имеет высокую корреляцию с фактором «современность» и отрицательную оценку (по данным наших испытуемых). Техника факторного анализа позволяет выделить за каждым фактором только какой-то один аспект, одну «чистую линию». Поэтому необходимо подчеркнуть, что группировка поступков по первому фактору следует рассматривать, отвлекаясь от их оценочных компонентов, которые (отметим, забегая вперед) выступил основанием категоризации по второму фактору. Группировка столь разнородных поступков по первому фактору, как «уметь водить машину», «послать брачное объявление в газету», «курить сигареты», «поехать на отдых с любимым, хотя не расписаны» и «заниматься общественной работой» и т. п., обусловлена тем, что помимо своего предметного и этического содержания они несут (для наших испытуемых) еще некоторую знаковую функцию — являются признаками, символами определенной стили жизни — традиционного или современного.

Рассмотрим, например, такой поступок, как «держат дома собаку», вошедший в первый фактор на полюсе «современность». Сам по себе он может характеризовать то, что человек любит животных, и то, что полагает, что собака — надежный сторож, и то, что испытывает определенную потребность в близком, но молчаливом существе, и т. п. Но в контексте, который задает отнесение этого поступка к ролевым позициям «я», «моя мать», «женщина прошлого (40 лет назад)», «женщина будущего (через 20 лет)», «мой идеал женщины» и т. д., он выступает как дескриптор, дифференцирующий эти ролевые позиции по фактору «современный — традиционный» стиль жизни. И здесь есть свое объяснение в рамках национальной культуры. В Азербайджане в отличие от городов Российской Федерации в меньшей степени принято держать дома животных (в частности, собак). Это присуще скорее европейской культуре и может выступать как ориентирующий признак, знак определенного стиля жизни.

Второй фактор азербайджанской выборки, объясняющий 17,5% общей дисперсии, был интерпретирован как фактор «оценка». Основанием такой интерпретации послужило то, что наиболее полярными по этому фактору оказались ролевые позиции «мой идеал», «идеал общества», с одной стороны, и «женщина, которую я презираю» — с другой.

Одобряемыми поступками оказались:

Ежедневно читать газету	—0,79
Уехать в другой город учиться, несмотря на запрет родителей	—0,71
Регулярно смотреть программу «Время»	—0,68
Посещать театр, кино, выставки	—0,69
Выращивать дома цветы	—0,79
Вступить в брак с парнем «не своего социального круга»	—0,69
Испытывать постоянную потребность в новых людях	—0,61
Водить машину	—0,58

Неодобряемыми поступками оказались:

Опаздывать на работу или учебу	+0,81
Побить ребенка за непослушание	+0,97
Посплетничать с соседями	+0,72
Покупать дорогие украшения, чем больше, тем лучше	+0,80
Страдать от чувства одиночества	+0,79

Подчеркнем еще раз, что нагрузку по фактору «оценка» имеют и многие поступки, вошедшие в первый фактор «эмансипированность — традиционализм», но их содержание, связанное с «временной перспективой», «забывает» чисто оценочную компоненту. Ряд поступков типа «водить машину» имеет примерно равные нагрузки и по второму и по первому факторам. Поскольку наиболее контрастными по фактору «оценка» являются ролевые позиции «мой идеал женщины» и «презираемая мною женщина», представляется интересным рассмотреть поступки, приписываемые той и другой роли. Так, если «презираемая» может «рассказывать вольные анекдоты подругам», «проявлять свои чувства в транспорте», «принять приглашение зайти к малознакомому мужчине домой», «первой завязать разговор с понравившимся парнем», «послать брачное объявление в газету» и даже «прожить жизнь, не вступая в брак», то такие формы поведения мало вероятны или совсем исключены для «идеала женщины», в арсенале которой есть поступки типа «писать стихи» и «стремиться к высшему образованию», не свойственные «презираемой». Выявлено только несколько поступков, имеющих сходные оценки по ролевым позициям «идеал» и «презираемая». Так, и «идеал» и «презираемая» одинаково часто «делятся с родителями по поводу семейных ссор» и мало дифференцированы относительно поступка «не пустить домой приятелей мужа, которых он привел из ресторана после 12 часов ночи».

На материале русских испытуемых выделено три значимых фактора, объясняющих соответственно 55, 24 и 9% общей дисперсии.

Содержание первого фактора русской выборки в целом совпадает с содержанием первого фактора азербайджанской выборки. Наиболее популярными по этому фактору также оказались ролевые позиции «женщина 40 лет назад» и «женщина через 20 лет» (см. рис. 2), и первый фактор русской выборки получил сходное наименование как фактор «эмансипированность — традициональность».

Группировка шкал по первому фактору русской выборки также соответствовала с небольшим различием группировке шкал по первому фактору азербайджанской выборки.

Так, на одном полюсе оказались поступки типа:

Познакомиться с парнем на улице, поддерживая завязанный им разговор	+0,89
Послать брачное объявление в газету	+0,89
Вступить в интимные отношения с любимым до женитьбы	+0,93
Распоряжаться семейным бюджетом	+0,78
Пойти на конфликт с мужем, так как приходится много времени уделять его родным	+0,73
Курить сигареты	+0,73
Ходить в турпоходы	+0,76
Активно участвовать в общественной жизни	+0,72
Прожить жизнь, не вступая в брак	+0,71

Противоположный полюс первого фактора объединял поступки типа:

Бросить учебу ради семьи	—0,89
Считать неприличным вмешиваться в разговор между мужем и его друзьями	—0,93
Скорее терпеть придирки свекрови, чем поставить ее на место	—0,87
Считать, что материальное обеспечение семьи — дело исключительно мужа	—0,82

Сопоставление азербайджанской и русской выборок по первому фактору. Сходная картина группировки поступков по фактору «эмансипированность» говорит о том, что интерпретация этих поступков как выра-

жающих «современный» или традиционалистский стиль жизни в целом совпадает в азербайджанской и русской культуре. Налицо несомнительные отличия. Так, поступки «делиться с матерью по поводу отчислений с любимым» и «не впустить в дом приятелей мужа, которых привел из ресторана в 12 часов ночи» попали на полюс «эмансипированность» в азербайджанской выборке и на полюс «традиционализм» (патриархальность) — в русской. Наряду со сходной интерпретацией поступков по «стилю жизни» по результатам оценок двух групп имеется ряд различий. Первое, что бросается в глаза: нагрузки поступков, входящих в первый фактор, для русской выборки ниже, чем для азербайджанской. Величина факторной нагрузки поступка (т. е. корреляция фактора с вектором, описывающим поступок) показывает, насколько сильнее тот смысл (соответствующий содержанию фактора), в котором выступает этот поступок в сознании испытуемых. Чем выше факторная нагрузка поступка, тем рельефнее в данном случае качество эмансипированности или традиционализма (если знак факторной нагрузки противоположный) приписывается данному поведению. Например, «курить сигареты» имеет $r=0,93$ для азербайджанской выборки и $r=0,7$ для русской; «ходить в турпоходы» — $r=0,91$ для азербайджанок и $r=0,7$ для русских и т. д.

Ряд поступков, имевших в азербайджанской выборке доминирующую нагрузку по первому фактору «современность — традиционализм» выпали из этого фактора на выборке русских испытуемых и вошли в другие факторы, описывающие другие аспекты поведения. Это такие поступки, как «прожить жизнь, не вступая в брак», «не выйти замуж за любимого, так как этого не хотели родители», «пойти на конфликт с мужем, так как много времени приходится уделять его родителям», «регулярно смотреть программу „Время“» и т. п. Например, поступок «сделать мужу замечание в присутствии его друзей» для русской выборки является не столь значимым с точки зрения «эмансипированности — традиционализма», а как показатель плохого отношения между супругами вошел в фактор «оценка». Еще раз подчеркнем, что и для азербайджанской выборки этот поступок оценивается негативно, но его символическое значение «эмансипированность — традиционализм» для сознания азербайджанок выступает более рельефно, чем для сознания русских испытуемых. Для русской выборки набор поступков, объединенных по фактору «эмансипированность — традиционализм», дополнился только одной формой поведения — «выращивать дома цветы», которая в азербайджанской выборке попала в фактор «оценка» (положительная), а в русской выборке вошла в первый фактор на полюс «традиционализма».

Меньшее количество поступков, попадающих в русскую выборку в первый фактор, и несколько меньшие величины факторных нагрузок этих поступков приводят к тому, что мощность первого фактора (вклада фактора в общую дисперсию) в русской выборке ниже, чем в азербайджанской (55% для русской выборки против 69% для азербайджанской).

Известно, что мощность фактора отражает субъективную значимость основания категоризации, соответствующего этому фактору. Субъективная значимость признака «эмансипированность — традиционализм», высокая для обеих выборок, оказалась тем не менее выше для азербайджанок. Большее количество поступков и с большим весом (большей значимостью) рассматривалось ими под таким углом зрения. Эти результаты не являются неожиданными. В силу ряда социально-исторических причин у народов Закавказья, и особенно у исторически связанных с мусульманством, существовала резкая полярность половых ролей, культивирующая доминантность мужчин и покорность женщин¹⁹. В проведенном нами совместно с Л. А. Алиевой ассоциативном эксперименте на ключевой стимул «идеальная девушка» наиболее высокочастотными ассоциациями в выборке азербайджанских девушек оказа-

¹⁹ Вагабов М. В. Ислам и семья. М., 1980.

лись качества «гордая», «недоступная», в то время как у русских девушек — качества «мягкая» и «добрая».

Большая чувствительность испытуемых азербайджанок к фактору «эмансипированность — традициональность» (а качества «гордая» и «недоступная», подразумевая некоторое «охранительное» поведение, очевидно, также затрагивают этот фактор) еще не говорит о том, что любая азербайджанка выбирает в своем поведении полюс «традициональности». Остановимся на этом подробнее. Поведение как «длящийся текст» (выражение С. А. Арутюнова) является поступком тогда, когда есть ряд альтернативных интерпретаций и оценок этого поведения с позиций различных нравственных эталонов и систем ценностей. Например, сидеть в вагоне метро не является поступком в указанном смысле, но сидеть в том же вагоне метро, когда рядом стоит пожилая женщина, — это уже поступок, так как поведение может быть оценено по нравственным меркам. Открыть лицо, сбросив паранджу, для женщины в 1920-х годах на мусульманском Востоке или, если брать более близкий пример, появиться в брюках в 1950-х годах в большом русском городе означало поступок, так как допускало различную интерпретацию и оценку и несло символическую, знаковую функцию, прочитывалось как знак эмансипированного поведения. В настоящее время эти формы поведения, став привычными, не вызывают ни одобрения, ни порицания и поступком не являются. Поведение может быть поступком для лица, совершающего его, и не являться таковым для окружающих, и, наоборот, человек может совершать в рамках незнакомой ему культуры поступок и не осознавать этого. Например, турист, зашедший по незнанию в опасный район капиталистического города, совершает легкомысленный поступок с позиций жителя этого города.

Возвращаясь к нашему эксперименту, отметим, что наличие фактора, отражающего некоторый значимый аспект поведения, в нашем случае качества «современность — традиционализм», не говорит о том, что во всех случаях жизни человек автоматически выбирает поведение, соответствующее одному из полюсов этого фактора, но показывает, что среди многочисленных аспектов, по которым оценивается тот или иной поступок, данный аспект является весьма существенным и вносящим свой вклад в проблему выбора. Выбор же остается за самим человеком.

Второй фактор русской выборки, объясняющий 24% общей дисперсии, был интерпретирован как фактор «оценка». Основанием такой интерпретации послужило то, что наиболее полярными по этому фактору оказались ролевые позиции «мой идеал», «идеал общества», с одной стороны, и «женщина, которую я презираю» — с другой.

Одобряемыми поступками оказались:

Стремиться к высшему образованию	—0,73
Ходить в турпоходы	—0,61
Быть гостеприимной с друзьями мужа, которые тебе не нравятся	—0,73
Ежедневно читать газеты	—0,76
Считать, что проявление эмоций допустимо только наедине с собой	—0,72
Развестись с любимым мужем, узнав, что у него есть любовница	—0,81
Регулярно заниматься спортом	—0,75
Посещать театры, кино, выставки	—0,64

Неодобряемыми поступками оказались:

Вскрыть и прочесть письмо, пришедшее твоему мужу от незнакомой тебе женщины	+0,98
Побить своего ребенка за непослушание	+0,92
Делиться с родителями по поводу семейных ссор	+0,83
Скрыть от мужа, что сделала дорогую покупку	+0,92
Считать, что материальное обеспечение семьи — дело исключительно мужа	+0,71
Пойти на конфликт с мужем, так как приходится слишком много времени уделять его родственникам	+0,68
Прожить жизнь, не вступая в брак	+0,76
Рассказывать коллегам по работе о конфликте с мужем	+0,86
Страдать от чувства одиночества	+0,67
	3*

Такое распределение поступков на «хорошо» и «плохо» в сознании наших испытуемых отражает нормативные знания и, конечно, может, всегда совпадать с их реальным поведением. Например, полагая, что «вскрыть и прочесть письмо, пришедшее мужу от незнакомой женщины неэтично, в реальной ситуации наша испытуемая может совершить такой поступок, оправдывая его следующим образом: «Здесь особый случай... так как очень странно... письмо от незнакомого человека», либо «...мы ничего не скрываем друг от друга», либо «...по отношению к кому негодяю нельзя себя вести иначе...» и т. п. Возможно также, что под влиянием импульса она вскрыет письмо, а потом забудет об этом действии, вытеснив его из памяти, либо расплатится за нарушение этической нормы, которую сама же признает, снижением самооценки самоуважения. В реальной ситуации, когда совершается негативный поступок, все эти моменты, как правило, присутствуют в комплексе редко какой-либо защитный механизм полностью предохраняет ее от отрицательных переживаний или, наоборот, вслед за самообвинением уколами совести не включаются защитные механизмы самооправдания.

Сопоставление поступков, приписываемых двум полярным фактору «оценка» ролевым позициям «идеал женщины с моей точки зрения» и «презираемая мной женщина», показало, что для целого ряда поступков эти ролевые позиции оказались для русской выборки не столь контрастными, как для азербайджанской.

Так, *сходные оценки* для «идеала» и «презираемой» получили поступки: вступить в интимные отношения с любимым до женитьбы; выйти замуж и жить вдали от родителей; встретив старого знакомого, пригласить его домой, хотя муж в отъезде и т. п.

Наиболее контрастными для ролевых позиций «идеала» и «презираемой» оказались поступки: перепродавать вещи с целью подзаработать...; рассказывать сослуживцам о ссорах с мужем; стараться не терять выгодных знакомств; скрыть от мужа, что сделала дорогую покупку; не выйти замуж за любимого, так как родители были против.

Таким образом, при общей сходной картине оценок у азербайджанских и русских девушек первые делают больший акцент на осуждении нарушений правил поведения в интимно-личностной сфере, в то время как вторые — на осуждении социально неприемлемых форм поведения.

Слабый третий фактор, объясняющий 9,1% вклада в общую дисперсию, включает следующий ряд поступков на одном из полюсов:

Держать дома животных	+0,76
Быть гостеприимной с друзьями мужа, которые тебе не нравятся	+0,63
Иметь дома домработницу	+0,61
Ходить на танцы или дискотеку	+0,52
Испытывать постоянную потребность в новых людях	+0,51
Делиться с матерью по поводу отношений с парнем	+0,53

Противоположный полюс этого фактора представлен поступками типа:

Переживать бессмысленность своей жизни	—0,61
Уходить из дома, когда дети устраивают вечеринку	—0,58

Небольшое число шкал, вошедших в слабый, но тем не менее статистически значимый третий фактор, затрудняет его интерпретацию. Можно полагать, что он связан с контактностью, общительностью, потребностью в наличии рядом другого живого существа в противоположность некоторой замкнутости, аутизации. Назовем этот фактор по его более выраженному полюсу фактором «общительность».

Отметим, что большинство поступков, вошедших в третий фактор, имеет также значимые нагрузки и по предыдущим факторам. Например поступок «быть гостеприимной с друзьями мужа, которые тебе не нравятся» имеет положительную оценку по фактору «оценка» и примерно равную нагрузку по фактору «общительность», а поступок «иметь домработницу» имеет положительную нагрузку по фактору «общительность».

ность» и отрицательную нагрузку по фактору «оценка». Тем не менее наличие третьего фактора «общительность» наряду с первым фактором «эмансипированность — традиционализм», в целом независимых от фактора «оценка», вобравшего поступки с наиболее яркой оценочной компонентой, позволяет построить двухмерное пространство поступков на базе этих двух более дескриптивных — скорее описывающих, чем оценивающих, факторов и разместить в нем интересующие нас ролевые позиции.

Наличие такого семантического пространства, из которого выведены наиболее оценочные поступки (фактор 2), позволяет проанализировать ценностные ролевые позиции «мой идеал», «идеал общества», «женщина с неудавшейся личной жизнью» и «презираемая женщина» не по их оценочным компонентам, где результат заведомо ясен («идеал» — хорошо, «презираемая» — плохо), а описать эти образы через различия в поступках, так сказать, на уровне стилистики поведения. Так, неожиданной оказалась близость ролевых позиций «типичная женщина» и «женщина с неудавшейся личной жизнью» для русской выборки. Возможно, в этом результате сказалась профессиональная принадлежность наших испытуемых студенток-филологов. Для русской классической литературы достаточно характерным является образ страдающих героинь (вспомним героинь Пушкина, Достоевского, Толстого, Чехова).

Выделенные нами в эксперименте факторные нагрузки поступков внутри социокультурных матриц поведения или, другими словами, построенные субъективные, «поведенческие» семантические пространства позволяют, не проводя дополнительной факторизации данных, размещать в них (по данным оценок) наряду с ролевыми позициями образы литературных героев, персонажей кино- и телефильмов и т. п. Так, для наших русских испытуемых было проведено (на базе нашего набора поступков) шкалирование персонажей популярного художественного кинофильма «Москва слезам не верит» режиссера В. Меньшова. Три судьбы простых рабочих девушек даны в этом фильме как притча о трех путях достижения личного счастья. Героини этого фильма Катерина, Людмила и Антонина попадают в три различных квадранта нашего двухмерного семантического пространства. Скромная ткачиха Антонина (артистка Рязанова), избравшая путь надежного семейного счастья, выйдя замуж за парня из своей рабочей бригады, оказалась в семантическом пространстве рядом с ролевыми позициями «моя мать» и «женщина 40 лет назад». Сверхобщительная, современная, эмансипированная Людмила (артистка Муравьева), всю жизнь гонявшаяся за призрачным «журавлем в небе», оказалась рядом с ролевыми позициями «женщина с неудавшейся личной жизнью» и «типичная женщина». Главная героиня фильма Катерина (артистка Алентова), скромная, но современная волевая девушка, добившаяся счастья в жизни трудом и упорством, наиболее близка к ролевым позициям «я сама» и «мой идеал женщины». Такая возможность идентификации героини фильма с «идеалом» делает понятным успех фильма у широкого круга зрителей.

Подводя итог проделанной работе, хотелось бы подчеркнуть, что полученные результаты кросскультурного сопоставления характеризуют только определенные социальные группы (студентов, а еще уже — студенток-филологов). Более широкие обобщения требуют и более представительных выборок испытуемых. Предложенная читателю работа это скорее иллюстрация психосемантического подхода к выделению национальных стереотипов, понимание которых является необходимым компонентом межличностного восприятия и общения. Построение субъективных семантических пространств на базе поступков открывает, в частности, возможность построения словарей коннотативных значений не только для лексических единиц, но и для мимики, жестов, поступков (которые можно задавать не через их вербальное описание, а посредством видео-, теле- и кинозаписи). Размещение в семантических пространствах построенных на материале различных национальных культур фольклорных и литературных персонажей, конкретных исторических и

современных политических деятелей и т. д. позволяет реконструировать миропонимание и мироощущение, систему национальных стереотипов различных содержательных сферах у представителей различных национальных культур и социальных групп. Задачи обучения иностранному языку, понимаемые в широком контексте обучения общению в рамках другой национальной культуры, широкие международные контакты осуществляемые нашей страной, задачи идеологической борьбы и пропаганды делают задачу изучения национальных стереотипов и категориальных структур межличностного восприятия различных национальных областей и этносов весьма актуальной и перспективной.

Ю. Д. Анчабадзе

**НАРОДНОЕ ИСКУССТВО
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ
(социальная роль и перспективы развития)**

В последние десятилетия все более возрастает широкий общественный интерес к народному искусству — как к его традиционным образцам, так и к современным формам. Для скептиков это явилось полной неожиданностью. Ведь еще сравнительно недавно народному искусству предрекали весьма печальную участь: считалось, что оно не найдет себе места в культурном потенциале будущего «технотронного» общества, что сработанные прадедовскими способами незатейливые предметы не впишутся в дизайнерские интерьеры жилых и общественных зданий, а потому народное искусство, как явный анахронизм, обречено на постепенное исчезновение. Единственным прибежищем, где оно могло спастись от полного забвения, объявлялись музейные залы, в которых можно было бы время от времени посмотреть на экзотическую старину.

Справедливости ради нужно сказать, что для подобных пророчеств были известные основания. Опыт европейских стран показал, что развитие мануфактурного, а впоследствии промышленного производства создавало практически непреодолимую конкуренцию крестьянским промыслам и ремеслам, вследствие чего народное искусство лишалось экономических основ существования. Это привело к тому, что за период XIX в. и до 1920—1930-х годов живая традиция народного искусства в некоторых развитых странах Запада почти полностью угасла. Вероятно, такая же участь постигла бы народное искусство и в России. В последние предреволюционные десятилетия большинство наших художественных промыслов и кустарных ремесел переживало кризис, что было блестяще проанализировано В. И. Лениным в его классическом труде «Развитие капитализма в России».

В Афро-Азиатском и Латиноамериканском регионах традиции народного искусства не были прерваны, более того, проявляли стойкость и жизнеспособность, что детерминировалось условиями патриархального быта, в которых пребывало большинство населения неевропейских ойкумен. Однако судьба народного искусства в этих регионах в обозримой исторической перспективе также не внушала радужных надежд. Во-первых, не было никаких оснований для предположения, что при столкновении с грядущей индустриализацией народное искусство стран Афро-Азиатского и Латиноамериканского регионов не повторит европейский опыт. Во-вторых, уже наблюдались факты, которые как будто говорили об этом. Процесс вестернизации сопровождается, как правило, отказом от традиционных ценностей этнической, национальной культуры и частичным или же полным восприятием американско-европейских стандартов, в том числе и в духовной культуре.

Однако наиболее трагичным для исторических судеб народного искусства было последовательное снижение к нему широкого общественного интереса. Правда, в отдельные периоды под влиянием определенных социально-экономических и общественно-политических условий внимание к народному искусству вновь усиливалось. Так, эпоха европейского романтизма начала XIX в. принесла увлечение народной культурой, фольклором, идеями существования некоего «национального духа» и т. д. Широкое демократическое движение в России, связанное с борьбой за отмену крепостного права, с особой остротой поставило вопрос о роли крестьянства в будущем социальном преобразовании страны, о традиционных духовных ценностях народа, что, естественно, обусловило и интерес к крестьянскому искусству. Освобождение от османского ига и становление национальной государственности в странах Южной и Юго-Восточной Европы в 70-х годах XIX в. способствовали выработке соответствующих концепций национальной художественной культуры, подчеркивающих необходимость опоры на национальные традиции в искусстве и литературе. Эпохальное событие в художественной жизни Европы связано с состоявшейся в начале XX в. в Париже выставкой традиционного африканского искусства, повлиявшей на творчество многих видных художников, обратившихся к пластике и образам народного искусства далекого континента (П. Пикассо и др.).

И все же нетрудно заметить, что во все предшествующие периоды интерес к народному искусству зарождался лишь в узкой среде интеллигенции, у наиболее образованных людей, зачастую патристически настроенных, а также у исследователей, профессионально занимавшихся изучением народного искусства. Они собирали произведения народных мастеров¹, пропагандировали их, пытались возродить угасающие ремесла. Такова была деятельность Д. Рескина и У. Морриса в Англии, Ц. К. Норвида в Польше, абрамцевского кружка в России и т. д.

В настоящее время мы столкнулись с качественно иной ситуацией. К народному искусству проявляют интерес широкие слои населения, независимо от своей социальной принадлежности. Казалось бы, забытые или полужабытые художественные и духовные ценности народного искусства снова актуализируются, человек пристально вглядывается в удивительный мир народного творчества и как бы заново открывает для себя огромный пласт отечественной культуры.

Общественный интерес к народному искусству и в СССР и в странах Запада пробудился в послевоенное время. Первым проявлением его было начало массовой собирательской деятельности, когда сотни любителей ринулись в сельские районы, на хутора, к бабушкиным сундукам в надежде стать счастливыми обладателями предметов заветной старины. Одновременно росли музейные коллекции предметов народного творчества, а главное, открывались новые музеи, специализировавшиеся на показе традиционного быта и искусства². Популярными и у нас и на Западе стали также фольклорные фестивали, обязательной частью которых является демонстрация работ народных мастеров.

Усиливающийся интерес к народному искусству не остался незамеченным средствами массовой информации: телевидение, радио, пресса стали все чаще обращаться к соответствующему материалу. Наконец, народное искусство вошло в сферу туристического бизнеса.

В США и Канаде также возросло внимание к народному искусству, прежде всего аборигенного населения континента — индейцев и эскимосов. Правительство Канады, например, рассматривает это искусство как

¹ Смолицкий В. Первые коллекции народного искусства//Декор. искусство СССР (далее — ДИ СССР). 1979. № 9.

² Например, известные в Великобритании музеи — Народный музей Уэльса и Народный музей Райдел открылись соответственно в 1946 и 1962 гг.; Музей народного искусства Кипра — в 1950 г. и т. д. См. Уорнер Э. Некоторые аспекты изучения и популяризации народной культуры в Великобритании//Сов. этнография (далее — СЭ). 1980. № 3: Евтух В. Б. Музей народного искусства Кипра//СЭ. 1985. № 6.

составную часть современной культуры страны, уникальную историческую ценность³.

Как уже говорилось, традиции афро-азиатского и латиноамериканского народного искусства не были столь сильно подорваны, тем не менее в странах «третьего мира» также имела место определенная эволюция общественного сознания, и в настоящее время там все настойчивей говорят о необходимости сохранения культурного наследия, о непреходящей ценности художественной традиции своих народов, о роли, которую эти традиции призваны сыграть в будущем. С этим же связана инициатива ряда африканских стран, поднявших вопрос о возвращении предметов традиционного африканского искусства из европейских и американских музеев и частных собраний на родину, в те страны, с территории которых они были в свое время вывезены⁴.

Наконец, нельзя не отметить, что за последние десятилетия резко интенсифицировалось изучение народного искусства. В 1950—1960-е годы в разных странах мира начали выходить новые научные журналы или возобновились старые, специально посвященные вопросам народного искусства. Из года в год увеличивается число книг, монографий и сборников, в которых обсуждаются проблемы народного искусства. Большой популярностью пользуются альбомы с репродукциями произведений народных мастеров, причем иные из них по качеству бумаги и мастерству полиграфического исполнения соперничают с роскошными изданиями, посвященными гениям живописи и ваяния.

Какие же познавательные задачи встают перед исследователем, избравшим объектом приложения своих творческих сил народное искусство? Основной их круг — задачи традиционные, сопряженные с тем обстоятельством, что при изучении народного искусства специалист прежде всего имеет дело с вещью, конкретным произведением, которое обладает неповторимыми художественными особенностями, соответствующей функциональной, этнической, хронологической и другими характеристиками. Уже только само сочетание последних в одном предмете делает его изучение очень интересным, но крайне сложным занятием.

В то же время вполне правомерно, абстрагируясь от вещности, предметной основы, а также этнической маркированности народного искусства, анализировать его как некий общественный феномен, функционирующий в качестве макроединицы социального процесса, вносящей наряду с другими свой вклад — позитивный или негативный — в поступательное движение человечества.

Рассмотрение объекта под этим углом зрения предоставляет практически неисчерпаемые возможности для постановки ряда исследовательских задач. Дело в том, что любое социальное явление, любой социальный объект, будучи включенным в определенную систему, может быть представлен в виде многомерной модели, обнаруживающей множественные и разнообразные связи с другими объектами системы. Последняя в данном случае — это общество, социум. Иными словами, народное искусство многими нитями связано с самыми различными сторонами действительности. В одном случае эти связи лежат на поверхности, они очевидны, в другом — опосредованы и, на первый взгляд, не обнаруживают между собой явных точек соприкосновения. Однако они могут быть выявлены при проведении специального анализа, который в ряде случаев необходим, иначе мы обедненно, а следовательно, неверно будем представлять себе роль, значение и функции народного искусства в современном мире.

Нужно сказать, что этот исследовательский аспект — народное искусство в контексте современной культуры — уже привлекал внимание специалистов. Толчком к интенсификации соответствующих работ послужило известное постановление ЦК КПСС «О народных художест-

³ Иванов В. А. Канада: проблемы национальной культуры // США: экономика, политика, идеология. 1985. № 2.

⁴ Эйло Э. Сохранение культурного наследия Африки // Курьер ЮНЕСКО. 1967. Июнь.

женных промыслах» (1975)⁵. В 1976 г. состоялась Всесоюзная конференция по проблемам развития современного народного искусства в свете этого постановления ЦК КПСС, на которой М. А. Некрасова сделала доклад о народном искусстве как части культуры. Впоследствии немалый вклад в изучение проблемы внесли Т. М. Разина, С. Б. Рождественская, П. И. Уткин, А. С. Канцедикас и другие исследователи. Однако, думаю, не ошибусь, если скажу, что проблема эта далеко не решена.

Между тем представляется, что сейчас это одна из главных исследовательских проблем, стоящих перед специалистами. Без четкого представления о месте народного искусства в современной культуре, без уяснения его роли и функций в современном общественно-политическом процессе сложнее решать и связанные с народным искусством более частные задачи, как исследовательского, так и чисто практического характера, связанные, например, с музейной работой, организацией выставок и т. д.

Один из важнейших вопросов, которые подразумевает затронутая нами тема,—это причины сохранения и дальнейшего нарастания общественного интереса к народному искусству в наши дни. Исследователи объясняют его по-разному. Так, П. И. Уткин связывает повышенный интерес к произведениям народных мастеров с развитием туризма и как следствие этого — с расширением производства национальных сувениров; стремлением современного человека найти в образах народного искусства и в мире создаваемых им вещей духовную разрядку от активного наступления техники, олицетворяющей век современной цивилизации; отражением в работах народных мастеров духовной жизни народа, его идеалов, представлений о красоте, добре, счастье, универсальных творческих способностей человека⁶. А. С. Канцедикас считает, что интерес к народному искусству обусловлен двумя факторами. С одной стороны, рукотворная вещь, создаваемая народным мастером, призвана «разрушить стандартность нашего окружения, внести в окружающую среду элемент непосредственного человеческого чувства», с другой — в противовес окружающим нас предметам из искусственных материалов, «отделяющих нас от природы», произведения народных мастеров «хранят дыхание природы, очеловеченную многовековой практикой теплоту естественных материалов»⁷.

Трудно отказать названным авторам в наблюдательности и оригинальности подхода к затрагиваемым вопросам. Приводимые ими факторы, безусловно, стимулируют — в той или иной степени — отмечаемый ныне всеобщий интерес к народному искусству, однако представляется, что правильное объяснение его возможно лишь в контексте более широкого движения в современной общественной жизни — роста национального самосознания⁸.

Со второй половины 1950-х годов в мире наблюдается заметный подъем национального самосознания. Внешние проявления этого процесса различны. В глобальном масштабе он сопровождается осознанием каждым представителем определенной этнической общности национальных интересов своего народа в области экономики, политики, культуры. Актуализация этого чувства может иметь порой негативные последствия, ибо служит питательной средой для возникновения межнациональных противоречий и национализма. Однако требуют внимания и позитивные стороны данного процесса, ибо во многом именно здесь заложены еще неиспользованные резервы преодоления тенденций роста бездуховности, мещанства, односторонней пассивной потребительщины.

⁵ См. Правда. 1975. 27 февр.

⁶ Уткин П. И. Народные художественные промыслы и современная культура//Народные художественные промыслы и современная культура. М., 1980. С. 47—48.

⁷ Канцедикас А. С. Традиции народного искусства и современная культура//Народные художественные промыслы. Теория и практика. М., 1982. С. 72—73.

⁸ Под национальным самосознанием понимается «осознание субъектом совокупности своих национальных (этнических) связей и своего отношения к ним». См. Дробжишева Л. М. Национальное самосознание: база формирования и социально-культурные стимулы развития//СЭ. 1985. № 5. С. 4.

На обыденном уровне национальное самосознание проявляется различных формах. Это и массовый интерес к историческому прошлому своего народа, к личностям выдающихся соотечественников, прославивших своими деяниями Родину; и ставшее столь характерным туристическое паломничество к национальным святыням, памятным местам и енной и культурной истории страны; и приобщение современного урбанизированного человека к национальному фольклору (участие, например, в самодеятельных песенных и танцевальных коллективах); и наконец; иногда вполне осознанное, но чаще неосознанное стремление человека подчеркнуть свою этническую принадлежность. И вот мы видим в современном, этнически безликом городском костюме какую-нибудь этноспецифическую деталь: ею может быть традиционный национальный головной убор или пояс, или же использованный в качестве украшения элемент традиционного орнамента. Точно так же человек стремится ввести этнические акценты в интерьер своего жилища: на стену вешается старинный кинжал или икона, где-нибудь на видном месте ставится декоративный сосуд традиционной формы и т. д.

При этом нужно отметить определенную парадоксальность складывающейся ситуации. Наблюдаемый ныне рост этнического самосознания протекает на фоне мощных этноинтеграционных процессов, в результате которых этнические особенности культуры постепенно нивелируются. Ярче всего интеграция проявляется в материальной сфере культуры. На крайней мере в экономически развитых странах такие ее элементы, как одежда, жилище, производственно-технологические процессы, практически лишены какой бы то ни было этнической окраски, они интернациональны, в основном стандартизованы и не несут никакой этнической информации. Так, если отвлечься от прочих признаков, то, например по одежде трудно определить национальную принадлежность человека и с достоверностью сказать, кто он — поляк, испанец или швед.

В сфере же духовной культуры (в отличие от материальной) локально-этническая вариативность еще прочно удерживается. Такие элементы духовной культуры, как язык, фольклор, традиционные поведенческие нормы у каждого народа индивидуальны, неповторимы, в них ярко проявляются специфические национальные черты. Поэтому неудивительно, что именно духовная культура, те или иные ее компоненты часто становятся символами, вокруг которых как бы концентрируются национальные переживания народа, выливающиеся порой в массовые акции борьбы за равноправие или расширение сфер функционирования родного языка, либо в сознательное поддерживание и следование национальным обычаям и т. д.

Народное искусство естественным образом попадает в число таких компонентов, ибо по сути своей оно — один из наиболее этнических пластов духовной культуры, представляющий своеобразный сгусток национальных традиций. Формирование последних может быть исторически очень глубоким, а может восходить и к не столь отдаленному прошлому. Более того, при ближайшем рассмотрении они могут оказаться «фольклоризмами», вторичными формами, имеющими лишь чисто внешнюю, а не генетическую связь с некогда бытовавшими традициями⁹. Однако в любом случае на уровне обыденного сознания происхождение видов и жанров народного искусства всегда ассоциируется современным человеком с достаточно далеким прошлым, а сами они окружены притягательным ореолом «своей», исконно национальной традиции. В этом несколько идеализированном представлении безусловно есть известная доля правды. Народному искусству, как никакому другому виду творческой деятельности человека, удалось донести до сегодняшнего дня отголоски древнего мировоззрения наших предков, сложившуюся в их среде систему эстетических категорий, мифологические ассоциации, уносящие в сказочный, фольклорный мир детства. Как верно заметил

⁹ Чистов К. В. Проблема «вторичных» форм в фольклористике и этнографии // Расы и народы. Т. 5. М., 1975; *его же*. Народные традиции и фольклор. Л., 1986.

В. М. Василенко, «ценность народного искусства... в том, что оно представляет мир подлинной народной культуры и в соединении с фольклором составляет органическое целое»¹⁰. Добавим, что ценность и притягательность народного искусства заключается еще и в том, что в нем находят зримое выражение традиционное бытие народа, неразрывная связь с глубинными пластами этнической культуры. Недаром специалисты считают народное искусство одной из форм этнического сознания¹¹.

Таким образом, актуализация этнических аспектов современной жизни во многом обусловила широкий общественный интерес к народному искусству. Последнее играет в настоящее время весьма значительную роль в культурном потенциале человечества. К сожалению, эта роль еще не до конца осмыслена нами. В какой-то мере это понятно. Явление должно «отстояться», полностью оформиться, должны проявиться все его существенные черты, прежде чем оно сможет быть поставлено в соответствующий теоретический ряд. Однако уже сейчас представляется очевидным, что ограничить сферу функционирования народного искусства лишь областью духовной культуры было бы неверно. Как отмечает М. А. Некрасова, «народное искусство... несет широкую культурную информацию, всегда *выходящую за пределы чисто эстетического восприятия*»¹² (курсив мой.— Ю. А.).

И все-таки главнейшую социальную функцию народного искусства можно определить как художественно-эстетическую. Она изначально присуща любому виду искусства, ибо само возникновение его как вида трудовой деятельности и формы общественного сознания было, по всей вероятности, обусловлено какими-то глубинными, биологически заданными потребностями формирующегося сознания человека в эстетизации среды своего обитания. Однако позднейшее сужение сферы бытования народного искусства, оттеснение его на периферию социальной жизни редуцировало и свойственную ему художественно-эстетическую функцию. Естественно, такая судьба постигла народное искусство только в экономически развитых странах мира. В обществах же, отставших в своем социально-экономическом развитии, народное искусство вследствие стабильности устоев патриархально-крестьянского быта продолжало и продолжает сохранять свою важнейшую социальную функцию¹³.

В то же время, как уже говорилось, последние десятилетия ознаменовались актуализацией художественных ценностей народного искусства и в экономически развитых странах, что непосредственно связано с наблюдаемым здесь резким ростом интереса к художественному творчеству народных масс. Народное искусство заняло подобающее ему место в нашем эстетическом мировоззрении, наконец-то отрешившемся от снобистского отношения к крестьянскому ремеслу. Практика показывает, что в настоящее время народное искусство «активно влияет на формирование художественных вкусов, обогащает профессиональное искусство и выразительные средства промышленной эстетики»¹⁴. Вероятно, роль и значение народного искусства и в дальнейшем будут возрастать, и, следовательно, оно в полной мере сможет выполнять свою основную функцию — художественно-эстетическую.

¹⁰ Василенко В. М. О развитии народного искусства//Творческие проблемы современных народных художественных промыслов. Л., 1981. С. 45.

¹¹ См., например, Рождественская С. Б. Русская народная художественная традиция в современном обществе. Архитектурный декор и художественные промыслы. М., 1981. С. 196.

¹² Некрасова М. А. Актуальные проблемы теории и практики народного искусства в свете постановления ЦК КПСС «О народных художественных промыслах»//Проблемы народного искусства. М., 1982. С. 9—10; см. также фундаментальную работу М. А. Некрасовой «Народное искусство как часть культуры. Теория и практика» (М., 1983).

¹³ Следует отметить, что социальные функции народного искусства в странах «третьего мира» обладают рядом специфических черт. См. об этом специальную работу: Мириманов В. Социальные функции традиционного народного искусства//Искусство. 1971. № 8.

¹⁴ Постановление ЦК КПСС «О народных художественных промыслах»//Правда. 1975. 27 февр.

Другие социальные функции народного искусства не столь очевидны и зачастую реализуются вне сферы художественной культуры. Тем не менее они являются неотъемлемыми характеристиками современной формы бытования народного искусства, поэтому нуждаются в изучении и анализе. Автор сознает, что, возможно, не все функции народного искусства попадут в поле его зрения, а какие-то из названных покажутся спорными. Во всяком случае, ясно, что предстоит еще немало работы, прежде чем мы сможем адекватно представить роль народного искусства в современном мире.

Думается, что одну из функций народного искусства можно определить как этнознаковую. Выше уже отмечалось, что наблюдаемый ныне интерес к народному искусству во многом связан с ростом национального самосознания. Последнее включает множество разнообразных оттенков и нюансов, зависящих от социального, профессионального и культурного статуса и опыта личности. Однако характернейшим его свойством является вычленение из окружающей действительности этноспецифических элементов, несущих национальную окраску. Эти элементы — они могут относиться и к духовной и к материальной сферам культуры — становятся как бы символами, знаками этничности, наглядным проявлением «своей», национальной традиции, которую обычно культивируют, духовно поддерживают, противопоставляя типичным для современного быта процессам этнической нивелировки.

В таком контексте тот или иной этнически маркированный элемент культуры, с одной стороны, как бы объединяет, интегрирует определенную общность (локальная, этническая группа, этнос), ибо он — ее неотъемлемая традиция, с другой — противопоставляет данную группу другим, не обладающим этим элементом культуры, однако, являющимся в свою очередь носителями иных, но столь же уникальных и неповторимых национальных традиций в области культуры¹⁵.

Будучи глубоко этничным по своей природе, народное искусство легко приобретает этнознаковую функцию. Отчетливая национальная принадлежность произведений народного искусства, его древние традиции, яркое своеобразие современных форм бытования — все это в немалой степени способствует укреплению чувства национального самосознания, законной гордости за свой народ и сделанный им вклад в общечеловеческую сокровищницу художественных ценностей.

Этнознаковая функция народного искусства порой принимает «буквальный» характер, когда на уровне обыденного сознания какой-нибудь традиционный вид народных изделий становится как бы символом того или иного народа (матрешка, например, на Западе воспринимается как русский сувенир).

Следующая функция народного искусства — коммуникативная, функция общения. Именно благодаря ей народное искусство служит одним из каналов, который позволяет народам нашей планеты лучше узнать друг друга, понять психологию соседей, их мировоззрение, этнические идеалы и стремления. Нет нужды говорить, как это важно в наши дни, когда судьбы войны и мира во многом зависят от взаимопонимания между народами. Поэтому трудно переоценить значение взаимных контактов — ведь лучше зная соседа, больше ему доверяешь.

Широчайшая реализация названной функции народного искусства по-настоящему стала возможной лишь в нашу эпоху, одной из характеристических черт которой является высокий уровень коммуникативных связей, в том числе межэтнических. Под межэтнической коммуникацией в данном случае подразумевается взаимный обмен народов такой информацией, которая несет знание о быте и культуре близкого или дальнего соседа. Подобный обмен информацией может осуществляться разными путями: при личном контакте представителей двух разных этносов,

¹⁵ Теорию объединительно-разграничительной функции культуры выдвинул и обосновал Б. Ф. Поршнев. См. его работу «Социальная психология и история». 2-е изд. М., 1979.

во время пребывания в другой стране, когда появляется возможность воочию наблюдать иной жизненный уклад; огромное значение в межкультурной коммуникации имеют средства массовой информации, которые оперативно доносят до нас известия о последних событиях на всех континентах, позволяя приобщиться к делам и заботам людей во всем мире. Наряду с профессиональным художественным творчеством специфическую, но весьма важную роль в подобных ситуациях играет народное искусство, которое является действенным инструментом в процессе межкультурной коммуникации.

Его действительность определяется тем, что мир народного искусства — это стихия народной жизни в самой коренной ее сущности. Народное искусство не знает нарочитости и надуманности, подделки под действительность. Оно воплощает естественные переживания народа как целостной общности, его пристрастия, эстетическую избирательность. Народное искусство представляется своеобразной книгой, прочитав которую можно как бы из первых рук узнать об истории людей, во многом понять их характер, сокровенные мысли.

Однако понимание это дается нелегко. Фраза М. А. Некрасовой об отсутствии преград в понимании народного искусства, поскольку оно всегда является носителем общечеловеческого¹⁶, не совсем точна. Конечно, близость культур, обычаев, традиций может упростить процесс вхождения в мир инокультурного искусства, и, скажем, русскому покажется знакомым и понятным творчество украинцев или же белорусов; здесь будет много точек соприкосновения, общих ассоциаций и параллелей. Но как перейти на язык иных эстетических и идеологических категорий? Можно ли сразу, без соответствующей подготовки, без известных интеллектуальных усилий постичь идеи и образы иного, далекого от нас искусства — японского, традиционного африканского, аборигенов Австралии? Нет! Мощный пласт этнографии, богатство мифологических сюжетов, веки исторического развития, т. е. все то, что сформировало внутреннюю сущность искусства этноса, останется недоступным поверхностному наблюдателю экзотики.

Но заинтересованный зритель все же сумеет многое почерпнуть на выставке народного искусства зарубежной страны. Ему станет понятным, хотя бы в первом приближении, образно-эстетическое мышление далекого народа, он сумеет почувствовать размеренный ритм его повседневного быта, прикоснется к доселе неведомому миру идей и представлений, которые в своих глубинных, философских основах, конечно же, несут интернациональные, общечеловеческие начала. Покидая выставку народного искусства зарубежной страны, зритель неизменно испытывает интерес и волнение, побывав в атмосфере яркого инокультурного искусства. Непредвзятое признание творческого гения чужого народа несомненно способствует формированию интернационалистического мышления, чуждого националистическим и расистским взглядам. И в этом видится одна из высших миссий народного искусства, которая в современном обществе реализуется его функцией межкультурного общения.

Следующая функция народного искусства также тесно связана с фактом интенсифицировавшихся за последнее время контактов между странами и народами. Строго говоря, такие контакты существовали всегда, ибо ни одно человеческое общество не могло находиться сколь-нибудь длительное время в изоляции от внешнего мира, не рискуя безнадежно отстать в своем социально-экономическом развитии. Значение межкультурных контактов для поступательного движения человечества состоит прежде всего в том, что в процессе взаимодействия разных культур происходит как бы обоюдный обмен информацией в самых разных сферах жизненного уклада. Так, зародившись в какой-нибудь точке

¹⁶ Некрасова М. А. Народное искусство как часть культуры. Его взаимодействие с другими видами искусства. Формы современного развития // Стенограмма Всесоюзной конференции по проблемам развития современного народного искусства в свете становления ЦК КПСС «О народных художественных промыслах». М., 1977.

ойкумены, техническое новшество или культурное достижение становится постепенно достижением всего человечества, которое таким образом наращивает свой научно-технический и культурный потенциал.

Рассматривая народное искусство под этим углом зрения, приходишь к выводу, что оно также является одним из каналов, по которому протекает обмен межэтнической информацией. Правда, следует отметить, что случаи взаимовлияния в этой сфере культуры не так уж часты. Это и понятно. Народное искусство, столь тесно связанное с национальными традициями, с тончайшими нюансами этнических представлений, трудно переводится на язык иной культуры. Тем не менее такие факты имеются.

Очень яркие примеры взаимовлияний в сфере народного искусства дает Кавказ. Зачастую здесь мы сталкиваемся с фактом функционирования у разных народов того или иного вида народного искусства в практически идентичных художественно-орнаментальных формах. Параллелизм бывает настолько глубоким, что порой трудно с достоверностью определить, из какой этнической среды происходит данное произведение народного искусства. В значительной степени это относится к некоторым видам ковров и ковровых изделий, орнамента и традиционных форм посуды, к традиционным комплексам одежды, в одинаковой степени бытующим у разных народов региона. Техника и орнаментация украинских килимов сформировались под определяющим воздействием восточной традиции. Ареал бытования изящных щепных птиц, охватывающий скандинавские страны, Польшу и наш русский Север, также наводит на мысль об имевших место контактах. Хохлома, как ни странно, прижилась в Башкирии.

Вероятно, региональные исследования выявят еще подобные факты, но даже приведенные, как бы ни были они малочисленны, свидетельствуют об интенсивных процессах межэтнических взаимовлияний, происходящих в сфере народного искусства. Эти процессы недостаточно изучены, поэтому вывести некие общие закономерности вхождения в народное искусство иноэтнических инноваций пока не представляется возможным. Однако отметим, что в любом случае совершившееся заимствование, как правило, обогащает видовой состав и выразительные средства народного искусства данного этноса, вносит новые оттенки в его художественное мировоззрение, усложняет бытовую культуру народа, что в целом способствует поступательному движению человечества.

Одна из специфических функций народного искусства заключается в психологическом самоутверждении крестьянства, которое все в большей степени начинает осознавать себя социальной общностью, вносящей весомый вклад в духовную культуру современного человечества. Как известно, духовные потребности дореволюционного крестьянства удовлетворялись различными способами, традиционно выработанными в сельской среде. Одним из таких способов наряду с участием в массовых гуляниях и празднествах, всегда включавших в себя карнавальные, театрализованные элементы, исполнение произведений устного и песенно-музыкального фольклора и др., было домашнее занятие крестьян изобразительным творчеством¹⁷. Однако дореволюционный мастер-крестьянин не осознавал, что изготовленные им незатейливые, рассчитанные на повседневное употребление бытовые вещи являются произведениями искусства, ценными вне его собственного быта. Украшая свой дом, орудия труда, утварь, одежду и т. д. ярким многоцветным орнаментом, он старался лишь придать окружавшему его пространству черты праздничности, яркости, ввести в будничную повседневность элементы неординарности. Именно в этом крестьянский мастер видел основной смысл своей работы, а созданные собственными руками вещи удовлетворяли его постольку, поскольку соответствовали традиционно сложившимся

¹⁷ Зотова О. И., Новикова В. В., Шорохова Е. В. Особенности психологии крестьянства (прошлое и настоящее). М., 1983. С. 54—61.

представлениям об утилитарном и красивом. В ремесленных центрах, где сложились художественные промыслы, ориентированные на рынок, основным стимулом художественного творчества мастеров стали материальные соображения.

В настоящее время положение существенно изменилось. «Понятие о народном искусстве как о культурной ценности и национальной гордости,— пишет Т. Зиновьева,— настолько внедрено в массовое сознание посредством печати, телевидения, рекламы, торговли, что кустарь способен и сам идентифицировать свой труд с занятием народным искусством»¹⁸.

Социальная роль народного искусства наглядно проявляется и в других аспектах современной жизни. В частности, произведения народного искусства могут использоваться как ценнейший исторический источник. Вдумчивый историко-этнографический анализ соответствующего материала многое может прояснить в сложнейших вопросах этногенеза и этнической истории народов, их культурных взаимодействий, традиционных бытовых укладов, архаических религиозных воззрений. Плодотворность подхода к народному искусству как к важному историческому источнику доказана рядом интересных исследований, внесших значительный вклад в отечественную науку¹⁹.

К сожалению, социальная практика показывает, что народное искусство может также служить целям, весьма далеким от его высокочеловечной, гуманистической сущности. Так, известны ситуации, когда народное искусство используется в различного рода философско-политических теориях для обоснования идей расовой или национальной исключительности той или иной группы современного человечества. Наиболее яркий пример тому — теория негритюда²⁰. Сторонники этой доктрины говорят о качественной разнице между людьми с белым и черным цветом кожи, что проявляется будто бы в особенностях протекания психофизиологических процессов у представителей разных рас и в способах их социальной адаптации к условиям внешнего мира. Воззрения на народное искусство также лежат в рамках этой основной концептуальной идеи. Эстетическое мышление африканских и европейских народов объявляется нетождественным. Принципиальное отличие теоретики негритюда видят в том, что европейское искусство лишь имитирует, создает образы — копии вещей, не вскрывая их сути. Африканское искусство, наоборот, не копирует природу, а схематизирует, резюмирует ее, вскрывая смысл за знаком, видимостью, создавая образы-символы. При этом в эстетике негритюда содержится идея мистической сверхреальности африканского искусства, для которого якобы не существует границ между вещами, между жизнью и смертью, где все взаимопроникаемо и взаимопереходно; сюрреализм объявляется естественным методом художественного осознания и изображения мира африканских художников²¹.

Адепты индеанизма — идеологической концепции, весьма сходной по своим основным посылкам с негритюдом, также часто обращаются к народному искусству, однако уже для доказательства особой, уникальной историко-культурной самобытности доколумбовых цивилизаций Америки. Современное индейское население континента объявляется наследником великой мудрости древних обитателей Анд, ему предрекается мессианская роль в духовном обновлении всего человечества²².

¹⁸ Зиновьева Т. Авторское самосознание мастера//ДИ СССР. 1985. № 9. С. 38—39.

¹⁹ Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX — начала XX в.). М.; Л., 1963; Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978; Кочешков Н. В. Тюрко-монголы и тунгусо-маньчжуры: проблемы историко-культурных связей (на примере народного декоративного искусства XIX — начала XX в.)//Археология и этнография народов Дальнего Востока. Владивосток, 1984, и др.

²⁰ О негритюде существует обширная литература. Последняя публикация: Национализм в современной Африке. М., 1983.

²¹ Мосейко А. Н. Идеология в странах Тропической Африки. М., 1985. С. 163—164.

²² Современные идеологические течения в Латинской Америке. М., 1983; Гончарова Т. В. Современный индоамериканизм: философия истории//Лат. Америка. 1984. № 9.

Другой отрицательный фактор, оказавшийся связанным с народным искусством, — его коммерциализация. Всеобщий интерес, проявляемый ныне к народному искусству, дал возможность эксплуатировать его, превратить в один из источников прибылей. В настоящее время на рынок выбрасывается огромное количество всевозможных поделок, имеющих своим прототипом образы традиционного народного искусства. Эти поделки весьма охотно покупаются, особенно туристами, желающими привезти из путешествия сувенир, который бы стал памятным символом пребывания в далекой экзотической стране. Выше уже говорилось об этнознаковой функции произведений народного искусства, поэтому образец последнего становится особенно желательным в качестве подобного сувенира. Это обстоятельство и вызвало поток ремесленных изделий, заполняющих ныне сувенирные киоски, магазины и лавки в основных туристических центрах многих стран мира. Не безукоризненны в этом смысле и наша сувенирная промышленность.

В то же время выдаваемые за подлинные образцы народного искусства, эти изделия таковыми являются далеко не всегда. Поставленные на поток, лишенные индивидуального мастерства, они снижают уровень подлинного народного искусства, профанируют его. В результате потребитель получает неверное, искаженное представление об этой стороне культурного наследия народа, и лишь знание или же внутреннее эстетическое чувство позволит ему отбросить мишуру «аэропортного искусства», как порой называют продукцию подобного рода, и выделить ту высоту, с которой начинается живая традиция народного творчества.

Итак, мы попытались показать, что народное искусство играет весьма значительную роль в современном мире. Собственно говоря, в этом сейчас уже никто не сомневается, и данное утверждение давно стало аксиомой, породившей немало соответствующих декларативных заявлений. Между тем декларации не снимают необходимости конкретного изучения тех функций, которые присущи народному искусству сегодня. Настоящей статьей эта тема далеко не исчерпана. Несомненно, значащую функцию народного искусства выходят далеко за привычные рамки, в которых обычно видели пределы его социального бытия. Поэтому нужны дальнейшие наблюдения и исследования, которые позволят лучше представить роль народного искусства в нашем динамичном, вечно меняющемся мире.

М. А. Агларов

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В УСЛОВИЯХ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СТРУКТУР В ДАГЕСТАНЕ [до XX в.]*

Этнолингвистическая пестрота (своеобразный культурный плюрализм) является самой яркой чертой Кавказа, особенно Дагестана, и в то же время его «вековой загадкой». Своеобразна и общественно-политическая структура Дагестана. Здесь каждая община (*джамаат*), если она не была связана политически с несколькими (до 10 и более) другими джамаатами, являлась в своем роде «микрогосударством». Такая община была в полном смысле слова самодовлеющей и представляла по-своему закрытую систему, где отношения с окружающим миром

* Основные тезисы этой работы были изложены в докладе «О путях формирования этнических общностей в Аварии», прочитанном на сессии Института этнографии АН СССР по итогам полевых работ в 1967 г. // АИЭ. Оп. 10. Д. 772; О сессии см. Сов. этнография. 1968. № 6. С. 140.

строились на «внешнем праве». В Нагорном Дагестане такой тип представлен крупными общинами (Кубачи, Ботлих, Арчиб, Тинди и др.; одновременно они известны как «одноаульные народности»). Второй тип: несколько джамаатов такого же масштаба связаны между собой единым кодексом, территорией и политическим самоуправлением (известные *вольные общества* или *республики*, как их называли в дореволюционной литературе). Здесь отдельная община не представляет собой самостоятельной единицы, так как система замыкается (в политическом, правовом и территориально-административном отношениях) на уровне вольного общества. Третий тип: вольные общества образовывали союз, представлявший собой *федерацию*. И наконец, все три типа политических образований, вступив между собой в определенные, хотя и ограниченные правовые (иногда легкорасторжимые) отношения, в свою очередь слагались в *единую* метаполитическую систему, охватывающую весь регион. В ее структуру входили все звенья (вольные общества и отдельные общины) как составные части целого. Наличие этих звеньев создавало картину чрезмерной раздробленности. Между тем они составляли части общей полиструктурной системы и соответствовали территориальному делению целого. Такая система предполагала постоянную тенденцию к партикулярности частей, составлявших политические образования, поскольку эти общины были суверенными обладателями территорий. Состояние политической консолидации достигалось скорее не через преодоление особенного, а через его посредство, так как упомянутые части были выражением (формой выражения) глубокого единства не только политической, но хозяйственно-бытовой, социально-экономической и культурной жизни. Таким же предстает и этнолингвистический мир в Дагестане, отличающийся одновременно глубоким внутренним единством и пестротой. Существует ли взаимосвязь между полиструктурной, федеральной, политической системой такого рода и этнолингвистическим состоянием общества?

Разумеется, этнолингвистическая ситуация в Дагестане, отличающаяся исключительной, даже на Кавказе, пестротой¹, интересовала множество исследователей. Этнолингвистический феномен Дагестана еще в XIX в. объясняли самоочевидным и неоспоримым на первый взгляд доводом, согласно которому *ландшафтная пересеченность* местности с самого начала привела к физической изоляции одних племен от других. А. Берже писал, что народ раздроблен на «бесчисленные мелкие племена, которые... никогда не могли слиться в одно целое по физическим причинам свойственным дикой и неприступной природе Дагестана... оно (раздробление.— М. А.) имело последствием еще то, что язык лезгинский раздробился на множество наречий...»². А. В. Комаров оттенял даже определенную закономерность: «Почти в каждой котловине,— писал он,— в каждом отдельном ущелье, огражденных высокими скалистыми хребтами и выходящих к быстрой и глубокой реке, живет особое племя, часто не имеющее ни малейшего сходства или родства с соседними племенами. Там же, где горы становятся доступнее, разнообразие племен уменьшается, зато увеличивается численность каждого племени и пространство, на котором оно живет»³. М. М. Ковалевский дал четкую формулировку предполагаемой «зависимости»: «В самом Нагорном Дагестане большая или меньшая пестрота этнографического состава каждой отдельной местности обуславливалась большей или меньшей теснотой долины»⁴. Ту же точку зрения о зависимости этнолингвистической пестроты от горного ландшафта (возможно, еще и благодаря авторитету М. М. Ковалевского) поддерживали в своих трудах историки, этнографы и лингвисты, как дореволюционные, так и со-

¹ 22 коренных языка, свыше 70 учтенных диалектов и сотни (!) далеко не учтенных говоров.

² Берже А. Краткий обзор горских племен на Кавказе. Тифлис, 1858. С. 305.

³ Комаров А. В. Народонаселение Дагестанской области (с этнографической картой)/Зап. Кавказского отдела РГО. Тифлис, 1873. Кн. VIII. С. 2.

⁴ Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. II. С. 139.

временные⁵. Любопытно, что Н. Я. Марра не убедили утверждения определяющей роли географического фактора. Он писал: «...эти многочисленные языки — не порождение условий кавказской жизни..., а вкл. постепенного оттеснения ветвями на Кавказ народов древнейшего культурного мира на юге...»⁶. Миграционная теория происхождения языков на Кавказе Н. Я. Марра не была принята; в литературе по-прежнему указывают на определяющую роль ландшафта в изоляции языков⁷. И в самом деле, многоплеменной состав Дагестана отмечается с античного времени⁸. Автор XII в. ал-Гарнати Андалуси, чьи сведения считаются весьма надежными, насчитывает в Дагестане 70 народностей⁹. Изначальная изоляция, а затем и консервация многочисленных племен, обитавших в Дагестане, казалась удовлетворительным объяснением существовавшей здесь этнической пестроты¹⁰. Роль географической среды как главной причины, которая наряду с натуральным хозяйством и отсталыми общественными отношениями привела к распаду праязыка в последующему многоязычию, постулируется Е. А. Бокаревым. Он указывает, что распад праязыка (стало быть, формирование языков и народностей) произошел в Дагестане в эпоху средней бронзы (время определено в соответствии с глоттохронологическим методом М. Свешдеша). Е. А. Бокарев не разделяет мнение об «изначальном многоязычии» с его последующим «инертным» сохранением. Он выдвинул теорию праязыка в Дагестане, согласно которой многоязычие является следствием распада более интегрированного праязыка. Эта теория признается многими учеными и в настоящее время толкуется следующим образом: развивается языковой процесс, этапы которого характеризуются тем, что лингвистическая и, следовательно, этническая карта древности отличалась от современной большим единством. Вместе с тем нужно указать, что попытка Е. А. Бокарева объяснить причины сложения современной этнолингвистической ситуации условиями пересеченного ландшафта, натуральным хозяйством и отсталостью общественных отношений вступает в непримиримое логическое противоречие с его теорией. Ведь указанные три фактора должны были бы действовать и в глубокой древности, т. е. в эпоху бронзы, когда, как предполагается, господствовала более интегрированная языковая и этническая среда (праязык). Более того, такие факторы, как натуральное хозяйство и отсталые общественные отношения, должны были логически проявляться в древности еще сильнее, а это значит, что в Дагестане едва ли мог существовать праязык. В таком свете представление об «изначальной консервации древнейших племен» выглядит хотя и метафизично, но более убедительно.

Отвлечемся, однако, от противоречий в логике предполагаемого развития этнического процесса и обратимся к некоторым фактам, не укладывающимся в схему и являющимся, на мой взгляд, самым серьезным препятствием для признания определяющей роли физико-географической изоляции в этнической дифференциации дагестанского общества. Сплошь и рядом в Центральном Дагестане, т. е. в его наиболее густо населенной части, мы сталкиваемся с такой ситуацией, когда два населенных пункта, порой стоящие в нескольких километрах друг от друга

⁵ Бокарев Е. А. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961. С. 17—18; Климов Г. А. Кавказские языки. М., 1965. С. 18.

⁶ Марр Н. Я. К истории передвижения яфетических народов с юга на север и с Кавказа//Известия АН. Пр., 1916. № 15. С. 1379—1408.

⁷ Климов Г. А. Указ. раб. С. 8.

⁸ Страбон. X, 5.1; Плутарх. Помпей XXXV. Плиний Старший//Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1896. Т. I; 1904—1906, Т. II.

⁹ Le Tuhfat al-Albab de Abu Hamid al Andalusi al Garnati adite d'apres les MSS 2167, 2168, 2117 de la Bibliotheque nationale et la ms. d'Alger par G. Ferrand//Journal Asiatique. 1925. T. CCVIII. P. 83.

¹⁰ Магомедов Р. М. История Дагестана. М., 1961. С. 17—18. Дальнейшее развитие этого взгляда (как своеобразной инерции языков и диалектов) см. Магомедов Р. М. Дзагурова В. П. Народы Советского Дагестана. Махачкала, 1967. С. 18.

совершенно не изолированные местностью и использующие все виды взаимных контактов и информации, имеют различия в говоре или даже в языке. Эти селения, как правило, являются этнографическими единицами или даже одноаульными народностями (например, ботлихцы и гудоберинцы). Так, соседние Анчих и Арчо, между которыми нет никаких «физических» препятствий, жители которых свободно посещают друг друга по каждому случаю (рождение, свадьба, торговля и т. д.) и принадлежат к одной каратинской народности, вместе с тем имеют речевые и культурно-бытовые особенности, отличающие их друг от друга. Близко (в 4 км) на одном и том же склоне горы стоят крупные селения Дагестана Анди и Гигатль (по 1000 и более домов в каждом) и маленькое (около 50 домов) селение Гунха, расположенное на дороге между ними. Жители всех трех селений принадлежат к андийской народности, но различаются между собой в такой степени, что можно узнать по речевым особенностям и деталям женской одежды, из какого аула происходит человек. Сказанное относится и к остальным селам Андии. Вместе с тем они стоят так близко друг от друга, что в старину глашатаи из селения в селение могли в безветренную погоду прокричать срочные сообщения. Столь же свободным было и общение между ними. Например, на дороге между андийскими селениями Ашали и Риквани (2 км длиной) в старину ежегодно устраивали призовые конные скачки. Между тем у каждого из этих аулов свой говор, как и у всех остальных андийских сел. Еще ближе друг к другу расположены села вольных обществ Гидатля, Ахваха, Богулала и т. д.

Но именно здесь в этих густонаселенных районах с крупными, мы это подчеркиваем, близко расположенными аулами фиксируется самый высокий коэффициент этнической дробности. Каждый аул здесь, как нам кажется, можно отнести к этническим единицам первого (начального) или второго уровня, т. е. он обладает непременно своим говором (прежде всего) и некоторыми особенностями материальной и духовной культуры.

Сельские общества Нагорного Дагестана (этого наиболее густо населенного и мозаичного в этническом отношении региона), располагаясь в различных природно-географических зонах, были специализированы одни по садоводству, другие по земледелию и скотоводству, третьи выделялись как ремесленные центры. Такая дифференциация предполагала интенсивный обмен и развитие торговли между обществами. Еженедельные базары проходили в разные дни в разных населенных пунктах и своей сетью охватывали целиком Нагорный Дагестан. Торговцы, путешествуя, за неделю могли побывать минимум на пяти базарах. В этих условиях развивалось двуязычие, а в некоторых обществах и трехязычие (арчинцы)¹¹. Коммуникации (впрочем, дороги между всеми аулами были верховыми и функционировали круглый год), полная «взаимопроницаемость» и контакты между обществами этой части Дагестана не остались заслоненными впечатлениями о «неприступности» края у многих наблюдателей XIX в., открывавших для себя и для читателя Нагорный Дагестан. Н. Воронов о внутригорной части Дагестана писал, что «нужно видеть преграды, положенные здесь природой для разобщения людей,— и однако, люди общаются не в пример легче, чем, например, живущие в наших равнинах или степных деревнях... Вести, новости разносятся в горах с изумительной скоростью и приказания начальства, власти исполняются здесь так же быстро, как бы страна перекрещивается телеграфными проволоками. На завтра нужно собрать джаамат из всех ближних обществ — и джаамат непременно соберется; кто пеший, кто конный — явятся все по призыву... этот факт, в котором я убедился множеством примеров»¹². «Естественные преграды для раз-

¹¹ Дирр А. М. Арчинский язык//Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1908. Вып. 39. С. 1; Сергеева Г. А. Арчинцы. М., 1967. С. 182.

¹² Воронов Н. Из путешествия по Дагестану//Сб. сведений о кавказских горах. Тифлис, 1870. Вып. III. Отд. III. 3. С. 19—20.

общения людей», по Н. Воронову, скорее дань историографической литературной традиции, а рассказ о том, что, несмотря на это, люди были разобщены — точная этнографическая зарисовка. О лингвистском «информационном» голоде, породившем ситуацию полиэтнично и тем более о сохранении такой ситуации в результате изрезания ландшафта говорить не приходится.

Л. И. Лавров в статье «О причинах многоязычия в Дагестане» обратил внимание на эндогамные формы браков, господствующие в Дагестане (в отличие от других народов Северного Кавказа), как на причину сохранения многоязычия¹³. Это в корне отличная от предшествующих концепция сохранения многоязычия важна уже тем, что проблема переносится из области явно неудовлетворительного «географического детерминизма» в сферу социальных отношений. Эндогамия, безусловно, один из важных факторов, способствовавших замкнутости обществ, а в свою очередь сохраняло многоязычие. Ю. В. Бромлей при разработке теории этноса вообще указывал на эндогамность как неотъемлемое свойство¹⁴. Эндогамия, согласно теории, является одним из признаков этноса, но ничто не указывает на то, что эндогамия может быть причиной его формирования. Этнос, согласно Ю. В. Бромлею, эндогамен, но не каждый эндогамный коллектив является «этническим». Например, в районах распространения северного диалекта, у гумбетовцев, салатцев, аварцев Левашинского плато, исторически входивших в Аварское ханство, несмотря на эндогамность их селений, нет этнического и лингвистического многообразия, как это наблюдается в Центральном и Западном Дагестане. То же относится к другим народам Восточного Кавказа, а также Передней Азии, где отсутствие экзогамии не повлияло сколько-нибудь решительно на этническую ситуацию. Поэтому, вероятно, Л. И. Лавров пишет об эндогамии лишь как о факторе сохранения, а не как собственно первопричине многоязычия¹⁵, с чем нельзя не согласиться, имея в виду, что эндогамия безусловно усугубляет замкнутость, особенно популяционную.

Историю вопроса о раздроблении народов Дагестана можно заключить тем, что его изучение свелось к своего рода гносеологической ловушке, исходящей еще от А. Берже. Видимость аксиомы, не требующей доказательства («горная изоляция»), удовлетворяла интерес к теме, не позволяла решить вытекающую из этой «аксиомы» проблему: какой механизм воздействия «горной изоляции» на культуру, язык, вкусы, самосознание и т. д., что тут следствие «горной изоляции», что исходит действительно от горной и хозяйственно-бытовой адаптации? И каким образом сказался на этнической атрибуции горных «изолатов» информационный голод — ведь «горная изоляция» имеет в виду только физическое разобщение, т. е. отсутствие информации друг о друге, — что скажем, мешало этнической интеграции? На эти вопросы указанная концепция не позволяет ответить, так как причины этнической дифференциации дагестанского общества, по нашему мнению, лежат не в так называемой «географической изоляции», а в сфере исторически сложившихся форм общественно-политического строя и отношений народов Дагестана. Этническая ситуация в Дагестане явилась порождением уникальной даже в условиях Кавказа полиструктурной политической системы и соответствует ей целиком, вплоть до таких малых единиц, как вольные общества или даже отдельные общины. Попытаемся обосновать эту точку зрения.

Дагестан, особенно его нагорная часть, наиболее густонаселенная как говорилось, отличался не только этнолингвистическим многообразием, но и исключительной политической раздробленностью. В Нагорном Дагестане помимо известных крупных политических объединений

¹³ Лавров Л. И. О причинах многоязычия в Дагестане // Сов. этнография. 19. № 2. С. 203.

¹⁴ Бромлей Ю. В. Этнос и эндогамия // Сов. этнография, 1969. № 6, С. 84—

¹⁵ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 114—123.

¹⁶ Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. М., 1978. С. 1

сложилась целая ассоциация микрополитических образований с их союзами — вольными обществами, каждое из которых имело собственную территорию с всеобъемлющими правами обладания и распоряжения, т. е. территориальной и политической суверенностью. В «Истории Дагестана» относительно XVIII в. говорится, что «Дагестан по-прежнему был раздроблен на мелкие и мельчайшие политические единицы: Эндреевское, Аксаевское и Костиковское владения, Тарковское шамхальство, Кайтагское улмейство, Табасаранское майсумство, владения кадия Табасарана, Мехтулинское, Аварское, Казикумухское ханства и более 60 мелких объединений, союзов сельских обществ, известных под названием аварских, даргинских и лезгинских „вольных” обществ»¹⁷. Политическая раздробленность оказалась самым устойчивым видом политической организации Дагестана. Вольные общества, которых историки Дагестана насчитывают более 60, в полной мере соответствуют этническим образованиям разных иерархических степеней. Такая мозаика общественно-политически самостоятельных единиц — вольных обществ, включая и политические образования феодального типа, стабильно существовавших на указанной территории в течение минимум последних полутора-двух тысячелетий, оказалась достаточным условием для сложения в пределах этих формирований этнических общностей или этнических единиц с различными уровнями межэтнической дифференциации. Длительное состояние политической раздробленности, где каждая из политических единиц обладала стабильными границами и суверенностью, как правило, приводит к развитию культуры соответственно каждого из этих образований. Мы легко могли бы показать на множестве примеров из истории, что именно длительная политическая раздробленность приводит к этническому многообразию, но ограничимся несколькими, на наш взгляд, наиболее выразительными. В германистике фундаментальным считается положение, согласно которому немецкие диалекты — следствие длительного состояния политической раздробленности¹⁸. Короткий период политической раздробленности переживала и Россия (до возвышения Московского государства); именно в этот период «наметились» русские говоры: «характер языковых процессов на территориях отдельных княжеств приобретает, таким образом, свою специфику: образуются так называемые языки княжеств»¹⁹. Если мы обратимся к кочевому миру с его четкой родоплеменной структурой, то увидим, как, по образному выражению Л. П. Лашука, «в горниле улусной системы происходила своеобразная этническая переплавка»²⁰ (т. е. в «горниле» административного деления тюркского мира эпохи феодализма). Или пример из древности: каждый город, каждая маленькая провинция классической Греции V в. до н. э. составляли документы на своем местном диалекте. «В этом отношении гордое собственное достоинство имели и маленькие города-государства. Лишь намного позже политическое развитие ограничило господство диалекта в общественной жизни»²¹. Как пишет Р. Шмидт, к пестрой окраске греческой диалектной карты «привела политическая партикулярность» (*Staatlich-politisches «Particularismus»*) греческих городов периода «темных веков», сохранявшаяся и в классический период²². Впрочем, о политической партикулярности как факторе изоляции и разобщения греко-римских городов выпукло и убедительно писал еще Фюстель де Куланж. Он говорил: «Самой выдающейся чертой истории Греции и Италии до рим-

¹⁷ История Дагестана. М., 1967. Т. I. С. 320.

¹⁸ В. М. Жирмунский пишет, что широкие народные массы Германии говорят на диалектах, сохраняющих территориальную раздробленность эпохи феодализма (*Жирмунский В. М. История немецкого языка*. М., 1948. С. 70).

¹⁹ Строгонова Т. Ю. История говоров русского языка и их современное состояние//Будатова Л. Н., Строгонова Т. Ю. О русских народных говорах. М., 1975. С. 33.

²⁰ Лашук Л. П. Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрков и монголов//Сов. этнография. 1968. № 1. С. 95—106.

²¹ Андреев Ю. В. Греция в архаический период и создание классического полиса//История Древнего мира. М., 1983. С. 74.

²² Schmitt Rüdiger. Einführung die griechischen Dialekte. Darmstadt, 1977. S. 127.

ского завоевания является раздробление, доводимое до крайних пределов, и дух обособленности каждой общины... Между двумя соседними общинами было нечто более непроходимое, чем горы: священные границы... каждая гражданская община имела кругом своей земли межу, указывающую ее священную границу»²³. Итак, не гора, а граница разделяла древние города.

Очень ясно роль политического фактора в «этногенезе» видел Дени Дидро, который писал: «Скажите, что законы, нравы и права являются главными причинами различий представленных народами и что если этого общественного воспитания недостаточно, уравнивания отдельных индивидуумов, то оно уравнивает между собой большие массы людей»²⁴. «Уравнение между собой масс людей» и одновременно сохранение различий между народами на языке современной этнографии — не что иное как две стороны двуединого процесса этнической интеграции и дифференциации, сопровождающего всю известную историю человечества. Роль политического фактора в этническом размежевании и этнической интеграции постоянно подчеркивается в трудах по теории этноса²⁵. Разумеется, дело далеко не в одних аналогиях, и мы далеки от мысли сводить все формы этнических процессов лишь к потестарным или политическим явлениям. Видимо, сами этнические процессы далеко не однозначны и возникают вследствие целого ряда причин, таких, как подлинная изоляция (информативная), природно-географическая и хозяйственная адаптация, особо мощные факторы аккультурации и т. д. Было бы ошибкой искать состояние политической консолидации для таких метаэтнических общностей, как целые регионы, объединяемые семей языков, или известные в советской этнографии как историко-этнографические области. Эти уровни находятся вне пределов политических состояний и предопределены общими путями расо-этногенеза. Но когда мы переходим к более подробной этнической карте, значение факторов, о которых здесь идет речь, возрастает, а в отдельных случаях они приобретают полный приоритет. Ведущую роль политического начала в процессе этнокультурного размежевания или интеграции не универсальна, и способность политической организации общества к созданию самостоятельных этнокультурных единиц (к «этнографическому эффекту») реализуется не всегда, а только в заданных исторических условиях, в определенной системе общественных отношений и на определенных уровнях. Этническая мозаика Дагестана, особенно его горной части, вызвана его политическим состоянием. В данном конкретном случае одноаульные говоры и характерная одежда, которой можно узнавать людей (и узнавали представителей мельчайших обществ), — наиболее удивительная черта этнолингвистической карты Дагестана — находит свое объяснение, как уже говорилось, полиструктурной политической системе, мельчайшие «клетки» которой представлены самодовлеющими (независимыми) обществами — джамаатами, обладающими территорией и суверенными правами политического и соответственно внутриобщинного управления. Когда населенный пункт не имел статуса джамаата и тем более вольного общества, такая община, как бы она ни была изолирована и далеко от других населенных пунктов расположена, лишалась всякой этнолингвистической атрибуции. В качестве примера можно указать на каждое из отдельных сел высокогорной части Дагестана, в частности на села современного Тляратинского и Цунтинского районов. Группа сел Тляратинского района: Камелух (68 домов), Гени-коло (45 домов), Герель (26 домов), Бельда (39 домов), Горгиль-нуб (16 домов), Ульгеб (13 домов), Са

²³ Куланж Жюстель де. Древняя гражданская община. Исследование о куле, праве, учреждениях древней Греции и Рима. М., 1895. С. 188—189.

²⁴ Дидро Д. Опровержение книги Гельвеция «Человек» // Собр. соч. М.-Л., 1937. Т. II. С. 166; Ф. Энгельс отмечал «высокие образцы диалектики», свойственные суждениям Дени Дидро. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 20.

²⁵ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. С. 32.

(26 домов), Чорода (15 домов)²⁶ — занимает отдельную, но обширную территорию. Это наиболее труднодоступная и редконаселенная часть Дагестана; здесь села сильно отдалены друг от друга, зимой дороги закрываются. Каждое из указанных отдельно взятых селений не обладает сколько-нибудь существенными этническими и лингвистическими особенностями. Такие села, например, как Герель или Бетлельда, не имели статуса джамаата (или, как это поняла еще русская администрация XIX в., не представляли *сельского общества*). Но все восемь деревень вместе составляли джамаат, или сельское общество, управляемое правителями от каждой из них, общим советом старейшин, сельским судом и местными адатами. Все восемь селений соответственно имеют этнические особенности и обладают ярко выраженным говором²⁷. Упомянутая группа сел также имела свое отдельное наименование: Тум, или Джумрутское общество²⁸. В свою очередь из семи таких джамаатов, или ракъ (что значит «земля»): Анцрос, УнхIада, Богьнода, Льебел, Кыанал, Помур (каждый из названных джамаатов включал от 5 до 10 сел) — было образовано вольное общество Анкьракъ (букв. — «Семиземелье»). В этническом отношении оно больше отличалось от соседей, чем составляющие его джамааты между собой, а в языковом отношении представляло диалектную единицу аварского языка, получившую название анцухского диалекта²⁹. Как пишет Ш. И. Микаилов: «Все семь групп обладают диалектом, весьма резко отличающимся от других аварских диалектов»³⁰. На этом уровне посредством ежегодных регулярных собраний представителей джамаатов, входивших в «ракъ», реализуется в полной мере политическая суверенность всего общества Анкьракъ. Анкьракъ — одновременно и большая область Южной Аварии. Этническая общность на этом уровне проявляется исключительно четко, обладает сильно выраженным диалектом.

Во внутригорном Дагестане структура модели остается прежней, только начальная ее часть сокращена: здесь отсутствуют первичные поселения без статуса джамаата в результате их повсеместного слияния, своего рода синойкизма, имевшего место почти повсеместно в Дагестане. Очевидно, первоначальные поселения в политическом отношении были объединены до их, так сказать, «физического» объединения в крупные аулы. Объединение мелких поселений в одно происходило, видимо, вследствие их прежней политической, а иногда и хозяйственной связи. Характер использования последней показывает историю Бежты. Согласно преданию, на месте, где сейчас расположен аул, был загон для скота. На это место съехались жители одноязычных окрестных сел Охочи, Синалъя, Кито, Хиявукъа, расположенных высоко в горах. Первоначально объединение было временным — только на летний период, на время сельскохозяйственных работ. Летом люди жили в основном селении — Бежта, а в остальное время года — в старых селениях. Впоследствии Бежта стало постоянным местом жительства всего объединения³¹. В 80-х годах XIX в. с. Бежта состояло из 301 дома. Совместно с небольшими отселками Хашар-Хутар и Тлядал Бежта образует бежтинскую народность с самостоятельными языком и чертами материальной и духовной культуры.

Процессы, подобные указанным выше, отмечены повсеместно в Дагестане, особенно во внутригорной и предгорной его частях, и, судя по всему, были не однократными, а «пульсирующими»: крупные аулы распадались на мелкие (тип Куядинского общества) и заново собирались

²⁶ Данные о селах взяты из сборника: Дагестанская область. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья. Тифлис, 1890. С. 148.

²⁷ Микаилов Ш. И. Очерки аварской диалектологии. М.; Л., 1959. С. 50.

²⁸ Эти названия большей частью нейтральны, т. е. не являются названием какого-либо одного аула, входящего в джамаат.

²⁹ Микаилов Ш. И. Указ. раб. С. 50.

³⁰ Там же. С. 51.

³¹ Исламгагомедов А. И. Поселения аварцев // Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967. С. 121.

в единые; стаильными оставались формы политической организации — тип джамаата (первичное политическое объединение); федеративное (формальное, механическое) объединение таких джамаатов во вольное общество. На этом втором уровне политическая организация самодовлеющая и принимает законченную форму, т. е. обладает единой территорией, которая делится на составные части — территории каждого джамаата. Вольное общество располагает своими органами управления и своим кодексом. На этом уровне в Дагестане коэффициент этнической дифференциации высок — в языке на уровне диалекта или же самостоятельного языка. Имеется и третий уровень политической формы — союз вольных обществ. Это не механический союз, а федерация, централизованное объединение с органами самоуправления для всей федерации. Однако такая федерация не полностью ассимилирует первые две формы. Когда вольное общество входит в подобный суперсоюз, оно теряет свои самодовлеющие черты, занимает промежуточное положение между первичным джамаатом и высшей формой объединения. Право здесь построено по той же трехчастной схеме. Таким был даргинский союз вольных обществ Акуша-Дарго. И замечательно то, что все эти три ступени различаются этнически и диалектологически. Формальное выражение такой политической системы — ее этническая окрашенность. Вольные общества или федерации вольных обществ вступают между собой в те или иные отношения на договорных началах, иногда вырабатывают совместные адаты или берут на себя иные взаимные обязательства и т. д. Дагестан в целом, включая его основные народности, был связан политическими взаимоотношениями последнего типа. Некоторые договоры становились постоянными адатными установлениями. Приведем одно из многих, своего рода «международных» адатных постановлений: «Если между жителями Хунзаха (аварцы. — А. М.) и жителем Цудахара (даргинцы. — А. М.) произойдет ссора по воровству, то для оправдания вора цудахарца должны присягнуть 12 человек, если он украл коня, кобылицу или другое животное — шесть человек. Место присяги — Карадахский мост. Если житель Хунзаха украдет, присягает один человек. То же самое, если спор будет между жителями Хунзаха и Андалала»³². Подобные совместные адаты Хунзахское общество (хунз — жители всех сел Хунзахского плато) выработало в отношении Цудахарского вольного общества, Андалальского вольного общества, Голотлинского джамаата, Батлухского вольного общества, Авахского вольного общества, Каратинского вольного общества, Койсублинского вольного общества, с рядом своих податных сел (в этом случае адаты не паритетны), с областью Юрт и т. д.³⁴. Практически все политические образования Горного Дагестана имели подобные же местные постоянные договоры³⁵. На этом уровне отношения между политическими образованиями Дагестана основывались уже «на внешнем праве», как называет Гегель правовые отношения между самостоятельными политическими образованиями, находящимися скорее в естественных отношениях друг к другу, чем в правовых³⁶.

В данной статье в общих чертах обрисована политическая система, которую мы называем *полиструктурной* с различной иерархией взаимосвязей. Каждое звено этой системы является частью целого, и наименьшие ее звенья предстают как джамааты. Полиструктурная система была целиком открыта для культурного взаимодействия. В каждом ее звене создаются не различные, а *различимые* типы культуры.

³² Османов М.-З. называет такую федерацию «суперсоюзом». См. Османов М.-З. Численность и расселение даргинцев в XVIII—XIX вв. // Дагестанский этнографический сборник. Махачкала, 1974. № 1. С. 166.

³³ Постановления, общие для всего Дагестана // Из истории права народов Дагестана. Махачкала, 1968. С. 47.

³⁴ Там же.

³⁵ См., например: Адаты, существующие между жителями Кази-Кумухского округа и соседними с ними жителями даргинского общества и общества Андалал Гунибского округов // Из истории права народов Дагестана. С. 55—56.

³⁶ Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет. М., 1971. Т. 2. С. 54.

В полиструктурной политической системе этнокультурные процессы протекали, если так можно сказать, в «расчлененном» виде — одновременно как двуединый процесс интеграции и дивергенции. Интеграция охватывала всю систему; дифференцирующаяся часть раскладывалась по каждому из звеньев общеполитической системы. В жилище интегрирован общий тип: закрытый и открытый одно- двухэтажный, с плоской крышей, ориентированный на юг, с помещением типа лоджий. Его разновидности обусловлены зоной³⁷ или историческим периодом (например, влиянием средневековой замковидной архитектуры)³⁸. Однако по всему Дагестану в каркасной части жилище едино. Вместе с тем определенные особенности планировки, общий облик, архитектурные детали, декор, т. е. все, что создает некую индивидуальность жилища, как на это обратил внимание Г. Я. Мовчан, связано с этнической традицией³⁹. Одежда имеет особенно много вариантов, а женская одежда буквально следует за языком, являясь атрибуцией не только известных народностей Дагестана, но и мельчайших этнических групп⁴⁰, вплоть до каждого общества-джамаата. Можно с уверенностью сказать, что любое общество, имеющее свой говор и тем более диалект или язык, также отличается по женской одежде, если не в элементах, то хотя бы в манере ношения. Различия, но уже по крупным регионам (в масштабе Дагестана, разумеется) выразились в исключительной интегрированности материальной культуры и хозяйства⁴¹. Усовершенствование пахотного орудия (в частности, его съемного лемеха, как лопатообразного, так и клинообразного, применяемого для легких или каменистых почв; увеличение угла захвата с целью достичь оптимальной глубины вспашки и устойчивости плуга) становилось даже достоянием всей метаэтнополитической общности — Горного Дагестана в целом. Такие основополагающие черты интегрированы, тогда как конфигурация (способ) установки к стойке держака имел особенности, принятые только на первом уровне — в джамаате. Часть культуры, вернее, даже ее основа (главные формы земледелия и скотоводства и их системы; принципы планировки жилища, общий покрой одежды, адатно-правовые нормы) интегрирована и даже стандартизована. Мы условно называли эту часть «функционально существенной»⁴². К ней можно отнести и языковой строй. Меняющуюся (дифференцирующуюся) часть культуры, приведшую к этнической атрибуции многочисленных мелких и крупных групп, в противовес ее интегрированной части можно было бы назвать «функционально несущественной» или «функционально менее существенной», так как она не несет жизненно важных (хотя и это понятие относительно) функций. Перемены в этой области не нарушают структуру «функционально существенной» части культуры, а может быть, даже утверждают и усиливают ее.

Решающую роль в этническом размежевании безусловно играет (сыграло) самосознание, хотя и оно — явление вторичное и производное; осознание своей принадлежности к тому или иному звену (или всем звеньям поэтапно) политической системы, а не только к первичному кругу производственных и социальных связей является высшей формой

³⁷ Османов М.-З. Указ. раб. С. 125.

³⁸ Мовчан Г. Я. Из архитектурного наследия аварского народа//Сов. этнография. 1947. № 4; Исламгаomedов А. И. Указ. раб. С. 152—155.

³⁹ Мовчан Г. Я. Предварительные заметки о типологии жилища народов Нагорного Дагестана//Краткие сообщения Ин-та этнографии (далее КСИЭ). 1948. Т. IV. С. 43.

⁴⁰ Никольская З. А., Шиллинг Е. М. Женская народная одежда аварцев//КСИЭ. 1953. Вып. XVIII. С. 24; Сергеева Г. А. Женские украшения народов аварской группы Дагестана второй половины XIX — начала XX в.//Кавказский этнографический сборник. М., 1980. VII; Гаджиева С. Ш. Одежда народов Дагестана XIX — начала XX в. М., 1981.

⁴¹ Агларов М. А. Очерки этнографии земледелия Южного Дагестана//Дагестанский этнографический сборник. Махачкала, 1974. Т. I. С. 221.

⁴² Агларов М. А. О путях формирования этнических общностей в Аварии. 1968//Рукоп. фонд Ин-та истории, языка и лит.-ры. Даг. филиала АН СССР. Ф. 4. Д. 68.

проявления противопоставления понятий «мы» и «они»⁴³. Не самосознание общинно-производственного быта (хотя это и фундаментальная основа размежевания), а самосознание, опосредованное через политическую организацию⁴⁴, непосредственно породило этническую атрибуцию каждой из ячеек полиструктурной политической системы. Посредством самосознания и противопоставления политическая форма воздействует на создание этнической атрибуции общества. При этом следует учитывать опосредованность самой политической организации условиями материального производства: «...из определенной формы материального производства вытекает, во-первых, — писал К. Маркс, — определенная структура общества, во-вторых, определенное отношение людей к природе. Их государственный строй и их духовный уклад определяется как тем так и другим»⁴⁵. Сказанное о роли полиструктурной политической системы, повлиявшей на общее направление этнических процессов в Дагестане за последнее полтора тысячелетия, ни в коей степени не зачеркивает и древнюю исходную «этническую матрицу». Спонтанные явления типа этнической атрибуции мелких обществ по принципу их формального положения в общеполитической системе могли иметь место на позднем этапе в достаточной степени развитого, классового общества. Предложенная концепция не отрицает, но, напротив, предполагает и все остальные формы этнических процессов типа ассимиляции, инфильтрации и т. п.

Глубина этнической дифференциации соответствует степени автономности или позиции каждого из звеньев обрисованной выше политической системы — вступает в силу некий принцип коррекции; в данной статье мы ограничились его констатацией.

Нами рассматривался лишь один из аспектов этнического процесса, который исторически сложился в Нагорном Дагестане как культурная реакция на формы существующего у народов этого региона общественно-политического строя. Эта реакция проявилась как высоко интегрированное состояние основных черт культуры при одновременной четко выраженной дивергенции других черт, в результате чего создавалась существующая этнолингвистическая ситуация. Часто цитируемое А. Чикобава высказывание П. Услара, что «кавказские языки при изумительном разнообразии обнаруживают глубоко родственные черты»⁴⁶, касается не одного лингвистического, а этнокультурного состояния в целом, которое является внешним отражением общественно-политической системы региона.

⁴³ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 24.

⁴⁴ Куббель Л. Е. Этнические общности и посттарно-политические структуры доклассового и раннеклассового общества//Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982. С. 136.

⁴⁵ Маркс К. Теории о производительном и непроизводительном труде//Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. 1. С. 279.

⁴⁶ Чикобава А. Узловые вопросы исторической фонетики иберийско-кавказских языков//Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси. 1974. № 1. С. 75.

Г. С. Киселев

О РОЛИ ВЛАСТИ В ГЕНЕЗИСЕ КЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА

**[на материале доколониальных обществ
Тропической Африки]**

Проблемы, связанные со спецификой образования и характера докапиталистического классового общества вне Европы, вызывают неослабевающий интерес отечественных историков. Надо сказать, что само существование такой специфики в целом уже не является ныне дискус-

сионным. Марксистская историческая социология во многом преодолела преобладавшую одно время тенденцию фактического отождествления исторических путей тех крупнейших историко-культурных общностей, которые принято условно обозначать как «Восток» и «Запад». Однако содержание упомянутой специфики раскрыто еще далеко не полностью. Так, хотя особая роль власти во всем комплексе социально-экономических и культурно-идеологических отношений на Востоке в целом общепризнана, социально-экономическая природа власти в целом остается до сих пор во многом в тени. Сказанное, в частности, относится к вопросу о месте власти в генезисе антагонистического типа социальной связи, возникновение которой и ознаменовало собой переход ко вторичной формации. Некоторым аспектам этого вопроса посвящена данная статья.

Чтобы исследовать зарождение общественного антагонизма, нужно в первую очередь обратиться к экономическому строю общества, т. е. к системе (совокупности) производственных отношений как основе его воспроизводства. Известно, что К. Маркс употреблял для обозначения такой совокупности понятие «форма собственности»¹. Весьма важно подчеркнуть, что это понятие вводилось в ходе анализа исторического процесса смены определенных форм общественного производства; под «собственностью», таким образом, Маркс понимал здесь исторически определенную систему производительных сил². Разработав новый подход к категории «собственность», Маркс показал, что отношения собственности всегда конкретны, отражая реальные общественные формы производства. Поэтому эволюцию последних нужно рассматривать как процесс возникновения, развития и разложения различных форм собственности. Процесс, о котором идет речь, можно расценить как постепенное выделение частного присвоения средств и условий производства из совокупности производственных отношений, в результате чего такое присвоение все больше приобретает качества частной собственности.

В то же время, говоря о частной собственности, Маркс отмечал, что она «представляет собой своего рода власть», и поэтому называл ее «властью собственности»³. Эта идея Маркса очень важна для настоящей работы, так как она ставит принципиальный вопрос о собственности и власти как о двух различных, но не противопоставленных категориях. Если данный вопрос был поставлен по отношению к капиталистическому обществу, где частная собственность «не обязана своим происхождением политическому господству»⁴, то тем более он важен для обществ докапиталистических, где отношения собственности в той или иной форме всегда основаны на политическом господстве, т. е. на отношениях властвования.

В современной марксистской науке об обществе категория «собственность» применительно к докапиталистическим восточным обществам является одной из наименее разработанных⁵. Поэтому все споры о формационной принадлежности афро-азиатских обществ докапиталистической эпохи и упираются так или иначе в вопрос о том, в чьей же собственности находились там условия и средства производства. В последнее время были предложены новые подходы к этой сложной проблематике. Так, Ю. И. Семенов ввел понятие «обособленная собственность» применительно к парцелле, стремясь оттенить уже не об-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 65 сл.; Т. 46. Ч. I. С. 461 сл.

² См.: Столяров П. П. Вопросы теории и исторического развития форм собственности в работах К. Маркса. Киев, 1970. С. 47; Тер-Акопян Н. Б. Маркс и Энгельс об азиатском способе производства и земледельческой общине//Марксизм и международное рабочее движение. М., 1973. С. 178.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 297; см. также Чешков М. А. Критика представлений о правящих группах развивающихся стран. М., 1979. С. 8.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 299.

⁵ «В нашей литературе, — справедливо заметил, например, в этой связи Л. Е. Куббель, — нет общепризнанного определения понятия „собственность“, хотя практически все авторы исходят из того, что собственность — это прежде всего отношения между людьми» (Куббель Л. Е. Сонгайская держава. М., 1974. С. 257).

ственный, но еще и не антагонистически-частный характер ее присвоения⁶. Ю. И. Семенов предложил и иную трактовку понятия «частная собственность»: «Отношение между двумя частями общества, одна из которых является полным или верховным собственником средств производства, а другая либо полностью лишена средств производства либо выступает лишь подчиненным их собственником». Отсюда и вытекающее им понятие «верховная частная классовая собственность». Л. С. Васильев выдвинул идею о «власти-собственности как об особом раннем типе собственности, неразрывно связанной с отношениями владения, господства-подчинения»⁸.

Рамки статьи не позволяют дать критический разбор упомянутых точек зрения⁹. Отметим лишь, что в целом проблема категории «собственность» применительно к докапиталистическим неевропейским обществам все еще остается весьма неясной. Между тем ясность в методологическом вопросе о содержании этой категории совершенно необходима для изучения (особенно в сравнительно-историческом плане) докапиталистических социальных организмов. В этой связи следует, как представляется, прежде всего обратиться к разработке данной проблематики Марксом.

Типология отношений собственности в широком смысле на докапиталистических стадиях развития разрабатывалась Марксом в ходе общего исследования докапиталистических способов производства. Естественное единство производителей с природными и социальными условиями их воспроизводства, которое могло существовать только в их общественной форме,— вот исходная точка, откуда Маркс начинает свое исследование социальной истории человечества¹⁰. Понятно поэтому, что он обращается к общине непосредственных производителей — первичному типу социальности. Правда, во второй половине прошлого века, как мы теперь знаем, были известны только сравнительно недавние типы общин; неясным оставалось еще и соотношение семьи, рода, его подразделений и общины. Но для принципиальной постановки вопроса это было не столь важно.

Принципиально важным было положение о том, что на докапиталистических стадиях развития община (человеческий коллектив) представляла собой природную, т. е. естественно-социальную, общность¹ через посредство которой и были лишь возможны присвоение индивидом условий и средств производства, а следовательно, и само произ-

⁶ Семенов Ю. И. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община // Становление классов и государства. М., 1976. С. 39.

⁷ Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи. М., 1974. С. 240; см. также его же. Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии: прагматизм и аграрные отношения // Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1980. С. 111.

⁸ Васильев Л. С. Феномен власти-собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982. С. 60—99.

⁹ Подробнее см. Киселев Г. С. Доколониальная Африка: формирование классового общества (состояние проблемы и перспективы ее разработки). М., 1985. С. 34—35, 57—62.

¹⁰ «В объяснении нуждается (или результатом некоторого исторического процесса является), — писал Маркс, — не единство живых и деятельных людей с природными, неорганическими условиями их обмена веществ с природой и в силу этого присвоения ими природы, а разрыв между этими неорганическими условиями человеческого существования и самим этим деятельным существованием, разрыв, впервые полностью разившийся лишь в форме отношения наемного труда и капитала» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 478).

¹¹ Поскольку главной задачей Маркса в «Формах...» было показать то главное, что объединяет докапиталистические формы социальности и противопоставляет их буржуазному строю, постольку он говорил о естественной природе всех типов общин. При более же конкретном подходе к выделенным им трем типам общины (и трем формам собственности) становится очевидным, что степень их единства с природными и социальными условиями воспроизводства была существенно различной: в «античной» и «германской» общинах появилось в отличие от «азиатской» частное присвоение и частное воспроизводство. Поэтому ниже понятие «естественно-социальная общность» будет употребляться только по отношению к «азиатскому» типу.

водство. Община непосредственно выступала как общественная форма производительных сил. Она была, как считал Маркс, первой великой производительной силой, обеспечивавшей *«воспроизводство образующих общину индивидов как собственников»*¹². Такая общность выступала, по мысли Маркса, необходимым природным (естественным) условием существования человека «точно так же, как его живое тело, воспроизводимое и развиваемое им, первоначально создано не им самим, а является *предпосылкой* его самого»¹³. Она в то же время выступала и в качестве первой предпосылки *«присвоения»* людьми *объективных условий* как их жизни, так и той деятельности, при помощи которой эта жизнь воспроизводится и облекается в предметные формы»¹⁴.

Воспроизводство материальных условий существования человека (экономический процесс в широком смысле) происходило, как следует из размышлений Маркса, только через процесс присвоения естественных условий труда (прежде всего, конечно, земли) посредством и в рамках общины. «Собственность» поэтому, писал Маркс, «означает... первоначально не что иное, как отношение человека к его природным условиям производства как принадлежащим ему, как к своим собственным, как к *предпосылкам, данным вместе с его собственным существованием*, — отношение к ним как к *природным предпосылкам* его самого, образующим, так сказать, лишь его удлинненное тело»¹⁵. Таким образом, поскольку человек мог относиться к своим природным предпосылкам как к собственным только через общину, он также присваивал ее как неорганическое условие своей жизни и сам присваивался общиной. Поэтому экономический процесс приобретал здесь характер и форму отношений естественной общности, или непосредственно социальный характер, при которых главной целью воспроизводства являлся человек в его определенных отношениях к общине, а не создание богатства в вещной форме.

Другой принципиально важной мыслью Маркса была идея о том, что исходная, общинная основа «с самого начала имеет *ограниченный* характер, но с устранением этого ограничения она вызывает упадок и гибель»¹⁶. В «Формах, предшествующих капиталистическому производству» были, в частности, выделены три пути и три типа разложения первобытной социальности, связанные с ее трансформацией в «азиатскую», «античную» и «германскую» общины (с соответственной трансформацией «форм собственности»).

Мысль о разложении первичной социальности как об условии и факторе перехода к другим типам общины и присвоения была высказана Марксом и в набросках ответа на письмо В. Засулич. Здесь предполагалось, что «новейшей ступенью» архаической формации (т. е. первобытнообщинного строя), социальным организмом, в рамках которого уже был возможен переход к вторичной формации (т. е. зарождение антагонистической социальной связи), была община, названная им «земледельческой»¹⁷. Это была община, в которой уже наметилось разложение первичного, естественного типа присвоения вследствие выделения большеземельных групп и их участков (при сохранении общей собственности на основные земли). Однако такое выделение шло настолько медленно, что земледельческую общину можно, как заметил И. Л. Андреев, считать «самостоятельным типом»¹⁸. Весьма важно отметить, что сохранение в земледельческой общине естественно-социального типа общественной связи позволяет рассматривать эту общину как типологически единую с той, что в «Формах...» Маркс обозначил

¹² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 483.

¹³ Там же. С. 478.

¹⁴ Там же. С. 463.

¹⁵ Там же. С. 480.

¹⁶ Там же. С. 475.

¹⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 400—421.

¹⁸ Андреев И. Л. К. Маркс о месте общины во всемирной истории в набросках ответа на письмо В. И. Засулич // Сов. этнография. 1979. № 5. С. 6.

как «азиатскую», и, следовательно, определять характер экономического строя земледельческой общины при помощи понятия «азиатская форма собственности»¹⁹.

Отвечая на вопрос В. Засулич о возможных судьбах русской общины пореформенного времени, Маркс отмечал прежде всего дуализм этой общины, которую он считал «земледельческой», и намечал два пути ее разложения. Один путь вел, по его мнению, к появлению более или менее эмансипированных (т. е. выделившихся из общности) частных собственников, другой, обусловленный ее дуализмом, мог «служить для нее источником большой жизненной силы. Освобожденная от крепких, но тесных уз кровного родства, она получает прочную основу общей собственности на землю и в общественных отношениях, из нее вытекающих...»²⁰.

Эта мысль Маркса позволяет поставить вопрос о том, что оба названных пути разложения естественно-социальной общности, как оставалась земледельческая община, означали различные виды перехода ко вторичной, антагонистически классовой формации. Иными словами, речь здесь идет о том, что человечество, изжив первобытный строй, входило во второй этап своей социальной истории — во вторичную формацию — различными путями²¹. Принципиально важным представляется то, что типы собственности, характерные для названных путей, существенно различались. Какой тип был характерен для Востока? Каково было его содержание?

Маркс замечал, что в условиях начавшегося разложения исходной общинной основы «всего упорнее и всего дольше держится азиатская форма. Это заложено в ее предпосылке, т. е. в том, что отдельный человек не становится самостоятельным по отношению к общине...»²². Как бы заранее предвидя возможное недоумение читателя²³, Маркс специально оговаривает то обстоятельство, что характерная для естественно-социальной общности форма собственности «может реализовываться самым различным образом. Например, ей несколько не противоречит то обстоятельство, что, как в большинстве *азиатских форм объединяющее единое начало*, стоящее над всеми этими мелкими общинами, выступает как *высший собственник* или единственный собственник, в силу чего действительные общины выступают лишь как *наследственные владельцы*. Так как это *единое начало* является действительным собственником и действительной предпосылкой общей соб-

¹⁹ О земледельческой общине как о естественно-социальной общности см. подробнее *Следзевский И. В.* Земледельческая община в Западной Африке: хозяйственная и социальная структура//Община в Африке: проблемы типологии. М., 1977. С. 61—75.

²⁰ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 418. Эта мысль Маркса, хотя она и была высказана применительно к конкретным условиям России второй половины XIX в., имеет, как представляется, общетеоретическое значение. В последние годы своей жизни Маркс уделял проблемам общины особое внимание (см. *Андреев И. Л.* Рукописные страницы истории марксизма. Проблемы общины и рода. М., 1985). Ознакомившись с работами Маурера и Ковалевского, он убедился, что поздние общины, такие, как марка, проиши, как оказалось, в своем развитии стадийно более ранние этапы (в частности, этап родовой общины). Поэтому общинная организация в целом все более явно выступала теперь как первичный тип социальности. Кажется вполне допустимым поэтому, что в набросках письма Засулич мы видим отражение идей Маркса, явившихся результатом общего углубленного теоретического анализа развития общины. Маркс, как верно заметил И. В. Следзевский, ставит здесь «проблему типологии общины, рассматривая ее в более общем контексте развития общественно-экономических формаций» (*Следзевский И. В.* Земледельческая община... С. 62).

²¹ Как известно, разработка идей, которые должны были теоретически обосновать специфику возникновения и развития классового общества в неевропейском мире, очевидную для Маркса и Энгельса еще в 40-х годах прошлого века, осталась в целом незавершенной классиком марксизма. Впервые сформулированные в 50-х годах (см. переписку Маркса и Энгельса: *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 28. С. 215, 221), эти идеи так никогда и не были детально разработаны Марксом на уровне формационной теории.

²² *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. I. С. 474.

²³ А такое недоумение действительно возникает из-за того, что Маркс не проводит четкого различия между категориями «азиатская» и «племенная» формы собственности.

ственности, то само оно может представляться чем-то особым, стоящим выше этого множества действительных отдельных общин, в которых каждый отдельный человек, таким образом, на деле лишен собственности...»²⁴.

Итак, присваивать условия и средства производства при «азиатской форме собственности» человек мог лишь через посредство верховной власти, сам, в свою очередь, присваиваясь ею. Речь здесь идет об отношениях, при которых, писал Маркс, «сами работники, сами живые носители рабочей силы еще непосредственно принадлежат к объективным условиям производства и присваиваются в качестве таковых...»²⁵. «Отношение индивида к условиям труда как к своей собственности... — пояснял он далее, — предполагает определенное существование индивида как члена племенного или общинного коллектива (собственностью которого он сам до известной степени является»²⁶.

Идеи Маркса о характере собственности на Востоке были восприняты и применены при исследовании конкретных обществ наиболее молодой отраслью отечественной востоковедной науки — африканистикой. Это неудивительно: ведь наряду с другими районами земного шара именно Африка служит гигантской лабораторией, где в течение десятков лет проводятся полевые исследования общественных структур, находящихся на том или ином этапе перехода к классовому обществу, причем переход этот, как признано большинством африканистов, существенно отличается от хорошо известного европейского варианта.

В доколониальной Африке, как и на Востоке в целом, первичные классовые социальные организмы складывались в форме надобщинных, раннегосударственных образований. В таких образованиях правящий слой формировался постепенно из представителей родовой верхушки; их место в складывающейся иерархической системе должностей, титулов зависело, как правило, от места их линиджа (малого рода, или родовой группы), а иногда и возрастной группы (границы которой могли перекрывать рамки линиджа) в иерархии этих родовых и половозрастных структур. В ходе процесса классовообразования правящий слой все более отделялся от общин, концентрируясь вокруг верховной власти.

В результате исследования экономического строя африканской общины И. В. Следзевский выдвинул идею о том, что она относится к тому типу общин, которые Маркс определял как земледельческие и разложение (эволюцию) которых он связывал с переходом ко вторичной формации. Опираясь на методологический принцип анализа общинных форм, разработанный Марксом в «Формах...», И. В. Следзевский сделал следующий вывод: «В основе экономической организации традиционной африканской земледельческой общины... лежит *особый социальный тип производительных сил* (курсив мой. — Г. К.), вне которого не существует других (функционирующих) элементов производительных сил»²⁷. Иными словами, экономический процесс в целом имел здесь непосредственно социальный характер, совпадая с воспроизводством общины. Поэтому и производительные силы в общине совпадали с организацией воспроизводства человека в системе социальных отношений.

В качестве основного элемента (фактора) системы социальных производительных сил выступают, как полагает Ю. М. Кобищанов, ячейки производства как нерасчлененная форма экономического процесса²⁸. В рамках надобщинного образования функции присвоения ячеек производства превращались в особый вид организационно-управленческого

²⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 463.

²⁵ Там же. С. 488.

²⁶ Там же. С. 485.

²⁷ Следзевский И. В. Земледельческая община... С. 107.

²⁸ Кобищанов Ю. М. Африканские феодальные общества: воспроизводство и неравномерность развития//Африка. Возникновение отсталости и пути развития. М., 1974. С. 233 сл.

труда. В силу характера производительных сил экономические отношения в совокупном социальном организме также принимали характер и форму естественно-социальной общности, но опосредовались уже только принадлежностью индивида к общине, но и принадлежности самой общины к данному образованию. Поэтому отношения присвоения реализовались здесь уже как триединый процесс: 1) присвоения людьми природных условий производства, 2) присвоения человека общиной и 3) присвоения самих общин правящим слоем надобщинных образований²⁹.

Ряд советских исследователей африканских доколониальных обществ, изучавших формы присвоения, характеризующиеся его природными предпосылками и социальным характером экономического процесса, предложили определить эти формы как «владение»³⁰. Автор данной статьи попытался раскрыть содержание категории «владение» в ее целостности, опираясь на положение, согласно которому социальные различия по отношению к средствам производства (по месту в системе отношений собственности) не могут противопоставляться различиям по характеру труда (месту в системе разделения труда). Эти различия «образуют диалектическое единство, поскольку у них один источник: место отдельных групп людей в системе общественного производства, общественной организации труда»³¹. Отсюда был сделан вывод, что владение общинами выступало не только в качестве власти как таковой (в функции собственности), но и как форма присвоения³².

Каково экономическое содержание «властной» стороны владения (подобного нерасчлененного единства собственности и власти)? Какова, другими словами, социально-экономическая природа власти, обусловленная ее ролью в системе воспроизводства? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно прежде всего иметь в виду, что такая роль заключается в необходимости обеспечения самого воспроизводства, т. е. в необходимости соединения производителей со средствами производства. Поскольку в отличие от капиталистического докапиталистическое воспроизводство не имеет автоматического характера, власти как в рамках общины, так и надобщинного образования приходится осуществлять связь производителей со средствами производства каждый раз заново, выступая, таким образом, как *«волевое начало воспроизводства»*.

При господстве отношений владения власть как волевое начало является формой присвоения человеком природных условий своего существования, с одной стороны, и присвоения человека коллективом — с другой³³. Власть над природой и над человеком имеет, таким образом, целостный характер, выступая в форме отношений господства подчинения. «Благодаря нерасчлененности труда и его объективным предпосылок,— отмечал в связи с этим И. В. Следзевский,— сам индивид непосредственно принадлежит к объективным условиям общественного производства (т. е. воспроизводства других индивидов). Поэтому присвоение самого человека как условия производства неизбежно приобретает форму отношений естественной общности или господства-подчинения, опосредствуется личностными связями»³⁴. Именно отношения господства-подчинения, или внеэкономическое принуждение

²⁹ «Непосредственными элементами присвоения становились,— писал об этом явлении И. В. Следзевский,— не земля или рабочая сила как таковые, а социальные роли и статусы, включавшие в себя материальные предметы, других людей и целые коллективы» (Следзевский И. В. Формирование социально-экономической структуры современной Нигерии. М., 1985. С. 121).

³⁰ См. Кобищанов Ю. М. Африканские феодальные общества. С. 249 сл.; Следзевский И. В. Земледельческая община... С. 95.

³¹ Следзевский И. В. Земледельческая община... С. 93.

³² Киселев Г. С. Доколониальная Африка. С. 65 сл.

³³ «Отношение господства,— писал Маркс,— выступает как существенное отношение присвоения... предпосылкой отношения господства является присвоение чужой воли» (Маркс К. и Энгельс Ф. Т. 46. Ч. I. С. 491).

³⁴ Следзевский И. В. Земледельческая община... С. 106—107.

являются здесь поэтому способом соединения производителей со средствами производства, составляя сущность всего общественного воспроизводства, или способа производства.

Подходя к категории «способ производства» как к синтезу целостных общественных воспроизводственных отношений, как к власти-собственности (т. е. собственности в широком смысле), следует обратить внимание и на то обстоятельство, что власть выступает не только как исходный фактор воспроизводства. В не меньшей мере она является и функцией управления, осуществляемой в самом *процессе* воспроизводства (вторая сторона присвоения). Иными словами, она не только осуществляет непосредственное соединение производителей со средствами производства, но и регулирует другие стороны воспроизводственного процесса: распределение, обмен, потребление.

В силу функционирования власти как исходного пункта системы воспроизводства ее деятельность выступает как ее объективная функция (социальная роль) в этой системе. А поскольку человек при господстве отношений естественной общности является, как уже говорилось, объективным условием воспроизводства, то и его деятельность также выступает как его социальная роль. В этих условиях важнейшей функцией власти становится распределение людей по ролям в системе воспроизводства (последнее поэтому выступает как жесткая ролевая структура). В доколониальных обществах Африки, где общественное разделение труда было сравнительно развитым, существовала уже целая иерархия деперсонизированных социальных ролей, выраженных в системе статусов. При этом социальные роли высшего порядка включали в себя социальные роли низшего порядка. Так, роль верховного правителя воплощала объективную необходимость воспроизводства всего общества и, включая в себя все остальные социальные роли, являлась гарантом этого воспроизводства.

Исторически сложившаяся система социальных ролей отражала, таким образом, обособление различных групп в процессе воспроизводства, выразившееся в монополизации тех или иных общественных функций. Так складывалась система разделения труда, так обособлялись группы непосредственных производителей и организаторов воспроизводства, так появлялись предпосылки классовообразования.

Как изменялось экономическое содержание власти в африканских обществах, переходивших ко вторичной формации по «восточному» пути (т. е. в ходе модификации общественного строя земледельческой общины и включения ее в систему формировавшейся государственной власти в качестве ее социально-экономической основы)? Чтобы ответить на этот вопрос, следует прежде всего учитывать, что модификации подвергался господствовавший в естественно-социальной общности способ производства в целом (отношения собственности как синтез всех производственных отношений), раскрывавшийся в первую очередь в способе соединения производителей со средствами производства. Как и во всех докапиталистических обществах, способ соединения производителей со средствами производства в африканских обществах базировался на так называемом внеэкономическом принуждении. Различая две формы внеэкономического принуждения — естественную и земельную³⁵ — и обосновывая выделение естественной формы характерными для земледельческой общины нерасчлененностью земли и человека, конкретным характером труда и т. д., мы окажемся вынужденными признать, что содержание внеэкономического принуждения не могло здесь ограничиваться только отчуждением прибавочного продукта как способа увеличения материального богатства.

Западные и советские исследователи обратили внимание на характерный для первобытных и раннеклассовых обществ приоритет в общей системе ценностей не материального богатства, а престижа, поддержки

³⁵ Киселев Г. С. Доколониальная Африка. С. 35—36.

и признания со стороны других своей социальной роли человека³⁶. Достигалось средствами, противоположными тем, при помощи которых создавалось вещное богатство, накопление здесь велось в целях раздачи произведенного продукта. В западной антропологии был в этой связи введен термин *gesirgosity*, обозначающий необходимость эквивалентного обмена продуктами производства и деятельностью³⁷.

Таким образом, становится понятным, что общественное положение здесь определялось не богатством, а именно ролью в системе социальных позиций, т. е. социальной позицией в системе воспроизводства общества. Чем более важное место занимал человек в системе воспроизводства общества, чем ближе стоял он в этой иерархии к верхнему звену, тем больший общественный вес и престиж он имел. Естественно поэтому, что отдельные представители знати стремились скорее к накоплению материальных богатств, а к закреплению и повышению своего социального статуса. Отчуждение у общинника прибавочного продукта не сводилось здесь, таким образом, к созданию системы прибавочного труда. Прибавочный продукт перераспределялся исключительно в рамках патронажной системы, обеспечивавшей воспроизводство всего общества. Принципиальное значение в этих условиях имело поэтому не отчуждение прибавочного продукта (хотя, конечно, и оно той или иной степени имело место), а та сторона отношений владения, о которой речь шла выше, — присвоение человека носителями высших социальных ролей.

Можно, таким образом, предположить, что антагонистическая социальная связь складывалась в доколониальных обществах Тропической Африки в виде сложной системы, которую можно определить условным термином «система угнетения». Основное ее содержание составляло присвоение человека естественной общностью, персонифицированной лице ее руководителей, выступавшее как решающий фактор нормального воспроизводства. В рамках этой системы существовали лишь предпосылки складывания эксплуатации как узкоэкономических отношений находившихся в нерасчлененном единстве с отношениями угнетения.

Однако в ходе исторического развития появились возможности и для вычленения эксплуатации из этого единства. Автор данной статьи на материале доколониальной Африки показал, как вследствие складывания надобщинных структур в экономическом строе общества появились принципиально новые моменты, создавшие предпосылки для такого вычленения³⁸. Связанное с появлением невольничества и созданием собственных хозяйств отдельными представителями знати, это явление имело своим следствием персонализацию и, следовательно, изменение характера социальных ролей такого общества. По мере появления в традиционной системе разделения труда все большего места для лиц, чья занятость в совокупном труде по воспроизводству общества уменьшалась, первоначальный характер деперсонизированных социальных ролей искажался. Лица, занятые в системе организации прибавочного труда, уже обладали некоторой независимостью от общества, имея возможность собственного воспроизводства вне своей социальной роли, вне рамок патронажной системы. Именно о такой модификации Маркс писал: «Если вместе с землей завоевывают самого чело-

³⁶ См., например, *Следзевский И. В.* Хаусанские эмираты Северной Нигерии. М., 1974. С. 14. О типологически сходном отношении к богатству в раннесредневековых европейских обществах см.: *Гуревич А. Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 28 сл.; *его же.* Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 225 сл.; *Васильев Л. С.* Социальная структура и социальная мобильность на традиционном Востоке // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. Проблема социальной мобильности. М., 1986. С. 37 сл.

³⁷ *Polany K.* Primitive, Archaic and Modern Economies // Essays of K. Polany. N. Y., 1968. В западной науке был даже введен термин «престижная экономика»; (см., например, *Pearson H. W.* The Economy Has No Surplus. Critique of a Theory of Development // Trade and Market in Early Empires / Eds. Polany K., Arensberg C. M., Pearson H. W. N. Y., 1957).

³⁸ См. *Киселев Г. С.* Доколониальная Африка. С. 90 сл.

века как органическую принадлежность земли, то его завоевывают как одно из условий производства, и таким путем возникают рабство и крепостная зависимость, которые вскоре извращают и видоизменяют первоначальные формы всех общин, сами становясь базисом последних»³⁹.

Каков же был характер складывающегося нового базиса? Как влияли названные процессы на характер отношений владения? Складывалась ли система частного воспроизводства? В самом деле, ведь если в обществе появилась объективная возможность частного присвоения средств и условий производства (т. е. воспроизводства человека не как акциденции коллектива), то общественное присвоение, т. е. присвоение общин властью, должно было ограничить сферу своего господства, а в итоге, как это было в античном мире, и уступить первому место. Должен был, иными словами, измениться сам способ соединения производителей со средствами производства; в результате этого должны были бы разложиться отношения владения. А следствием этого, в свою очередь, было бы изменение (в ходе персонализации социальных ролей) природы социальной роли власти в ее прежнем качестве основного фактора воспроизводства общества.

Однако в доколониальной Африке этого не произошло. Основная причина данного явления заключалась в том, что субъектом зарождавшегося здесь частного присвоения и частного воспроизводства были сами носители власти, причем — что наиболее важно — *единственным* их субъектом. Как раз из-за положения носителей власти в системе общественного воспроизводства элементы эксплуатации не могли сложиться в особую сферу социальных связей, существующую вне системы господствующих общественных отношений. Эксплуатация как новый тип социальной связи объективно должна была и дальше оставаться не более чем элементом системы отношений угнетения.

Именно это и составляло специфику начавшегося в наиболее развитых обществах доколониальной Африки процесса разложения земледельческой общины. Такое разложение, следовательно, шло по пути модификации отношений владения, которые в превращенной форме и составляли основу нового базиса.

Не входя в сферу социальных ролей представителей правящей верхушки, общины невольников («чужаков») объективно способствовали персонализации этих ролей: они находились в зависимости от конкретных лиц из окружения правителя или даже от него самого. В первую очередь среди этих лиц и появились, видимо, накопители — сначала продуктов материального производства, а потом и невольников⁴⁰.

Носители власти, таким образом, продолжали присваивать общины в то время, когда у них уже появился и частный интерес. Это было по существу частное присвоение и частное воспроизводство, воспроизводство частично уже вне рамок своей прежней социальной роли. Но — и сказанное следует особенно подчеркнуть — это было частное воспроизводство носителей власти, т. е. носителей общественно необходимой функции. Специфика данного явления заключается в том, что частное воспроизводство как бы «насаждалось» сверху, существуя в форме частного воспроизводства власти в то время, когда частного воспроизводства в рамках мелких хозяйств (парцеллы) еще не было. Господствующим типом присвоения поэтому оставалось общественное (как альтернативное частному). Появляющаяся «сверху» возможность

³⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 480.

⁴⁰ Это не должно вызывать удивления: несмотря на господствовавшее престижное потребление, распоряжение прибавочным продуктом невольников объективно порождало возможность для правящей верхушки распоряжаться и общинными фондами. «Расширялись возможности, — писал о такой ситуации А. И. Першиц, — как для злоупотребления общинными фондами, так и для постоянного увеличения роли вождей, все более превывавшей их непосредственные возможности» (Першиц А. И. Начальные формы эксплуатации и проблема их генетической типологии // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 61).

частного воспроизводства, как и сопровождавшие ее некоторое развитие товарно-денежных отношений и усиление наряду с социальным и имущественного неравенства, лишь дополняли отношения владения, а разлагали их, модифицировали «азиатскую форму собственности», а уничтожали ее. В то же время — и это очень важно — появление во множестве частного воспроизводства обуславливало возникновение новых аспектов властных отношений, все больше основывавшихся на интересах эксплуатации непосредственных производителей. Власть в этом в определенной мере теряла свой общественно необходимый характер и приобретала форму частного интереса, антагонистического своей социальной сути.

С течением времени экономический строй общества земледельских общин Тропической Африки хотя и чрезвычайно медленно, но неуклонно разлагался. В этом процессе играли роль и продолжающееся укрепление большесемейных хозяйств, и разлагающее влияние частного воспроизводства знати, и внешние обстоятельства — работорговля, войны. В таких условиях социальная роль власти, по-прежнему выступавшей в качестве единственного гаранта воспроизводства, неизбежно должна была видоизмениться. Подобная модификация должна была проявиться прежде всего в способе соединения производителей со сферами производства. С одной стороны, внеэкономическое принуждение сохраняло свою естественную форму (поскольку земля еще не выделялась в сферу возмездных отношений), с другой же — объективное должно было измениться содержание волевого отношения господства. Действительно, в условиях, когда в обществе появилась принципиальная возможность частного воспроизводства, такое господство должно было сводиться к всемерному поддержанию единства человека и коллектива, т. е. к противодействию эмансипации производителя как индивида, оторванного от общины. Поэтому в процессе модификации отношений владения особую роль сыграла вторая их сторона — присвоение коллективом (уже на ранних стадиях развития персонифицированным в лице его главы) отдельного человека. Именно перенос акцента на присвоение человека в условиях, когда оно теряло свой объективный обусловленный характер, и составил специфику развивавшейся здесь антагонистической социальной связи.

Характерное для отношений владения жесткое закрепление за человеком его социальной роли уже само по себе представляется важным социокультурным явлением. Оно служило объективным препятствием на пути выделения человека из естественной общности, персонификации его социальной роли, формирования его как личности, индивида. Оно, таким образом, затрудняло тот процесс, при котором, по словам Маркса, человек «обособляется как индивид... в результате исторического процесса»⁴¹. Иными словами, человек оставался здесь атрибутом «связующего единства», власти, ее «акциденцией» (термин Маркса)⁴². Его воля как неотъемлемая часть его личности присваивалась коллективом, персонифицированным в носителях власти. Вследствие этого происходило своеобразное опредмечивание (также в широком смысле) человека — процесс, в котором способности человека, в частности его труд, переходили к коллективу и его персонификатору — власти и воплощались в них. Именно поэтому последние оказывались, по выражению Маркса, «человеческим предметом»⁴³, т. е. социокультурным явлением.

Каким же образом эта сторона владения становилась со временем основным его элементом? «Главное в волевом акте заключается в осознании ценностной характеристики цели действия, ее соответствии принципам и нормам личности. Для субъекта воли характерно не пе

⁴¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 486.

⁴² Там же. С. 465.

⁴³ Там же. С. 121.

реживание „я хочу”, а переживание „надо”, „я должен”»⁴⁴. Понятно поэтому, что для присвоения личности, или для отчуждения воли человека, требовалось осуществлять необходимую деятельность, направленную на создание и поддержание соответствующих ценностных норм. Власть должна была формировать содержание императива «надо».

В доколониальной Африке такая деятельность власти объективно основывалась на религиозном сознании и мифологическом типе познания (картине мира) в целом, чем и объясняется ее ритуально-мистическая форма. Действительно, как было показано множеством исследователей, традиционное сознание непосредственно обуславливало нормальное воспроизводство общества стабильностью и, так сказать, «состоянием здоровья» верховной власти. Отсюда и описанные во множестве научных работ — как по Африке, так, впрочем, и по Древнему Востоку и другим районам земного шара — обожествление царя, с одной стороны, и умерщвление его (или принуждение к самоубийству) по достижении дряхлости или из-за болезни — с другой⁴⁵.

Данное явление имело и другую, весьма немаловажную сторону. Обожествление носителя верховной власти давало некоторую «правовую» санкцию тому объективному положению, которое Маркс определял как «поголовное рабство», когда «отдельный человек... по сути дела, сам — собственность, раб того, в ком олицетворено единое начало общины»⁴⁶. Характерно, что «восточный» царь нередко действительно относился к своим подданным как к рабам и они сами признавали себя таковыми.

Итак, зарождение и развитие антагонистической социальной связи происходило в раннеклассовых обществах Тропической Африки в рамках модифицировавшихся отношений владения. Это обусловило сохранение системы угнетения, при котором условия воспроизводства отчуждались от человека прежде всего через присвоение его личности (отчуждение его воли), выступавшее в качестве важнейшего элемента антагонистического способа соединения производителей со средствами производства, т. е. способа производства. Можно поэтому полагать, что именно в рамках владения здесь зарождается и развивается отчуждение человека — «социальный процесс, присущий классово антагонистическому обществу и характеризующийся превращением деятельности человека в самостоятельную силу, господствующую над ним и враждебную ему»⁴⁷.

Для античной и германской «форм собственности», в известной мере взорвавших свойственную предшествующей эпохе нерасчлененность земли и человека, была характерна прежде всего некоторая эмансипация человека как собственника средств и условий своего воспроизводства (обособление человека как индивида, выделение его из естественной общности), которая предопределила развитие антагонистической социальной связи в направлении присвоения не столько воли человека, сколько средств производства, прежде всего земли. В доколониальной же Африке на первый план выходила своеобразная эмансипация земли (частное присвоение, или субъективирование, земли знатью); человек здесь эмансипировался лишь как владелец другого человека.

Конечно, как писал Маркс, «в самом акте воспроизводства изменяются не только объективные условия... изменяются и сами производители, вырабатывая в себе новые качества, развивая и преобразо-

⁴⁴ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 90.

⁴⁵ См. Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М., 1983; Кочакова Н. Б. Рождение африканской цивилизации. Ифэ, Ойо, Бенин, Дагомея. М., 1986; Традиционные и синкретические религии Африки. М., 1986; Кацнельсон И. С. Напата и Мероэ — древние царства Судана. М., 1970; Дэвидсон Б. Африканцы. Введение в историю культуры. М., 1975; Вейнберг И. П. Человек в культуре древнего Ближнего Востока. М., 1986. С. 115 сл. и многие другие работы.

⁴⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 482.

⁴⁷ Философский энциклопедический словарь. С. 472.

вывая самих себя благодаря производству, создавая новые силы и новые представления, новые способы общения, новые потребности и новый язык»⁴⁸. Все это было и в Африке. Однако здесь, меняясь, человек если и эмансипировался, то не в сторону лично свободного индивидуального действительного собственника условий и средств своего воспроизводства. Он эмансипировался, превращаясь в эксплуататора, но оставаясь при этом лишь владельцем средств и условий производства, «акцидентом» коллектива и его персонификатора. Здесь, пользуясь словами Маркса, «отдельный член общины никогда не оказывается в таком свободном отношении к ней, в силу которого он мог бы утратить свою связь (объективную, экономическую) с ней. Он прочно прирос к ней»

⁴⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 483—484.

⁴⁹ Там же. С. 484.

ОБСУЖДЕНИЕ СТАТЬИ Ю. В. БРОМЛЕЯ, М. В. КРЮКОВА «ЭТНОГРАФИЯ: МЕСТО В СИСТЕМЕ НАУК, ШКОЛЫ, МЕТОДЫ» (СЭ, 1987, № 3)

А. И. Першиц

ЭТНОГРАФИЯ: НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ*

В статье Ю. В. Бромлея и М. В. Крюкова поднят ряд крупных взаимосвязанных проблем, касающихся общего понимания этнографии как науки. Предложенные решения в основном соответствуют тому, что устоялось в советской этнографии за последние десятилетия и разделяется подавляющим большинством специалистов. В то же время кое-что в этих решениях, как представляется, еще нуждается в обсуждении и уточнении. Это, в частности, вопросы о месте этнографии в системе наук, о составляющих предмета этнографии и понимании ее методов, о соотношении направлений и школ в этнографии.

Этнография, пишут авторы статьи, имеет исследовательские зоны, выходящие за рамки собственно исторической науки. Историческая наука в узком значении слова трактует данные о прошлом человеческого общества, хотя и доводит его изучение до современности. Этнография же выступает и как конкретная наука, изучающая этническую специфику жизни современных народов. Более того, одной из ее задач является определение тенденций в развитии этнических общностей, прогнозы в области этнических отношений (с. 47). И далее: иначе говоря, в этнографии есть исследовательские зоны, как входящие в рамки исторической науки, так и выходящие за ее пределы (там же). Здесь авторы сперва говорят о соотношении этнографии с собственно исторической наукой, исторической наукой в узком значении слова, а затем с исторической наукой вообще. Это неточно, но в данном случае существенно не это. Существенно то, что история является наукой о прошлом человеческого общества только в обыденном понимании этого слова. В научном понимании история — наука о развитии человеческого общества в его конкретике и его закономерностях, и авторы сами совершенно правильно отмечают, что история доводит свои исследования до современности. Больше того. Как и в этнографии, где на рубеже 1940-х и 1950-х годов наметилось стремление к приоритетному изучению современности, так и в истории еще раньше стал делаться упор на изучение новейшего времени вплоть до сегодняшнего дня. При этом исторические исследования ведутся отнюдь не только из здоровой любознательности к делам минувших и наших дней. Знание истории помогает лучше понять тенденции развития и, следовательно, делает возможными те же прогнозы, которые в рамках общественных наук вовсе не являются монополией только социологии, этнографии и т. п. А если это так, то отнесение этнографии к числу наук, хотя и исторических, но не только исторических, видимо, по меньшей мере спорно.

* Здесь и в остальных откликах ссылки на исходную статью даются в тексте.

Касаясь характера предметной области этнографии в сочетании с особенностями основного исследовательского метода, авторы совершенно справедливо указывают, что важнейший раздел этнографической науки составляет так называемая историческая этнография. Она включает в себя прежде всего этническую историю, но в то же время является существенным компонентом общепристорического знания (с. 48). Последнее положение не раскрыто, но хотелось бы понимать его таким образом, что этнография наряду с этнической историей должна изучать этнические функции культуры на всех основных этапах исторического процесса — от первобытно-общинного строя до современных позднекапиталистических и социалистических обществ. Но в деле положение иное. Если этнография первобытности с ее огромным мировоззренческим значением пока еще изучается у нас силами пусть небольшого, но все же самостоятельного сектора, а этнография конца нового и новейшего времени — почти всеми остальными этнографами страны, то для других исторических эпох эпизодически исследуются лишь отдельные и довольно-таки случайно взятые культурные объекты. Причин этому, по-видимому, две. Первая не связана с пониманием этнографии как науки. Просто приоритетный характер этнографии современности ведет к передвижению сюда кадров из области исторической этнографии. Но вторая причина органичнее. Она связана с тем, что этнография рассматривается не только как наука о народах-этносах, но и как наука, важнейшей методикой которой являются полевые исследования (с. 47). А ведь ясно, что с помощью полевых исследований в наши дни трудно исследовать культуру и быт даже конца нового времени. Между тем по преобладающим в науковедении подходам науки (может быть, за исключением одной только археологии) выделяются не по своим методикам, а по своим объектно-предметным сферам. И с этой точки зрения безразлично, изучается ли быт, предположим, феодального города преимущественно на основе полевых данных (как, например, применительно к Средней Азии) или же главным образом на основе архивных, вещественных и литературных источников (как, скажем, применительно к России).

В связи с выпячиванием полевой методики этнографии как одной из ее *differentia specifica* уместно обратить внимание на сопоставление авторами статьи двух подходов к изучению истории современных этнических общностей. При одном из них историк продвигается от древности к нашим дням, при другом этнограф пятится раком от современной этнической картины в глубь истории (там же). Допустим, что при изучении этнической истории этот второй подход возможен, хотя и здесь он не обязателен. Но нельзя не выразить сожаления, что этот же подход (кажется, по инициативе социологов — в тех случаях, когда они не считают возможным обойтись совсем без исторического фона) стал проникать и в этнографические характеристики культуры и быта. Такие характеристики напоминают биографии, изложенные в обратном направлении. В. И. Ленину логика исследования виделась иначе: «...смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы это явление в своем развитии проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹.

Характеризуя этнографические направления и школы, авторы правильно отмечают, что пока еще не выработано таксономических критериев для различения этих двух понятий и что более дифференцированный подход — дело будущего (с. 50). Все же пока суд да дело, как бы в рабочем порядке говорится об основных международных школах этнографической науки и более локальных национальных направлениях. Между тем в более или менее общепринятом стихийно сложившемся этнографическом словоупотреблении дело обстоит скорее наоборот:

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 67.

выделяются международные направления и более локальные школы. Пишут об эволюционизме, диффузионизме, функционализме, структурализме и т. п. как международных направлений в этнографии и в то же время о таких школах, как кельнская — Гребнера, венская — Шмидта — Копперса или датская — Биркет-Смита в диффузионизме, английская — Малиновского или немецкая — Турнвальда в функционализме и т. п. Правда, из этого правила имеются и исключения, и — согласимся еще раз — задача выработки точных таксономических критериев остается актуальной.

Однако при всех обстоятельствах уже сейчас необходимо намного четче, чем это сделано в статье, определить отличительные черты марксистского направления в этнографии, а не только советской этнографической школы. Сказать, что в основе этого направления лежит диалектико-материалистический принцип научного анализа (с. 60), — значит, не сказать ничего, так как этот же принцип лежит в основе всех марксистских общественных наук. Гораздо конкретнее показаны в статье отличительные черты сложившейся за последние два десятилетия и связанной с именем Ю. В. Бромлея советской этнографической школы. Для нее характерны, в частности, предельно выраженный интерес к этническим аспектам истории и детально разработанная теория этноса. Свойственно ли это другим национальным или персональным школам в марксистской этнографии, и прежде всего в этнографии ГДР? Хотелось бы получить ответ также и на этот вопрос, в особенности учитывая совместный советско-гдээрровский характер предполагаемого очередного выпуска «Свода этнографических понятий и терминов».

Ю. И. Семенов

О ПРЕДМЕТЕ И ВНУТРЕННЕЙ СТРУКТУРЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ

Этнография, как и многие другие науки, начинает со сбора и накопления фактов, с тем, чтобы в дальнейшем перейти к их систематизации, а затем и теоретическому обобщению. И прежде всего перед нами встает вопрос: существует ли такой фактический материал, сбором которого занималась бы исключительно этнография. Ответ на этот вопрос может быть только утвердительным. К ведению этнографии, и только этнографии, относятся общества, продолжавшие оставаться первобытными или предклассовыми (т. е. переходными от первобытных к классовым) к моменту их изучения. Лишь этнография изучает материальную и духовную культуру этих обществ, а также все существующие в них отношения и институты.

Однако этнография, как правило, не ограничивается исследованием одних лишь сохранившихся до наших дней доклассовых и предклассовых обществ. В любом обществе восточного и феодального типов всегда существовали две связанные, но тем не менее разные культуры. Одна — культура и крестьянские социальные отношения и институты находятся крестьянская культура исследуется фольклористикой и этнографией. Первая ограничивается изучением лишь устного народного творчества. Все прочие явления духовной культуры, а также крестьянская материальная культура и крестьянские социальные отношения и институты находятся почти исключительно в ведении этнографии.

К тому времени, когда возникла и оформилась этнография, крестьянская культура стала уже по существу архаикой. Еще большую архаику представляла культура доклассового и предклассового обществ. Именно с этим связано одно время широко распространенное определение этнографии как науки о «живой старине».

На первых этапах развития этнографии деятельность исследователей в основном сводилась к сбору и тесно связанному с ним первичному обобщению фактов, к первичной классификации, скорее даже инвентаризации фактов. Труды, содержание которых сводится к описанию: первичной классификации фактов, относящихся к той или иной первобытной или крестьянской общине, создаются и сейчас. И когда в англоязычной литературе встречается термин *этнография*, то в отличие от советской литературы он применяется лишь для обозначения такого рода исследований. Для обозначения работ, авторы которых в той или иной степени выходят за эти узкие рамки, используются иные термины: *энология*, *культурная антропология*, *социальная антропология*.

В течение определенного периода этнография оставалась чисто эмпирической наукой. Однако по мере накопления эмпирического материала насущной необходимостью стал переход к теоретическому уровню познания. И перед исследователями, пытавшимися дать теоретическую интерпретацию этнографическим фактам, с неизбежностью встал вопрос о том, теорию какого именно объекта они ставят своей задачей создать.

Одни исследователи считали своим объектом культуру. Это имело свое оправдание в том, что при первом подходе к явлениям, описываемым этнографией, все они могли быть истолкованы как феномены культуры. Сторонники такого подхода рассматривали этнографию как науку о культуре, с чем связано появление в последующем термина *культурная антропология*. Начав с рассмотрения первобытной культуры вообще (Э. Тайлор), эти исследователи перешли в дальнейшем к детальному анализу и сравнению отдельных культур (Л. Фробениус, Ф. Гребнер, Ф. Боас, П. Радин и др.). С целью систематизации и упорядочения фактического материала ими были введены различного рода понятия, такие, например, как «культурный круг», «культурный ареал», «культурный центр» и т. п. Но ни одна из школ в этнографии, для которых понятие культуры было основным, не пошла дальше простой систематизации явлений. Подняться выше эмпирического уровня познания, создать подлинно научную теорию они не смогли.

Для другой части исследователей основным стало не понятие «культура», а понятие «народ, этнос». Культура их интересовала постольку, поскольку она была проникнута этнической спецификой, выполняла этноинтегрирующую и этнодифференцирующую функции. А такой особенностью в полной мере обладала как вся культура классовых и предклассовых обществ, так и крестьянская культура классовых обществ. Как известно, термин «народ» в русском и ряде других языков имеет в применении к классовому обществу по меньшей мере два значения. Под народом понимают, во-первых, низы общества и среди них прежде всего крестьянство, во-вторых, этническую общность. И крестьянская культура в классовом обществе была народной как в том смысле, что была культура низов, так и в том, что она прежде всего характеризовала ту или иную этническую общность.

Если первоначально и в этой области этнографии дело не шло дальше простой классификации, то дальнейшее развитие привело к целому ряду важных теоретических обобщений. Усилиями прежде всего советских исследователей была разработана теория этносов и этнических процессов¹. Особое внимание стало уделяться современным этносам, культура которых не могла быть охарактеризована как прежде всего крестьянская. Результатом было введение в научный оборот и иного фактического материала, кроме того, которым исконно пользовалась этнография. Этнографы стали исследовать любые явления, имеющие этническую специфику. Прежде всего в поле их зрения оказалась вся традиционно-бытовая культура, как деревенская, так и городская. Не только архаичные, но и новые формирующиеся традиции стали объектом

¹ Козлов В. И. Динамика численности народов. Методология исследования и основные факторы. М., 1969; Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973; его же. Очерки теории этноса. М., 1983, и др.

исследования. Внимание стало уделяться профессиональной духовной культуре и общественной психологии. Как следствие этнография вторглась в такие сферы действительности, которые не являлись только ее достоянием, которые она делит с социологией, общественной психологией, искусствоведением и т. д. И здесь ее отличает от других наук не столько объект изучения, сколько тот угол зрения, под которым ведется исследование.

Научная дисциплина, изучающая этносы и этнические процессы, является ведущей в советской этнографической науке. Однако не единственной.

Как уже указывалось, этнография собирала материал не только о духовной и материальной культуре доклассового и предклассового обществ, но и о всех существующих в них социальных отношениях. И это делало возможным и неизбежным подход к этнографическому материалу еще под одним углом зрения. Суть его состояла в том, что на первый план выдвигались не понятия «культура» и «этнос», а понятие «общество», «социальный организм». Одним из первых пошел по этому пути Л. Г. Морган. В его труде «Древнее общество» излагается теория развития первобытного общества и его превращения в классовое. Такое понимание этнографии лежит и в основе труда Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Следовательно, еще один раздел этнографии — научная дисциплина, изучающая законы эволюции первобытнообщинной общественно-экономической формации и ее превращения в классовое общество.

Эта теоретическая дисциплина в известной степени вышла за пределы этнографии, ибо начала использовать факты, накопленные и другими науками, в первую очередь археологией и палеоантропологией.

Перенос центра тяжести с понятия «культура» на понятие «общество» имел место и в трудах многих западных этнографов, стоявших в отличие от Л. Г. Моргана на антиэволюционистских позициях. Такой видный представитель «функциональной» школы в британской этнографии, как А. Р. Рэдклифф-Браун, совершенно четко противопоставил понимание этнографии как науки об обществе пониманию ее как науки о культуре². Именно с этим и связано употребление им для обозначения данной дисциплины термина «социальная антропология».

Переход в дальнейшем к детальному исследованию доклассовых и предклассовых социальных организмов привел к выделению в их составе нескольких subsystem, каждая из которых стала предметом исследования особой субдисциплины. Существующие в первобытных социальных организмах нормы стали предметом исследования *нормативной этнографии*, которая в западной литературе именуется *этноюриспруденцией* или *правовой антропологией*. Организация власти в доклассовых и предклассовых обществах стала предметом исследования особой субдисциплины, которая в западной литературе обычно именуется *политической антропологией*. Наконец, система социально-экономических отношений, являющаяся базисом доклассовых и предклассовых обществ, стала объектом исследования *экономической этнографии* (*этноэкономики*), которая в западной литературе получила название *экономической антропологии*.

В настоящее время доклассовые и предклассовые общества находятся в процессе исчезновения. Вполне понятно, что происходящие в них изменения являются предметом исследования этнографии, но отнюдь не монопольным. Вместе с этнографами эти процессы изучают экономисты, социологи и представители ряда других наук. С полным исчезновением доклассовых и предклассовых обществ данный раздел этнографии превратится в дисциплину, изучающую только прошлое.

Центр тяжести переносится с культуры на общественные отношения не только при изучении первобытности, но и при изучении крестьянства.

² Radcliffe-Brown A. R. Structure and Function in Primitive Society. N. Y., 1965. P. 189.

При этом выяснилось, что в основе бытия в восточном и феодальных обществах двух различных по содержанию и форме культур лежит существование внутриклассовых социальных организмов таких специфических образований, как крестьянские общины.

Существуя в пределах более крупных социальных организмов, крестьянские общины в то же время не являются простыми их составными частями. В их основе лежат иные социально-экономические отношения, чем те, что составляют базис классового социального организма, в который они входят. Поэтому крестьянские общины обладают некоторыми особенностями социальных организмов, выступают в ряде отношений как подлинные социальные организмы. На это обстоятельство неоднократно указывали К. Маркс и Ф. Энгельс³. Как следствие крестьянские общины имели свою культуру, отличную от культуры классового социального организма, в состав которого входили.

В целом ряде отношений крестьянские общины были сходны с первобытными, от которых произошли. Это одновременно объясняет как сходство крестьянской культуры с первобытной, так и то обстоятельство, что они являются объектами исследования одной и той же науки — этнографии. Сходство между первобытной и крестьянской общиной столь велико, что известный американский исследователь объединил их под названием «folk society»⁴. Однако наряду со сходством между ними существуют и серьезные различия. Если первобытная община является вполне самостоятельным социальным организмом, то крестьянская — лишь социальным суборганизмом, всегда существующим в составе более крупного социального организма, который имеет свою культуру, не совпадающую с культурой крестьянской общины, но влияющую на последнюю. В отличие от теории первобытного общества теория крестьянской общины начала создаваться довольно поздно⁵. В частности, сравнительно недавно стали разрабатываться проблемы крестьянской экономики.

Если экономическая этнография (антропология) первоначально занималась почти исключительно экономическими отношениями доклассовых и предклассовых обществ (primitive economy), то к настоящему времени в ней возник и обособился раздел, специализирующийся на изучении экономических отношений внутри крестьянства вообще, крестьянских общин в первую очередь (peasant economy).

В настоящее время крестьянские общины претерпевают быстрые и существенные изменения. Эти процессы изучаются этнографами, но не только ими. Они привлекают к себе внимание как экономистов, так и социологов. С исчезновением крестьянских общин объектом и данного раздела этнографии станет лишь прошлое.

Теория крестьянской общины первоначально разрабатывалась почти исключительно на материалах, собранных этнографией. Однако дальнейшее развитие с неизбежностью требует привлечения материала о древневосточных и средневековых общинах, т. е. данных чисто исторических. Разработка этой теории, таким образом, дело не только этнографов, но и историков.

Как видно из всего сказанного, в составе этнографической науки существуют три основные теоретические дисциплины. Первая из них занимается изучением этносов и этнических процессов. Вторая — представляет собой теорию доклассового и предклассовых обществ. Третья — является учением о крестьянской общине. Вторая и третья дисциплины обречены в ближайшем будущем превратиться в науки о прошлом. И только первая из них еще долгое время будет продолжать оставаться наукой не только о прошлом, но и о настоящем и о будущем.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 544; Т. 19. С. 405.

⁴ Redfield R. Folk Society//Amer. J. Anthropol. 1947. Vol. 52. № 3.

⁵ Redfield R. Peasant Society and Culture. Chicago, 1956.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ В СТРУКТУРЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ

Чтобы понять историю, недостаточно знать каковы вещи, надо знать, каким образом они стали таковыми.

Ф. Боас.

Сложная и весьма ответственная работа по созданию первого марксистского академического словаря основных понятий и терминов этнографии, проводимая совместно в последние годы учеными СССР и ГДР, уже на данном этапе подвела определенный итог развитию понятийно-терминологического аппарата нашей науки, в котором вскрылись существенные лакуны. Выявились также различия в подходе ряда видных этнографов-марксистов к некоторым важным проблемам этнографии. К дискуссионным относится и вопрос о соотношении истории и этнографии — одна из основных тем опубликованной статьи Ю. В. Бромлей и М. В. Крюкова¹.

Существует мнение, что марксистская этнография является целиком исторической наукой в силу присущего ей историзма, который, как известно, требует рассматривать каждое явление исторически, в связи с конкретным опытом истории². Однако нетрудно заметить, что подобная постановка вопроса лишена строгой логики, так как универсальный диалектико-материалистический принцип историзма распространяется не только на историю, но и на другие науки, изучающие общество и природу, — на философию и филологию, экономику и правоведение, географию и геологию и др. В этом смысле историзм, разумеется, присущ и марксистской этнографии в целом, но нельзя не согласиться с авторами статьи в том, что в предметной области этнографии есть исследовательские зоны, выходящие за пределы собственно исторической науки (с. 47), понимаемой, что также хорошо известно, как наука о прошлом человечества.

Ю. В. Бромлей и М. В. Крюков несомненно правы также в том, что историческая этнография — важнейший раздел этнографической науки и является «существенным компонентом общепристорического знания» (с. 48). Они отмечают также, что этот раздел этнографии «включает прежде всего этническую историю» (там же). Такая формулировка предполагает, что предметная область исторической этнографии не исчерпывается этнической историей, но далее, к сожалению, этот вопрос не уточняется. Между тем он заслуживает особого внимания, так как до сих пор содержание понятия «историческая этнография» остается неопределенным и трактуется по-разному, хотя сам термин прочно вошел в современную научную литературу и широко используется. Приведу несколько примеров.

В учебнике «Основы этнографии», опубликованном в 1968 г. под редакцией С. А. Токарева, историческая этнография определена как «особая часть этнографии», занимающаяся изучением «древних и вымерших народов»³. Видимо, по этой причине в своем фундаментальном труде,

¹ См. Сов. этнография. 1987. № 3.

² Так, по мнению С. А. Токарева, «вместе с другими общественными науками этнография составляет часть исторической науки в широком смысле этого термина. Энгельс говорил, что вообще существует только одна наука — история, и она делится на две главные ветви — историю природы и историю людей. Этнография — одна из чисто исторических наук» (Токарев С. А. Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. М., 1958. С. 8).

³ Токарев С. А. Введение//Основы этнографии/Под ред. С. А. Токарева. М., 1968. С. 8.

посвященном этнографии современных народов СССР⁴, С. А. Токарев таким термином не воспользовался. Если же мы обратимся к многочисленным работам, специально посвященным, судя по названиям, исторической этнографии⁵, то обнаружим, что в основном исследуются в ней не только и не столько «древние и вымершие» народы, а народы, ныне живущие. Так, в монографии Т. А. Жданко рассматривается родоплеменная структура и расселение каракалпаков в XIX — начале XX в. В книге Р. Г. Кузеева анализируются преимущественно вопросы доиндустриального хозяйства, родоплеменной структуры, этнической истории и исторической демографии башкирского народа. В университетском учебнике С. П. Полякова, посвященном исторической этнографии Средней Азии и Казахстана, речь идет и о древних жителях этого обширного региона, начиная с каменного века, и об этнографии его коренного населения вплоть до начала XX в. Следует отметить, что и в информационных рубриках ведущих научных библиотек страны (Гос. библиотека им. В. И. Ленина, Гос. историческая библиотека и др.) и ряд опубликованных библиографических указателей⁶ выделена «историческая этнография», хотя содержание этой рубрики не везде одинаково.

Впрочем, несмотря на определенные различия в понимании предметной области исторической этнографии, авторы указанных выше книг видят в ней раздел этнографической науки, изучающий только прошлое народов мира. Можно полагать, что именно ради этого термин «историческая этнография» вводился в названия их трудов. Единственным, пожалуй, исключением — межвузовский сборник «Историческая этнография: традиции и современность», в котором наряду с характеристикой древних культур на основе археологических памятников, освещаются и проблемы современности, включая их прикладные аспекты (статья В. П. Дьяконовой о новом быте алтайцев и тувинцев и статьи Г. Н. Грачевой о коренных народностях Таймыра⁷).

Неопределенность термина, видимо, побуждает некоторых этнографов вообще отказаться от его употребления. Так, например, он не упомянут в учебном пособии Р. Ф. Итса «Введение в этнографию», хотя там содержится специальный раздел о понятийном аппарате этнографии⁸. М. А. Членов, предложив свою схему членения этнографической науки, также не включил в нее историческую этнографию (попутно отметим, что в этой работе он подверг критике взгляд на этнографию как на часть исторической науки)⁹. Не выделяется «историческая этнография» и в рубриках библиографических изданий Института этнографии АН СССР¹⁰, журнала «Советская этнография», в каталогах библиотеки этого Института.

⁴ Токарев С. А. Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры.

⁵ Жданко Т. А. Очерки исторической этнографии каракалпаков. Родо-племенная структура и расселение в XIX — начале XX в. М.; Л., 1950; Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968; Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М., 1974; Чеснов Я. В. Историческая этнография стран Индокитая. М., 1976; Кузеев Р. Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978; Поляков С. П. Историческая этнография Средней Азии и Казахстана. Хозяйство, социальная организация, этническая история. М., 1980; Историческая этнография: традиции и современность. Л. 1983; Фольклор и историческая этнография; Исследования по исторической этнографии монгольских народов. Улан-Удэ, 1986; Гоголев А. И. Историческая этнография якутов. Якутск, 1986, и др. работы.

⁶ См., например: Титова З. Д. Библиография русских библиографий по этнографии народов СССР (1851—1969). М., 1970.

⁷ Историческая этнография: традиции и современность. С. 19—31.

⁸ Итс Р. Ф. Введение в этнографию. Л., 1974.

⁹ Членов М. А. О внутреннем членении этнографической науки (применительно к целям научной информации) // Актуальные проблемы этнографии. М., 1973.

¹⁰ См., например: Библиография трудов Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. 1900—1962. Л., 1967.

Все это и предопределило известные трудности при работе над статьей об исторической этнографии для «Словаря», которая была написана мною. При ее подготовке я исходил из того, что к исторической этнографии следует отнести всю часть предметной области этнографии, которая входит в рамки исторической науки, за исключением, разумеется, самостоятельного раздела, изучающего историю этнографии как науки.

Таким образом, историческая этнография как особый раздел (дисциплина) этнографической науки включает ряд субдисциплин, изучающих этногенез, этническую историю, этнографию исчезнувших этносов, генезис и историю традиционных форм народного быта и культуры (в доклассовом обществе — всей культуры в широком смысле этого слова), формирование и эволюцию хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей.

Сказанное выше позволяет заключить, что изучение «древних и вымерших народов», которое С. А. Токарев считал единственной задачей исторической этнографии, является лишь частью исследовательской зоны этого раздела нашей науки, образуя особую субдисциплину — палеоэтнографию. Последний термин уже давно вошел в этнографическую науку, хотя нередко его относили лишь к археологическим исследованиям, проводимым этнографическими учреждениями, причем и тогда, когда палеоэтнографическая проблематика даже не ставилась.

Предметная область исторической этнографии включает также исторические исследовательские зоны таких пограничных разделов этнографии как этноискусствознание, этнопсихология, этнолингвистика, этнодемография, этногеография и др.

Может возникнуть вопрос, не следует ли отнести к исторической этнографии также и полевые исследования исчезающих форм народного быта и культуры, которые характеризуют главным образом реалии XIX — начала XX в., или даже пережитки более древних эпох вплоть до первобытности? Строго говоря, если эти пережиточные явления старотрадиционной культуры изучаются у населения (пусть даже их хранит лишь память глубоких стариков) — все они так или иначе живут в современности («живая старина») во всей сложности ее связей с прошлым. Это отнюдь не противоречит тому, что целенаправленные полевые исследования пережиточных форм быта и культуры проводятся прежде всего для разработки вопросов исторической этнографии и служат важнейшим компонентом ее источниковедческой базы.

Таким образом, *историческая этнография* — это одна из важнейших дисциплин нашей науки наряду с *этнографией современности* (включающей также прогнозирование этнических процессов вплоть до отдаленного будущего), *теоретической этнографией* (система основных идей науки, включая теорию этноса) и *научно-вспомогательными разделами* (методика полевых этнографических исследований, этнографическое музееведение и др.), и *историей этнографии* как науки.

Говоря о современных исследованиях в области исторической этнографии, нельзя не обратить внимания на весьма существенные различия в степени разработки входящих в нее субдисциплин. Например, изучению отдельных сторон традиционной культуры народов СССР в конце XIX — начале XX в. посвящены многочисленные статьи, диссертации, книги. Обычно они именуются «историко-этнографическими» исследованиями, но очень важные для исторической этнографии проблемы генезиса, истории тех же форм культуры — рассматриваются крайне редко; их характеристики, данные на синхронном уровне, ограничиваются, как правило, концом XIX — началом XX в. Аналогичная картина наблюдается и с изучением хозяйственно-культурных типов в глобальном и региональном масштабах. Их характеристики, структуры, синхронные типологии достаточно полно разработаны, но конкретные вопросы генезиса основных хозяйственно-культурных типов почти не изучаются. Между тем, казалось бы, именно в таких работах должен был проявить себя подлинный историзм исторической этнографии (да извинит меня

читатель за кажущийся каламбур), но его-то и нет. Работ советских этнографов, посвященных культурно-генетической проблематике крайне мало, они насчитываются единицами.

Причины серьезного отставания культурно-генетических исследований достаточно сложны и вряд ли могут иметь однозначное объяснение. Но одна из основных, на мой взгляд, восходит к сложившейся еще в рубеже XX в., в особенности в западной науке, недооценке и даже отрицанию возможностей культурно-генетического направления в этнографии. Как известно, это направление берет начало в трудах эволюционистов XIX в., впервые обратившихся к историческому изучению родной культуры, закономерностей ее развития и генезиса отдельных компонентов. Однако теория эволюции человеческой культуры, так ярко отраженная в работах Э. Тэйлора, Д. Фрэзера, Л. Моргана и других исследователей, с их представлением о прогрессе как основе развития подверглась в условиях реакции буржуазной философии на марксизм к концу XIX — началу XX в. критике со стороны ряда школ и направлений в этнографии. Ф. Боас, последователи его «исторической школы», «диффузионисты», «функционалисты» и представители других направлений во многом справедливо критиковали слабые стороны однолинейного эволюционизма. Вместе с тем Боас разработал ряд очень важных методических вопросов изучения генезиса народной культуры, совершенствования методики полевых исследований, о чем идет речь в обсуждаемой статье (с. 51—54). Ему принадлежит яркий афоризм: «Чтобы понять историю недостаточно знать, каковы вещи, надо знать, каким образом они стали таковыми»¹¹. Однако противопоставление Боасом закономерностям исторического процесса релятивистской концепции множественности уникальных этнических культур, их многолинейного развития, по существу, отказ от сравнительного метода, недооценка этнографических фактов для реконструкции культурогенеза привели в конечном счете к тому, что исследования его и его учеников не позволили создать сколько-нибудь цельной картины генезиса культур народов мира, к чему он неоднократно призывал и искренне стремился. Об этом парадоксе творчества Боаса удачно выразился К. Леви-Строс: «...тем же кто упрекает его в том, что он не воссоздал историю той или иной страны цивилизации, чему тем не менее была посвящена большая часть его жизни, он дает следующий героический ответ: к сожалению, мы не располагаем ни одним фактом, который пролил бы свет на развитие этих областей»¹². Впрочем, надо, увы, признать, что думал так не один покойный Боас — таково же мнение и многих ныне здравствующих этнографов Запада (да и не только их!), увлеченных структурализмом, системно-типологическими и другими новыми направлениями в этнографии. Вместе с тем при характеристике современной западной этнографии (и социальной антропологии) нельзя не сказать о наметившемся еще в 1930-е годы в США и связанном с именем Л. Уайта¹³ все более усиливающимся интересе к культурно-генетической проблематике. Одним из многих современных примеров тому могут служить труды западногерманского этнографа и историка К. Йеттмара¹⁴.

¹¹ Boas F. The Methods of Ethnology//American Anthropologist. 1920. Vol. 22. № 4.

¹² Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1983. С. 13.

¹³ Аверкиева Ю. П. История теоретической мысли в американской этнографии. М., 1979. С. 198 и сл.

¹⁴ Библиографию см.: Йеттмар К. Религии Гиндукуша. М., 1986. С. 493—495; South Asia Institute: The Second Decade. Heidelberg, 1984. P. 33—36. В статье мы не рассматриваем различные современные историко-социологические направления в западной культурологии, в том числе и так называемое «сравнительное изучение цивилизаций», восходящее к трудам О. Шпенглера, А. Тойнби, П. Сорокина и др., которые по существу не имеют прямого отношения к рассматриваемой нами проблеме. Об этих направлениях см.: Мильников А. С. «Сравнительное изучение цивилизаций»: некоторые вопросы критического анализа современных западных концепций мирового культурно-исторического процесса//Актуальные проблемы этнографии и современная буржуазная наука. Л., 1979.

С другой стороны, нет смысла замалчивать тот факт, что и некоторые видные советские этнографы также испытали известное влияние западных антиэволюционистских концепций. Это достаточно выпукло проявляется, например, не только в ранних трудах В. Г. Богораз, но и в его работах 1920-х годов, в особенности, в опубликованном университетском курсе, читанном им в 1926—1927 гг.¹⁵ Нельзя не выразить сожаление, что наша наука почти не имеет исследований об истории советской этнографии, в особенности об истории ее теоретической мысли, в отличие от сравнительно многих разработок, касающихся истории современной западно-европейской и американской этнографии.

Но в целом советская этнография активно противостояла отказу от историзма в западной этнологии. Хорошо известны имена крупных советских ученых, труды которых внесли существенный вклад в изучение истории формирования этнических культур народов мира — С. П. Толстова, А. П. Окладникова, С. В. Иванова, М. Г. Левина, Л. П. Потапова, Б. А. Рыбакова, М. В. Крюкова и др. Но, как уже отмечалось выше, в последние десятилетия в советской этнографии интерес к такого рода исследованиям заметно снизился, хотя в этой области и выполнено несколько ценных работ. Среди последних особо хочется отметить оригинальный и очень интересный труд В. М. Батчаева, посвященный основным проблемам генезиса этнической культуры балкарцев и карачаевцев¹⁶.

Применяемые советскими исследователями методы изучения этнокультурогенеза отвергают наиболее слабую сторону эволюционизма — представление об однолинейности культурно-исторического процесса, о его развитии только от простого к сложному (развитие может быть и многолинейным; испытывать значительное влияние диффузий; идти не только от простого к сложному, но и наоборот, а чаще — в сочетании того и другого; внешне сходные явления могут иметь не только общее, но и различное происхождение и разные функции и т. д.)¹⁷.

В советской этнографии имеются существенные достижения в разработке и применении сравнительно-исторического метода, играющего основную роль в изучении генезиса этнических культур и отдельных их компонентов, в том числе в реконструкции их архетипов, т. е. наиболее древних, исходных форм и их последующей эволюции. Этот метод основывается на представлении об историческом развитии всех форм народной культуры, подчиняющемся ряду общих закономерностей. Это развитие протекает неравномерно как в результате внутренних (эндогенных) процессов, обусловленных прежде всего социально-экономическими факторами, так и диффузий — влияния культур других этносов. Одна часть новаций, проникших извне, вскоре отмирает, другая — органически входит в культуру и участвует в ее дальнейшем генезисе (основные факторы: функциональные потребности, экология, стереотипы традиций). Новации эндогенного и экзогенного (диффузного) происхождения, вошедшие в культуру в определенные исторические эпохи, и участвующие в ее дальнейшем генезисе, образуют историко-генетические слои. Они могут быть выявлены лишь на основе сравнительно-исторического анализа и имеют как относительную, так и абсолютную хронологию. Применение сравнительно-исторического метода предполагает также проведение сравнительно-типологического анализа как на синхронном, так и на диахронном (историческая типология) уровнях.

Изучение генезиса и эволюции этнических культур невозможно не только без выявления их историко-генетических слоев и без учета в этом процессе экологических факторов, но и роли хозяйственно-куль-

¹⁵ Богораз-Тан В. Г. Распространение культуры на земле. Основы этногеографии. М.; Л., 1928.

¹⁶ Батчаев В. М. Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1986.

¹⁷ Отметим также и то обстоятельство, что «классические» эволюционисты почти не обращались даже к важнейшим проблемам генезиса этнических культур, а изучали главным образом первобытную культуру и ее пережитки у современных народов.

турных типов в целом. Совершенно очевидно, что изучение происхождения и эволюции этнических культур и их компонентов необходимо вести наряду с исследованием генезиса отдельных межэтнических форм народной культуры, так как развитие первых теснейшим образом связано с общими и частными процессами культурогенеза.

Я не буду здесь останавливаться на методике такого рода исследований, которая была применена мною в ряде работ¹⁸. Укажу лишь, что методика культурно-генетических исследований требует дальнейшего совершенствования, в частности, улучшения методов относительной и абсолютной хронологизации историко-генетических слоев традиционной бытовой культуры, методов комплексного использования, наряду с этнографическими, археологическими, письменными, лингвистическими антропологическими и других источников. Недостаточно исследованы и общие закономерности генезиса этнических культур, в частности, роль в этих процессах взаимодействия субэтнических и суперэтнических компонентов культуры, сформировавшихся в условиях различных хозяйственных культурных типов. Для расширения источниковедческой базы культурно-генетических исследований нужны и новые методы сбора полевых материалов в современных условиях¹⁹.

Таковы несколько замечаний в связи с моим пониманием предмета исторической этнографии и проблем ее культурно-генетического направления.

¹⁸ См. *Вайнштейн С. И.* Проблема происхождения оленеводства в Евразии // *Сов. этнография*. 1970. № 6. 1971. № 5; *его же.* Проблемы генезиса тувинской народной культуры // *Проблемы алтаистики и монголоведения*. Элиста 1972; *его же.* Проблема происхождения и формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии // *Доклад на IX Международном конгрессе антропологических и этнографических наук* [Чикаго]. М., 1973; *его же.* Проблемы истории жилища кочевников Азии // *Сов. этнография*. 1976. № 1; Роль экологических факторов в этнокультурогенезе. Тезисы докладов XIX Тихоокеанского научного конгресса. М., 1979. II; *его же.* Исследования народного искусства Тувы. М., 1974; *его же.* (в соавторстве с М. В. Крюковой) Седло и стремя // *Сов. этнография*. 1984. № 6; *его же.* О некоторых закономерностях генезиса этнических культур // *Генезис и эволюция этнических культур в Сибири*. Новосибирск, 1987.

¹⁹ См. *Вайнштейн С. И.* Культурно-генетическое направление в этнографии и полевые исследования // *Всероссийская сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1984—1985 годов*. Тезисы докладов. Йошкар-Ола, 1986.

Г. Е. Марков

ЭТНОГРАФИЯ И ИСТОРИЗМ

Статья Ю. В. Бромлея и М. В. Крюкова «Этнография: место в системе общественных наук, школы, методы» продолжает начавшееся еще в 1920-х годах обсуждение целей, задач и существа советской этнографии, ставит ряд больших и актуальных проблем и предлагает пути их решения в связи с насущными задачами современности. В кратком отклике нет возможности рассмотреть все затронутые вопросы, тем более что большинство содержащихся в статье выводов не вызывает принципиальных возражений. Поэтому остановимся лишь на том, что представляется дискуссионным и требует, на наш взгляд, дальнейшего обсуждения.

Обратимся прежде всего к вопросу о месте этнографии в системе общественных наук, ее объекте и предмете, исследовательских задачах.

Совершенно справедливым представляется положение о том, что основным объектом этнографической науки является народ. Но то, что народ отождествляется с этносом, верно, на наш взгляд, только до известной степени, так как характеристика современного народа не может ограничиваться только его этническими признаками. Акцент на последние сводит, как можно думать, предметную область этнографии преимуще-

ственно к одной области, предлагая «рассматривать компоненты этноса (т. е. и народа.— Г. М.) сквозь призму выполнения ими этнических функций» (с. 46). Авторы подчеркивают, что «в силу большей наглядности этнодифференцирующих свойств (этнической специфики) именно такое свойство выступает в качестве основного ориентира для выделения предметной области этнографических исследований» (там же). Эта точка зрения высказывается в еще более категорической форме, когда говорится, что основное ядро предметной области этнографии составляет слой культуры «в широком смысле слова, выполняющий этнические функции, т. е. прежде всего традиционно-бытовая культура» (с. 47). Таким образом, предмет этнографии оказывается в какой-то степени сведенным к культуре, выполняющей этнические функции, что, думается, составляет только часть, хотя и существенную, предмета этнографической науки. Мне уже приходилось писать, что народ как таковой характеризуется отнюдь не только специфически этническими признаками, а значительно более широким кругом явлений¹, из которых этнография исследует, скажем, такие фундаментальные проблемы, как первобытная история народов, история хозяйства, семьи, социальной, общественной организации и другие закономерности развития, которые определяются во многом не этнической спецификой, а общеисторическими закономерностями, хозяйственно-культурным типом и т. п. В связи с этим нельзя не поддержать высказанное В. П. Алексеевым сожаление по поводу того, что выдвижение «этнических общностей разных типов в качестве основных объектов этнографической науки» приобретает программный характер (с. 46, сноска 12). И едва ли можно признать удачной аргументацию предмета этнографии исходя из названия этой науки. Как и любое название, оно субъективно и традиционно (там же).

Для более полного определения предмета этнографии следует, как представляется, остановиться на ее взаимосвязи с историей. Авторы обсуждаемой статьи справедливо отмечают, что этнография «является глубоко исторической дисциплиной» (с. 47). Однако, думается, они не всегда следуют этому основополагающему принципу. Так, не совсем понятно, почему то, что советские ученые рассматривали этнографию как «определенный раздел истории», противопоставляется изучению проблем современности (с. 45). Такого рода противопоставление можно найти и на других страницах статьи. Справедливо утверждая, что этнография является глубоко исторической дисциплиной, авторы несколькими строками ниже пишут, что «этнография имеет исследовательские зоны, выходящие за рамки собственно исторической науки» (с. 47), и присоединяются к мнению, что для «прояснения» прикладных функций этнографии следует перестать трактовать ее только как историческую дисциплину.

Трудно согласиться, во-первых, с необходимостью выводить этнографию за рамки собственно исторической науки и, во-вторых, с трактовкой взаимоотношения этнографии и истории, существа Истории. Создается впечатление, что авторы, возможно, смешивают два различных понятия: Историю (с большой буквы), исследующую основные закономерности общественного развития, что *целиком* включает предмет и задачи этнографии, и гражданскую историю (о которой бегло упоминается на с. 48). Не говоря уже об Истории с большой буквы, но и о той дисциплине, которая именуется «собственно исторической наукой» (с. 47), нельзя согласиться с ее противопоставлением этнографии. Авторы обосновывают это противопоставление таким образом: история «трактует данные о прошлом человеческого общества, хотя и доводит его изучение до современности. Этнография же выступает и как конкретная наука, изучающая этническую специфику жизни современных народов» (там же). Однако, как известно, отрасли гражданской истории: история СССР эпохи социализма, история Новейшего времени в зарубежных странах — изучают

¹ Марков Г. Е. Рец. на кн.: Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии // Сов. этнография. 1981. № 4.

современные процессы и не чуждаются прогнозов. И гражданская история, и этнография имеют как науки общую цель — исследование закономерностей развития тех или иных общественных явлений. Поэтому, стоятельно хочется подчеркнуть, что едва ли в этнографии есть исследовательские зоны, выходящие за пределы Истории.

Весьма спорным представляется разделение сфер исследования между социологией и этнографией, согласно которому, первая изучает проблемы социальных связей, социально-классовых отношений, структуры процессов, тогда как вторая — лишь этнические особенности общества (с. 48). Это понимание противоречит не только фактическому положению дел, о чем свидетельствует подавляющая часть публикаций советских этнографов, составляющих гордость нашей науки, но и пониманию этнографии как части Истории — науки, в которой современные процессы познаются на основе анализа прошлого начиная с первобытности, в связи с чем нельзя не вспомнить слова Гегеля о том, что сущность настоящего — это прошлое.

Противоречие между подходом авторов статьи к определению задач социологии и этнографии и пониманием этнографии как исторической науки, предмет и задачи которой далеко выходят за сферу этнической специфики, не может разрешить «этносоциология», которая появилась кстати сказать, не в наши дни (там же), а была провозглашена научным направлением в начале 1930-х годов Р. Турнвальдом².

Кратко относительно методов этнографической работы. Далеко бесспорной представляется мысль о том, что «сообщения информаторов вообще, как правило, менее ценный источник, чем непосредственное наблюдение» (с. 57). Вывод этот имеет кабинетный характер, и многолетняя полевая работа позволяет считать, что неправомерно противопоставлять сообщения информаторов непосредственному наблюдению, так как они дополняют друг друга, и нельзя недооценивать значения данных информаторов, тем более, что по ряду проблем полученные от них сведения недоступны непосредственному наблюдению.

Теперь некоторые замечания по поводу историографической части обсуждаемой статьи. Постановка вопроса об истории науки всегда вызывает живой интерес. Целиком хочется поддержать мнение о неопределенности в историографии этнографии понятия «школа» (с. 50). Однако нельзя не заметить, что рассмотрение столь многообразных, сложных и большей части слабо разработанных проблем историографии этнографии на немногих страницах привело к естественной схематичности и отдельным неточностям. Так, несколько неопределенно звучит утверждение с. 49: сначала говорится о том, что признание синонимами понятия «этнография» и «культурная антропология» неосновательно; а затем о том, что между ними «немало общего». Опровержение точки зрения Ю. П. Аверкиевой по этому вопросу требует более глубокой аргументации. Ошибочно приписано В. Эдвардсу и А. М. Амперу введение нового наименования науки — «этнология» в 20-х годах XIX в. (с. 49). В действительности термин «этнология» появился в 1787 г. во Франции, затем быстро распространился в Германии. Неточно утверждение, что *Völk Kunde* (народоведение) понимается как наука о *своем* народе (с. 54). Представители народоведения рассматривали и рассматривают его как этнографию всех европейских народов, хотя на практике часто ограничиваются главным образом населением своей страны. Спорным представляется вывод о том, что «созданное К. Уисслером учение о культурных ареалах в известном смысле» подготовило «разработку советскими этнографами теории хозяйственно-культурных типов» (там же). Если говорить об истоках этой теории, то следует обратиться к исследованию Ф. Ратцеля, а тем более Л. Фробениуса³. Что касается функционализма, то, несмотря на его антиисторизм, едва ли справедливо повторять всл

² См. Марков Г. Е. История этнографической науки//Этнография. М., 1982. С.

³ См. Марков Г. Е. Проблема сравнительной археологической и этнографической типологии//Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 149 (сноска 9).

за публикациями 1950-х годов утверждение о стремлении его представителей поставить свою науку на службу колониальной администрации (с. 55). Вслед за Б. Малиновским или независимо от него все значительные представители функционализма весьма критически относились к колониальной системе, а тем более не ставили свою науку преднамеренно на службу колониализму⁴.

Подводя итог сказанному, следует еще раз подчеркнуть важность поставленных в обсуждаемой статье проблем, необходимость совершенствования, а кое в чем, может быть, и перестройки этнографических исследований, что вызывается самой логикой развития науки и практическими потребностями жизни. Но одновременно нельзя не отметить дискуссионности ряда положений, высказанных авторами. В частности, несколько преувеличенным выглядит утверждение: «с конца 1960-х годов всеобщее признание получило представление о том, что основным критерием для выделения предметной области этнографии должно быть рассмотрение этноса сквозь призму выполнения им этнических функций, прежде всего под углом этнической специфики» (с. 59). Такая точка зрения практически исключает как основу этнографии ее историческую ушность: задачи исследования закономерностей общественного развития в первобытном и раннеклассовом обществе, теорию ХКТ, историю хозяйства, семьи, социальных отношений, общественной организации в доиндустриальных обществах, развивающихся странах, т. е. то, что делает этнографию важным разделом Истории.

Требуется обсуждения и поставленная проблема о «советской школе этнографии» (там же). Все советские этнографы основывают свои исследования на методологии диалектического и исторического материализма. Это общеизвестно, поэтому с полным правом можно говорить о советской этнографии как целостном направлении. Однако марксистская теория отнюдь не исключает весьма различных подходов к исследованию этнографического материала и его интерпретации. Поэтому сужать советскую этнографию до рамок одной школы едва ли верно, так как это противоречит реальному положению дел в науке, тем более, что авторы сами справедливо отметили неопределенность употребления понятия «школа». Ближайшее свидетельство тому — настоящая дискуссия.

Совершенствование науки, перестройка, несомненно, нужны, но на основе глубокого анализа состояния науки. Не следует упускать из виду того, что новое далеко не всегда оказывается истинным, и нет большей опасности, чем принять желаемое за действительное, что может обернуться большими потерями. Думается, перестройка должна заключаться прежде всего в углублении фундаментальности исследований, в повышении качества работ, посвященных наряду с исследованием современных этнических процессов проблемам исторической этнографии, первобытно-общинного строя. Поставлена важнейшая проблема перестройки; пути ее осуществления должны быть выработаны на основе широкого демократического и всестороннего научного обсуждения.

⁴ См., например, *Никишенков А. А.* Из истории английской этнографии. Критика функционализма. М., 1986.

А. С. Мыльников

ОБ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ КУЛЬТУРЫ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье Ю. В. Бромлея и М. В. Крюкова на обсуждение вынесена широкая по своему содержанию проблематика, касающаяся предметной зоны этнографической науки, ее историографии и источниковедения.

В современных условиях, когда перед советским обществоведением двинуты новые задачи, рассмотрение этого круга вопросов насущно необходимо.

«Возникновение этнографии как самостоятельной области знания справедливо пишут авторы статьи,— было тесным образом связано с формированием особенностей представлений о ее предмете и месте в значительной мере определивших специфическое лицо различных школ складывавшихся на протяжении истории этой науки» (с. 49). В связи с этим, в частности, Ю. В. Бромлей и М. В. Крюков останавливаются на обстоятельствах возникновения так называемого эволюционного направления в этнографии, для которого было свойственно убеждение «о принципиальном единстве всего человечества, о прогрессе как всеобщем: конце человеческой истории, об однолинейности общественного развития от простых форм к сложным» (с. 51). Обычно возникновение эволюционизма связывают с именами Д. Мак-Леннана, Э. Тайлора и А. Бастия. Хотелось бы добавить, что еще в эпоху Просвещения сложился взгляд на остальные, преимущественно внеевропейские народы как на жилища представителей аналогичного этапа, некогда пережитого и народами Европы. Этой точки зрения в России придерживался в первой половине XVIII в. В. Н. Татищев; этнографическое обоснование подобного подхода попытался дать датский ученый Энс Крафт (1720—1765), автор одного из наиболее ранних трудов по общей этнографии — «Обычаи дикарей». По-видимому, попытки такого рода предпринимались в XVIII — начале XIX в. в разных странах, хотя не все они попали в поле зрения историков этнографии. Нам уже приходилось обращать внимание на книгу чешского писателя и публициста Яна Томичека «Эпоха первобытного человечества», увидевшую свет в Праге на чешском языке в 1846 г. Автор, основываясь на всей доступной ему литературе, доказывал, что изучение быта австралийских, полинезийских, индейских, африканских и других отставших племен позволит реконструировать «доисторический» период жизни народов Европы. Проникнутая глубокой верой в поступательное развитие истории человечества и исполненная уважением к разным уровням своего развития народам, книга Томичека была восторженно апологией «вечного прогресса» человечества¹. По основным своим параметрам воззрения чешского автора вписывались в сформулированные позднее принципы эволюционного направления в этнографии. Приведенный пример — а он едва ли является единственным — показывает, что предистория этой школы заслуживает специального комплексного исследования, которое позволило бы полнее раскрыть взаимосвязи, изначально складывавшиеся между историей (и историей культуры) и этнографией в современном ее понимании.

По мнению авторов статьи, с историей культуры «этнография тесно взаимодействует при изучении народного художественного творчества» (с. 48). Однако только этим взаимодействие этнографии с историей культуры не исчерпывается. Предметное поле подобного взаимодействия намного шире. Оно, в частности, включает традиционную и народную культуры (обе эти категории полностью друг друга не перекрывают), хотя, разумеется, подход к их исследованию у этнографа и у историка культуры будет во многом различен.

Ю. В. Бромлей и М. В. Крюков с полным основанием указывают: «Представление о том, что этнография рассматривает свои объекты сквозь призму выполнения их компонентами этнических функций, позволяет выделить основное ядро ее предметной области. Очевидно, что при таком подходе это ядро составит слой культуры в широком смысле слов выполняющий этнические функции, т. е. прежде всего традиционно-бытовая культура» (с. 47). С чисто методической точки зрения особую ро-

¹ Подробнее см. Мыльников А. С. «Сравнительное изучение цивилизаций»: некоторые вопросы критического анализа современных западных концепций мирового культурно-исторического процесса // Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука. Л., 1979. С. 49—50.

играет здесь отношение к письменным источникам. «Даже анализируя историю ныне существующих этнических общностей, этнограф применяет иные приемы, чем историк, использующий письменные источники» (с. 47). И дело, конечно, не сводится к тому, что историк «всегда движется в направлении от древности к нашим дням», а этнограф, по словам Д. К. Зеленина, полагает «более надежным исходить из современной картины». Несравненно важнее то, что по устоявшейся традиции для историка (и историка культуры) письменные источники выступают как основное, а подчас и единственное средство реконструкции прошлого. На практике это ведет к искусственно создаваемым информационным ограничениям, к своего рода ведомственным барьерам на пути научного мышления.

Не имея возможности затрагивать в данном случае историографию темы, отметим лишь, что в ряде историко-культурных исследований, опубликованных в последние годы как за рубежом, так и в нашей стране, источниковая база не просто ограничивается кругом письменных материалов, но и утверждается, будто бы других источников для изучения народной культуры определенных эпох и регионов не существует. Думается, что дело здесь не столько в незнании фактического материала, сколько в том, что не разработаны методы взаимодействия между этнографией и историей культуры, а также недостаточно осмыслено понятие «этнографический источник».

Следует с величайшим удовлетворением подчеркнуть, что авторы обсуждаемой статьи решительно выступают против ограничительного, так сказать, ведомственного толкования этого понятия. Они с полным основанием обращают внимание на взаимодействие источников разного рода: письменных, археологических и, естественно, собственно этнографических (в том числе материалов полевых наблюдений). Можно было бы лишь заметить, что к числу последних целесообразно относить не только наблюдения, проведенные этнографом в процессе своей работы в поле, но и записи, сделанные учеными в прошлом и отложившиеся в их личных архивах. На эту сторону далеко не всегда обращается должное внимание, о чем хорошо знает любой специалист, работающий в архивах. Исходя из такого широкого понимания источника, в равной мере могущего быть использованным как в этнографическом, так и в культурно-историческом исследовании, мы полагаем, что следовало бы поставить вопрос о конституировании особой вспомогательной источниковедческой субдисциплины — этнокультурного источниковедения. Вопрос о содержании и методике этой дисциплины нуждался бы в особом обсуждении, например в рамках всесоюзного совещания по методике этнографической работы, о необходимости проведения которого в условиях перестройки этнографической науки пишут в своей статье Ю. В. Бромлей и М. В. Крюков.

А. В. Гринёв

**ЗАБЫТАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ДМИТРИЯ ТАРХАНОВА
НА МЕДНУЮ РЕКУ**

Изучая историю и этнографию Аляски периода Русской Америки (1741—1867 гг.), автор обнаружил практически неизвестную науке работу — «Журнал странствований и путешествий горной науки унтер-офицера Дмитрия Тарханова»¹, хранящуюся в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ОР ГПБ) в Ленинграде².

«Журнал» Дмитрия Тарханова оказался ценнейшим источником по истории, этнографии и географии Русской Америки. Ведь именно Тарханов и его товарищи были, очевидно, первыми европейцами, прожившими почти год среди индейцев тлинкитов. Кроме того, Тарханову, первому из европейцев, удалось побывать в среднем течении реки Медная (Атна, совр. Коппер) и близко познакомиться с обитателями этого района — индейцами медновцами (атапасками атена, или атна).

Данные об авторе «Журнала» как в известных нам трудах исследователей XX в., так и в сочинениях его современников почти полностью отсутствуют. Даже «летописец Русской Америки» К. Т. Хлебников ничего не сообщал о первой зимовке русских среди тлинкитов в 1795/96 г., если не считать беглого указания на этот факт в работе, посвященной жизнеописанию первого главного правителя Русской Америки А. А. Баранова³. Совершенно не упоминает Хлебников и экспедицию Тарханова на Медную реку. «О первых [экспедициях на Медную реку], — писал К. Т. Хлебников, — я не имею верного сведения...»⁴. Ничего не говорится о Дмитрии Тарханове и в монументальном труде видного историка Российско-Американской компании П. А. Тихменева⁵. Пожалуй, единственное упоминание о Д. Тарханове и его экспедиции содержится в статье поручика Корпуса горных инженеров П. П. Дорошина, побывавшего на Аляске в середине прошлого века. «В 1796 году, — писал П. П. Дорошин, — чтоб ознакомиться с жителями реки Медной, из залива Якутат зимой на лыжах, ходил промышленник Тарханов, и возвратился благополучно»⁶. Однако приводимые Дорошиным сведения неточны, что становится очевидным при изучении «Журнала» самого Д. Тарханова. Во-первых, из Якутата на исследование р. Медная Тарханов отправился

¹ Полное название источника: «Журнал странствований и путешествий горной науки унтер-офицера Дмитрия Тарханова, который находился из числа промышленных [промышленных людей, промышленников]: Российской матерой Америки Г[оспо]д[ар]ской компании Шелихова и Голикова с товарищи, с 1794-го октября с 31-го—1798 года июня по 17-е число».

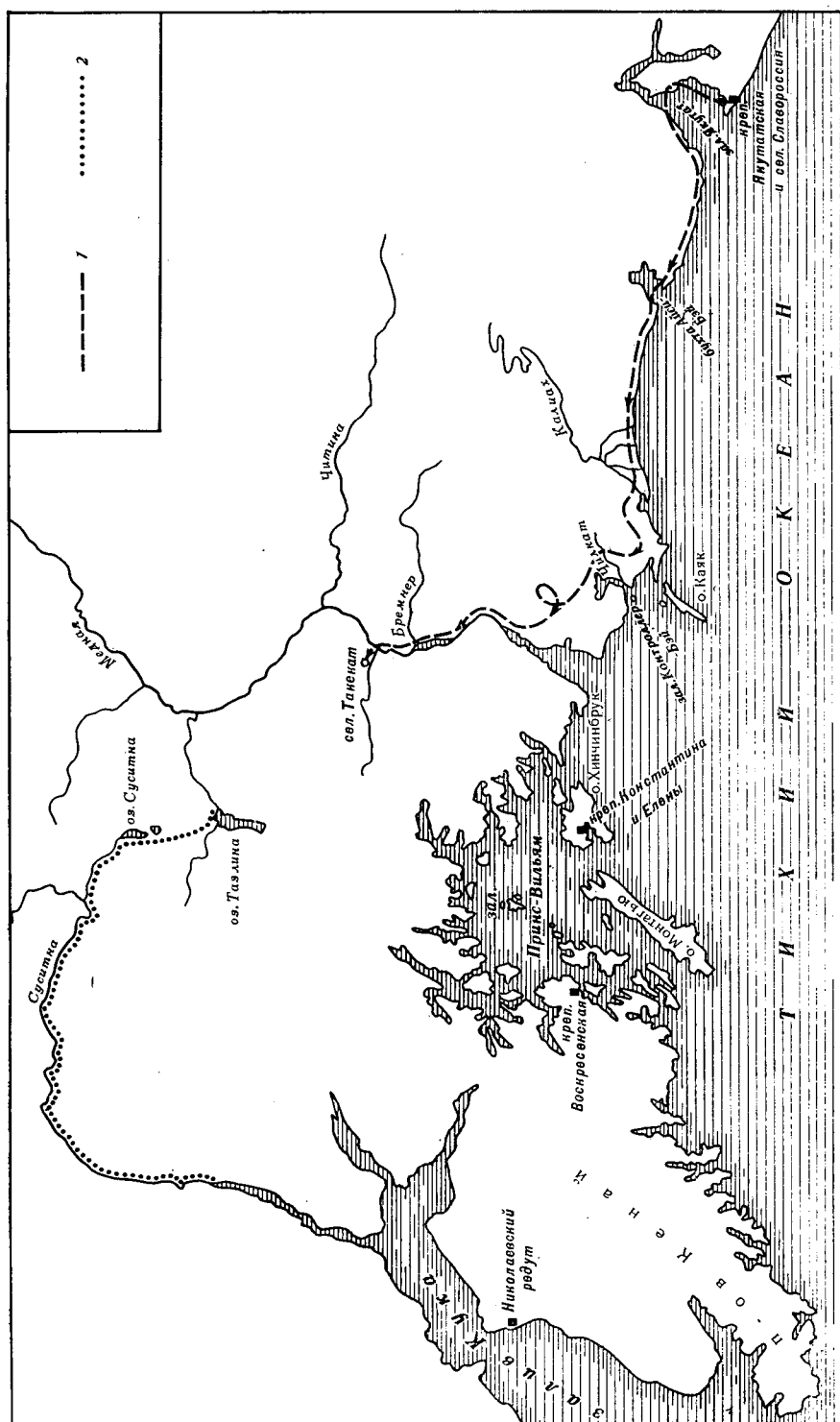
² ОР ГПБ, Сборник Q IV.311. Л. 1—76 (далее — Журнал Д. Тарханова).

³ Хлебников К. Т. Жизнеописание Александра Андреевича Баранова, Главного правителя Российских колоний в Америке. СПб., 1835. С. 29, 35—36.

⁴ Хлебников К. Т. Русская Америка в неопубликованных записках К. Т. Хлебникова/Сост., введ. и коммент. Ляпуновой Р. Г. и Федоровой С. Г. Л., 1979. С. 53.

⁵ Тихменев П. А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени. Ч. 1—II. СПб., 1861—1863.

⁶ Дорошин П. П. Из записок, веденных в Русской Америке//Горн. журн. 1866. Ч. 1 № 3. С. 387.

Карта юго-восточной Аляски
 1 — предполагаемый маршрут Д. Гарханова; 2 — маршрут торговых экспедиций кенайцев

не зимой, а в сентябре 1796 г. Во-вторых, в пути он передвигался не лыжах, а в индейских снегоступах. В-третьих, Тарханов не был промышленником, а, как и сам П. П. Дорошин, принадлежал к офицерам Горного корпуса. На неточные данные П. П. Дорошина ссылается в одной своих работ современный американский исследователь У. С. Хэнэйб

«Журнал» Дмитрия Тарханова представляет собой записки дневного характера, выполненные вполне разборчивым почерком с соблюдением правил правописания второй половины XVIII в. Повествование в «Журнале» ведется от первого лица. Содержание излагается в хронологическом порядке (обычно с указанием конкретных дат тех или иных событий). Главное место в «Журнале» уделено рассказу о зимовке русских среди тлинкитов зал. Якутат (якутатцев) в 1795/96 г. и о походе Тарханова на Медную реку с детальным описанием географии региона. Этнографические подробности «вкраплены» в основной текст повествования, а в конце «Журнала» Тарханов дает довольно обстоятельный очерк этнографии тлинкитов Якутата и частично — медновцев.

Как явствует из самого названия источника, его автор побывал в Аляске в 1794—1798 гг. Это были годы быстрого продвижения русских промышленников из района уже хорошо освоенных Алеутских островов о-ва Кадьяк и Кенайского полуострова в восточном и юго-восточном направлении вдоль побережья материка. Особенно бурную деятельность по исследованию Аляски развил Г. И. Шелихов, обосновавшийся на о-ве Кадьяк в 1784 г. Предприимчивый купец не только руководил организацией пушного промысла, но и создавал в Америке постоянные русские поселения, пытался заложить там основу для развития кораблестроения, сельского хозяйства и для эксплуатации недр. Деятельность Шелихова на Аляске и его проекты освоения ее богатств привлекли внимание царского правительства. Интерес к Русской Америке, в частности к ее минеральным ресурсам, проявила сама императрица Екатерина II. О необходимости заняться поисками на Аляске железных руд говорил еще и в «Ордере» иркутского генерал-губернатора И. А. Пиля Г. И. Шелихову⁷. Об этом же в свою очередь писал Шелихов правителю своей компании в Америке А. А. Баранову⁸. Очевидно, именно для разведки минеральных богатств края в Русскую Америку был направлен унтер-офицер Горного корпуса Дмитрий Тарханов, прибывший из Охотска на о-в Кадьяк в 1794 г. на судне «Екатерина» вместе с промышленником компании Шелихова — Голикова.

Среди многообразных задач по хозяйственному освоению Аляски главной Шелихов и Баранов считали развитие пушного промысла и учреждение там новых факторий. Добычей калана (а она долгое время была основой экономики Русской Америки) занимались опытные в морском зверобойном промысле алеуты и эскимосы (конягмиуты и чугачи)⁹ под начальством нескольких русских промышленников в специально создававшихся для этого партиях из нескольких десятков и даже сотен байдарок. В короткое время промысловые партии истребили калана в районе о-ва Кадьяк и п-ва Кенай и в поисках ценного пушного зверя начали продвигаться все дальше на восток и юг вдоль побережья материка.

⁷ Hanable W. S. Alaska's Copper River the 18th and 19th Centuries. Anchorage, Alaska, 1982. P. 19.

⁸ 1788 г. апреля — августа. Замечания императрицы Екатерины II на доклад Комиссии о коммерции, о плавании и торговле в Тихом океане // Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке / Под ред. Андреева А. И. М., 1948. С. 28.

⁹ 1794 г. мая 11. Ордер иркутского генерал-губернатора И. А. Пиля Г. И. Шелихову // Русские открытия в Тихом океане... С. 328.

¹⁰ 1794 г. августа 9. Письмо Г. И. Шелихова правителю Северо-восточной американской компании А. А. Баранову // Русские открытия в Тихом океане... С. 345.

¹¹ Конягмиуты — эскимосы о-ва Кадьяк. Населяли также побережье материка в районе пр. Шелихова. В русских источниках их именовали обычно «кадьяками», «кадякскими алеутами» и даже просто «алеутами». Конягмиуты, жившие на материке, были известны русским как «аляскинцы». Эскимосы чугачи, родственные конягмиутам, обитали по берегам и островам зал. Принс-Вильям.

В 1793 г. первая промысловая партия из 180 байдарок во главе с четырьмя русскими промышленниками дошла до зал. Якутат, по берегам которого жили воинственные индейцы тлинкиты, известные русским как «кóлюжи» или «кóлоши» («колюжцы» — у Тарханова). Уже в следующем году на промысел в район Якутата отправляется с Кадыяка крупная партия из 500 байдарок кадыякцев, аляскинцев и чугачей. Именно в Якутате и решил заложить новое русское поселение А. А. Баранов. Основание новой базы на побережье материка было необходимо как для отдыха «партовщиков»¹² после трудного и опасного промысла, так и для закрепления ранее исследованных территорий за Россией¹³. Создание нового поселения в этом районе планировал еще Г. И. Шелихов. Согласно его замыслу, оно должно было стать земледельческой житницей Русской Америки и в перспективе — ее столицей¹⁴. Для этого предполагалось расселить на новом месте 30 семей сибирских поселенцев («посельщиков»).

Весной 1795 г. Баранов отправил с Кадыяка промысловую партию в Якутат, а затем транспорт с людьми для устройства нового поселения. Партия в Якутате была враждебно встречена тлинкитами и, не останавливаясь, пошла дальше на юг вдоль побережья. Судно с поселенцами так и не достигло Якутата, поскольку недостаток пресной воды заставил экипаж вернуться на Кадыяк¹⁵.

8 августа 1795 г. сам А. А. Баранов явился в Якутат на судне «Ольга». Вместе с ним находился и унтер-офицер Горного корпуса Дмитрий Тарханов. Баранов разбил палатку на морском мысе и занялся скупкой пушнины у индейцев, а также переговорами с их вождем («тойоном»). У старого вождя Баранову удалось вытребовать в заложники-аманаты его сына (хотя, скорее, это был племянник вождя, так как у тлинкитов наследником считался сын сестры). Вместо аманата в Якутате были оставлены Д. Тарханов, а также пять промышленников, два посельщика (один из них с женой), трое кадыякцев и алеутка-толмачка. Тарханов получил провиант, пять «сум» бисера и бус, несколько рубах, табак и ветхий невод¹⁶. Баранов же отправился на юг для исследования проливов архипелага Александра. На обратном пути он якобы намеревался зайти в Якутат, но, по данным К. Т. Хлебникова, сильные осенние штормы помешали ему осуществить это намерение¹⁷.

Через некоторое время после ухода Баранова из Якутата продовольствие у оставшихся там русских кончилось, и среди них начался голод. Правда, незначительное количество продуктов русские получали от индейцев в обмен на имевшиеся у них товары. Кроме того, Тарханов приобрел у тлинкитов несколько дубленых тюленьих шкур, необходимых для постройки байдарки. Одарив вождя якутатцев («господина тойона»), он расположил его к себе и добился разрешения пользоваться рыболовными и охотничьими угодьями индейцев. Более того, старый вождь дал даже в помощь русским одного из своих людей. Построив байдарку, зимовщики стали заниматься морским промыслом и рыбной ловлей, что и позволило им дожить до весны (1796 г.). Весной же, как отмечает Тарханов, у русских опять начался голод. Выменивать продукты у индейцев стало почти невозможно, так как те в это время сами испытывали недостаток продовольствия¹⁸.

¹² «Партовщиками» в Русской Америке называли русских промышленников, возглавлявших промысловые партии. Этот термин употреблялся и в отношении туземцев — участников таких партий. Здесь и далее слово «партовщик» будет использоваться в последнем значении.

¹³ Впервые русские побывали в Якутате еще в 1788 г., во время экспедиции на галиоте «Три Святителя» под командованием Г. Г. Измайлова и Д. И. Бочарова. См. Шелихов Г. И. Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к Американским берегам/Под ред., с предисл., послесл. и примеч. Полевого Б. П. Хабаровск, 1971. С. 99—104.

¹⁴ 1794 г. августа 9. Письмо Г. И. Шелихова правителю Северо-восточной американской компании А. А. Баранову//Русские открытия в Тихом океане... С. 338—345.

¹⁵ Хлебников К. Т. Жизнеописание Александра Андреевича Баранова... С. 28.

¹⁶ Журнал Д. Тарханова. Л. 5—6.

¹⁷ Хлебников К. Т. Жизнеописание Александра Андреевича Баранова... С. 29.

¹⁸ Журнал Д. Тарханова. Л. 8—10.

В начале лета индейцы, переселившись для летнего промысла на морское побережье, увезли с собой на маленький островок и русских, которых они рассматривали как заложников за отданного Баранову аманата. Для русских наступили особенно тяжелые дни. Они, как писал Тарханов, едва не умерли от голода, поскольку индейцы мало заботились об их пропитании. К счастью, 19 июня 1796 г. в Якутат подошла промысловая партия, посланная Барановым с Кадьяка, а 20 июня прибыл пакетбот «Орел» под командованием Е. Я. Шильдса. Рассказывая о прибытии партии, Тарханов подмечает любопытную деталь: еще находясь в 146 верстах от Якутата (у о-ва Каяк), русские выслали к якутатцам в качестве парламентариев индейцев эяков¹⁹, которые должны были предупредить тлинкитов о приходе байдарочной флотилии. Уже достигнув Якутат, партовщики просили тлинкитов позволить им пользоваться их охотничьими угодьями и не мешать партии в плавании далее к югу вдоль побережья материка. Якутатцы дали на это свое «дозволение». «А прежде, — писал Тарханов, — в 1795 году в июне ж месяце оная партия намеренно имела у них в урочищах попользоваться промыслом — но допущены быть не могли оными колюжцами, едва от ихнего нападения обратно могли уйтить в байдарках, а они, колюжцы, в то время большими байдарами гнались [за ними] далече, но не могли догнать»²⁰.

По прибытии в Якутат байдарочной партии и пакетбота между русскими и индейцами состоялись переговоры, в результате которых якутатцы отпустили с партией трех товарищей Тарханова. Позднее и самому Тарханову, хотя и с большим трудом, удалось получить от якутатского вождя разрешение отбыть на пакетбот. Часть оставшихся среди якутатцев русских была «выручена» с помощью подарков, а остальные бежали из индейского селения на судно (к этому времени тлинкиты опять перевезли их с острова в свое селение)²¹.

Так завершилась первая зимовка русских среди индейцев тлинкитов. Значение ее определялось тем, что она способствовала налаживанию добрососедских отношений русских с местными жителями. Вот что писал по этому поводу А. А. Баранов своему ближайшему помощнику И. А. Кускову: «...Оставлено было мною в Якутате восемь человек [русских]: но пробыли безвредно, а через то мы теперь с народами [якутатцами] в совершенной дружеской связи и оттолъ лучшия теперь получают в компанию выгоды...»²². Зимовка партии Тарханова в Якутате подготовила благоприятную почву для последующего основания здесь постоянного русского поселения.

В конце июня 1796 г. в Якутат пришло судно «Три Святителя», на котором были доставлены поселщики, а в середине июля на кутере²³ «Ольга» прибыл сам А. А. Баранов. Вместе с Тархановым он объездил окрестности зал. Якутат, пока не нашел удобное для поселения место²⁴. Недалеко от берега океана была заложена крепость, а на некотором расстоянии от нее, у устья маленькой речки, — селение. Крепость была названа Якутатской, а селение, как и предписывал в свое время Г. И. Шелихов²⁵, было наименовано «Славороссией» («Новороссийск»).

Крепость первоначально, по описанию Тарханова, состояла из деревянных заграждений («рогаток») и трех батарей, окруженных рвом, а

¹⁹ Индейцы эяки обитали на побережье материка к северо-западу от зал. Якутат до зал. Контроллер-Бэй. Русским они были известны как «угалахмюты», «агадахмюты» («угалямытыцы» — у Тарханова), по этнониму, данному эякам их соседями — эскимосами чугачами. Позднее русские стали обозначать эяков также этнонимом «угаленцы».

²⁰ Журнал Д. Тарханова. Л. 12.

²¹ Там же. Л. 13—14.

²² Отдел рукописей Всесоюзной государственной библиотеки им. В. И. Ленина (ОР ГБЛ). Ф. 204. К. 32. Ед. хр. № 3. Л. 9.

²³ Кутер (куттер) — небольшое одномачтовое судно с косыми парусами.

²⁴ В «Журнале» Тарханова имеется подробное географическое описание зал. Якутат и прилегающих районов (см. Журнал Д. Тарханова. Л. 16—18).

²⁵ 1794 г. августа 9. Письмо Г. И. Шелихова правителю Северо-восточной американской компании А. А. Баранову//Русские открытия в Тихом океане... С. 342.

селение—из избы («бараборы») с двумя пристроенными амбарами, один из которых был укреплен и имел батарею. Кроме того, в селении были заложены склад на столбах для хранения продовольствия, кузница, кухня, копильня, баня и казармы. На речках вблизи поселения были устроены рыбные запоры. Всего в строительстве принимало участие около 80 русских²⁶. Тлинкиты в это время не беспокоили поселенцев. По словам очевидца событий Ф. А. Кашеварова, «колоши тогда не смели пошевелиться против русских, а однако ж партовщиков временно захватывали и обижали, но вскоре отдавали и удовлетворяли»²⁷.

В строительстве поселения в Якутате некоторое время непосредственно участвовал и Дмитрий Тарханов. Однако осенью 1796 г. начался новый этап его американской эпопеи. «По согласию» Баранова, 10 сентября 1796 г. Д. Тарханов отправился на исследование Медной реки. Целью экспедиции было отыскание в ее верховьях морского залива или больших озер, соединяющихся с морем²⁸. Следует отметить, что в те годы открытие путей, ведущих с Аляски в Гудзонов залив, было одной из основных задач по исследованию Северной Америки, которые ставил перед собой А. А. Баранов²⁹. По-видимому, разрешением этой задачи и должен был заняться Д. Тарханов. Кроме того, ему, возможно, предписывалось разведать месторождения меди в верховьях Медной реки, о которых русские узнали от эскимосов чугачей еще в 1783 г.³⁰ «...Нехудо, ежели и американской меди старанием вашим сыщется с Медной реки...»,— писали в совместном послании А. А. Баранову Г. И. Шелихов и А. Е. Полевой³¹. «О меди Американской давно есть мое намерение забраться на Медную реку...»,— отвечал им А. А. Баранов³². И более всего для этой цели подходил, очевидно, унтер-офицер Горного корпуса Дмитрий Тарханов.

В начале экспедиции Тарханов вместе с сыном (племянником?) якутатского вождя Федором (тем самым аманатом, которого Баранов брал с собой на Кадьяк в 1795/96 г.)³³ и еще несколькими тлинкитами переправился на каноэ в глубь Якутатского залива, к селению вождя Елтеха. Елтех был вождем «угалямыцкого жила», т. е. селения эяков, живших, по данным Тарханова, «изнутри Якутатской губы»³⁴. Следовательно, еще в конце XVIII в. в районе зал. Якутат обитали индейцы эяки — остатки древнего автохтонного населения этого региона, ассимилированные впоследствии тлинкитами.

Из селения Елтеха Тарханов с семьей эяками Якутата (включая и самого вождя Елтеха) отправился пешком вдоль тихоокеанского побережья (через территорию племени эяков) на северо-запад, стремясь достичь Медной реки. С ним шли в район мыса Якатага также несколько тлинкитов «для родства, свидания и торгу» с эяками³⁵. Очевидно, в кон-

²⁶ Журнал Д. Тарханова. Л. 19—21.

²⁷ Ситников Л. А. Материалы для истории Русской Америки («Ответы» Филиппа Кашеварова)//Новые материалы по истории Сибири досоветского периода/Отв. ред. Петровский Н. Н. Новосибирск, 1986. С. 94.

²⁸ Журнал Д. Тарханова. Л. 22.

²⁹ Ответ Баранова Шелихову и Полевому от 20 Мая 1795 г. из Павловской гавани. Тихменев П. А. Указ. раб. Ч. II. СПб., 1863. Приложение. С. 84—85.

³⁰ *Выписка из журнала штурмана Полапа Зайкова, веденного на судне «Св. Александр Невский» в 1783 г.*//Тихменев П. А. Указ. раб. Ч. II. СПб., 1863. Приложение. С. 7.

³¹ Письмо Шелихова и Полевого к Баранову из Охотска от 9-го августа 1794 г.//Тихменев П. А. Указ. раб. Ч. II. СПб., 1863. Приложение. С. 72.

³² Ответ Баранова Шелихову и Полевому от 20 Мая 1795 г.//Тихменев П. А. Указ. раб. Ч. II. СПб., 1863. Приложение. С. 94.

³³ Находясь на Кадьяке в аманатах, этот тлинкит был там, вероятно, окрещен и получил имя Федор. По данным К. Т. Хлебникова, его крестным отцом был сам А. А. Баранов (Хлебников К. Т. Жизнеописание Александра Андреевича Баранова... С. 103). Если «тоен Федор» (под таким именем он упоминается в документах) был действительно окрещен на Кадьяке в 1795/96 г., то это был, по-видимому, первый тлинкит, принявший православие.

³⁴ Журнал Д. Тарханова. Л. 22—23.

³⁵ Там же. Л. 31.

це XVIII в. между тлинкитами Якутата и эяками существовал довольно регулярный торговый обмен, закреплявшийся, как это нередко бывало брачными связями.

Путешествие Тарханова от зал. Якутат до Ледяной бухты (совр. Айс-Бэй) и от нее до «галямыцкого жила» (селения эяков) у р. Халтех (совр. Калиах) продолжалось почти 2 месяца (до 3 ноября 1796 г.). Этот поход был для Тарханова весьма нелегким. В «Журнале» он жалуется на якутатцев, которые совершенно не помогали ему нести его вещи, помощь в транспортировке взятого им с собой груза оказали лишь эяки вождя Елтеха. Сам Тарханов нес продовольствие, товары и оружие общим весом в 1 пуд 12 фунтов. Особенно тяжело ему было, когда пришлось идти по пересеченной местности в снегоступах, от которых сильно стирались и болели ноги, что впоследствии пагубно сказалось на его здоровье.

В «Журнале» Тарханова содержится довольно подробное описание пройденных им районов. Попадавшиеся на пути речки путешественник обычно нумеровал, хотя иногда употреблял и их туземные названия: Чах-Кац, Лах и т. д.³⁶ Всего, по подсчетам Тарханова, путники прошли от Якутата до р. Халтех около 285 верст.

Добравшись до селения эяков, Тарханов и его спутники смогли, наконец, отдохнуть. Погостив здесь некоторое время, часть тлинкитов отправилась назад в Якутат, а другие остались у своих родственников-эяков. Тарханов также на несколько месяцев задержался в эякском селении. Местные индейцы отнеслись к нему, видимо, неплохо, поскольку все это время снабжали его продовольствием. Живя среди эяков, Тарханов даже немного научился их языку. С 3-го по 18-е января 1797 г. он занимался исследованием окрестностей р. Халтех, а 4 февраля вместе с семьей эяками двинулся на запад «для свидания и торгу», в маленькое селение Чилку (Чилху) в 128 верстах от р. Халтех, к эякскому вождю Таэтэ³⁷.

Неделю жил Тарханов у Таэтэ, уговаривая пришедших с ним эяков отправиться дальше на северо-запад, в страну индейцев медновцев. Но его бывшие спутники отказывались следовать далее, ссылаясь на непогоду, большие расстояния и страх перед жителями Медной реки. И все же при помощи подарков Тарханову удалось склонить вождя эяков проводить его на север. Вместе с вождем Таэтэ и двумя индейцами, которые тащили нарты с продовольствием и товарами, отважный путешественник 17 февраля 1797 г. выступил в район Медной реки. В это время Тарханов находился вблизи зал. Контроллер-Бэй, так как он упоминает в своем «Журнале» р. Чилкат неподалеку от устья Медной реки³⁸, на которой впоследствии, очевидно, и было основано тлинкитское селение Чилкат³⁹.

Путешествие Тарханова с тремя эяками оказалось недолгим. Вскоре путники набрали на хижину медновцев, где жил один из их вождей (с семьей и двумя рабами («калгами»). Тарханов в примечании объясняет слово «калга» так: «по-русски: крепостные люди»⁴⁰.

К моменту прихода Тарханова к медновцам в их хижине находился брат главного вождя этих индейцев. Тарханов одарил его бисером и табаком «для знакомства» и вместе с ним отправился дальше вглубь земель атапасков атена. Однако в пути они едва не погибли от холода во время метели и были вынуждены вернуться назад. Новая попытка также кончилась неудачей: путники заблудились в районе устья Медной реки. К счастью, их следы заметил один из индейцев атена, который сообщи-

³⁶ Там же. Л. 29—30.

³⁷ Там же. Л. 31—35.

³⁸ Там же. Л. 37.

³⁹ Krause A. The Tlingit-Indians. Seattle and London, 1956. P. 66, 270. По данным Ф. де Лагуны, это селение принадлежало тлинкитизированному эякскому роду калиах-кагвантан (*Laguna F. de. Under Mount Saint Elias: The History and Culture of the Yakutat Tlingit*. P. 1. Wash., 1972. P. 103—104).

⁴⁰ Журнал Д. Тарханова. Л. 39.

об этом своему вождю Калтышу, и вскоре путешественники с помощью посланных вождем рабов добрались до его селения (5 марта 1797 г.)⁴¹.

Трудности и тяготы предыдущих походов не остановили Тарханова в намерении побывать в верховьях Медной реки. Долго уговаривал он братьев Калтыша — Нокуласту⁴² и Такеха помочь в походе вверх по реке. Объяснялся он с ними на эякском языке. С эякского сказанное приходилось переводить на язык атена. Тарханов даже пытался проповедовать среди медновцев христианство. Уговоры и подарки «усоветили» индейцев, и они дали Тарханову в проводники двух своих рабов. Выменяв у медновцев на бисер сушеной рыбы (юколы), он продолжил свое путешествие на Медную реку⁴³.

12 марта (?)⁴⁴ 1797 г. Тарханов со своими спутниками достиг Медной реки и начал продвигаться вверх по течению. Этот поход едва не оказался для него последним: продовольствие быстро кончилось, и, чтобы не умереть от голода, Тарханов вместе с индейцами был вынужден есть вареную тюленью кожу и еловую кору. Медленно, шатаясь от голода и усталости, брели путники вверх по течению Медной реки. Лишь примерно 20 апреля (?) они с великим трудом добрались, наконец, до селения медновцев Такекат, главным вождем которого был тот самый Калтыш, с которым Тарханов встречался уже у устья Медной реки. Тарханов писал в «Журнале», что Калтыш вместе со своими братьями, семьей и рабами спускается осенью на байдарах к устью Медной реки для заготовления юколы⁴⁵. Вероятно, Калтыш вел там также выгодную торговлю медью, которую его соплеменники добывали в верховьях реки.

Селение, в которое попал Тарханов, располагалось на р. Кенна — притоке Медной реки и состояло из нескольких «барабор» — зимних хижин индейцев атена. Хижины строились из деревянных плах и служили жилищем для одной семьи. В таких хижинах индейцы жили обычно только зимой, а летом (с мая) перебирались в летние бараборы. Но описания летних жилищ Тарханов, к сожалению, не дал.

Дмитрий Тарханов был первым европейцем, посетившим медновцев (рис. 1). В хижине, где он поселился, перебивали все индейцы селения, «потому что русских никогда не видали»⁴⁶. С самого начала у Тарханова с местными жителями сложились очень хорошие отношения. Индейцы надарили ему юколы и «соболей» (куниц), а он им в свою очередь — бисера и корольков (крупные прозрачные бусы обычно голубого цвета). Слух о пребывании в селении Такекат белого человека быстро разнесся среди медновцев. С верховьев Медной реки приходили индейцы, чтобы посмотреть на него, и, как писал сам Тарханов, «звали к себе на жила»⁴⁷.

Но принять их приглашения Тарханов уже не смог: тяготы предыдущих походов подорвали его здоровье; особенно болели ноги, которые он совершенно стер во время хождения в снегоступах. И все же, едва поправившись, Тарханов совершил короткую вылазку в селение вождя Ценнасты, где прожил 3 дня, а затем побывал еще в одном селении медновцев.

Находясь среди индейцев, Тарханов выменивал у них на захваченные с собой товары пушнину, дубленые лосиные и оленьи шкуры, одежду из шкурок сурков. Не забывал он и о своей основной миссии — сборе информации о районе верховьев Медной реки. По его просьбе, индейцы чер-

⁴¹ Там же. Л. 39—44.

⁴² Тоем (вождь) Накуласта, живший в нижнем течении Медной реки, упоминается и в журнале путешествия промышленника Поточкина на Медную реку в 1798/99 г. (см. *Хлебников К. Т.* Русская Америка в неопубликованных записках... С. 53—54).

⁴³ Журнал Д. Тарханова. Л. 45.

⁴⁴ В источнике стоит «12 апреля». Но, очевидно, Тарханов в своем «Журнале» перепутал последовательность месяцев (март-апрель), так как ниже он пишет, что шел по Медной реке в марте, а скорее всего — в марте-апреле, когда еще можно было двигаться по льду Медной реки.

⁴⁵ Журнал Д. Тарханова. Л. 51.

⁴⁶ Там же. Л. 52.

⁴⁷ Там же. Л. 53.

Рис. 1. Индеец атена. В правой руке у него костяной томагавк из рога оленя-карибу; на шее висит кинжал в лосиных ножнах. Рис. автора статьи

тили на земле планы этого района, котор Тарханов затем, переспрашивая предва тельно несколько раз информаторов, пере сил на бумагу. Согласно сообщениям м новцев, в верховьях реки жили некие «к хени» в восьми бараборах, каждая из ко рых отстояла от другой на «день пути». подсчету Тарханова, ближайшая бараба келхеней располагалась от последнего л лица медновцев в 45—50 верстах вверх Медной реке. «Зимою,— писал Тарханов слов медновцев,— выходят [келхени] к оз ру Балтыбеле. Имеют торг с приходящими с другого жила Нечиль [людьми], котор по показанию медновских крест кладут левого плеча. Поторговавшись, [те люди] уходят обратно в свое место, а келхени оста ются у онаго озера и имеют промысел пуш ных разных зверей, сохатых, оленей»⁴⁸.

Келхени, о которых рассказали Тарханову медновцы, являлись, очевидно, группой верховых атена с рек Галкана или Галкона, известных впоследствии русским как «комчане», или «гольчане»⁴⁹. Индейцы, приходившие к верховым атена для торговли и умевшие осенять себя крестным знамением, были, надо полагать, кенайские торговцы (атапаски танана), знакомые с русскими на Николаевского редута («жило Нечиль»?) на побережье зал. Кука. Товарообмен между кенайцами и атена происходил, вероятно, в окрестностях оз. Тазлина, из которого брал свое начало один из правых притоков Медной реки. Сведения об этом, собранные впервые Дмитрием Тархановым, полностью под

тверждаются данными П. П. Дорошина, который писал: «...Выше устья реки Дикой, но уже с правой стороны, впадает в Медную реку Тэшлина [Тазлина], текущая из озера Бантиль-бана (у Врангеля — Мантиль-бана), называемого русскими Плавежным (в широте 62°10' и в долготу 149°00'). Через это озеро медновцы имеют сношения со своими соплеменниками кенайцами»⁵⁰.

Кенайские торговцы, приходившие к оз. Тазлина («Балтыбеле») для встречи с медновцами, поднимались вверх по течению р. Суситна, вытекающей из одноименного озера, расположенного неподалеку от оз. Тазлина. О торговых походах кенайцев вверх по Суситне («Сушитне») сообщал еще в 1800-х годах русский морской офицер Г. И. Давыдов⁵¹. В 1810-х годах уже сами медновцы стали спускаться по Суситне к морю и даже посещать Николаевский редут⁵².

Услышав о келхенях и неведомом народе, который умеет креститься, Тарханов загорелся желанием дожидаться у медновцев прихода келхеней и вместе с ними отправиться в верховья Медной реки, чтобы провести там лето, а зимой побывать на оз. Балтыбеле. Но тяжелая болезнь по-

⁴⁸ Там же. Л. 57.

⁴⁹ Этноним «колчане» русские употребляли не только по отношению к верховым атена, но и к атапаскам танана (прежде всего к верховым танана — набесна) с тенденцией перенесения этого термина на другие атапаскские племена, обитавшие в глубинах Аляски.

⁵⁰ Дорошин П. П. Указ. раб. С. 383.

⁵¹ Давыдов Г. И. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним. Ч. II. СПб., 1812. С. 136—138.

⁵² Донесение М. Кондакова, 1817 г. // Хлебников К. Т. Русская Америка в неопубликованных записках... С. 76.

мешала ему осуществить эти намерения, и он вынужден был возвратиться на побережье, к устью Медной реки. Перед отъездом Тарханова, 3 мая 1797 г., «жители медновские своим умыслением сделали крестообразно столб и поставили на сопке над яром в знак прихода русского»⁵³. После этого Тарханов при помощи дружески настроенных индейцев спустился в байдаре вниз по реке, а затем вдоль морского побережья добрался до артели промышленников компании П. С. Лебедева-Ласточкина, куда прибыл 17-го мая⁵⁴. Через 2 дня сюда подошла с Кадьяка промысловая партия, посланная Барановым в проливы архипелага Александра для промысла каланов. Тарханов сдал в партию всю выменянную им у медновцев пушнину и шкуры, а сам отправился на Кадьяк, где в июне 1797 г. рапортовал А. А. Баранову о результатах своей экспедиции на Медную реку. После этого он некоторое время занимался разработкой железорудных месторождений на Кадьяке, а также другой работой. Однако тяготы и трудности экспедиции на Медную реку сказались на здоровье Тарханова, и 17 июня 1798 г. из-за хронической болезни он был уволен со службы и инвалидом отбыл из Русской Америки на судне «Феникс» в Охотск⁵⁵.

Так печально закончилась американская эпопея унтер-офицера Горного корпуса Дмитрия Тарханова — первого исследователя Медной реки, ныне почти забытого.

В работе Тарханова содержится не только повествование о его пребывании в Якутате и на Медной реке, но и рассказ о жителях, о которых он пишет в самом конце «Журнала». Основное внимание в своем этнографическом обзоре Тарханов уделил тлинкитам Якутата и частично — медновцам. Якутатцы и их соседи эяки жили, по свидетельству Тарханова, в домах из толстых досок с полом из деревянных плах и с внутренними перегородками, которые отгораживали спальни отдельных семей. Посреди дома располагался очаг, на котором его обитатели готовили пищу. Жилища индейцев сооружались всегда у рыбных рекеч вблизи морского побережья. Всего в каждом доме, по подсчету Дмитрия Тарханова, могло жить до 15 семей, которые составляли отдельное домохозяйство — основную экономическую и социальную ячейку тлинкитского общества. «Живут в бараборах семей до пятнадцати,— писал он,— никаких [склонностей] к ссоре, вздору и сплетням не имеют, кроме приятных приветствия, любви друг к другу»⁵⁶.

Из источника явствует, что основными видами хозяйственной деятельности тлинкитов Якутата было прежде всего рыболовство, а также охота и собирательство. Тарханов подмечает существование у якутатцев своеобразного «загонного рыболовства». Индейцы во время нереста лососевых (а это был основной продукт питания жителей северо-западного побережья) устанавливали на речке несколько рыбных ловушек («морд»). Затем они отправлялись вверх по течению, откуда плыли назад, колотя по каное палками, ударяя гарпунами по воде и загоняя тем самым испуганную рыбу в свои ловушки. Добравшись до них, писал Тарханов, «вынимают морды с умножением великим, едва притянут с рыбой к берегу»⁵⁷.

В «Журнале» Тарханова содержится первое довольно подробное описание хозяйственного цикла индейцев тлинкитов с указанием конкретных месяцев, когда преобладали те или иные виды экономической активности. Вот что он сообщал, например, о заготовке якутатцами жира рыбы-свечи (эулахона), занимавшего важное место в рационе питания индейцев северо-западного побережья: «Февраля в первых числах [ловят] сак-рыбу, ...кладут в кучи, чтоб прокисла. Потом в корытах через воду парят калеными камнями и сверху жир сымают в посудины и употребляют в пищу. У оной рыбы жир густой»⁵⁸.

⁵³ Журнал Д. Тарханова. Л. 59.

⁵⁴ Там же. Л. 60.

⁵⁵ Там же. Л. 60—61.

⁵⁶ Там же. Л. 63.

⁵⁷ Там же. Л. 64.

⁵⁸ Там же. Л. 64—65. См. также л. 18.

Рис. 2. Тлинкитка с деревянной «калужкой» — втулкой, вставленной в разрез под нижней губой. Рис. автора статьи

Рассказывая о материальной культуре тлинкитов Якутата, Тарханов особенно подробно останавливается на описании их одежды и украшений. Мужчины, по его свидетельству, носили в конце XVIII в. длинные рубахи из шкур пушных зверей («парки») и накидки из шкур медведя и сурков, а также из разноцветного сукна, выменянного у английских торговцев. Зимой этот костюм дополнялся теплым меховым плащом, а на ноги надевали штаны и «торбасы» — сапоги из дубленой тюленьей кожи, на руки — рукавицы, а шею обвязывали своеобразным «шарфом» из шкурки пушного зверя. Еще одна такая шкурка, повязанная вокруг головы, служила зимней шапкой. Внутри дома мужчины ходили только в набедренных повязках. Каждый из них постоянно имел при себе нож, жал в лосиных ножнах. Обычным оружием были также лук со стрелами и копье. Говоря о защитном вооружении воинов, Тарханов упоминал типичные тлинкитские доспехи в виде кирасы из деревянных дощечек и палочек, оплетенных китовыми жилами. Поверх этих деревянных «лат» надевалось по две рубахи из толстой лосиной кожи, предохранявшие воина от вражеских стрел. Дополнительной защитой служили тяжелый резной деревянный шлем и забрало⁵⁹.

О мужских украшениях Тарханов не пишет ничего, отмечая, правда, что среди якутатцев, эяков и атена практиковался обычай татуировки плеч. Наколка различных фигур производилась иглой, и в ранки втирались древесный уголь. В более ранний период, сообщал Тарханов, индейцы татуировали и подбородок, но в его время этот обычай был уже оставлен⁶⁰.

Одежда и украшения женщин-тлинкиток несколько отличались от мужских. Основой женского костюма были длинная рубаха из замши, поясом и меховая накидка. На ногах женщины носили «чиги», очевидно нечто вроде гамаш, составлявших единое целое с мокасинами. Волосы заплетали в косы и украшали их бисером. Бисер носили и в ушах в виде подвесок (до восьми в каждом ухе). На пальцы надевали медные и «зеленые» (нефритовые?) кольца. Среди других женских украшений Тарханов отметил характерные для тлинкиток деревянные втулки, вставляв

⁵⁹ Там же. Л. 15, 68, 75.

⁶⁰ Там же. Л. 75—76.

шиеся в разрез под нижней губой. Он добавляет, правда, что обычай носить втулку постепенно исчезает среди якутатских женщин⁶¹ (рис. 2).

В «Журнале» Дмитрия Тарханова, пожалуй, впервые письменно зафиксирована сцена камлания тлинкитского шамана: «Шаманство имеют. Раскладут из кряжей огня среди бараборы, соберутся тутошние все жители даже до малого. На пол положат шесты, бьют по оному все часто и поют по своему разговору [на своем языке]. Шаман весь выкрасится орловым пухом [обсыпет орлиным пухом], лицо, волосы. Бегаёт вокруг огня и кричит сам. Голову загнет на затылок, остановится и обоймет алеута [в данном случае речь идет, очевидно, о помощнике шамана]. Разговаривает свирепым образом, тот алеут таким же образом отвечает. Шаман закричит, побежит от него опять вокруг огня и те [зрители] заколотят [по полу]. Так делается раз до 8-ми [то есть два раза по четыре: „4“ — священное число у тлинкитов]. Потом возьмет болванов [изображения тотемов, либо шаманские атрибуты] наподобие птицы, рыбы, выдры носит на руках. На голову надевает попеременно [изображения] раскрашенных разных птиц, оные все выигрывает [разыгрывает, изображает]. И кончит свое шаманство. Более шаманство производят зимой»⁶². Тарханов добавляет, что обычно камлание происходит ночью, а после него все присутствующие угощаются ягодами с вареной икрой и тюленьим жиром. Заканчивая обзор религиозного культа тлинкитов, он отметил и такое суеверие индейцев: они не сушили рукавицы над огнем, так как верили, что в противном случае будут дождь, ненастье и шторм⁶³.

Находясь долгое время среди якутатцев, Тарханов обратил внимание на значительное развитие у них прикладного искусства: «малевать или что вырезывать весьма мастера». Это же, по его замечанию, было характерно и для более южных тлинкитских групп: «в колошах тож художество имеется»⁶⁴.

Материал о медновцах и эяках представлен в «Журнале» Тарханова в гораздо меньшем объеме, чем о якутатцах, среди которых он прожил почти год. Об эяках сообщается лишь, что зимой, в январе, они устраивали поминки (потлачи?) по своим умершим сородичам⁶⁵. О медновцах сказано несколько более подробно. Тарханов начинает с описания их одежды, очень напоминавшей одежду якутатцев. Затем он касается основных занятий медновцев: «Пропитание [имеют] от Медной реки красною рыбою, которая идет от моря [на нерест] в июне месяце, добывают [ее] саком [сачком], связанным из звериных жил мережою, и сушат на лабазах юколой; свежую квасят в ямах, головы, кишки топят каменьями [при помощи раскаленных камней] в деревянных колодах... Осенью и весною копают коренья, промышляют кроликов, осенью и весною [ловят] еврашек [сусликов] летом петлями»⁶⁶. Охотничье и боевое оружие медновцев состояло, по свидетельству Тарханова, из луков и стрел, топоров (палиц-томагавков из оленьего рога?), железных и медных кинжалов и копий с железными наконечниками⁶⁷. Упоминание в основном тексте повествования о «калгах» (рабах), которых имели вожди медновцев, говорит о том, что общество этих индейцев было уже социально неоднородным. Следовательно, еще в конце XVIII в. социальное расслоение в среде атапасков атена достигло того уровня, когда выделилась уже особая категория бесправного населения — рабов. А это в свою очередь может служить показателем относительно высокой ступени развития общества и экономики, на которой базировалось это общество.

Из всех туземцев Русской Америки, с которыми приходилось сталкиваться Дмитрию Тарханову, более всего по душе ему пришлось меднов-

⁶¹ Там же. Л. 67.

⁶² Там же. Л. 69—70.

⁶³ Там же. Л. 70.

⁶⁴ Там же. Л. 71.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. Л. 72.

⁶⁷ Там же.

цы: «Оные медновские весьма добродетельные, как женский, так и мужской помысл против прочих [туземцев]. Приписываю с моей стороны благодарность»⁶⁸. Эти индейцы чувствуют добро, сделанное им, отмечает Тарханов, не то что кадьякцы, эяки и якутатцы: «А прочие от Кадьяка до колож никакой благодарности не чувствуют, что бы ты им не делал. Когда же делаешь и даришь, тогда несколько услуживают и то с обманом и леностию, а сами еще припрашивают, чтоб ты еще более награди. Не дал, имеют гнев, славят, что худой!»⁶⁹.

Ценность этнографических заметок Тарханова заключается в том, что это — одно из наиболее ранних свидетельств очевидца, побывавшего среди индейцев Русской Америки, еще почти не испытавших влияния европейцев. Изучение этого источника позволяет уточнить многие детали сведений по истории и этнографии Аляски, и в частности конкретизировать дату первого исследования русскими Медной реки. Включение «Журнала» Дмитрия Тарханова в научный оборот, несомненно, обогатит источниковую базу о Русской Америке и выявит новые стороны освоения Аляски русскими людьми.

⁶⁸ Там же. Л. 74.

⁶⁹ Там же.

А. Б. Кунанбаева

**КАЗАХСКИЙ ЭПОС СЕГОДНЯ:
СКАЗИТЕЛЬ И СКАЗАНИЕ**

Отражая историю казахского народа от эпохи консолидации разрозненных племен кочевников в народность до расцвета казахской социалистической нации, эпос стал поистине летописью духовной, социальной и материальной жизни казахов. Эпическая традиция казахского народа активно функционирует и в наши дни, доказывая тем самым возможность и органичность существования столь древнего наследия в рамках социалистической культуры. Именно это делает актуальной задачу рассмотрения современного этапа функционирования и трансформации эпоса.

Источниковедческой базой статьи послужили полевые материалы — магнитофонные записи произведений сказителей и личные наблюдения автора, осуществленные в ходе фольклорных экспедиций Алма-Атинской государственной консерватории им. Курмангазы в Мангышлакской¹ и Кызыл-Ординской² областях Казахской ССР и в местах проживания казахов в Туркменской ССР³. На Мангышлаке и в Туркмении преобладают представители бывшего рода адай (формальная принадлежность к тому или иному роду сохраняется). В Кызыл-Ординской области работа велась в основном со сказителями рода кете⁴.

Анализ собранных в экспедициях материалов позволяет поставить проблему эпического певца в традиционной культуре современного Казахстана. Осуществление этой задачи целесообразно начать с систематизации отдельных высказываний сказителей (*жыршы*), сгруппировав их по следующим параметрам: участие в творческих странствиях; формы сказительства (сольное, соревновательное, приуроченное и др.); форма оплаты, ее размер; самооценка сказителя, его отношение к сказителям других школ и традиций, к иным типам профессионалов устной традиции, поведение во время исполнительства и контакты со слушателями; представления сказителей о жанровой природе исполняемых произведений; репертуар (активный и пассивный). Особое место занимают параметры музыковедческие: манера интонирования эпических текстов; роль инструмента, сопровождающего пение; традиционные критерии мастерства; осознанность закономерностей музыкального формообразования. Естественно, что систематизация высказываний *жыршы* требует повышенного внимания к народной терминологии, а также к характеру (стабильность или случайность) ее употребления.

Народное профессиональное искусство как явление современной жизни дает возможность погружения в живой источник устной традиции и

¹ Февраль 1975 г., руководитель Б. Аманов.

² Июль 1977 г., совместно с Б. Дальденбаевым; руководитель — автор статьи.

³ Май-июнь 1977 г., совместно с А. Е. Байгаскиной (руководитель) и Б. Амановым.

⁴ Все фонозаписи инструментальных пьес, песен и сказаний, сделанные в перечисленных экспедициях, хранятся в кабинете фольклора Алма-Атинской государственной консерватории. Приводимые в настоящей статье высказывания народных исполнителей записаны автором и цитируются по экспедиционным дневникам, находящимся в его личном архиве.

изучения философии сказительства, его эстетики, техники исполнения многого другого «изнутри». Попытка подобного изучения — одна из тех задач. Ведь эпическое творчество не может рассматриваться, бо того — не может быть понято и осмыслено только на основании зафиксированного словесного или нотного «текста». В этом отношении весь текст культуры и быта — до мельчайших деталей и самых, на первый взгляд, незначительных связей — является не фоном, оживляющим сгий технологический разбор, а собственно объектом этномузыкального исследования.

Остановимся на характеристике некоторых (из большого числа) прослушанных нами жыршы адаевской традиции.

Алькуат Кожабергенов (1911 г. рожд.) родился в местности Акжар в 30 км от нынешнего города Шевченко. В настоящее время живет в 18 км от г. Мангышлака, в пос. Акшукур, где находится центральная усадьба совхоза «Акшукур». Рос в семье профессионального домбриста музыкантом был и его дядя со стороны матери. В молодости отец Алькуата отправлялся в творческие странствия (в практику сказительства обязательно входит исполнение сказаний в разных районах расселения этноса) с Кожабергеном, Аяпом, Байболганом, Жанаем. (Алькуат отмечал принадлежность музыкантов к определенным «бригадам» — числу которых были не только сказители, певцы, домбристы, но и борцы, участники конных состязаний, ремесленники-ювелиры и др.).

С восьми лет Алькуат остался сиротой, воспитывался у деда. Тяготы сиротства не подавили стремления к искусству, приводившего его на праздники, где звучала музыка. От природы он левша, а левшам, как известно, по словам Алькуата, домбру не дают. Тогда мальчик стал играть на поварешке, тем и обратил на себя внимание. В результате семилетний Алькуат получил плохонькую самодельную домбру. Первым его учителем был домбрист Кожан Сабиков, в семье которого, по сложившейся традиции, он жил до 14 лет. В 1931 г. Алькуат поехал в Кара-Богаз-Коль, где собрались тогда 60 человек — участники народного праздника. Главным среди них был 27-летний (т. е. уже зрелый, «бородастый» — *сакалды жигит*) Мурат Ускембаев, наставник одиннадцати приехавших с ним домбристов. (Впоследствии М. Ускембаев долгие годы работал солистом Алма-Атинской государственной филармонии).

Как шуточно замечает Алькуат, он стал человеком благодаря тому, что «носил за музыкантами их инструменты». На самом деле его жизненный путь определило общение с крупнейшими домбристами и сказителями. Мурата же Ускембаева он считает своим духовным наставником, гордясь принадлежностью к его школе.

Вместе с музыкантами Алькуат уехал в Туркмению, где жил 20 лет. В 1941 г. ушел на фронт, воевал под Сталинградом, был ранен, демобилизован; в 1943 г. поселился на Мангышлаке. Ныне — пенсионер. Популярен большой любовью и популярностью не только у односельчан, но и за пределами области. Зимой живет вместе с женой в Акшукуре, а весны до поздней осени разъезжает по Мангышлаку и среди казахов Туркмени и Каракалпакии, исполняя сказания и *кюи* (инструментальные пьесы).

За высокое мастерство сказитель получает определенное материальное вознаграждение (*байрак*). Говоря об этом, жыршы всегда подчеркивает, что для него важна не столько оплата, сколько факт признания общественной полезности его деятельности. Байрак выражается в одаривании скотом, верховой лошастью, халатами, отрезами тканей, музыкальным инструментом. Размер оплаты зависит от характера и продолжительности празднества, авторитета сказителя, достатка хозяев, также сложившихся традиций. Несоответствие оплаты принятым критериям, в том числе чрезмерное превышение ее, воспринимается как оскорбление и свидетельствует о непонимании истинных достоинств певца.

Часть полученного тут же или в скором времени раздается на время свадеб и поминальных праздников в округе, передается в наслед-

ство новорожденным. Жыршы может устанавливать срок принесения в жертву (по случаю совершеннолетия, ухода в армию, свадьбы и т. д.) подаренного ему скота. Надо сказать, что памятный дар из рук жыршы ценится очень высоко. Особенно значима передача музыкального инструмента, носящая сакральные черты (по связи дарения с дарованием).

По убеждению Алькуата, жыршы не может разбогатеть, даже захотев этого. «Все пришедшее [богатство] уходит той же дорогой, что и пришло, а накапливаясь — давит. Остается только самое главное — поддержка и любовь широкого общества [народа]. Не говоря уже о том, что это [стяжательство] никак не характерно для жыршы»⁵.

К нашему приезду Алькуат отнесся благосклонно, охотно пел и рассказывал, перечислил публикации о себе и сообщил даже их выходные данные.

В репертуаре Алькуата произведения двух родов: инструментальные пьесы кюи и песенные; к последним относятся *дастаны* (эпические сказания), *терме* (назидания), *толгау* (размышления).

Все исполняемые произведения, в том числе и песенные эпические, А. Кожабергенов предварял подробными рассказами об их авторах, истории создания, конкретной ситуации первого исполнения. Наделенный особым чувством времени, он планировал исполнение в зависимости от наличия пленки на кассете⁶. После собственных кюев Алькуат исполнил две поэмы Тумена Балтабаева («Манкыстау» и «Алма-Ата»), а также поэму Мурата Ускембаева («Манкыстау»), известные в регионе благодаря сказителям. Опубликованные версии этих поэм он знает, но не придерживается их, считая литературно обработанными.

А. Кожабергенов обнаружил глубокое понимание всех особенностей сказительского творчества и при общении щедро делился с нами своими знаниями. «Все, что я вам пою, называется *жыр*, а среди них есть и „слова“, и „посвящения“, и „назидания“... *Дастан* — это рассказ о деяниях богатырей, их жизни, потому он „именуется“, носит имя этого героя. А *толгау* — это тяжелый, горестный *жыр* (*жырдын қайғылы турі*), например, если у кого умирает сын... Но это не просто плач, а глубокая мысль... Лучше всех цену толгау знал Саттыгул, ведь он потерял 12 детей...».

Алькуат высоко ценит способность сказителей создавать новые эпические произведения и сетует на отсутствие у себя этого дара, утешаясь тем, что сочиняет кюи. «Оба дара редко кому даются, хуже, когда нет ни к чему способностей. А есть они или нет — с детства видно. Все живут одной семьей, а не все становятся сказителями и домбристами. Чтобы стать сказителем, надо, чтобы руки с детства тянулись к домбре, память постоянно требовала работы, а слова сами гнездились в сердце. Тогда и станут в тебе заново рождаться сказания, которые ты слышал... Обычно они идут чередой, одно цепляясь за другое. Я даже не знаю сам, сколько во мне дастанов... Наверное, все, что я когда-нибудь слышал... Чаше всего я запоминаю, глядя на руки: руки запоминают, а сердце наполняется словами. Когда обе части воссоединяются, тогда и можно рассказывать. Обычно мне достаточно для того, чтобы выучить любой текст, около 3—4 дней. (С хитринкой): Но я кое-что и записываю так, для себя, знаками (*мыжық қылып*)... Вы это не поймете, там все по-старинному, (Со смехом): Я и сам иногда ломаю голову, что там нарисовано... Но выучить „сухие“ слова и петь... — нет, это невозможно».

Более того, сказание трудно исполнять, «пока не разогреешься как следует [букв.: пока спина не разгорится]...», но «чуть настроение соскользнет на что-нибудь другое, — как словно черт тряхнет: все слова улетучиваются. Будто все, что мы знаем и поем, стекает [спускается] к нам на струны прямо с неба...».

⁵ Переводы цитируемых в статье высказываний жыршы, а также пояснения к этим высказываниям, принадлежат автору статьи.

⁶ Однако, начав исполнение сказания, А. Кожабергенов не прерывал его, несмотря на вынужденные (по техническим причинам) перерывы в записи: «Если уже начал петь, то надо и закончить, а не делать „винегрет“».

«В молодости я очень озорной, бесшабашный был (*тентек*), вот то и гонялся за песней [лирической], а с возрастом... И не к лицу тебе это, и мысли тянутся [букв.: перетягивают, переваливаются] в другую сторону, все больше о глубоком, о прошлом. Надо о дороге, что ждет впереди, задумываться...».

Слушать Алькуата Кожабергенова спокойно — а уж тем более — нудно, вникая лишь в словесный текст, — невыносимо. Кажется, слова как бы входят в тебя сами, в то время как все твоё существо ходит во власти его голоса. Создается впечатление связи исполняемого текста (его временной, исторической близости к нашим дням и наоборот, отдаленности от них) с «психологическим присутствием» сказителя. Исполняя произведения на темы современности, сказитель вполне обращен к слушателям; когда же идет сказ о «делах давно минувших дней» (обычно это крупные сказания о героях, традиционные сюжетные произведения), погруженность в себя возрастает — сказитель будто удаляется от слушателя. Но перевоплощения, «преобразования» явно не происходит. Сказитель, полностью отдаваясь исполняемому произведению, словно открывает самое сокровенное в себе, он как бы «присваивает» исполняемый текст и говорит от собственного имени. Известно только о том, что близко и дорого самому жырышы. Поэтому весь процесс творчества-исполнительства выявляет личностные качества исполнителя. Исполнение разных сказителей фактически отличается неповторимостью их индивидуальностей.

Говоря о требованиях, предъявляемых в народе к сказителям, следует отметить те черты характера, которые входят в число профессионально предпочтительных, — твердость, решительность, мужественность, сдержанность. В представлении народа как бы смоделирован образ, которому должен стремиться молодой сказитель. Безволие и нерешительность осуждаются и вообще исключаются. Требование это, полное отголосков эпохи древних жырау — предводителей родов и духовных вождей, не случайно и в наши дни, когда вместе с признанием на плечи жырышы ложится непростой творческий и нравственный груз.

Во время экспедиции в Туркмению, где живут казахи того же рода, мы убедились, что отмеченные черты сказительства А. Кожабергенова присущи не только ему, но и всем адаевским жырышы. Об этом свидетельствует их репертуар — исполняются произведения Есенгали, Кашагана, Саттыгула, Мурата (к ним примыкают произведения местных авторов — Курмана, Акпана, Абдрахмана и др.).

Самый молодой из казахских жырыш Туркмении — Отеген Темирбаев (1941 г. рожд., рабочий нефтебазы, живет в Байрам-Али). Его выделяют искрометный темперамент, сильный голос, возбужденно-приподнятая манера речитации. Отец Отегена — известный сказитель Курман, сочинения которого популярны в регионе. Одно из сказаний Курмана мастерски исполненное Отегеном, — «Места, где кочевали казахи рода адай» — создано на основе большого числа исторических сведений, преданий, генеалогий, бережно сохраняемых в памяти людей старшего поколения. Его версия исторической хроники содержит сведения о структуре рода и обо всех его передвижениях.

По словам Отегена, «жырышы песен у нас не поет. С давних времен песни (*той бастар, беташар*)⁷ исполняли акыны. Если в одном месте одновременно оказываются и акын и жырышы, то акын просит у жырыш разрешения открыть торжество, потому что у жырау все преимущество [букв. — его дорога больше, значительней]». Ценно и замечание об исключительной роли инструмента в эпическом сказании: «Без домбры слова на память не приходят, да и звучит это как *жарапазан* [религиозное пение] или как причитание женщины, оплакивающей мужа. Востройность [законченность, красота] слов в домбре...».

⁷ «Открытие торжества», «смотрины невесты» — свадебные обрядовые песни.

Неразрывная связь инструментального и сказительского творчества, наблюдаемая в Западном Казахстане и Туркмении, получает отражение в почти повсеместном исполнении сказителями инструментальных кюев. В этом отношении многозначителен факт существования в репертуаре многих домбристов жанра *жыр-кюй* и *эн-кюй*. Обычно кюй носит имя автора, исполняющего на этот кюй свои сказания. Но это не просто мотив, на который поют сказители, а его инструментальная версия.

Наблюдения над бытованием эпоса мы продолжили в Южном Казахстане у представителей рода кете. В совхозе имени В. И. Ленина Кармакчинского района Кзыл-Ординской области в доме учителя средней школы Сюинбая Акбаева, собрались известные сказители района: Заир Рахатов (1915 г. рожд., колхозник), Беирман Бисембаев (1922 г. рожд., рисовод), Сабыт Жусупов (1922 г. рожд., рабочий совхоза), Жаппар Тунгышбаев (1933 г. рожд., слесарь), Каждембек Куанышбаев (1951 г. рожд., механизатор). Они начали с просьбы продемонстрировать наше искусство: обычай требовал с гостя уплаты *конак каде* — «долг гостя» (или, как иногда говорят, *аулдың алты аузы* — «любимая песня твоего аула»). Шутливо стали рассказывать, что в богатом талантами роду кете был обычай: бесталанных и ничего не знающих гостей подвешивали после трапезы за ноги к купольной решетке юрты. Так как в число традиционно допустимых «взносов» входят песни, кюи, рассказы, новости, то мы откупились «отчетом» о предыдущей экспедиции, пересказом столличных новостей и куплетом простейшей песни.

Все сказители принадлежали к школе Жиенбая — Рустембека, выдающихся жыршы прошлого. Старшее поколение характеризовало себя как счастливых очевидцев сказительства этих жыршы (*көне тарландардың көзін көргендер*) — «смотревшие в глаза львам древности»). Большинство из них — участники совместных странствий (последователи, ученики), особенно интенсивных в первые десятилетия Советской власти, — время создания оперных, театральных и филармонических организаций, в рамках которых функционировали «бригады» жыршы. Практика выступлений по приглашению сохраняется до сих пор. Сказитель — непременный участник и свадебных торжеств, и мероприятий областного и республиканского масштабов — слетов сказителей, «дней чабана», а также партийных и научных конференций, по окончании которых организуются концерты. Исполнения сказителей записывают на радио, включают в концерты по заявкам; иногда специальные передачи посвящают творчеству жыршы. В репертуаре кармакчинских сказителей в настоящее время преобладают произведения местных авторов: Турмагамбета, Балкы-Базара, Акимгерее, Омара, Майлы-Кожы, Кете Жусупа, Ешнияза, Онгара. Отрывки из их произведений появляются в республиканской печати. Родство культур населения Южного Казахстана и соседних народов определило обилие в репертуаре местных сказителей произведений на «восточную» тематику, в том числе образцов письменной поэзии Востока (например, «Тысяча и одна ночь», «Шахнаме» Фирдуоси и др.), а также эпических произведений, широко известных за пределами Казахстана («Кобланды», «Алпамыс», «Қоруглы»).

По утверждению сказителей, каждый из них придерживается круга произведений своих учителей. Наряду с этим известны «творческие союзы» создателей и исполнителей эпических произведений региона (например, Майлы-Кожы — Барат жырау; Кете Жусуп — Тасберген; Турмагамбет, Омар — Жиенбай, Рустембек; Онгар — Турымбет жырау). Творческие контакты были закреплены довольно жестко и контролировались традицией. И в настоящее время исполнение текстов на «чуждый» напев не всегда получает поддержку слушателей, так как не способствует, по их мнению, достаточно полному отражению поэтических особенностей исполняемого текста, хотя в целом выбор возможных сочетаний напевов и текстов достаточно широк. Слушатели знакомились с творчеством поэтов исключительно в исполнении жыршы. И связано это не столько с низким в прошлом уровнем грамотности, сколько с формированием у казахов устной литературы (как предполагают, — еще в

XV в.)⁸. Сохранив основные принципы функционирования до наших дней, она легла в основу современной казахской литературы, которая окончательно оторвалась от сказительства и обрела все черты профессиональной письменной литературы.

Сказители выделяют три региональные традиции на территории Кызыл-Ординской области (казалинскую, кармакчинскую, чиелинскую), отличающиеся друг от друга в основном репертуаром и манерой исполнения. В регионе в рамках этих традиций различаются школы Жанабергенов, Тасбергенов, Жиенбаев, Молдахметов, Сарсенбаев, Жаметов, Тенизбаев, Нуртуганов, Балкы-Базаров⁹. Часть сказителей этой школы в настоящее время живет в Каракалпакии и Узбекистане.

Наиболее оптимальной средой для передачи сказительской традиции являются семейные династии. Кстати, оттого столь большое значение придается родословной сказителя (*Тулпардың туымы бар* — «От тулпара рождается тулпар»). Оптимальный возраст обучения сказительству — 7—8 лет. Первым навыком, без которого невозможно обучение, является овладение домброй («приспособление инструмента к рукам»). Специальные детские инструменты почти не изготавливают, полагая, что самого начала целесообразнее овладевать инструментом взрослых, чтобы не перестраиваться впоследствии. Во всяком случае, детских инструментов мы не встречали. Сохранились лишь отдельные воспоминания о их бытовании (довольно редком) в прошлом.

Обязательным считалось присутствие на «сеансах» сказительства условие пассивного запоминания исполняемых текстов и «впитывания» кодекса поведения жыршы. В мнемоническом плане среди текстов выделяют простые и более сложные. К первым относятся в основном термезидания, насыщенные расхожими поговорками и сентенциями. Музыкально они также несложны, локализируются главным образом в области открытых струн и первой позиции домбры. Штриховая техника правых рук стабильна и ритмически выдержана. Уже в детстве оттачивается чеканная дикция и ценится активная ритмичность произношения текста. Манера исполнения усваивается путем подражания. Но для образования сложных обертоновых призывков в *кайырма* («юбиляциях») ¹⁰ учителя используют и механический способ надавливания на мышцы горла мальчика, создавая некий искусственный барьер, преодоление которого способствует формированию особого типа звукоизвлечения. Любые успехи, даже самые незначительные, отмечаются и поощряются учителем.

В возрасте 13—15 лет начинаются выступления ребенка в семейном кругу. Именно в этот период происходит отбор будущих сказителей.

Не все обучающиеся игре на инструменте становятся непременно сказителями. По многим и разным причинам — в зависимости от окружения, ориентации, собственных данных, предпочтений и т. п. — подросток может либо совершенствоваться в области инструментальной музыки, избрав путь профессионала устной традиции, либо остаться домбристом-любителем. Но прочные слуховые и моторные навыки, полученные в детстве, позволяют некоторым из них в более зрелом, сознательном возрасте вернуться к сказительской деятельности. Наличие скрытого от постороннего наблюдателя этапа овладения приемами традиционного искусства, в первую очередь связанными с овладением инструментом (а в конечном счете — с мышлением традиционного музицирования), частично объясняет парадокс «неожиданно» запевших жыршы.

Среди них — как ослепительный метеор на горизонте казахской культуры — Кошенин Рустембеков (1946—1973), проживший короткую, но яркую творческую жизнь и оставивший о себе неизгладимую память. Представитель семейной династии сказителей Жиенбаев — Рустембеков.

⁸ См. Магауин М. М. Кобыз и копые. Алма-Ата, 1970.

⁹ По устному свидетельству проф. А. Конратбаева.

¹⁰ *Кайырма* (казах.) — продолжительное, ликующего характера распевание заключительного слога.

он рано осиротел. На детские впечатления о сказительстве отца наслаивались воспоминания его современников, сказителей старшего поколения, исполнявших эпические произведения на напевы Рустембека. Долгое время Кошеней словно и не помышлял о сказительской деятельности, увлекаясь эстрадной народной песней. Однако его несомненные музыкальные данные, артистизм и раскованность, умение подчинить себе любую аудиторию, и, самое главное, голос особого тембра и полетности, питали надежды сказителей на достойное продолжение династии Рустембековых. Столкнувшись с этими ожиданиями, Кошеней отстранился от всех дел, и, ограничив общение рамками семьи, за месяц освоил весь доступный по записям и рукописям репертуар отца и в кратчайший срок добился признания знатоков традиции. Люди, слышавшие в молодости деда Кошенея — Жиенбая, утверждали, что его голос возродился в Кошенее. С этого момента началась сказительская биография 20-летнего Кошенея.

Его популярность быстро переросла региональные рамки: он выступает в Алма-Ате, записывает несколько песен на пластинки. Одновременно с творческой начинает собирательскую деятельность, проявляет очевидные научные склонности, стажировается в Институте мировой литературы АН СССР в Москве. Ранняя трагическая смерть оборвала жизнь Кошенея. Но семейная династия сказителей Рустембековых не прервалась. Младший брат Кошенея, Бидас Рустембеков (1951 г. рожд.), достойно продолжает ее традиции.

Бидас родился в пос. Акжар Кармакчинского района, работает электриком, получил среднее специальное образование. Смуглый, худощавый, невысокого роста, он был нашим сверстником. Но мы чувствовали между собой и им значительную возрастную дистанцию. Сдержанный, поистине интеллигентный стиль поведения, уважение к окружающим обнаруживали в нем человека высокой духовной культуры. Первые впечатления укрепились в ходе совместной работы и дальнейших встреч в Алма-Ате и Москве, где Бидас представлял казахское народное искусство на отчетном концерте Всесоюзной комиссии народного музыкального творчества Союза композиторов СССР в декабре 1980 г.

Пение Бидаса отличается от пения Кошенея; по словам Сабыта Жусупова, оно приближается к манере отца. Низкий, богатый обертонами голос в сопровождении гулкой по тембру домбры, чеканная ритмичность речитации с прорывами в юбилеях-заклечениях завораживают. Пение Бидаса отмечено виртуозным мастерством смены манер звукоизвлечения, переходами от «открытого» звука до разнообразнейших приемов вибрации и тонировки голоса.

Первая сделанная нами запись была строго систематизирована сказителем. Он спел все напевы деда и отца с текстами, чаще всего исполняемыми на них, а также произведения брата, расположив их по степени трудности, как делает это, по его словам, и при обычном исполнении. Затем, «войдя в форму», он перешел к эпосу «Коруглы», выделив три главных его напева. Завершил пение произведениями других сказителей. Таким образом, нам была предложена своего рода антология музыкально-эпической традиции региона. В других случаях, например в присутствии молодежи (в частности, в Алма-Ате), Бидас свободнее строил репертуар, включая в него и популярные народные и современные песни, но в зените вдохновения всегда переходил к крупным эпическим формам.

Среди произведений, исполнявшихся Бидасом, представлены следующие жанры: назидательные песни — *терме*, философские размышления — *толгау*, «речения» известных сказителей — *сөз*, утешения и соболезнования — *қоніл қос*, посвящения и восхваления — *арнау*, *мадақтау*, письма (примыкающие к речениям) — *хат*. Из более крупных произведений — поэмы Турмагамбета, басни, сочинения Бекшентаева «Сыр сулейлері», в котором перечисляются и оцениваются сто сказителей региона, начиная с легендарного Коркута. Некоторые сказители исполняют это сочинение в «дополненном» виде, вводя имена современников.

Все произведения Бидас исполняет на один и тот же круг напев близких по стилю; некоторым из них приписывается авторство того и иного певца. Очевидны осознанное разделение слова и напева и слоная мозаика их сочетаний, в которой просматриваются определенные закономерности.

Много интересного сообщил Бидас о психологии творчества сказителя, дополняя известное нам прежде. Так, Беирман Бисемба ранее рассказал нам такой эпизод из истории сказительства. Жусуп (один из сказителей прошлого) странствовал по аулам, исполняя песни и сказания. Как-то раз он оказался в одном доме с Жиенбаем (дедом Кошенея и Бидаса), и тот, увидев, как поет Жусуп, сказал ему: «Ай Жусуп! *Молдас курып* [сидя в обычной позе со скрещенными ногами сказания не поют! У человека два отверстия — чтобы была сила, одно из них надо закрыть! Жыршы должен сидеть с упором на правое колено, подогнув под себя левую ногу и опираясь на *көпшөк* (твердую подушку)]!»¹¹ Специальную сказительскую позу Бидас объяснил несколькими причинами: во-первых, она не позволяет сказителю стихийно, в порыве вдохновения, перемещаться, строго фиксируя его местоположение; во-вторых, дает опору, необходимую в наиболее напряженные моменты исполнения; в-третьих, создает психологическое преимущество, возвышая его над остальными слушателями.

Объясняя, отчего одни слушатели, чаще всего женщины и дети, свободно входят и выходят во время пения (кстати, делают они это очень деликатно), а остальные ждут окончания произведения, чтобы выйти или встать, Бидас произвел своеобразную классификацию слушателей. Женщины, занятые хозяйством (приемом гостей), находятся за пределами внимания жыршы. Дети, в силу правил традиционного общества до определенного возраста свободны в поведении. Среди остальных слушателей выделяется круг знатоков — сами сказители, старейшины, гости, обращаясь к которым и поет сказитель. Иногда таким «адресатом» может быть даже один человек, больше всех настроенный на восприятие, активно реагирующий и заражающий своим отношением всю аудиторию. Его поведение может определить последовательность произведений и даже состояние самого сказителя. Слушатели, которые присутствуют с самого начала, могут по необходимости незаметно удалиться. Неожиданный приход малознакомых людей тормозит исполнение: сказителю необходимо некоторое время, чтобы включить вновь прибывших в круг своего внимания. Исполняя большие сюжетные сказания, жыршы уже не так связан с аудиторией, а сосредоточен на описываемых в них событиях. Однако в определенные моменты сказитель нуждается в поддержке аудитории, которая выражается восклицаниями-формулами и прибавляет ему сил своим одобрением. Пение сказителя объединяет всех присутствующих, и аудитория располагается вокруг него концентрическими кругами. В сложной системе этих кругов есть свои правила поведения для отдельных слушателей.

По словам Бидаса, «жыршы — скакун для байги, ему нужна поддержка большинства, широкой публики». «Настоящий жырау, жыршы не должен кричать, не нужно лишнего крика. Следует идти по следу напева, как по тропе, и не сходить с нее, подчиниться ему [напеву]. Нельзя также „путать следы“ и без нужды соскальзывать с одного на другой. Игра на домбре тоже должна соответствовать тому, что поешь, нельзя попусту хлестать по струнам, играть нужно *бурап* [„ввинчивая“, особым образом, бережно и мягко]».

Относительно вокальной техники в устной традиции существует развращенная система характеристик описательного характера. Приведем некоторые из них. «Голос Жиенбая был голосом настоящего жырау, близким к голосу бахсы [шамана]... В голосе Рустембека звучал „ко

¹¹ Ср. специальные позы якутских сказителей-олонхосутов (сидят, положив ногу на ногу и держа одной рукой за ухо или щеку) и калмыцких джангарчи (сидят особым образом на коленях).

локольчик“, сколько бы он ни пел, это никогда не могло надоесть. Да и напевы прошлого — это голос сыбызги¹²; мы теперь уже забываем звуки прошлого, переходим на песни... Рустембек бесчисленное богатство слов мог изливать при помощи одного „макама“ [напева] и один раз в час только и закруглял его, а теперь мы, суетясь, все, что знаем, опрокидываем за один час, успев по дороге неоднократно закрыть напевы короткими заключениями. Теперь лишь старики, такие, как Абдильда [Жургенбаев], владеют еще искусством исторгать мощные потоки слов и водить за собой слушателя, но какой восторг испытываешь, когда после долгого пути он переходит к заключению!»

Как видим, сами сказители особое значение придают напеву, а также его заключению, которое называется *кайырма*. Значение этого слова может быть переведено и как «припев», однако этот перевод сотрет важные оттенки смысла, проявляющиеся в семантическом контексте термина. В нем присутствуют одновременно два взаимосвязанных значения: «поворот» и «возврат». «Тот, кто исполняет много сказаний, заключает напев не горлом, а кончиком языка», — считают кармакчинцы. «На повороте нельзя зажимать [мышцы] рта, нельзя опираться и давить на грудину, иначе получится сплошное перепиливание напева».

Немалая роль в совершенствовании мастерства сказителей принадлежит передаваемым из поколения в поколение рассказам и легендам о сказительстве прошлого. Происходит также сравнение с современным состоянием традиции, чаще всего не в пользу последней. (В этом проявляется один из важнейших способов обучения мастерству, с отнесением «идеальной модели» в прошлое, которая самим фактом древности обретает силу закона и становится целью сегодняшнего исполнительства).

«Сравнивая пение Рустембека с пением его отца Жиенбая, искусство первого считали стоящим на более низкой [по мастерству] ступени; мы уже теперь не можем достичь уровня Рустембека, по сравнению с ним мы — „суетящиеся вхолостую“. У нас короткое дыхание, мы скорее выдыхаемся, оттого и повороты наши кратки. Сейчас большинство [певцов] одним криком сметает все слова в кучу и скорее стремится к заключению, как гость, усевшийся за стол прежде, чем начали готовить еду. А ведь у каждого сказания свое время и место для заключения, свой способ [прием] завершения, и ритм этот нарушать не следует. Чтобы это понять, надо слушать много различных жыршы и найти свое дыхание». «Если уж петь, так все сказание целиком, а не взбалтывая [вспенивая, мешая] начало одного и конца другого, незачем мучить и сказание, и слушателей...».

О сказителях прошлого рассказывают легенды. Тасберген, например, как свидетельствуют легенды, обладал столь мощным голосом, что только на его откашливание перед выступлением съезжалось с трех сторон (с расстояния в 30 км) до 300 всадников-слушателей! Голос Тасбергена отличался не только силой, но и особым тембром, близким к звуку шаманского инструмента — *кобыза*. Один из напевов Тасбергена, на который исполняются тексты самого различного содержания, называется *манрама* (от *маңырау* — рев, мычание крупных животных). Умение исполнить этот напев высоко ценится сказителями и означает определенный этап овладения сказительским мастерством. Весь напев речитируется на одном звуке, а в заключение выступают на первый план разнообразнейшие приемы звукоизвлечения. «Манрама — это напев, в котором все заключение идет через нос, в нем не должно быть ни одного слова на „ау“. Петь этот напев или очень трудно, или очень легко, должно все внутри раскрыться, и звук тогда направляется прямо вверх, без единого препятствия. Обычно это возможно после долгого пения, когда уже разогреешься и все внутри размякнет и станет гибким. Тогда и не поймешь, откуда этот звук раздается».

¹² *Сыбызга* — казахская продольная флейта.

Приведем одну из легенд о Тасбергене, рассказанную Сабытом Жусуповым¹³. «Однажды в пылу вдохновения Тасберген сделал в заключение не пять (недостигаемое для рядового сказителя число), а семь кругов-поворотов, каждый из которых поднимался все выше и выше. И тут почтенные старцы не выдержали: „Прекрати, Тасберген! Неужели ты замыслил такое проклятие грядущим поколениям! Твои потомки будут обречены умирать, никогда не достигнув этого совершенства!“ С тех пор Тасберген не преступал границ доступного человеческого способностей и не совершал посягательства на неземное совершенство».

Так сохранялась традиция — так она жила: ее величие очевидно. Эпическая среда берегла эпические нормы исполнительства.

На этом позволим себе закончить характеристику основных сказителей, истории и теории казахского эпического исполнительства, как они фрагментарно вырисовываются из наших экспедиционных материалов. Мы сознательно отдали предпочтение живому описанию конкретных фактов и тех традиций, которые очень важны, по нашему убеждению, для понимания подлинной природы эпического исполнительства. Каждое новое поколение особо выделяет наиболее актуальное, каждая среда подходит к эпосу со своими требованиями, знание и понимание которых обязательны для сказителя. В его репертуаре происходит постоянное обновление тем, и даже современность оказывается подвластной приемам эпического отражения. Эта возможность реализуется только при бережной передаче опыта сказительства и сохранении традиционных эстетических критериев.

¹³ Сабит — внук Жусупа и сын Музарапа, известных сказителей и певцов прошлого, до недавнего времени был профессиональным жыршы. Из-за неожиданной потери голоса (простуда, приведшая к стойкому несмыканию голосовых связок) он в настоящее время не поет, хотя участвует во всех сказительских формах общения, пользуется большим авторитетом как представитель семейной династии и знаток традиции.

М. Д. Савуров

СОВРЕМЕННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ У УЙГУРОВ УЗБЕКИСТАНА

Процессы сближения народов СССР в ходе развития новой исторической общности советского народа проявляются в разных сферах. Современные этнические процессы отражаются, в частности, в развитии и трансформации антропонимических моделей.

В советское время в антропонимии уйгуров Узбекистана произошли значительные изменения. Она развивалась главным образом в двух направлениях: трансформации структуры антропонимической модели и изменении состава традиционного именника¹.

Традиционная антропонимическая модель уйгуров включала только имя; лишь иногда для уточнения указывалось имя отца или местожительство данного лица: город, кишлак, квартал, например: Исмаил Саид, т. е. Исмаил сын Саида, Абдураим Ортуши, т. е. Абдураим из Ортуша, и т. п.

Наиболее распространенными среди уйгуров были имена арабские, вошедшие в их именник с принятием ислама. У мужчин это имена пророка Мухаммеда и праведных халифов — Абу-Бекир, Омар, Осман, Али, имена религиозных подвижников, например сыновей Али — Хасан и

¹ Никонов В. А. Современные антропонимические процессы у народов СССР // Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1977. С. 291.

Хусан, мудреца Лукмана и пр. Кроме того, в качестве имен широко употребляли эпитеты Аллаха — Рахим (милостивый), Рахман (милосердный), Джаббар (могущественный), Карим (щедрый) и др. Женские имена восходят к именам матери, жены и дочери Мухаммеда — Амина, Хадиджа, Фатима; девы Марии; женщин-подвижниц и известных своим благочестием — Рабия, Зубайда и др.

В традиции уйгуров также давать имена по названиям месяцев, дней недели, праздников. Например, мужские имена Сафар и Раджаб соответствуют названиям второго и седьмого месяцев арабского лунного календаря. Особенно широко были распространены имена по названию девятого месяца поста Рамадан — в форме Рамазан или Рузи. Дням недели соответствовали имена Душанба (понедельник), Джума (пятница), Безар (воскресенье); названиям праздников — имена Хейт (праздник разговенья — Рамазан-Хейт), Курбан (праздник жертвоприношения — Курбан-Хейт), Навруз (праздник весеннего равноденствия). Женские имена этой группы всегда употребляются с традиционными компонентами в постпозиции, например, Джумагуль, Курбанбуви и др.

Значительное место в традиционном уйгурском именнике занимают имена в честь библейских пророков и персонажей: Нух — Ной, Якуб — Яков, Муса — Моисей, Дауд — Давид, Ибрагим — Авраам, Сулейман — Соломон, Иса — Иисус, Юсуф — Иосиф, Исхак — Исаак, Исрафил — архангел, Юнус — Иона и др.

Отдельную группу имен составляют имена, имеющие смысловую нагрузку, например: Хамид — восхваляющий, Халил — верный друг, Умид — надежда, Маджит — могущественный. Эти же имена могут даваться и женщинам, но с добавлением окончания -а: Хамида, Халима, Умида, Маджида.

К группе имен арабского происхождения относятся сложные составные имена, состоящие из имени или эпитетов Аллаха, одни с компонентом Абд-(слуга, раб), например: Абдулла — слуга Аллаха, Абдурахман — слуга милосердного; другие с компонентом -дин (вера, религия) — Камалатдин, Насретдин и др.

Заимствованные арабские имена в уйгурском языке подвергались изменениям в соответствии с фонетическими нормами этого языка, например: Мухамед — Махамат, Карим — Кярим, Хадидже — Хеличе, Убайдулла — Абайдулла, Ибрагим — Ибраим и т. д.

Значительное место в именнике уйгуров занимают имена героев восточных легенд и сказок: Рустам, Фархад, Тахир, Ширин, Зухра, Зулейха и др.

Следующую группу имен у уйгуров Узбекистана составляют имена, широко распространенные вообще у тюркских народов. Мужские: Батыр — богатырь, Арслан — лев, Пулат — сталь, Темир — железо, Алмас — алмаз, Баки — кормилец; женские: Гюльоим — цветок, госпожа, Гюльхан — королева цветов, Турсунбиби — остановись, госпожа, Алмасхан — королева алмазов и др.

Среди традиционных имен, имеющих предзнаменательное значение и широко известных в большинстве тюркских языков², следует назвать Турсун — «пусть останется», Улмас — «не умрет» и др. Эти имена давали новорожденному мальчику или девочке в случае смерти ранее рожденных детей. В таких же случаях новорожденных иногда отдавали кормилице. Через определенный срок ребенка возвращали матери в обмен на подарки, после чего ему давали имя Сотыволды (купленный).

Детям, имеющим какие-либо физические отличия (лишние пальцы на ногах или руках) давали имя, в состав которого входило слово «артик», т. е. лишний, например; Артикали, Артыкхон; родимые пятна: Таджи — гребешок, корона — Таджибек, Таджихон. Имеющим и другие отличия давали имя Нишан (знак, признак).

² Жанузаков Т. Ж. Обычаи и традиции в казахской антропонимии//Этнография имен. М., 1971. С. 161.

Было принято называть близнецов именами, создающими антропонимические серии: Хасан и Хусейн, Фатима и Зухра, Хасан и Зухра, Фатима и Хусейн и другие варианты. Эта традиция сохраняется и в настоящее время. В некоторых уйгурских семьях имена детей (чаще всего отдаленных братьев или сестер) образуют антропонимические серии, т. е. дети одной семьи нарекаются таким образом, что их имена по семантическим или формальным (а иногда по формально-семантическим) признакам связаны³.

В составе мужских имен и фамилий уйгуров часто встречаются компоненты -хан, -бек, -жан, -коре, а у группы уйгуров кашгарлыков еще -ахун. Последний был частью имен у большинства мужчин старшего среднего возраста, например: Кадырахун, Маматахун, Рузиахун и др. Интересно, что в прошлом в Узбекистане среди местного населения уйгуры были известны под названием ахун. Компонент -коре (в значении человека, знающего наизусть коран, от арабского слова *коре* — «читать») чаще всего встречался у выходцев из уйгурского города Кашгара⁴.

В формировании антропонимических серий у уйгуров важную роль играют компоненты -улла, -ур, прибавляемые к именам, например: Абдулла, Хабибулла, Убайдулла; Шамсинур, Бибинур и др. Реже встречаются серии имен, начинающихся с одной и той же буквы: Ахмад, Азиз, Аман, Батыр, Бахрам или имеющих одни и те же окончания: Карим, Рахим и некоторые другие.

Женские имена уйгуров образовывались прибавлением к мужским компонента -гуль, -хан, -нур, -буви, например: Орзигуль, Ризвангуль, Зайнабхон, Саодатхан, Бибинур, Шамсинур, Саньямбуви, Айшабуви и др. Последние более характерны для женщин-таранчи. В целом вышеперечисленные компоненты, и в особенности -гуль, широко употребляемы в антропонимии тюркских народов, главным образом Средней Азии⁵.

Помимо имени иногда давалось прозвище (лакаб), которое обычно указывало на какую-то заметную черту характера, наружности или деятельности человека, например: Ахмад-пон (Ахмад — глухой), Абдураккизганчик (Абдурайм — скупой), Ибой-тошкан (Ибой — заяц), Кырысчкан (Кырым — мышь) и др. Данная традиция сохранилась у уйгуров Узбекистана и в настоящее время.

Некоторые прозвища даются теперь на русском языке, что отражает этнические процессы, происходящие в уйгурской антропонимии.

Изменения в антропонимии уйгуров Узбекистана происходят под влиянием постоянных и устойчивых контактов с окружающими народами. Большую роль играют также такие факторы, как отход от родины, большая свобода для молодых родителей в выборе имен своим детям и т. д. Так, в результате контактов с узбеками у уйгуров Узбекистана (особенно Ферганской долины) к мужским именам ныне добавляется элемент -жан (в прошлом употреблявшийся редко). В этой форме имена записаны в документах: например: Ганижан, Набижан, Рахманжан и др. Значительно уменьшилось число имен с компонентами Аб-дин, Аллах и составных, двухосновных имен, ранее господствовавших у уйгуров⁶.

В последнее десятилетие в именнике уйгуров Узбекистана значительное место занимают такие имена, как, например, у мальчиков: Фуркат, Разлука, Алишер — лев пророка, Улугбек — великий правитель, Дилишад — радость души; у девочек: Нилуфар — лотос, Лола — тюльпан, Фирюза — бирюза, Рано — красивая, т. е. широкое распространение и

³ Ройзензон Л. И., Бобоходжаев А. Антропонимические серии у узбеков Нура (Самаркандская область)//Ономастика Средней Азии. М.: Наука, 1978. С. 144.

⁴ Полевые записи автора в г. Ташкенте. 1979 г. Хранятся в архиве автора.

⁵ Баскаков Н. А. Элемент *göl* «роза, цветок» в составе каракалпакских женских имен//Ономастика Средней Азии. С. 138.

⁶ Гафуров А. Таджики//Имена народов мира. М.: Наука, 1970. С. 28—35; Никитин В. А. Среднеазиатские материалы для словаря личных имен//Ономастика Средней Азии. С. 154.

лучили имена благозвучные или в своей основе несущие положительный эмоциональный заряд.

Вместе с тем в именнике уйгуров появились интернациональные и русские имена, во-первых, созвучные традиционным: Мария, Роза, Софья; во-вторых, совершенно новые: Светлана, Наташа, Саша и др. Этот процесс особенно заметен в городах.

На развитие этих процессов влияет и тот факт, что женщины теперь обычно рожают в роддоме. В некоторых из них детям дают имена в соответствии с разработанными учеными рекомендательными списками имен, которые имеются в каждом загсе⁷, хотя прежде всего учитываются пожелания родителей. В 1950—1960-е годы рекомендации выдавались загсом для правильного написания имен в документах, теперь и для самого выбора имен новорожденным. В последние годы в Узбекистане в связи с процессом формирования и развития новой социалистической обрядности все более распространяется обряд имянаращения. Он проводится в торжественной обстановке и способствует распространению у уйгуров Узбекистана интернациональных имен⁸.

Отметим также такой факт, что молодежь, особенно юноши в кругу друзей, сослуживцев, помимо традиционных имен имеют также второе, русское имя, обычно начинающееся с той же буквы, что и национальное. Например, Али — Алик, Батыр — Боря, Карим — Коля. Интересна в этом плане трансформация имен, употребляемых в национально-смешанных семьях. Так, в колхозе им. Ким Пен-Хва Ташкентской области в одной уйгурской семье невестка — корейка по имени Ульяна. Родители мужа зовут ее Марьям.

Именник детей в национально-смешанных семьях уйгуров отличается от именника в однонациональных семьях. Чаще всего в нем сочетаются традиционные, русские и интернациональные имена. Обычно это бывает в семьях, где молодые супруги живут отдельно от родителей мужа, а также в многонациональных кварталах или поселках. В уйгурско-татарских семьях кроме уйгурских имен мальчикам часто дают имена Руслан, Тимур, Эдуард; девочкам — Эльмира, Эльвира, Венера, Аида. Возможно, родителей привлекает экзотичность этих имен по сравнению с именниками обеих национальностей, представленных в семье⁹. Имена Эльмира, Венера, Эдуард очень характерны для казанских татар¹⁰. Кроме того, в уйгуро-татарских семьях значительное место занимают традиционные татарские имена: Фарид, Фуад, Дамир, Камиль, Шавкат, а также вошедшие в их именник сравнительно недавно — Рафаэль, Клара, Марат и др. В целом в национально-смешанных семьях уйгуров Узбекистана интернационализация именника происходит намного быстрее, чем в однонациональных.

Новым компонентом в антропонимической модели большинства уйгуров в советское время стала фамилия, основу которой составляет имя отца или деда. Такие фамилии образуются в соответствии с нормами русского языка добавлением окончания -ов, -ев, например: Тасим — Тасимов, Назим — Назимов, Баки — Бакиев и др. Фамилии уйгуров Узбекистана, образованные от мусульманских и тюркских имен, схожи с фамилиями других народов Среднеазиатского региона, а также некоторых других народов. Женщины, как правило, при замужестве принимают фамилию мужа.

В последние десятилетия, особенно со времени вступления в силу акта «Основы законодательства СССР о браке и семье» (1967 г.), у уйгу-

⁷ В некоторых загсах помимо списков имен имеется и научная литература по антропонимии. Например, в Центральном загсе Янгиюльского района Ташкентской области мы видели книгу: Ю. Федосюк. Русские фамилии. М., 1981.

⁸ Савуров М. Д. Новое в семейной обрядности корейцев, уйгуров и дунган Узбекистана//Общественные науки в Узбекистане. 1985. № 4. С. 38.

⁹ Современные этнические процессы. С. 291; Пиконов В. А. Среднеазиатские материалы для словаря личных имен//Ономастика Средней Азии. С. 158.

¹⁰ Большаков И. В. О татарских именах//Ономастика Поволжья, 3. Уфа, 1973. С. 50.

ров в официальных документах закреплена обязательность трехчленного наименования (фамилия, имя, отчество).

Таким образом, антропонимическая модель уйгуров Узбекистана в результате этнокультурных процессов претерпела значительные изменения и в целом схожа с таковой у других народов Средней Азии и Казахстана.

А. И. Локотко

ТИПЫ ТРАДИЦИОННОЙ ЗАСТРОЙКИ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВОРА В БЕЛОРУССИИ (XIX — СЕРЕДИНА XX В.)

Линейная (погонная) застройка крестьянской усадьбы в Белоруссии — интересное явление в белорусском народном зодчестве. Ее генезис как в историческом плане, так и в разрезе развития народной архитектуры требует изучения. Особенно важно ответить на вопрос, почему именно погонная застройка стала традиционной в народном зодчестве Белоруссии.

Погонная застройка отразилась в облике современной деревни, сохранив свои черты в новых социальных и хозяйственно-бытовых условиях.

В этнографической литературе накоплены сведения, дающие достаточно полное представление о линейной застройке. Этнографы XIX — начала XX в. изучали взаимосвязь в этом типе застройки жилых и хозяйственных помещений, их последовательность. В исследованиях Е. Р. Романова находим подробные описания однорядных и двухрядных погонов¹. И. А. Сербов подробные описания однорядной и двухрядной застройки дополняет указанием размеров дворов, что позволяет легко воссоздать планировочную схему двора². Многочисленные схемы двухрядной застройки находим в труде А. Харузина³. Они дают представление о вариативности расположения жилых и хозяйственных помещений. Дореволюционные этнографы описали многочисленные варианты планировочных решений погонных дворов Белоруссии, показали их зависимость от хозяйственно-бытовых функций. Однако неисследованными остались вопросы становления, эволюции одно- и двухрядных дворов, формирования их как этнической традиции, связи с переходными формами и другими типами застройки двора.

В значительной степени эти вопросы решаются в исследованиях советских этнографов. Так, в работе Н. И. Лебедевой, например, анализируется развитие двухрядных дворов в процессе семейных разделов, в результате чего в глубь усадьбы друг за другом выстраивались четыре двухрядных двора: отца, двух сыновей и внука⁴.

В исследовании Е. Э. Бломквист белорусский погон рассматривается как звено в динамичной системе типов застройки двора восточных славян — западно-белорусский подтип открытого двора⁵. Л. А. Молчанова связывает развитие погонной застройки с «волочной реформой» XVI в.

¹ Романов Е. Р. Материалы по этнографии Гродненской губернии. Вып. 1. Вильна, 1914. С. 21.

² Сербов И. А. Поездки по Полесью 1911 и 1912 гг. Вильна, 1914; *Сербай* І. А. Вічыньскія паляны. Этнаграфічны нарыс Беларускага Палесся. Ч. 1. Мінск, 1928. С. 8—9.

³ Харузин А. Славянское жилище в Северо-Западном крае. Вильна, 1907. С. 32, 44, 50, 56.

⁴ Лебедева Н. И. Жилище и хозяйственные постройки Белорусской ССР. М., 1928. С. 40.

⁵ Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник (ТИЭ. Т. XXXI). М., 1956. С. 162—163.

Она подробно исследует структуру погонов в системе «уставных» преобразований, возможности их дальнейшего развития⁶. Погонной застройке посвящен отдельный параграф в коллективной монографии по народному жилищу Белоруссии⁷. Здесь дается общая характеристика однорядного и двухрядного погонных дворов, их распространение в Белоруссии как территориально, так и во времени (конец XIX — начало XX в., 60-е годы XX в.), на картах отражены типы дворов. Погонной застройке посвящены также отдельные страницы в некоторых исследованиях последних лет⁸.

Погонная застройка Белорусского Полесья рассматривается в работах польских этнографов, наиболее подробно З. Домоховским⁹. Он приводит планировочные схемы одно- и двухрядных погонных дворов Лунинского и Столинского уездов, дает фрагменты планировки поселений с погонной застройкой, развертки фасадов отдельных погонных дворов.

В ходе экспедиций, проведенных с 1978 по 1983 г. рабочей группой по созданию Белорусского государственного музея народной архитектуры и быта и сектором этнографии Института искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР, было собрано много нового материала о погонной застройке в Белоруссии. Обмеры, зарисовки, фотофиксация, сведения информаторов, ныне хранящиеся в архивах указанных организаций, значительно расширили представление о характере и структуре погонных дворов и в совокупности с результатами предшествующих исследований дают возможность изучить эволюцию линейной застройки, выявить принципы формирования ее объемно-планировочной структуры, определить типологические особенности разновидностей погонных дворов, их классификации.

В современной этнографии четко определены основные типы усадебной застройки у восточных славян¹⁰. Имея много общего с типом усадьбы с незамкнутым, открытым двором, или двором украинского типа, белорусский погон, однако, несет в себе и отличительные черты, позволяющие рассматривать его как национальную особенность белорусской застройки¹¹. Как этническая традиция, народный обычай, стиль погон имеет, видимо, глубокие корни¹².

Советские этнографы выделяют в Белоруссии два основных типа крестьянского двора: *веночный* и *линейный (погонный)*. Веночный, более близкий к подковообразному замкнутому двору, распространен в северных и частично восточных районах республики. Погонный — в средней полосе и юго-западных районах. Веночный двор — более древний (формироваться он начал еще в железном веке)¹³, имеет выраженный оборонный характер. Жилые и хозяйственные постройки образовывали в нем замкнутые группы, каждая из которых составляла двор. В XIX в. дворы такого типа встречались в Полесье, на юге России, на Волыни, в Карпатах¹⁴. В ходе эволюции жилой дом из глубины двора переместился ближе к улице.

Веночный двор был распространен в северной части Белоруссии, где природно-географические условия (сильно залесенный пересеченный

⁶ Молчанова Л. А. Из истории развития сельских поселений и усадеб белорусов // Сов. этнография (далее — СЭ). 1956. № 1; *ее же*. Материальная культура белорусов. Минск, 1968. С. 77.

⁷ Беларускія народныя жылё. Минск, 1973. С. 26—30.

⁸ Якімовіч Ю. А. Драўлянае дойлідства Беларускага Полесься. Минск, 1978. С. 35—36; Титов В. С. Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов. XIX — начало XX в. Минск, 1983. С. 31—41; Сергачев С. А. Деревянная архитектура Белоруссии XVI—XIX вв. Минск, 1984. С. 22—25.

⁹ Domohowski Z. Ze studiów nad poleskim budownictwem drzewnym // Biuletyn historii sztuki i kultury. Warszawa. 1937. N 2. S. 165—168.

¹⁰ Бломквист Е. Э. Указ. раб. С. 62—63.

¹¹ Там же. С. 200.

¹² Сербай І. А. Вічыніскія паляне. С. 3.

¹³ Очерки по археологии Белоруссии. Ч. 1. Минск, 1970. С. 154; Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии. Минск, 1971. С. 62; Загорюльский Э. М. Древняя история Белоруссии. Минск, 1977. С. 130—131.

¹⁴ Moszynski K. Polesie wschodnie. Warszawa, 1928. S. 122.

рельеф со множеством рек и озер, малоплодородными, заболоченными землями) сдерживали развитие сельского хозяйства. Крупные поселения нуждались в обширных пахотных территориях, оживленной торгово-хозяйственной деятельности¹⁵. До середины XVI в. малодворности способствовала и подворная форма феодальной повинности. Основным свойством белорусской деревни и в XVII—XVIII вв. являлась малодворность. Поселение состояло из 7—15 дымов. «Дым» до 1557 г. — податная единица в Великом княжестве Литовском, позднее — изба и двор землевладельца, иногда двор мог состоять из 2—3 дымов. Этнографические работы XIX — начала XX в. свидетельствуют, что на Витебщине и в этот период преобладали малодворные поселения¹⁶.

Однако обязательность связи погона с линейной (уличной) деревней доказать трудно, так как он встречался и на хуторах, где границы несли не влияли на застройку двора¹⁷.

Поселения в средней части и в южных районах Белоруссии были значительно больше. В первую очередь это объясняется социально-экономическими факторами: более плодородными почвами, наличием важных торговых путей, интенсивным развитием ремесел, особенно в средней полосе, большой плотностью городов и местечек. У поселений этих районов сформировался уличный характер, чему способствовала густая сеть дорог, развитие торговли. Для таких деревень более удобной была линейная застройка, которая и распространялась там, где больше других типов соответствовала особенностям планировки поселений (Украина, Словакия)¹⁸.

Наличие переходных форм между венком и погоном (двухрядный погон, разновидность неполного веночного двора, например, Г-образный двор) показывает, что между ними существует тесная взаимосвязь в планировке, в объемно-пространственном решении. Эта взаимосвязь дает основания думать, что веночный и погонный дворы — архитектурно-планировочные разновидности типа усадебной застройки с открытым (полуоткрытым) двором, постройки которого в зависимости от условий формирования дворовой застройки и от исторически сложившихся этнокультурных традиций могут модифицироваться в замкнутую или линейную структуры¹⁹. Подтверждение этому можно найти при анализе составных элементов застройки двора отдельных звеньев (групп построек или помещений), объединенных в функциональном процессе). В обоих типах прослеживается разделение территории застройки на дворы чистый и хозяйственный, с денником. Жилое звено, звенья для мелкого и крупного скота для хранения инвентаря, дров и сена, кормов имеют единое структурное строение (последовательность размещения и функциональную связь помещений).

Широкое распространение погонной застройки начинается с середины XVI в. Причиной тому послужила волоочная реформа 1557 г., способствовавшая коренному изменению формы землепользования, а вместе с ней и планировки поселений. Пахотные земли одной или нескольких деревень объединялись и делились на три поля: яровое, озимое и сенокосное. В центре среднего поля прокладывалась улица, перпендикулярно которой нарезались наделы — волокы или части их. Крестьянин, бравший волок земли, обязан был по одну сторону улицы ставить жилище и хозяйственные постройки, по другую — хозяйственные. Если та же надел брали два хозяина, то один из них строился с одной, а другой с другой стороны улицы. «Уставная» деревня могла развиваться только за счет внутреннего деления (семейный раздел полос), расширяться не могла. Вот в таких условиях и выявлялись преимущества линейной застройки. Узкие, вытянутые дворы легко вписывались в $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$ и даже

¹⁵ Попов И. Белорусь и белорусы. М., 1912. С. 14.

¹⁶ Никифоровский Н. Я. Очерки простонародного житья-бытья в Витебской губернии. Витебск, 1895. С. 209.

¹⁷ Сербай І. А. Вічыніскія паляны. С. 9.

¹⁸ Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы. М., 1968. С. 171.

¹⁹ Якімовіч Ю. А. Драўлянае дойлідства Беларускага Палесся. С. 36.

$\frac{1}{4}$ волоки. Со временем волоки стали делиться и в продольном направлении. На узкой полосе друг за другом выстраивалось два-три погона. Памятники такой застройки сохранились в Копыльском, Слонимском, Столинском и других районах. Наиболее последовательно волочная реформа была проведена в западной части Белоруссии: Гродненской, Минской, Кобринской и Брестской экономиях²⁰. В северных и северо-восточных областях реформа была проведена в XVII в. и притом частично. Реформа помогла выявить ареал, где погонная застройка бытовала как давно сложившаяся традиция и способствовала распространению в районах, где устойчивые традиции застройки двора не сложились. Со временем обнаружилось, что перепланировка поселений в регионах веночного двора к вытеснению последнего не привела. Там сформировались уличные деревни, застроенные веночными дворами. Здесь реформа не привела к возникновению линейного типа двора.

Реформа, аналогичная волочной, была проведена в 1767 г. в Словакии (так называемый «Терезианский урбарий», «урбарий» — перечень крестьянских податей и барщины в Венгерском праве). Каждой крестьянской семье предоставлялся надел земли — «сессия», состоявший из приусадебного участка (*intravilana*) и пахотной территории (*extravilana*). Размеры наделов точно определялись «Терезианским урбарием». Приусадебный участок равнялся 1 ютру (0,575 га), пахотный — 6—22 ютрам.

Землевладельцы были заинтересованы в минимальных размерах приусадебных участков, так как они не облагались повинностями. Число дворов в поселении росло, размеры же «*intravilana*» оставались прежними. На пахотной территории (*extravilana*) строить запрещалось. Это привело к дроблению участков в ширину. Со временем «сессия» делилась на длинные узкие полосы по числу владельцев, доходившие до $\frac{1}{4}$ первоначальной ширины. Это вызвало изменение застройки двора. Разбросанные по «*intravilana*» жилые и хозяйственные строения начали вытягиваться в одну линию. Стал формироваться линейный двор погонного типа. Дальнейшее развитие привело к делению участков в длину. Сначала в общем дворе селились родственники, затем и чужие. Общие линейные дворы разделялись оградами и назывались «передним», «средним», «задним» и т. д. Этот процесс очень похож на аналогичные явления в «уставных» белорусских деревнях²¹.

Материалы наших экспедиций показывают, что ареал линейной (погонной) застройки шире территории, на которой была проведена волочная реформа. «Погоны» устойчиво бытовали в центральных районах Белоруссии и восточнее, до Днепра, в юго-восточных районах до Сожа. Северная граница распространения проходила по Островецкому, Сморгонскому, Мядельскому, южной половине Докшицкого, Логойского, Борисовскому, Крупскому районам, восточная — по Днепру и Сожу. Однорядные погоны были распространены в Центральной Белоруссии, Среднем и Западном Полесье, двухрядные — в западных и северо-западных районах (Понеманье). Эта граница нечеткая, она представляет собой как бы переходную зону между ареалами погон и венков. Погонная застройка встречается в Поставском и Глубокском, Миорском, Могилевском, Рогачевском, Буда-Кошелевском, Ветковском районах, т. е. на территориях с различной географической средой, с различиями в материальной культуре, с этнографическими отличиями (Полесье, Понеманье, Центральная Белоруссия). Погонные дворы бытуют не только на этнической территории белорусов, они встречаются на Смоленщине, в Украинском Полесье, юго-западных и юго-восточных районах Литвы, восточных областях Польши. На соседних этнических территориях в погонной застройке видны местные особенности народного зодчества.

²⁰ Похилевич Д. Л. Землеустройство и поземельный кадастр в Белоруссии, Литве и Украине в XVI—XVII вв., М., 1952. С. 557.

²¹ Грацианская Н. Жилые и хозяйственные постройки словацкого крестьянства в XIX — начале XX в. // Славянский этнографический сборник (Труды Ин-та этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Т. 62). М., 1960. С. 306—308.

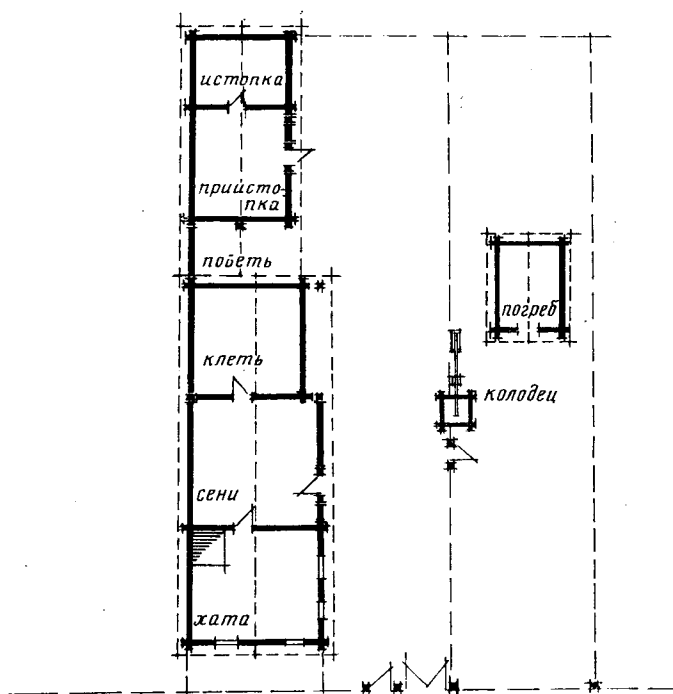
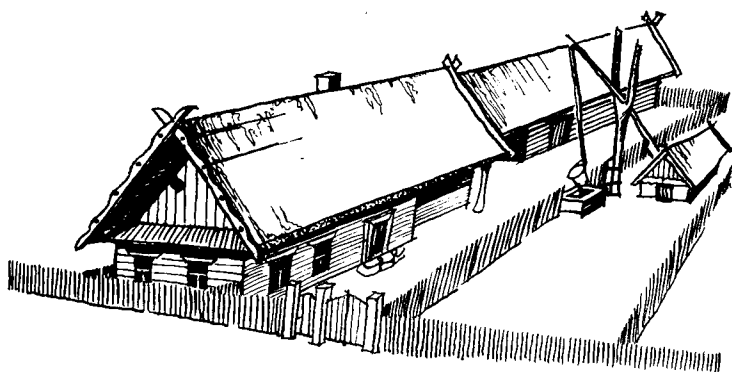

Рис. 1. Однорядный двухзвеньевой погон с доминирующим положением жилого звена (дер. Огородники Слуцкого р-на)

Детальное изучение новых экспедиционных материалов и изданных работ позволило заметить, что формирование линейной (погонной) застройки шло на основе определенных принципов, и прежде всего принципа функционального соподчинения. В его основе — роль хозяйственно бытовых функций в формировании планировки и пространственного решения дворовой застройки. Ему подчинено расположение жилых, подсобных и хозяйственных групп помещений (звеньев), их взаимосвязь и последовательность. Динамика хозяйственного процесса способствует организации отдельных построек и помещений в звенья, а последних — в единую архитектурно-планировочную линейную структуру — погон.

Основная структурная единица погона — звено. В нем функции одного помещения дополняют функцию другого или обеспечивают его нормальное функционирование. Жилища (*хаты*) дополняются сенями, кухней или *каморой*. Использование клетки или *истопки* ухудшается, если они удалены от жилья. Помещения для скота (овчарни, коровники, стаи

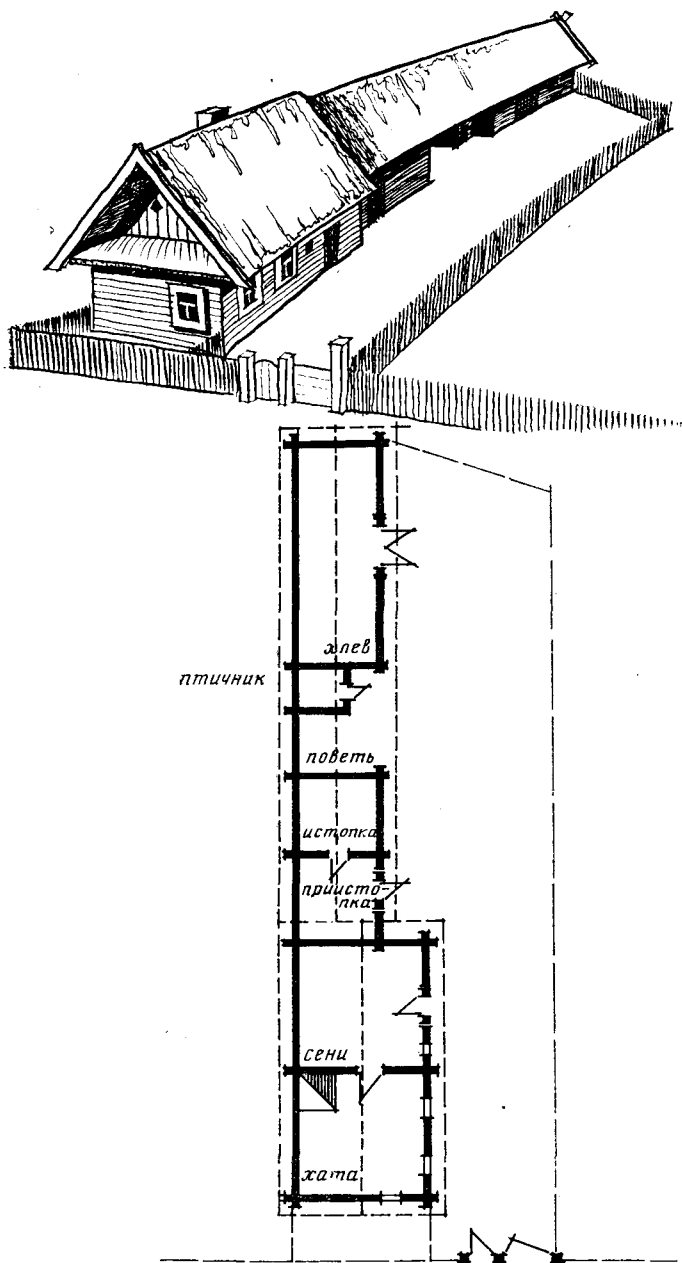

Рис. 2. Однорядный трехзвеньевой погон с доминирующим жилым звеном (дер. Заперины Пуховичского р-на)

ни) расположены рядом с помещениями для хранения кормов (сенники-ми), помещения для инвентаря (повети, возовни) — с постройками для дров (*древотнями*), сенниками. Звенья относительно самостоятельны в планировочном и объемно-пространственном отношении. Относительная самостоятельность может быть неявной (не выраженной архитектурно) и явной, придающей звену (как правило, жилому) доминирующее положение (выраженное в архитектуре).

Главным звеном погона является хата и соседствующие с ней помещения: сени, камора, истопка, погреб. Сочетание хата — сени — камора (клеть, истопка или вторая хата) представляет собой трехкамерное жилище, характерное и для других типов дворовой застройки Белоруссии. Существует мнение, что важную роль в этом типе застройки сыграли

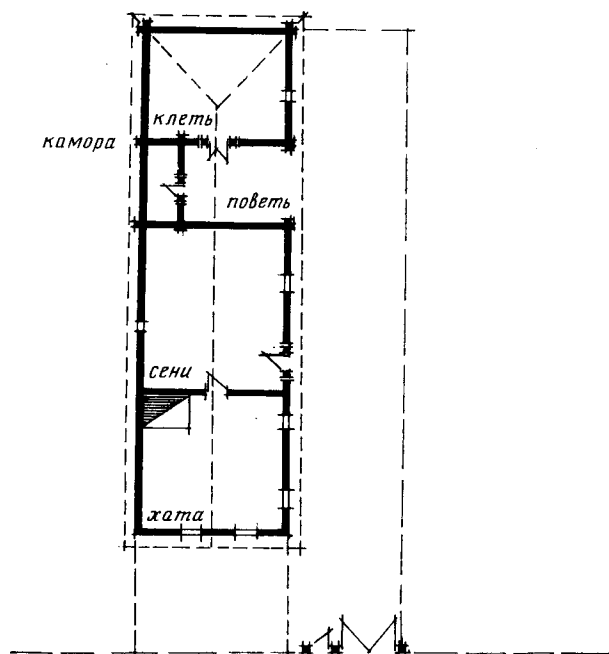
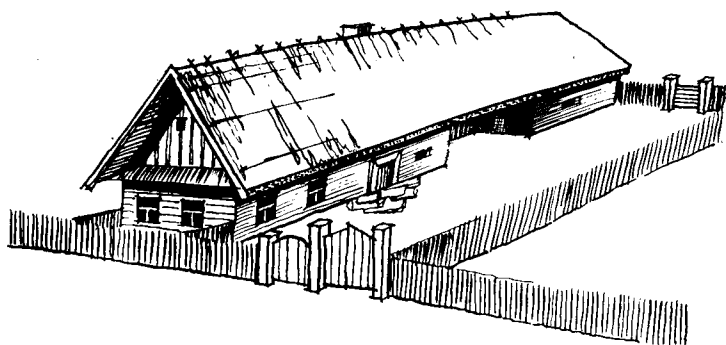

Рис. 3. Погон-стяг (дер. Слободка Сморганского р-на)

районах развитого земледелия: Западное Полесье, Понеманье. Помещения для мелкого скота и птицы (телятник, свинарня, овчарня, птичник) строились чаще в конце погона. Часть телят держали в отдельной загородке, расположенной в помещении для крупного скота. В погонах Пуховичского и Осиповичского районов птичник часто располагали в повети. В Слуцком и Копыльском районах — в конце ряда.

На основе принципа функционального соподчинения формируются звенья и в двухрядном погоне. Во всех двухрядных дворах Гродненщины второй ряд начинается с клетки (иногда двойной), образующей с истопкой параллельное жилому звено и вместе с ним — чистый двор.

- 1-й ряд: хата — сени — камора — ...
- 2-й ряд: клеть — клеть — истопка — ...

По такому же принципу формируется «чистый» двор и в веночном дворе. За клетями и истопкой во втором ряду двухрядного погона обычно идет звено помещений для мелкого скота и птицы (Новогрудский, Ивьевский, Ошмянский, Сморгонский, Островецкий районы).

В формировании погонного двора как определенной конструктивно-планировочной структуры важную роль играет принцип конструктивного

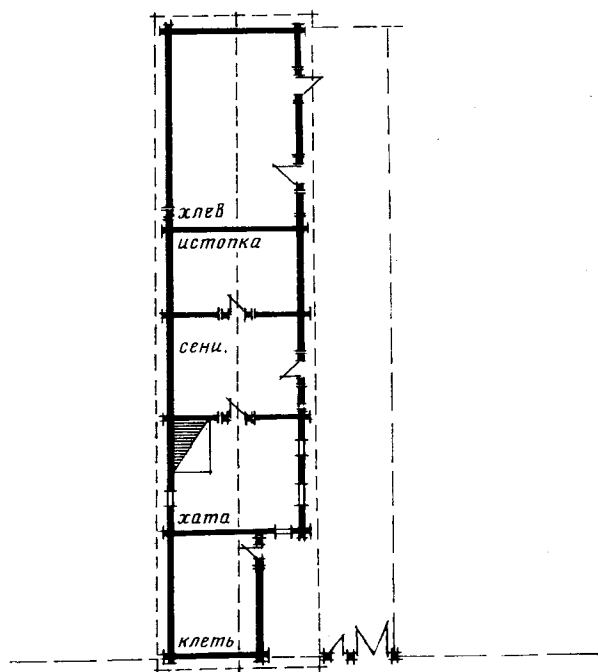
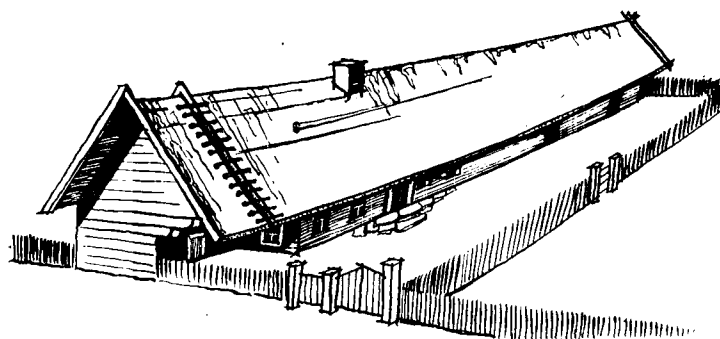

Рис. 4. Погон-стяг (дер. Цвикличи Гродненского р-на)

единства. Он характеризует планировочные и архитектурно-строительные особенности двора. Конструктивное единство подразумевает степень целостности комплекса дворовых построек; представляют они собою одно или несколько сооружений. В последнем случае имеет место конструктивная самостоятельность звеньев. Своего наивысшего развития принцип конструктивного единства получил в погонах, представляющих архитектурно одно целое, все звенья их соединены между собой под общей крышей (Среднее и Западное Полесье, юг и юго-восток Центральной Белоруссии). В восточной части Центральной Белоруссии преобладают погоны, жилые и хозяйственные звенья которых конструктивно самостоятельны (постройки между собой не связаны). Для погон конца XIX — начала XX в. это явление связано с распадом линейной застройки и переходом ко двору со свободным расположением построек, что было вызвано проникновением в деревню капитализма.

Уже говорилось о том, что иногда погонные дворы строились десятилетиями. Не связанные между собой звенья со временем соединялись по ветвям (межсарайниками) в одно целое. Пример такого развития двукоридорного двора из д. Старая Воля Пружанского уезда находим у А. Харузина²⁴:

²⁴ Харузин А. Указ. раб. С. 44.

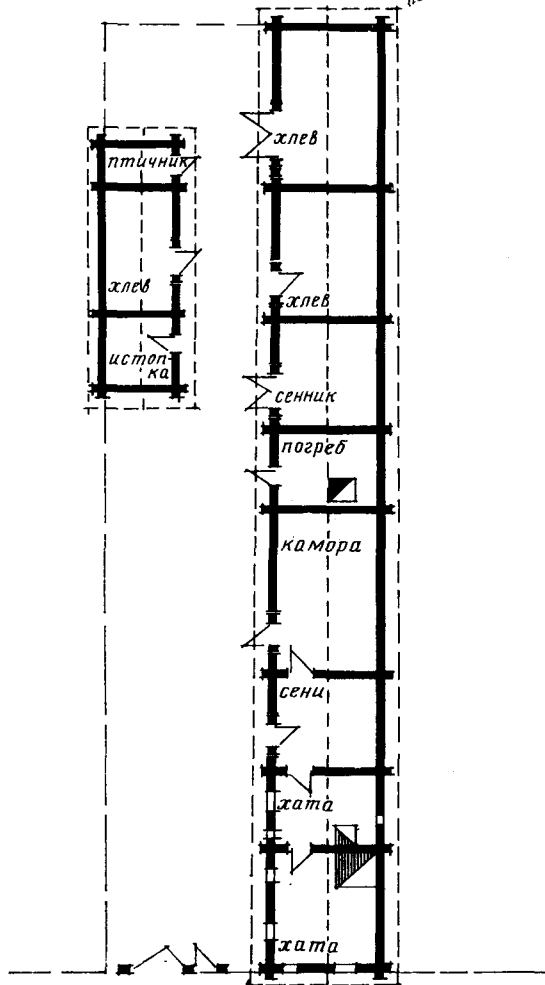
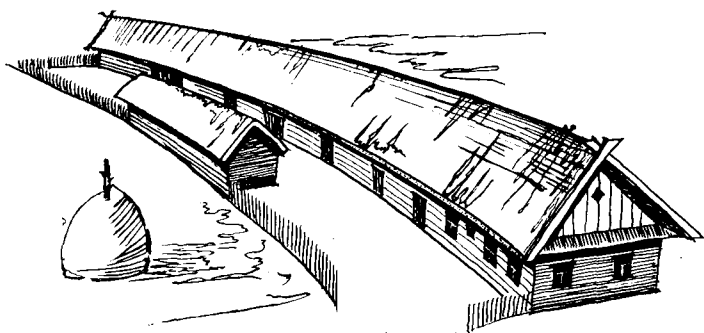

Рис. 5. От однорядной застройки к двухрядной (дер. Радунь Корелинского р-на)

1-й ряд: погреб, хата—поветь—хлев—поветь—хлев—хлев—поветь
2-й ряд: клеть, хлев, хлев.

Постройки второго ряда конструктивно не связаны между собой. Упомянутый погон из д. Садовичи начал строиться в начале XX в., но хлева в конце ряда и птичник были пристроены лишь в конце 30-х годов. Получая в наследство отцовский двор, сын вносил в его развитие свою лепту.

Конструктивное соединение звеньев шло различными путями. Часто связующим элементом была бревенчатая стена (замет, тын), соединяющая, например, жилое звено с хлевами (деревни Новоселки, Углы Стародорожского района), поветь-крыша, соединяющая звенья (деревни

Домоткановичи Клецкого, Бучатино Копыльского районов). Наконец самое распространенное связующее звено — повесть, открытая лишь с одной стороны денника (деревни Запериные Пуховичского, Прусы Старо-рожского, Огородники Слуцкого районов). В дальнейшем такая повесть легко превращалась в одно или несколько закрытых помещений. Экономические и социальные условия способствовали объединению звеньев погона. Объединение происходило путем переноса клетей и хлевов на сторону теплых построек. Поселения с такими дворами были известны в Белоруссии и до волочной реформы и уходят корнями к линейной одно-сторонней деревне²⁵. Объединению звеньев погона способствовали отсутствие свободных земель, раздел волоки между сыновьями хозяина. Освобождавшаяся территория могла застраиваться новой усадьбой. По такому же принципу проходило объединение погонов и в «уставных» поселениях типа д. Низок Узденского района, сохранившей облик волочной деревни с жилыми и хозяйственными постройками на противоположных сторонах улицы. В последующие 300 лет после реформы в развитии погонного двора усилилось конструктивное единство. Продольное, а зачастую и поперечное деление участков вынуждало рациональнее использовать пространство между постройками двора. Соединение всех звеньев под общей крышей (в «стяг») давало экономию леса, так как сокращалось количество капитальных стен. В конце XIX в. погоны Западного Полесья представляли собой либо сплошное протяженное строение (стяг), либо два-три погона, объединяющих несколько звеньев.

Аналогично развивалась и архитектурно-планировочная структура двухрядных погонов. В главном жилом ряду преобладает конструктивное единство, во втором — расчлененность. Чаще не связана с другими постройками клеть. Иногда она располагается на противоположной стороне улицы (Мелехи, Дайново Ивьевского района). Но шире распространены двухрядные погоны с целыми рядами построек (восточная и северная части Понеманья).

В формировании погонного двора как архитектурно-стилевого ансамбля важную роль играет принцип *объемно-пространственного соподчинения*. Еще И. Сербов обратил внимание на эмоциональное впечатление погонной застройки, ее грандиозность, сдержанность²⁶. Названный принцип раскрывает закономерности пропорций и соотношений отдельных построек и звеньев как между собой, так и относительно всего линейного комплекса. Объемно-пространственное соподчинение в архитектуре погонного двора — явление историческое. Оно определяется характером сочетания частей и целого в системе продольно-осевой композиции. В этом сочетании главную роль может играть объемное единство звеньев или, наоборот, доминирование одного из них. Доминирующее звено отмечается выгодным планировочным расположением, выделяется объемом (размерами), с него начинается развитие композиции застройки. Доминирующее положение занимали звенья теплых построек (хата — сени — клеть). В двухрядном дворе могут быть два доминирующих звена: в главном ряду — жилье, во второстепенном — клеть. Выделение доминирующих звеньев в объемно-пространственной структуре двора порождено неравномерностью исторического развития построек. В структуре любой усадьбы жилище было главным, постоянное стремление к повышению комфортности вело к его развитию, планировочному и архитектурному (из однокамерного развивалось в двух- и трехкамерное, увеличивались его объемы). Развитие прочих дворовых построек всегда обуславливалось хозяйственными потребностями. Например, во второй половине нашего столетия число хлевов резко сократилось. Доминирующее положение жилого звена характерно для погонов центральных и западных районов: процесс развития жилища проходил там интенсивнее в от

²⁵ Молчанова Л. А. Материальная культура белорусов. С. 71; Народы европейской части СССР. 1 (серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М., 1964. С. 818

²⁶ Сербай И. А. Вічыніскія паляны. С. 9.

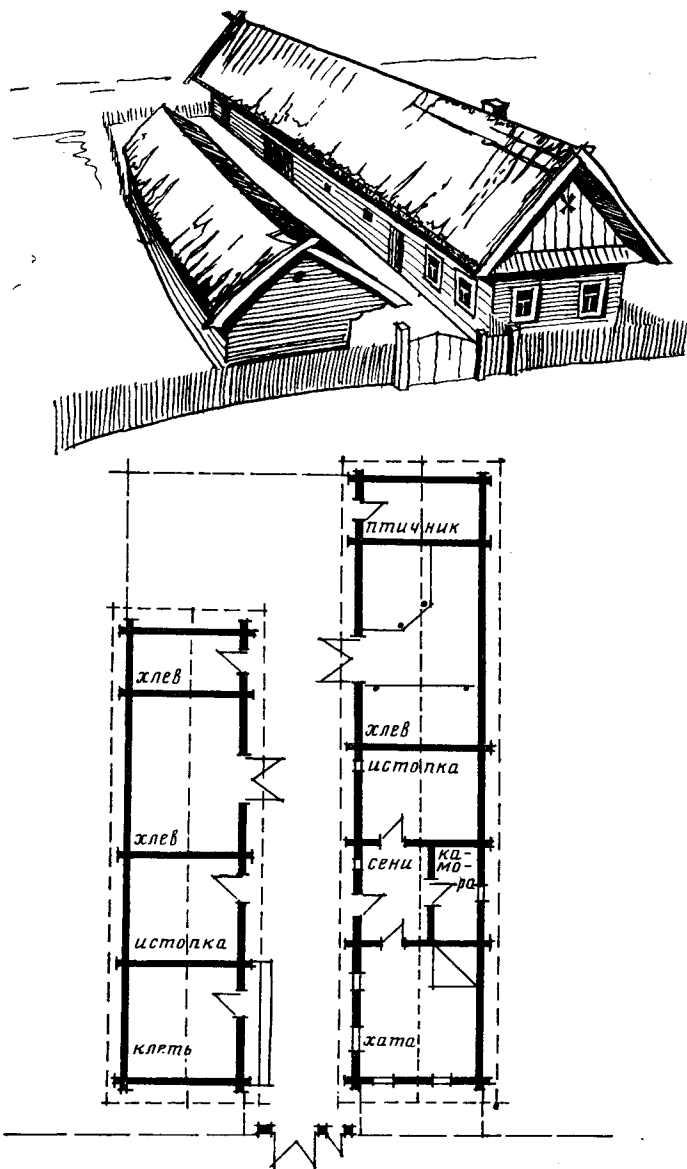

Рис. 6. Двухрядный погон (дер. Валевка Новгородского р-на)

личие от Среднего и Западного Полесья, где до начала XX в. преобладали одно-двухкамерные жилища. Доминирование клетки во втором ряду двухрядного двора также обусловлено длительным развитием данной постройки, важностью ее в крестьянском хозяйстве²⁷. Главенство жилого звена придает архитектуре погона ступенчатый характер, который может быть развит. Например, в д. Новоселки Стародорожского района сохранились однорядные дворы, в которых помещения, начиная с сеней и далее, последовательно уменьшаются как планировочно, так и по высоте. Доминирующие постройки характерны для погонов с конструктивной самостоятельностью звеньев или неполным их конструктивным единством. Архитектурный объем отражает внутреннее конструктивно-планировочное содержание. Конструктивному единству построек, звеньев отвечает и единство объемно-пространственное. «Стяги» Осиповичского, Любанского, Копыльского, Кореличского, Лунинецкого районов характеризуются цельностью и единством объемов, масштабностью. В линейных

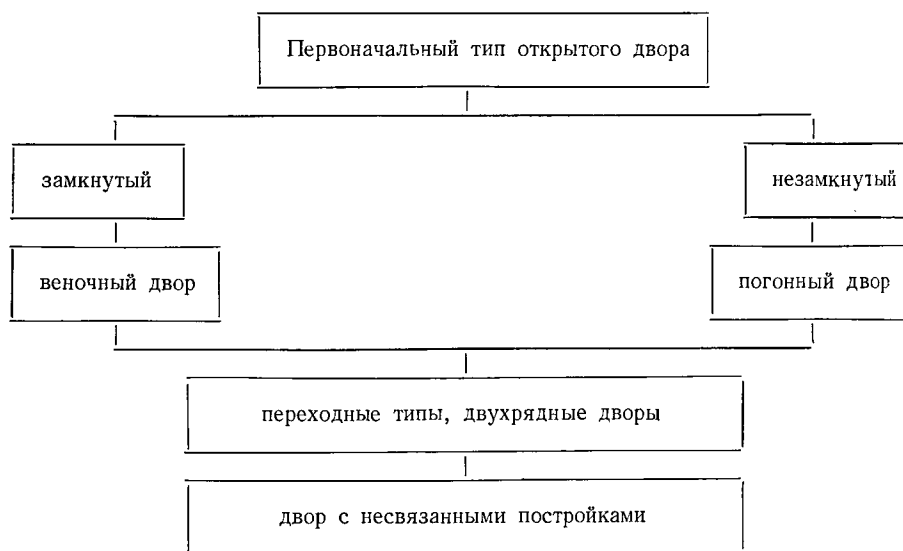
²⁷ Харузин А. Указ. раб. С. 267—274.

дворах, где звенья и постройки не были связаны объемно и конструктивно, их развитие шло одновременно, дифференцированно. Звенья в погонах-«стягах» развивались преимущественно в единстве. Поэтому в первом случае развивается прежде всего жилище, во втором — весь комплекс построек, в том числе разнообразнее становится планировка хлевов²⁸. Погон-«стяг» воспринимается как архитектурный ансамбль.

Протяженные линейные дворы имели свои недостатки, неудобства в пользовании, занимали значительную площадь земельного надела. Развитие в длину не могло продолжаться безгранично, часто новые постройки ставили напротив, вторым рядом, как, например, в одной из усадеб Радунь Кореличского района, где главный ряд протянулся на 52 м, а второй — лишь на восемь. Предел количественного роста приводил к качественному изменению застройки. Такие двухрядные погоны отличаются выраженной диспропорцией рядов и распространены преимущественно вдоль границы Полесья и Понеманья. Развитие двухрядного погона на основе однорядного отнюдь не противостоит его развитию из веночного двора. Совсем наоборот. И этот факт свидетельствует о том, что эволюция погона и венка шла в одном направлении.

Расширение функций крестьянского хозяйства в условиях капитализма, развитие многоуличных деревень с уплотненной застройкой, изменение санитарно-гигиенических условий жизни в деревне, борьба с пожарами ускорили разрушение традиционной структуры венков и погонов.

Новый тип двора родился из встречного развития венка и погона: ассимилировал в себе лучшие их качества. Таким образом, начав развитие как две разновидности общего исходного типа периода средневековой хозяйственно-экономической обособленности и пройдя длительный путь развития в условиях постепенного укрупнения феодального хозяйства, веночный и погонный дворы объединились в новый тип — двор несвязанными постройками, став примером объединительного этнического процесса в материальной культуре белорусов.

Многообразие планировочных вариантов традиционных погонов и их типологические особенности представлены в классификационной схеме, построенной с учетом формообразующих принципов и характера развития однорядного и двухрядного линейных (погонных) дворов.

В ареале погонов двор с несвязанными постройками сохранил традиционные черты первого, и прежде всего общий облик.

²⁸ Domohowski Z. Op. cit. S. 166—168.

Классификационная схема

Тип погона	№ п. п.	Характеристика	Структурно-планировочные разновидности	Адреса наиболее типичных примеров
Однорядный погон	I	Конструктивная самостоятельность жилого и хозяйственных звеньев, доминирующее положение жилого звена	[хата—сени—клеть, истопка, камора] (хлева) * [хата—сени—камора] (хлева)	д. Исерно Слуцкого района д. Низок Узденского района
	II	Конструктивное единство звеньев при доминирующем положении жилого звена при объемно-пространственном единстве звеньев (шар, стяг)	[хата—сени—клеть, истопка, камора]—замет—(хлева) [хата—сени]—(приистопка—истопка)—поветь—(птичник—хлева) [хата—сени—клеть]—(приистопка—истопка) (хата—сени—камора—клеть)—(возовня—хлева—птичник) (клеть—хата—сени)—(истопка—хлева—птичник) (хата—сени)—(поветь—камора—клеть)—(хлева—древотня) погреб—(хата—сени—сенички—камора—кладовая—клеть)—(одрина—хлева—птичник) (хата—сени—камора—истопка)—(клеть—сени—хата)	д. Новоселки Стародорожского района д. Заперинье Пуховичского района д. Огородники Слуцкого района д. Моисеевичи Осиповичского района д. Цвикличи Гродненского района д. Пруссы Стародорожского района д. Садовичи Копыльского района д. Селевичи Слонимского района
Двухрядный погон	I	Конструктивная самостоятельность и доминирующее положение клетки второстепенного ряда	1. (хата—сени—камора)—(поветь—сенник)—(хлева) 2. [клеть] (хлева) 1. [клеть] (хлева 2. (хата—сени—камора)—(одрина—хлева)	д. Семеново Волковысского района деревни Мелехи, Дайново Ивьевского района
	II	Конструктивное и объемно-пространственное единство рядов	1. (хата—сени—камора)—(истопка—хлева—птичник) 2. (клеть—истопка)—(хлева)	д. Валевка Новогрудского района

* В квадратные скобки заключено доминирующее звено, в круглые—прочие звенья. Тире указывает на наличие конструктивного единства между помещениями; вертикальные двойные параллельные линии означают, что звенья разделены улицей. Помещения для скота обозначены обобщающим термином «хлева».

И. Н. Соломоник

**КАТХПУТЛИ: НАРОДНЫЕ МАРИОНЕТКИ
РАДЖАСТХАНА
[К проблеме ирано-индийских
этнокультурных связей]**

В народном театре Индии можно встретить все основные виды кукол; самые распространенные из объемных форм — марионетки, управляемые сверху нитями. До второй половины XX в. представления марионеток давали в нынешних штатах Махараштра, Раджастан, Западная Бенгалия, Орисса, Тамилнад, Керала, Карнатака, Андхра Прадеш, т. е. почти по всей стране. Однако сейчас народные куклы доживают свои последние дни.

Работ, специально посвященных традиционным представлениям, мало, наиболее подробно в них описаны раджастанские марионетки (возможно, потому, что они ближе к столице Индии, «больше на виду» для наблюдений)¹.

История индийских марионеток уходит в глубь веков. Об этом свидетельствует термин *сутрадхара*, встречающийся в классической санскритской драме, которая, по мнению ученых, сложилась в первые века нашей эры². В санскритской драме сутрадхарой называли главного актера, распорядителя представления. Буквальный перевод слова: «тот, кто держит нити» — указывает на связь с театром марионеток. Немецкий санскритолог Рихард Пишель выдвинул даже гипотезу о том, что куклы

¹ *Oman J. C. Cults, Customs and Superstitions of India*. L., 1908. P. 194—195 (изд.—1889); *Lévi S. Le théâtre indien*. P., 1890. T. I. P. 324—325; *Gupta K. N. India/Puppetry*. Detroit, 1935. V. VI. P. 72—74; *Samar D. L. Puppets and Puppeteers of Rajasthan*. New Delhi, Winter. 1960—61. V. 4, № 4. P. 64—69; *Ranganath H. K. The Karm Theatre*. Dharwar. 1960. P. 42—45; *Sahai B. The Traditional Puppets of India*. 1962 (копий); *Потабенко С. И. Театр марионеток* // *Бабкина М. П., Потабенко С. И. Народный театр Индии*. М., 1964. С. 144—150; *Baird B. The Art of the Puppet*. N. Y., 1965. P. 455; *Бханават М. Катхпутли к̄а Амарсингх Ратхоур к̄а кхел* (Марионеточное представление об Амарсингхе Ратхоуре) // *Лок кала*. Вып. 14. Удайпур, 1967. Июль. С. 78—101 (яз. хинди); *Contractor M. Various Types of Traditional Puppets of India* // *Marg*. Bombay. 1968. V. XXI. № 3 (June). P. 6—15; *Tilakasiri T. The Puppet Theatre of Asia*. Calcutta [1969]. P. 18—21; *Philpott A. R. Dictionary of Puppetry*. Boston, 1969. P. 129; *Раманатан Н. Помпальяттам* (Кукольный театр) // *Маньджари*. Вып. 70. Мадрас, 1972. Август. С. 55—60 (на тамильск. яз.); *Parmar S. Traditional Folk Media in India*. New Delhi. P. 39; *Stache-Rosen V. Schattenspiele und Bildervorführungen, zwei Formen der religiösen Volksunterhaltung in India* // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. Wiesbaden, 1976. B. 126. H. 1. S. 144; *Malkin M. R. Traditional and Folk Puppets of the World*. N. Y., 1977. P. 72—84; *Figur und Spiel im Puppentheater der Welt*. B., 1977. S. 116, 117 (Abbildungen); *Seltmann F. Schatten-und Marionettenspiel in Savantvadi (S. Maharastra)*. Stuttgart, 1985. S. 61—78; *Marionettes et ombres d'Asie* [Le catalogue édité par F. Gründ]. P., 1985. P. 38—46, 71.

Приношу глубокую благодарность преподавателям ИСАА при МГУ: Л. В. Хохловой за перевод публикации М. Бханавата и А. М. Дубянскому за перевод статьи Н. Раманатана.

² *Паевская Е. В. Драматургия древней Индии* // *Литература древнего Востока*. М., ред. Конрада Н. И. М., 1971. С. 213.

ный театр предшествовал театру живых актеров, так как последний заимствовал терминологию у кукольного³. Точка зрения Пишеля многими оспаривается⁴, но тот факт, что куклы на нитях были распространены в Индии в первые века нашей эры, принимается без особых возражений почти всеми специалистами.

К XX в. в разных частях Индии сложились свои термины, свой репертуар, свои особенности представления. Даже в технике управления куклами, почти одинаковой по всей стране (они приводятся в движение очень ограниченным числом нитей), выработались свои местные приспособления.

Данная статья посвящена анализу материалов по раджастанскому театру.

В Раджастане марионетчиков называют *катхпутли-бхатт* или *катхпутли-нат*. Термин *путли* («кукла») восходит к санскритским словам с тем же значением: *путтали*, *путталика*. Сочетание *катхпутли* означает «деревянная кукла» (*катх* — «дерево»). *Бхатт*, название касты актеров, объединяющей большинство кукольников Раджастана, происходит от санскритского *Бхарата* — имени легендарного мудреца, которому приписывается изобретение индийского театрального искусства. Наконец, термин *нат* («танец») используется и как титул актеров вообще⁵.

Появление театра марионеток в Раджастане местная кукольная традиция связывает с эпохой царя Викрамы. Историческая ли это личность, точно не установлено, но те ученые, которые склонны считать, что такой царь действительно был в Индии, относят время его правления к I в. до н. э.⁶ Рассказы о жизни царя Викрамы в Индии очень широко распространены, они уступают в популярности только «Махабхарате» и «Рамаяне», их фольклорные и литературные версии встречаются у самых разных народов Индии. На русский язык переведены две литературные обработки рассказов⁷. Викрама предстает в них идеальным царем, щедрым, великодушным, справедливым, защитником угнетенных и обиженных, покровителем наук и искусств, мужественным, непобедимым воином. Само имя «Викрама» означает «доблесть». Раджастанские кукольники сделали Викраму одним из главных героев представлений. Они хранят предание, будто их предки играли при дворе Викрамы. Было ли так на самом деле или это всего лишь легенда, неизвестно, но пьеса о Викраме прочно вошла в раджастанский кукольный (марионеточный) репертуар.

В преданиях кукольников говорится и о том, что лучше всего их предкам жилось при царе Амарсингхе из рода Ратхоуров, что его времена были золотым веком катхпутли. Насколько это предание соответствует действительности, сказать трудно, но князь (*рана*) Амарсингх — лицо историческое, он правил одним из княжеств Раджастана в конце XVI — начале XVII в.⁸ Он прославился тем, что дольше других раджастанских раджей сохранял независимость от империи Великих Моголов⁹.

³ Pischel R. Die Heimat des Puppenspiels. Halle, 1900. Переведена на англ. (Pischel R. The Home of the Puppet-Play. L., 1902) и русск. яз. (Пишель Р. Родина кукольного театра//Мастерство театра. Временник Камерного театра. № 2. М., 1923. С. 77—90).

⁴ Keith A. B. The Sanskrit Drama in Its Origin, Development. Theory and Practice. L., 1954; Sherkar I. Sanskrit Drama: Its Origin and Decline. Leiden, 1960; Kuiper F. B. J. Varuna and Vidusaka. On the Origin of the Sanskrit Drama. Amsterdam; Oxford; New York, 1979.

⁵ Tilakasiri T. Op. cit., P. 18; Contractor M. Op. cit. P. 6; Sahai B. Op. cit., P. 2; Pischel R. Op. cit. (Engl. Transl. P. 5); Потабенко С. И. Указ. раб. С. 145.

⁶ Гринцер П. А. Предисловие к кн.: «Жизнь Викрамы или тридцать две истории царского трона». М., 1960. С. 6—7.

⁷ Двадцать пять рассказов Веталы/Пер. с санскр., вступит. ст. и комментарии Шор Р. О. Л., 1939; То же/Пер. с санскр., вступит. ст. и комментарии Серебрякова И. Д. М., 1958; Жизнь Викрамы или тридцать две истории царского трона/Пер. с санскр., вступит. ст. и комментарии Гринцера П. А. М., 1960.

⁸ Синха Н. К., Банерджи А. Ч. История Индии/Пер. с англ. М., 1954. С. 226, 238.

⁹ Империя Великих Моголов (1526—1858). Афганский султан, правитель Кабула Бабур вторгся в Индию в 1526 г., разбил войско делийского султана и основал государство, которое в европейской литературе получило название империи Великих Моголов.

Почти 20 лет Амарсингх вел сражения с войсками могольских правителей, превосходившими его силы во много раз, и ни одного не проиграл. И только тогда, когда моголы, решив уничтожить его княжество, стали жечь, грабить, разрушать все, что им встречалось на пути, и в княжестве начались голод и чума, Амарсингх вынужден был просить мира. В родной памяти Амарсингх остался бесстрашным, непобедимым героем, покровителем, индусской культуры, защитником простых людей. О нем складывали легенды, пели песни, а в кукольном театре до последнего времени играли пьесу, прославляющую его подвиги.

Таково легендарное прошлое катхпутли, отраженное в преданиях репертуаре. Более близкая к нам их история, связанная с эпохой полного покорения Раджастанского моголами, оставила следы в оформлении марионеточной сцены и в костюмах кукол. Занавес, обрамляющий сценическую площадку, часто вырезан в виде арки, напоминающей культуру принесенной мусульманами архитектуры (в профессиональной терминологии кукольников он называется *таджмахал*, по имени знаменитого мавзолея в Агре)¹⁰, а куклы одеты в длинные широкие сборчатые юбки *лаханга*, составлявшие при могольских государях обязательную часть мужского придворного костюма¹¹. Предания кукольников упоминают о временах мусульманских правителей. Вероятно, последователи учения Мухаммада кукольников не слишком жаловали. Индийская исследовательница Мехер Контрактор приходит к выводу, что в эпоху моголов начинается закат кукольного театра Раджастанского¹².

В конце XIX в., к которому относятся первые научные описания раджастанских кукольников принадлежали к беднейшему населению страны. Они вели полубродячий образ жизни, часть года занимались земледелием или ремеслами (одно из очень распространенных занятий — ковроткачество), чинили и подновляли кукол, занавесы; другую часть года — с осени до весны, когда урожай собран, сезон дождей позади — у жителей больше свободного времени, бродили от деревни к деревне со своим небольшим театральным скарбом.

На тропинках, соединявших раджастанские деревни, часто можно было встретить небольшую группу — мужчину, женщину и подростка несших на коромыслах бамбуковые корзины. Это — труппа кукольников. В корзинах лежало все, что нужно для неприхотливого быта и уличного представления. Труппу составляли обычно члены одной семьи. Глава занимался кукловождением и говорил за персонажей в пьесе, жена играла на барабанах, а подросток играл на цимбалах или помогал отцу управлять куклами.

Представление давали ночью, под открытым небом. Придя засветло в деревню, актеры договаривались с жителями о спектакле, просили две кровати, из которых сооружали сцену. Деревянные кроватные рамы на ножках ставили узкими ребрами на землю ножками друг к другу на расстоянии 1,5—2 м. Верхние и нижние пары ножек, расположенные ближе к зрителям, скрепляли бамбуковыми палками. На верхнюю палку вешали передний короткий занавес таджмахал, нижняя служила для устойчивости конструкции. Сзади на высоте чуть больше метра к кроватным рамам прикрепляли еще одну палку. На нее вешали второй занавес, ниспадавший до земли. Зубцы таджмахала слегка перекрывали верхний край второго занавеса, поэтому кукольник, стоявший за задним занавесом, был полностью скрыт от глаз публики. Зеркало сцены определялось, таким образом, 1,5—2-метровой длиной палок и метровым расстоянием от земли до арочной каймы таджмахала. Глубина сцены равнялась ширине деревенских кроватей и была не более метра. Пол сцены покрывали ковриком. Фоновый занавес чаще всего был темным.

¹⁰ Мавзолей Тадж-Махал (Агра, XVII в.) построен внуком Бабура шахом Джеханом (мусульмане принесли в архитектуру Индии арки и купола, орнаментальные украшения).

¹¹ Gupta K. N. Op. cit. P. 73.

¹² Contractor M. Op. cit. P. 6.

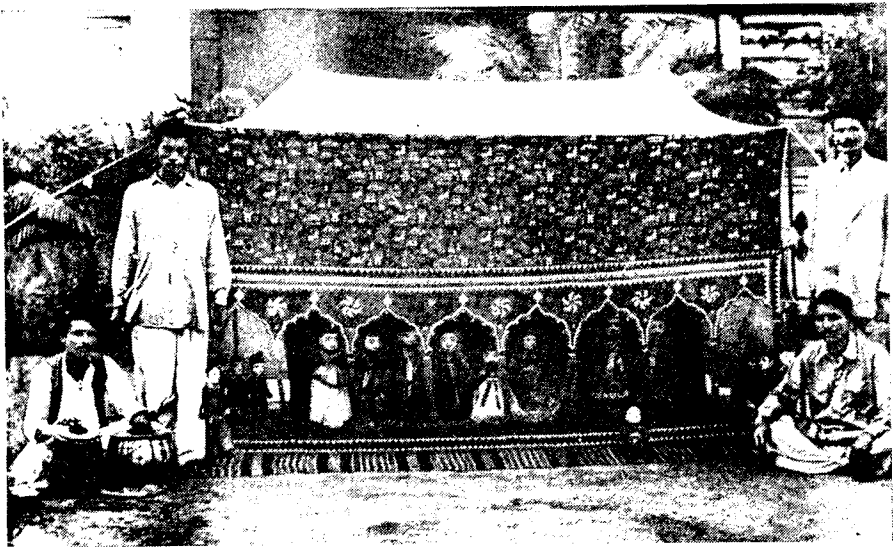

Рис. 1. Раджастханская портативная марионеточная сцена (фото из кн.: *Baird B. Op. cit. P. 51*)

одноцветным, таджмахал шили из более нарядной цветной ткани, оторачивая ее снизу темной зубчатой каймой. Если почему-либо не оказывалось кроватей, занавесы натягивали между шестами. В крайнем случае обходились только одним низким фоновым — тогда зрители видели, как актер, слегка нагнувшись над ним, управляет куклами. Судя по фотографии в книге Б. Бэрда, некоторые кукольники строили палатку, скрывавшую кукловода со всех сторон (очень похожую на палатку иранских марионеточников, см. рис. 1)¹³. По бокам сцены для освещения ставили две лампы. Раньше они были масляными, потом их сменили керосиновые, в последнее время используют и электрические.

Во время представления актер, как уже упоминалось, стоит позади фонового занавеса и, чуть склонившись над ним, управляет куклами. Он говорит за кукол в пищик *пипихари*, состоящий из двух тонких, скрепленных между собой бамбуковых пластинок. Голос получается очень «кукольный», но понять слова невозможно, пищик не позволяет артикулировать звуки речи, хорошо передаются только интонация, эмоции, состояние героя. Рыдает ли он, радуется, хохочет, бормочет что-то вежно, воркующее, разгневан, разъярен или испуган — все это прекрасно выражается через пищик. Уточняет же смысл фраз, как бы переводит кукольный язык на человеческий, ведущая — женщина, сидящая перед сценой на стороне зрителей. Ее называют *дхолаквали*, так как она играет на барабане *дхолак* (букв.: «женщина, играющая на барабане дхолак»). Она поет, представляет выходящих кукол, ведет с ними диалог, комментирует действие, а иногда вмешивается в сценические события и физически (например, может посадить куклу на лошадь). В диалоге ведущая почти всегда повторяет кукольные фразы; точнее, диалог строится в форме вопросов и ответов: ведущая задает кукле вопрос, та отвечает такой же фразой, только окрашенной утвердительной интонацией или наоборот.

Техника кукловодства очень примитивна: куклы управляются одной — тремя нитями. Но тем труднее с ними работать, тем сложнее сделать их «живыми» и выразительными. Требуются многолетняя тренировка, очень высокое мастерство, даже виртуозность манипулирования, чтобы заставить элементарно устроенную куклу ловко выполнять цир-

¹³ *Baird B. Op. cit. P. 51; Галунов Р. А. Хэйме шаб бази — персидский театр марионеток/Иран. Т. III. Л., 1929. Табл. 1.*

ковые трюки, чтобы это было похоже на то, что делают живые актеры. Кукловождением по традиции занимаются только мужчины, мальчики начинают учиться тонкостям профессии с раннего детства.

Почти во всех марионеточных театрах мира нити куклы собираются сверху на деревянное крестообразное приспособление (русские народники актеры называли его *вагой*). У раджастанских марионеток ваги нити либо заканчиваются петелькой, надеваемой на палец кукловода, либо просто накручиваются им на палец или ладонь.

Одна — основная — нить идет от макушки головы куклы к ее спине. Эту длинную нить актер держит посередине, намотав на ладонь своей руки. Подтягивая переднюю или заднюю часть нити, он может наклонить или выпрямлять куклу; поворачивая свою руку — поворачивать куклу вправо или влево; опуская руку — заставлять куклу садиться, ложиться, падать, вскакивать; крутя нить — кружить куклу в танце и т. д. Этим же нитью создается походка куклы: она может бежать, подпрыгивать или идти степенно, плавно. Если кукла изображает музыканта, играющего на флейте, то конец нити, идущий к спине, пропускается через отверстие куклы, выходит через рот и прикрепляется к музыкальному инструменту (руки кукольных музыкантов скреплены на инструменте); подтягивая или ослабляя конец этой нити, можно то подносить к кукольному инструменту, то опускать инструмент. Примерно по такому же принципу управляется барабанщик, бьющий палочкой по барабану, уборщик, подметающий метлой сцену, водонос, несущий кувшин и предлагающий воду, или же кодил, разевающий огромную пасть (в последнем случае одна нить идет к верхней челюсти, а другой, проходя насквозь через верхнюю челюсть, прикрепляется к нижней). Многие куклы комплекта управляются одной нитью.

Вторая нить управляет кукольными руками. Если она не разрезана, кукловод держит ее за середину — и обе кукольные руки делают одинаковые жесты; если разрезана, то на концах, идущих к руке куклы, завязываются петельки; актер надевает их на пальцы разных рук — каждая рука куклы может делать независимый жест.

Третья нить встречается редко, она нужна только для особых трюков. Например, у куклы-танцовщицы третья нить прикрепляется к ее бедрам и позволяет имитировать характерные движения бедер (кукловод никогда не работает сразу тремя нитями: так, при движении бедер руки куклы свободно болтаются).

Кистей рук у раджастанских марионеток нет — тряпичная рука заканчивается чуть расширяющимся обручком. Нет у них и ног (за исключением двух-трех кукол: барабанщика, наездников). Ноги заменены длинной юбкой и искусством кукловода, создающего иллюзию походки.

Кукловод может, таким образом, одновременно управлять толпой одной или двумя куклами. Поэтому эпизоды представления построены так, что в них действуют один или два персонажа. Но на сцене, одна публика видит гораздо большее число кукол — они висят в глубине, «от коти к локтю», вдоль всего задника. Недействующие, украшающие фасадный занавес куклы называются *дарбар* («двор»). Эти кукольные статуи изображают высшую знать — великих раджей и важных навабов. Некоторые из них могут принимать участие в событиях пьесы (кукловод отвязывает нужную куклу, работает с ней, а потом привязывает ее к прежнему месту). В дарбаре вывешивается 8—12 кукол. Всего в комплекте 30—40 марионеток (рис. 2).

Куклами очень дорожат, передают их по наследству. Дорожат только потому, что изготавливают их не сами, а заказывают профессиональным резчикам по дереву (при крайней бедности кукольников — очень накладно), но главным образом потому, что катхпудли окружены священным ореолом. Когда-то их считали посланцами богов. Следы почитания кукол сохранились в обряде погребения марионеток: износ

¹⁴ Наваб — наместник провинции в Могольской империи XVII в. *Дарбар* (в. и. ди) — букв. «официальный прием во дворце государя».

Рис. 2. Фрагмент дарбара (фото из кн.: *Tilakasiri T. Op. cit. P. 116*)

шую куклу обычно не выбрасывают, а с молитвами опускают в реку. Верят, что она возвращается в страну богов, туда, откуда явилась. Следят, долго ли фигурка продержится на воде; если долго, значит, боги одобряют ее земные деяния¹⁵. Получая в наследство комплект кукол, их новый владелец отмечает это событие новой кукольной юбкой, надеваемой поверх старой. Куклы проходили через руки нескольких поколений, о чем свидетельствуют их четырех-, пятислойные наряды¹⁶.

Резчики делают по заказу марионетчиков только голову куклы. Остальное: набитые тряпками торс и руки, костюм и украшения — семьи кукольников изготавливают сами. Это занятие женщин. Скульптурная форма раджастханских марионеток предельно лаконична. У всех кукол лица почти одинаковы. Их главные отличительные признаки — большой прямой нос и огромные удлинённые глаза. Мужским персонажам подрисовывают черной краской усы и бороды, женским — локоны, спускающиеся от висков на щеки. Этот лаконизм формы, нейтральное выражение лица оставляют простор для воображения зрителя: по ходу действия куклы кажутся то смеющимися, то рыдающими, то испуганными, то задыхающимися от гнева.

В дарбаре, т. е. на заднике, среди кукол, изображающих знатных особ, находится и герой пьесы. Но эта кукла редко покидает дарбар, так как еще одна особенность театра заключается в том, что история героя, именем которого названа пьеса, занимает в представлении мало места. Основное ее содержание составляет традиционный набор не связанных между собой номеров, в которых куклы то пляшут, то показывают цирковые трюки, то разыгрывают жанровые сценки. Обязательные для исполнения этих номеров куклы: танцовщица, уборщик, водонос, *чобдар* (комедийный персонаж в роли церемониймейстера, распорядителя дарбара), заклинатель змей, барабанщик, наездник на лошади, жонглер, танцующий верблюд, крокодил, заглатывающий жертву, кукла-оборотень и др. Куклы для героев и героинь любой пьесы — одни и те же в комплекте, в каждом конкретном случае они получают разные имена. Соединение вставных номеров с сюжетом пьесы формальное, они вклю-

¹⁵ *Baird B. Op. cit. P. 47.* Аналогичный обряд совершается при погребении старых театральных картин (*нар, пхард*), которые опускают в священное оз. Пушкар. См. *Joshi O. P. Painted Folklore and Folklore Painters of India. Delhi. 1976. P. 35.*

¹⁶ *Baird B. Op. cit. P. 47.* В Музее при Государственном академическом центральном театре кукол (ГАЦТК) хранится раджастханская марионетка, на которую надето пять юбок.

чаются в сюжетную ткань представления под тем или иным предлогом чаще всего — как выступление бродячих артистов, как дивертисмент.

Представление катхпутли длится 2—4 часа. Плата за него ничтожно мала, особенно в деревнях. К. Гупта пишет, что в 1930-х гг. крестьяне редко рассчитывались деньгами, обычно давали актерам много зерна или каких-нибудь продуктов. Кукольники проводили спектакль ночью в деревне, а наутро снова отправлялись в путь.

До нас дошло четыре названия марионеточных представлений: о Викраме, о князе Притхвирадже, о царевиче Дhole и царевне Мару, Амарсингхе Ратхоуре. Какие эпизоды из многочисленных рассказов Викраме входили в кукольное представление, неизвестно. О сюжете пьес «Притхвирадх» и «Дhole-Мару» также можно судить лишь по литературным источникам¹⁷. Текст пьесы об Амарсингхе Ратхоуре целиком записан и опубликован в 1967 г. раджастанским фольклористом Хендрой Бханаватом¹⁸. К сожалению, М. Бханават сосредоточил внимание на словесном аспекте представления, он записал текст песен, диалогов, но очень кратко и далеко не всегда объясняет, что в это время делают куклы и как они это делают. Между тем в раджастанском народном марионеточном театре зрительный ряд едва ли уступает слуховому: в всяком случае, в том виде, в каком театр этот дошел до нашего времени, пантомима, физическое действие, движение стали его главными выразительными средствами. Поэтому, чтобы, с одной стороны, предложить читателям более или менее полное описание особенностей раджастанского народного кукольного театра, а с другой — приспособить запись М. Бханавата к дальнейшему сравнительному анализу, пришлось сначала выделить в сплошном тексте основные сцены (у М. Бханавата этого деления нет), а затем, прибегая к другим источникам, уточнять, что в этих сценах происходит под пение ведущей или параллельно с ее репликами.

Основным источником, дополняющим запись М. Бханавата, послужили спектакли делейского кукольного театра «Сутрадхар», показанные в Москве в 1984 г. В них входило (как фрагмент одной из пьес) представление раджастанских марионеток. Это «представление в представлении» исполнил потомственный раджастанский кукольник Джаял Бхатт. Кроме того, к анализу привлекались раджастанские народные марионетки из коллекции Музея ГИЦК и других собраний, а также описание американского кукольника Била Бэрда, видевшего представление катхпутли в Удайпуре.

В результате анализа текста М. Бханавата в представлении «Амарсингха» было выделено 32 кукольные сцены.

¹⁷ Притхвирадх — лицо реальное. Князь, носивший это имя, жил в XII в., владел обширными землями в Раджастане, в том числе и городом Дели, покровительствовал наукам и искусствам. Его придворный поэт Чанд Бардаи сложил поэму («Притхвирадх-расо»), прославляющую рыцарские качества князя, его бесстрашие и мужество, благородство и верность слову. Князь погиб в 1192 г., сражаясь с нападшими на его страну афганцами. Вместе с ним погиб и Чанд Бардаи. Литературоведы полагают, что поэт завершил сын погибшего поэта (см. Паевская Е. В. Литература хинди // Литературоведение в средние века. М., 1970. Ч. 1. С. 367—369).

На северо-западе Индии с давних времен была очень популярна баллада о царевиче Дhole и царевне Мару. Народные певцы распевали ее, вероятно, еще в XII—XIII вв. В XVI в. появилась ее первая литературная обработка, в 1946 г. один из вариантов баллады был опубликован на языке хинди, а в 1962 г. на французском языке вышла монография индолога Шарлотты Водвилль, специально посвященная исследованию баллады (Vaudeville Ch. Les Duhâ de Dhole-Mârû. Une ancienne ballade du Rajasthan. Paris: L'Asiatique, 1962).

¹⁸ Как объяснила мне Л. В. Хохлова, речь ведущей представляет собой один из стилизованных разговорных диалектов раджастанских.

Композиция пьесы об Амарсингхе Ратхоуре

(Вступление — гимн Кришне. Исполняет ведущая (дholeвали))

1. Барабанщик (*дугдугивала*) — играет на барабанах дугдуги.
2. Уборщик (*джхарувала*) — подметает пол.

3. Водонос (*бхишти*) — (физическое действие неясно).
4. Распорядитель (*чобдар*) — «встает на часы» в ожидании гостей.
5. Драка распорядителя с барабанщиком.
(Длинная песня, исполняемая ведущей и предваряющая съезд гостей)
6. Салаватхан, вабир и шурин падишаха (игра слов: «шурин» и «злодей», «негодяй» звучат одинаково) *.
7. Назам уд-дин, наваб Хайдарабада *.
8. Аксакдола Патхан, наваб Лакхнау *.
9. Актер из Джайпура (*бханд*) — трюковой номер.
10. Богатырь Тисмархан («тот, кто 30 раз победил») *.
11. Мансингх, раджа Джайпура *.
12. Аджидсингх, раджа Джодхпура *.
13. Амарсингх Ратхоур, раджа Нагора *.
14. Рамсингх, юноша, племянник Амарсингха *.
15. Арджунгор, раджа Бароды, шурин Амарсингха (или «злодей») *.
16. Паттебаз («тот, кто владеет „патта“») — танец куклы с кривой саблей.
17. Падишах *.
18. Пильпили и Ладу (разговорная звукоподражательная сценка).
19. Верблюд и погонщик (*унт* и *унтвала*) — танец.
20. Танцовщица (*начневали*) **.
21. Наездник (*гхоревала*) **.
22. Жонглерша (*гендвали*) **.
23. Садовница (*малин*) **.
24. Лейла и Маджну **.
25. Ткачиха (*джулахин*) **.
26. Стиральщик и крокодил (*дохоби* и *магар*) **.
27. Жена дохоби и чобдар **.
28. Заклинатель змей (*саперевала*) **.
29. Амарсингх и Салаватхан **.
30. Битва Амарсингха с раджами **.
31. Амарсингх и Арджунгор (гибель Амарсингха) **.
32. Рамсингх и Арджунгор (Рамсингх мстит за погибшего дядю) **.

Перечень сцен выявляет в представлении четыре части:

- I. Сцены 1—5: подготовка к съезду гостей во дворце падишаха.
- II. Сцены 6—17: съезд гостей (однообразие действия разбивается дивертисментными сценами 9, 10 и 16).
- III. Сцены 18—28: дивертисмент.
- IV. Сцены 29—32: история об Амарсингхе.

Ведущая представляет кукол чаще всего в форме диалога (Ты кто? Как тебя зовут? Зачем пришел? и т. д.), иногда описательно (Это — та-кой-то, пришел сделать то-то). Пантомимическое действие почти всегда сопровождается песней. В диалоге много шуток, намеков, понятных только местным жителям.

Барабанщик играет на плоском, лежащем на земле одностороннем барабане. М. Бханават не описывает куклу, но, по всей вероятности, это одна из немногих кукол комплекта с ногами: она как бы сидит, обхватив ногами барабан. Обе руки куклы скреплены на палке, которой она бьет по барабану. Кукла управляется одной нитью, идущей от головы к кончику палки. Подобный номер показывал в Москве Джягдиш Бхатт.

У куклы-уборщика такой же принцип управления: ее руки как бы держат метлу. Кукла — без ног, их заменяет длинная юбка. Уборщик крутится вдоль сцены, как бы подметая пол: кукла управляется одной нитью. Ведущая, представляя уборщика, говорит, что он пришел убрать

* Обмениваются приветствиями с чобдаром, который представляет их публике и проводит на дарбар.

** Описание сцены дается далее в тексте.

во дворце падишаха («в дарбаре» — говорит она); когда кукла подает, ведущая приговаривает: «Мети, мети хорошенько! Мети как сдует!».

Водонос выходит с кувшином. Как он ведет себя физически, вынуть не удалось. По тексту М. Бханавата, ведущая исполняет песню доноса, в которой говорится о кувшине, о «сладкой» воде и т. п., и ведет с куклой шуточный диалог (например, на вопрос, как зовут водоноса, отвечает: «Бадаль» — «облако, туча»; на вопрос, может ли он принести настоящую воду, отвечает, что настоящую воду носят настоящие водоносы, он же — кукла, а у кукол все по-кукольному).

В конце первой части выходит одна из главных кукол комплекта чобдар. Это распорядитель, дворецкий, церемониймейстер падишаха. Ведущая велит ему «стоять на часах», ждать гостей, так как ко двору падишаха должны съехаться великие раджи и знатные навабы. Не успев чобдар замереть, как на сцену вприпрыжку выскакивает барабанщик (вприпрыжку, так как ноги его обхватывают барабан). Ведущая продолжает с ним в разговор. Выясняется, что его зовут «Карбар-хан» («шум, скандал, ссора, беспорядок»). «Ты зачем пришел?» — «Играть». — «И давай играть вместе!». Они начинают играть вместе, но барабанщик бьет своей палкой все время невпопад. Ведущая сердится, говорит, что он плохо играет, «производит беспорядок», она жалуется на него чобдару. Чобдар кричит на кукольного музыканта: «Как ты смеешь устраивать беспорядок во дворце падишаха?». — Барабанщик продолжает беспорядочно барабанить. — Чобдар: «Сейчас разобью твой инструмент!». Барабанщик: «А я всажу тебе в горло палку!». Ссора разгорается все сильнее. Чобдар бьет музыканта, тот падает и лежит неподвижно, будто умер. «Он умер!» — кричит чобдар. Ведущая советует пощупать пульс лежащего. Чобдар наклоняется, потом говорит: «Совсем мертвый!». Разражается рыданиями. Порывав, он вызывает уборщика и велит ему унести «труп» умершего «негодяя». Но тут барабанщик вскакивает, прыгает на голову чобдара, бьет в барабан — и в таком виде куклы удаляются со сцены.

Вступлением ко второй части служит длинная песня ведущей, затем начинается съезд гостей — парад-алле раджей и навабов. Ведущая вызывает каждую выходящую куклу всеми титулами, а чобдар ведет гостем почти неизменный диалог: «Заходите, милости просим! Здравствуйте!» — Гость отвечает: «Здравствуйте!» — и куклы обнимают. Чобдар: «Как поживает ваша жена, детки? Здоровы?» — «Здоровы». — «Как настроение? Хорошее?» — «Хорошее!» — Затем чобдар приглашает гостя пройти во дворец на отведенное ему место (куклу-гостя вешают на задник). При выходе Амарсингха ведущая исполняет специальную песню о его подвигах и достоинствах.

Монотонность действия этой части разрывается несколькими вставными дивертисментными номерами (нужно сказать, что традиция интуитивно учла все психологические нюансы восприятия театрального зрителя, законы ритма сценического действия, которые так часто нарушают современные режиссеры). После выходов трех важных особ, когда зрители уже привыкли к стереотипу сцен съезда и, с одной стороны, ждут похожую на предыдущие сцену, а с другой — готовы заскучать, поскольку все уже известно, неожиданно вместо предполагаемого очередного гостя на сцену выходит совсем не знатная особа. «Ты кто такой?» спрашивает ведущая. — «Бханд» (шут, комик, комедиант, бродячий актер, возможно, это диалектный вариант слова *бхатт*). — «Для чего пришел?» — «Представлять». — Ведущая: «Ты, деревянная кукла, что ты будешь представлять?» — «Из одной жизни сделаю две, из одного лица — два!». Смысл ответа бханда остался бы неясным (М. Бханав реплику не комментирует), если бы Джягдиш Бхатт не показал в Московской оперной труппе номер с куклой о двух головах (рис. 3). У Джягдиша Бхатт номер выглядит следующим образом. На сцену являлся усатый молодец, начинал танцевать и вдруг, прямо на глазах у зрителей, превращался в красотку совсем в другом наряде. Публика не успевала ахнуть

Рис. 3. Трюковая кукла-оборотень (кукла из Музея ГАЦТК). Фото В. Шульца
 а — в виде женщины; б — в виде мужчины; в — с двумя головами

а перед нею снова уже плясал мужчина с усами. И так несколько раз, с небольшими вариациями, и с каждым разом смех в зале нарастал, до того превращение было неожиданно и «чисто» сработано. Но этим дело не кончалось. В финале за спиной у усатого танцовщика оказывалась красотка, и он, как бы испугавшись, опрометью убегал со сцены, унося ее на закорках. В этом номере использовалась кукла с двумя торсами и головами, скрепленными как фигуры королей, дам, валетов на играль-ных картах. Одна половина висит вниз головой под юбкой. К каждой голове идет пара нитей, точнее, два конца одной длинной, неразрезанной нити, которую кукловод держит за середину. Натягивая нить одной го-ловы и ослабляя нить другой, куклу можно мгновенно переворачивать вверх тормашками. Падающая вниз юбка тут же скрывает вторую голо-ву, контрастная по цвету юбочная подкладка создает впечатление нового костюма. В финале кукольник не отпускает до конца вторую нить, ниж-няя голова приподнимается, отворачивает край юбки и торчит за плеча-ми у первой.

У разных марионетчиков номер немного варьируется, как и сама кукла. Так, в коллекции американской кукольницы Марго Лавлейс хранится кукла с двумя лицами на одной голове (спереди — мужским, сзади — женским), а юбка сшита из двух разных кусков ткани, стыкую-щихся по бокам; эту куклу, таким образом, нужно поворачивать, задом наперед, а не вверх тормашками¹⁹. Гастролировавший по Индии другой американский кукольник, Бил Бэрд, видел сценку с подобной трюковой куклой-оборотнем, только ее драматургия была несколько иной: кукла, которую Бэрд называет «клоуном» (чобдар?), преследовала красотку, но стоило преследователю приблизиться к ней, как красотка оборачи-валась «людоедкой», клоун вопил от ужаса, закрывал голову руками и бросался наутек, и теперь уже «людоедка» преследовала незадачливого ухажера. Потом вдруг она снова превращалась в красавицу, клоун сно-ва не мог устоять перед ее чарами, снова с воркующими нежными нот-ками в голосе приближался к ней, хотел ее обнять, но как только он на-гибался, красотка тут же превращалась в чудовище — и все повторя-лось²⁰.

¹⁹ Malkin M. Op. cit. P. 76 (ill.) (см. рис. 3).

²⁰ Baird B. Op. cit. P. 54.

Оживление сценического действия усиливает кукла Тисмархана («гатыря, или «того, кто 30 раз победил»), выходящая вслед за бхандо Ведущая говорит, что это очень отважный, храбрый, смелый человек, что его тоже нужно проводить на дарбар. Чобдар соглашается, ведя гостя в «зал приемов». И тут начинается комическая сценка. Тисмарх «садится» на место падишаха и засыпает, чобдар то уговорами, то уганью, то тумакami старается его согнать, они переругиваются, а ведущая уговаривает: «Дорогой чобдар, не ссорьтесь во дворце падишаха!», — но ее увещевания не помогают. В конце концов чобдар вытаскивает Тисмархана с падишахского места и водворяет на другое (видны кукловод сначала вешает куклу-богатыря в центре, а потом перевешивает ближе к краю сцены).

Вероятно, чтобы дать зрителям перевести дух перед самым главным выходом — падишаха, кукла паттебаза исполняет танец с кривой саб: в руке. Торжественный выход «Шах-ин-шаха» заканчивает парад: знати; «зал приемов» заполнен: вдоль всей сцены на темном заднике висят куклы, изображающие раджей, навабов, воинов. Начинается дивертисмент. По записи М. Бханавата, в нем 11 номеров (18—28). Большая половина (19—22, 24, 28) построено на физическом действии — это танцевально-пантомимические сценки. К ним примыкают сценки 26 и 27 пантомима в них сочетается с диалогом. Из остальных трех одна основана на звукоподражательных эффектах (18), другая — вокальная (23), третья сочетает диалог со зрительным трюком (25). В последней (24) ткачиха жалуется на то, что во время голода съела пряжу и теперь не может ткать ковер. Ведущая вызывает на сцену другую куклу, и та вытаскивает изо рта ткачихи кончик нитки — нитка тянется как из размытого клубка. Знаменитая древнеарабская легенда о трагической любви юноши Кайса ибн Муада по прозвищу *Меджнун* («одержимый к девушке Лейли в раджастханском представлении выглядит так. Входит Маджну и кричит: «О, Лейла! О, Лейла!». Выходит Лейла. В виде ее Маджну падает. Лейла начинает рыдать, думая, что он умер. Маджну приходит в себя, они обнимаются, Лейла нежно обмахивает Маджну платком и они уходят).

Очень популярны номер с крокодилом и обычно следующая за ним сценка, подтрунивающая над женской «верностью» и «постоянством». Мне известны два варианта. В одном выходит дхоби (мужчина-прачка) на вопросы ведущей он отвечает, что пришел стирать белье «господина». Ведущая предупреждает, что в реке живет крокодил, что он может напасть на дхоби. Дхоби храбро отвечает, что он будет драться с крокодилом. Выползает крокодил, хватая дхоби и уносит его. Выходит жена дхоби. Узнав от ведущей, что мужа съел крокодил, она начинает причитать: «О, мой дхоби! О, мой дхоби!». Выходит чобдар. «Что за шум?» — Жена: «Господин, мой дхоби умер». — «Ну и пусть, выходи за другого». — «За кого?» — «За меня!» — «Ты старый!» — «Ты сама старая!» — «Мне тринадцать лет!» — «А мне двенадцать! Чем мы не пара?» Жена дхоби подпрыгивая и размахивая руками: «Снова выйду замуж! Снова выйду замуж!» — И обе куклы уходят. Этот вариант записан М. Бханаватом. В другом, виденном Б. Бэрдом, на берег реки приходят дхоби и его жена. Они ведут осла, на которого навьючено белье для стирки. Идет комическая сценка с упрямым ослом; наконец, жена дхоби уводит осла, а дхоби начинает стирать. На него нападает крокодил, дхоби вопит, зовет на помощь. Прибегает жена, прыгает на берег, тоже вопит, размахивая руками, а крокодил тем временем утаскивает несчастного стиральщика. Жена бежит ко двору Великого Могола, но правитель — слишком высокой касты, чтобы разговаривать с женой дхоби. Однако он милостив и высылает к ней стражника. Тот сразу начинает ухаживать за женой дхоби. Постепенно вопли жены переходят в нежное мурлыканье. Ясно, что жена дхоби уже не помнит, зачем примчалась к двору. Зрители хохочут, видя с какой легкостью она забыла только что погибшего супруга ²¹.

²¹ Ibid. P. 50.

Рис. 4. Танцовщица (кукла из Музея ГАЦТК). Фото В. Шульца

Танцевально-цирковые сценки, как уже говорилось, требуют большого мастерства и опыта кукловождения — заставить примитивную по технике куклу изображать цирковые трюки не просто. Попытаюсь на нескольких виденных мною номерах объяснить, как это делается.

Танцовщица кружится, делает движения бедрами, но главный трюк этого номера в том, что она слегка нагибается, подхватывает рукой подол, поднимает его и кружится с расправленной веером юбкой; если вспомнить, что у куклы кистей рук нет, то можно представить, что не так-то легко подцепить обручком тряпичной руки кайму юбки и потом удержать ее; помогает подхватить край юбки булавка, втыкаемая в кончик руки, но для того чтобы это проделать, притом при быстром, постоянном движении куклы, нужна большая сноровка. Номер с танцовщицей входил в программу Джягдиша Бхатта. Нить, управляющая кукольными руками, была разрезана, каждая рука управлялась отдельно, кукла подхватывала подол сначала одной рукой, потом — другой (рис. 4).

Номер наездника на лошади еще сложнее. В описании М. Бханавата ведущая спрашивает наездника, умеет ли лошадь танцевать. Наездник отвечает утвердительно. Начинается демонстрация цирковых трюков; она обрывается тем, что лошадь сбрасывает наездника. Ведущая кричит: «Эй, чобдар! Лошадь в дарбаре! Поймай ее и прикажи искупать!» (вероятно, куклу-наездника убирают за кулисы, в тексте Бханавата о нем больше не упоминается). Является чобдар, обращается к лошади: «Эй, лошадь!» — Лошадь машет хвостом. Чобдар подходит к ней — лошадь бьет его ногами. Чобдар падает, вопит благим матом. Между ним и ведущей идет диалог (построенный на игре слов), затем ведущая советует чобдару принести лошади корм. Чобдар приносит, но как только он приближается к лошади, та снова его лягает. Чобдар снова вопит от боли, причитает: «Я умер! Я умер!». Вмешивается ведущая: она сажает чобдара на лошадь, и лошадь уезжает за кулисы.

Номер с наездником был показан Д. Бхаттом немного иначе, без сбрасывания наездника и без чобдара, в виде чисто циркового аттракциона. Лошадка с наездником сначала танцевала как цирковая, а потом — так, как цирковая уже не может, — исполняла, например, «танец хвоста»; наездник лихо скакал на ней, то припадая головой к лошадиной шее, то становясь на ее спину ногами, то, вольтижируя, «на полном ходу» проскальзывал раз за разом под ее животом и снова садился верхом. Заканчивался номер чисто кукольным трюком: лошадка уезжала со сце-

ны верхом на наезднике. Д. Бхатт работал двумя нитями. Одну, при крепленную к макушке наездника, он наматывал на палец левой руки (наездник не сваливался с лошади и в то же время мог лежать, сидеть стоять на ней, крутиться вокруг ее живота, так как его кривые ноп обхватывали корпус лошади и были скреплены внизу планкой). Вторую нить, идущую от головы к хвосту лошади, Бхатт держал посредине правой рукой. Весь каскад цирковых трюков выдавался с помощью этих двух нитей.

Зрелищный и смешной, хотя и не очень сложный по технике, номер заклинателя змей. У Джягдиша Бхатта заклинатель заставлял своей флейтой подниматься все выше и раскачиваться в такт музыке грозный кобр. Движения кобр были абсолютно синхронны и полностью совпадали с движениями флейты, которую заклинатель то подносил ко рту, то опускал; раскачивания становились все сильнее, вот змеи уже поднялись на кончики хвостов. По мере того как кобры распалялись, приходили в экстаз, заклинатель все больше изнемогал, голова его клонилась все ниже, звуки флейты становились прерывистыми, пока совсем не смолкали, — заклинатель засыпал. В ярости кобры набрасывались на него, обвивались вокруг его фигуры, тормозили, толкали, требуя музыки. Музыкант просыпался, но ненадолго — и снова кобры бросались его будить. И так несколько раз — и каждый раз с какой-нибудь новой смешной и неожиданной деталью в «поведении» кобр. Бхатт работал в этом номере двумя нитями. Одна управляла кобрами, спускаясь концами к их головам. Кукловод держал ее за середину, поэтому движения кобр были совершенно одинаковы. Вторая нить была в другой руке кукловода и управляла заклинателем, точнее — флейтой с прикрепленными к ней кукольными руками.

Дивертисмент занимает основную часть времени представления. Лишь четыре финальные сцены рассказывают историю об Амарсингхе. Герой пьесы Амарсингх Ратхоур, раджа Нагора, выходит на сцену с мечом в руке. Навстречу ему выходит Салаватхан, вазир падишаха. Салаватхан не пускает Амарсингха во дворец падишаха, говоря, что на это нет приказа, он оскорбляет Амарсингха, называя его «темной деревенщиной». Амарсингх отвечает на оскорбление мечом: «Вот тебе! прими удар Амарсингха!» От удара Амарсингха Салаватхан подлетает в воздух, падает, вскакивает и в ужасе, с воплями убегает. Амарсингх продолжает размахивать мечом и от его ударов раджи, навабы, воины, висающие на заднике, падают один за другим на землю (кукловод по очереди отвязывает кукол). К Амарсингху выходит Арджунгор (муж его сестры). Он хитростью заманивает героя в ловушку и убивает его («отрубает голову», — говорится в тексте Бханавата). В заключительной сцене племянник Амарсингха Рамсингх мстит за героя: он вступает в бой с Арджунгором и побеждает его.

Анализ текста «Амарсингха Ратхоура», опубликованного М. Бханаватом, выявляет следующее.

1. Для представления требуются 34 куклы. Из них 11 вывешиваются на заднике, 5 изображают зверей (верблюда, лошадь, крокодила, двух змей).

2. В представлении можно выделить 32 сцены. Из них только 5 связаны с героем, имя которого носит пьеса. Это: а) выход Амарсингха — представление куклы публике; б) расправа Амарсингха с оскорбителем — Салаватханом; в) битва Амарсингха с раджами — сторонниками падишаха; г) гибель Амарсингха; д) отмщение за героя. Остальные 27 сцен, вероятно, исполняются в том или ином наборе, а может быть, и полностью, в любой другой пьесе (например, в сюжет пьесы «Дхота-Мару» вплетается представление бродячих актеров, там оно органично связано с развитием интриги, дает ей новый поворот).

3. Композиция представления, ряд сцен и персонажей почти целиком совпадают с таковыми иранского традиционного марионеточного театра (а иногда идентичность распространяется и на сцену-палатку, о чем упоминалось выше). В меньшей степени, но вполне явно и сходство с

узбекским народным марионеточным театром. Это обнаруживается при сравнении текстов иранского марионеточного представления «Шах Селим» («Шах Афзаль»), записанного Р. Галуновым, и узбекского представления «Саркардаляр» («Начальники»), записанного М. Гавриловым, с текстом «Амарсингха Ратхоура»²². Сходство проявляется в следующем.

А. Во всех трех типах представлений композиция пьесы состоит из: а) пролога — подготовки к съезду именитых гостей во дворец шаха или падишаха, б) парада гостей, в) дивертисмента. Узбекское представление на этом заканчивается. В иранском шах покидает сцену, не дожидаясь конца дивертисмента; выступление кукольных артистов продолжается, пока не является Гуль (демон, или, как он себя рекомендует: «Я — Гуль пустыни и пожиратель людей») и не уносит всех кукол за кулисы. В индийском «Амарсингхе» после дивертисмента следует собственно история героя.

Б. Во всех трех традициях куклы, изображающие высокопоставленных особ, вывешиваются на заднике и остаются почти все время на сцене; в иранском и узбекском театре для них выносятся и ставят троны²³.

В. Во всех трех записанных пьесах присутствует распорядитель представления (раджастханский «чобдар»; «смотритель дворцовых зданий» в иранском варианте; «ясаул» — в узбекском). Во всех трех вариантах эта кукла — одно из главных действующих лиц пьесы. В иранском «Шах Селиме» кроме куклы-распорядителя и сцен съезда гостей аналогичны индийским: водонос, уборщик, трубач, барабанщик, жеребенок (лягающий и сбрасывающий конюха), верблюды (выезжающие с музыкантами на спинах), танцовщицы, жонглер, богатыри с палицами в руках (*пэхлэваны*, которых, вероятно, можно считать аналогами *паттебаза* с мечом или саблей в руке), Гуль и собака (куклы, приспособленные для хватания и уноса со сцены других кукол, аналогичные индийскому крокодилу). В тексте «Шах Селима» встречается реплика ведущего: «Посмотрите на Лейли, посмотрите на Маджуна!», — но имеются ли в комплекте эти куклы и появляются ли они на иранской марионеточной сцене, из записи Р. Галунова неясно. В узбекском представлении «Начальников» сходных сцен и кукол меньше (оно вообще короче: если в иранском записано 46 сцен, то в узбекском — 28); это: уборщик, осел (сбрасывающий ясаула), танцовщицы, жонглеры; а также сценка, построенная на звукоподражательных эффектах, в которой участвуют дрессировщик и обезьяна (Маймунчи и Маймун) и которая перекликается со сценкой Пильпили и Ладу. В съезде «начальников» выходит девять кукол, главная из них — «падишах Ташкентский». Общие для всех трех записанных пьес и две сценки пролога; в первой один из второстепенных персонажей усаживается на царское место, засыпает там, а распорядитель с трудом его вытаскивает, во второй происходит убийство (в индийском варианте — мнимое) одного из персонажей, «нарушающего порядок» во дворце верховного правителя.

Выявленные черты сходства нельзя объяснить только типологически, они говорят о воздействии одной из этих традиций на другие. Но какой

²² Галунов Р. А. Указ. раб. С. 1—50; Гаврилов М. Ф. Кукольный театр Узбекистана. Ташкент, 1928. С. 25—36.

²³ В раджастханских представлениях XX в. иных предметов, кроме самих кукол, на сцене не бывает. Но есть свидетельство, что раньше и на индийской марионеточной сцене было принято ставить кукольные троны. У Джона Кэмпбелла Омана, в его труде «Культы, обычаи и верования Индии», изданном впервые в 1889 г., читаем: «Индийское представление марионеток состоит главным образом из того, что несметное количество украшенных мишурой раджей выходит на сцену и с великой помпой рассаживается на поставленных в ряд тронах. Каждый такой высокородный и могущественный раджа вливается в зал приемов, висая на тонкой проволоке, ... и пока он медленно и торжественно занимает свое место, распорядитель объявляет множество его громких титулов. Музыканты изо всех сил бьют в свои барабаны „табла“. Затем так же важно и неторопливо выходит на своей проволоке новый Владыка мира. И это продолжается, пока, наконец, весь ряд тронов не заполняется куклами великих правителей, яркие наряды которых так же нелепы и забавны, как и их пышные титулы» (Oman J. C. Op. cit. P. 194—195).

на какие? В связи с этим вопросом хотелось бы высказать следующие соображения.

Во-первых, надо обратить внимание на соответствие названия представления его содержанию. В традиционном народном кукольном театре пьеса (представление), как правило, называется именем главного героя. Наибольшее соответствие находим в иранском «Шах Селиме», на меньшее — в раджастанском «Амарсингхе», некоторую размытость названия, неопределенность главного героя — в узбекских «Начальниках».

Во-вторых, можно обнаружить утрату некоторыми персонажами индийского и узбекского театра функциональной нагрузки в пьесе, связанной с ее сюжетной линией. Например, водонос в иранском представлении является на сцену до уборщика, чтобы полить царский двор, — оба эти персонажа наводят чистоту перед готовящимся приемом гостей. В индийском представлении функция водоноса забыта, он является совсем не для наведения порядка, не для уборки перед съездом гостей. Его выход становится одним из номеров дивертисмента; связь с развитием сюжета, существующая в иранском театре, здесь порвана. В узбекском варианте потеряны не только функция, но и сам персонаж. В индийском и узбекском вариантах утрачивает свою функцию и inferнальный персонаж иранского театра — Гуль. Основная функция Гуля — уносить кукол со сцены «в мир иной». Его узбекский аналог, демон Див, выходит лишь в начале выносит на сцену трон, усаживается на него и засыпает; ясаул с руганью его прогоняет, и после этой комической сценки Див больше не показывается. В индийском театре функция Гуля — хватать и уносить кукол — сохранилась, но сам фантастический персонаж переосмыслен; он превратился в не менее страшного, но вполне земного реального крокодила.

В-третьих, ориентиром при определении источника влияния служат отчасти и титул «падишаха». Правда, для раджастанского варианта этот иранский титул, хотя и иностранный, однако не совсем чужой — и называли себя правители Могольской империи. Но в узбекской пьесе использование титула бесспорно указывает на иранский источник заимствования: в узбекском театре смысл иноземного титула даже не осознается до конца, так как он предшествует не только имени верховного властителя — «падишаха Ташкентского», но и именам более низких по рангу приезжающих к нему гостей, среди которых называются «падишах Ургента» и «падишах Ургунта».

Рассмотренные в статье факты приводят к следующим выводам.

1. На севере Индии в доисламскую эпоху существовали, вероятно танцевально-повествовательные кукольные представления, похожие на бытующие и поныне в марионеточном театре Южной Индии. Следы этого доисламского повествовательного театра сохранились в названиях кукольных пьес («Викрама», «Притхвирадх», «Дхола-Мару», «Амарсингх Ратхоур»), во вступительном гимне, обращенном к Кришне, в обряде погребения кукол и в нескольких сценах (в 5 из 32) пьесы «Амарсингх», записанной М. Бханаватом.

2. Под воздействием иранских представлений (начало этого процесса логичнее всего отнести ко времени воцарения на севере Индии династии Великих Моголов, т. е. к XVI в.) доисламские пьесы или совсем ушли из репертуара кукольного театра, или, сохранив исконное название, свернули старое содержание до нескольких, почти пантомимических сцен, уступив большую часть представления эффектной зрелищу — параду кукол и цирковым аттракционам.

ПЕРВАЯ ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ТЮРКСКОЙ ОНОМАСТИКЕ

23—25 сентября 1986 г. во Фрунзе состоялась Первая Всесоюзная конференция по тюркской ономастике, организованная Институтом этнографии АН СССР, Институтом языка и литературы АН Киргизской ССР, Географическим обществом Киргизской ССР. В центре работы конференции были проблемы тюркской ономастики, рассмотренные в секциях «Этнонимия», «Антропонимия», «Топонимия», «Теонимия», «Космонимия», «Зоонимия», «Вопросы собственных имен в художественной литературе», «Общие вопросы ономастики». Подобная конференция проводится в мировой тюркологии впервые. В ее работе участвовали 250 человек, на пленарных и секционных заседаниях было прочитано 134 доклада.

На двух пленарных заседаниях были заслушаны обобщающие теоретические доклады.

Первое пленарное заседание открылось выступлением Э. М. Мурзаева (Москва). На богатом материале докладчик показал сложную взаимосвязь тюркских этнонимов и топонимов. В докладе В. А. Никонова (Москва) «За чистоту марксистско-ленинских принципов ономастики» еще раз была убедительно продемонстрирована неразрывная связь ономастики с общественными науками, а явлений ономастики — с социальными переменами. О проблемах исследования и перспективах развития тюркской ономастики говорилось в докладе Т. Дж. Джанузакова (Алма-Ата); он высказал предложение созывать конференции по тюркской ономастике раз в три года. Анализу этнонима *кыпчак* в истории народов Центральной Азии был посвящен доклад С. Г. Кляшторного (Ленинград).

С большим вниманием все присутствовавшие выслушали Чингиза Айтматова. Приветствуя открытие Первой Всесоюзной конференции по тюркской ономастике, Ч. Айтматов говорил о важности и актуальности развития этой отрасли знания, бережном отношении к старым наименованиям. Он призвал советских ученых развернуть более широкие исследования по ономастике народов соседних государств, прежде всего Китая.

На конференции работало восемь секций. В секции «Этнонимия» большой интерес вызвал обобщающий доклад И. Г. Добродомова (Москва) «Взаимодействие иранской и тюркской этнонимии в топонимии Северного Причерноморья». Древние этнонимы казахов рассмотрел А. А. Абдрахманов (Алма-Ата), убедительно показавший значимость этнонимии как источника для исследования этногенеза казахского народа. К. Ш. Хафизова (Алма-Ата) проанализировала казахские этнонимы, сохранившиеся в китайских источниках XVIII—XIX вв. Богатый полевой и архивный материал обобщила В. Н. Попова (Чимкент) в докладе «Наименования родоплеменных подразделений казахов Павлодарской области». Историю этнонима *казак* в диалектах болгарского языка проследил в своем докладе болгарский ученый Х. А. Тодоров (София). Состав и структуру этнонимов в произведении М. Ауэзова «Путь Абая» охарактеризовала К. С. Еспаева (Алма-Ата). Этнонимы в киргизском эпосе «Манас» проанализировал К. Айдаркулов (Фрунзе).

Большой интерес вызвал доклад Н. Д. Гариповой и Т. М. Гарипова (Уфа), посвященный детальному разбору историографии этнонима *башкорт*. Авторы предложили собственную гипотезу этимологии этого термина.

Для понимания этнонимических систем этносов важно изучение экзоэтнонимов. Мордовские названия тюркских народов рассмотрены Н. Ф. Мокшиным (Саранск).

Анализ этнонимов как источников для изучения истории хозяйственной деятельности туркмен был предпринят С. Атанязовым (Ашхабад). Вопросы азербайджанских этнонимии освещались в докладах: Ю. Б. Юсифова (Баку) — «Древняя этнонимия Азербайджана», Х. Г. Алиева (Баку) — «Гаргары: этнонимические паразиты», Л. Г. Гулиевой (Баку) — «Отражение этногенетических контактов народов Кавказа в этнонимии Азербайджана». В докладах анализировались и отдельные этнонимы. Доклад Б. И. Татаринцева (Кызыл) был посвящен происхождению этнонима *тыва* — *туба* — *топа*; доклад А. С. Канюковой (Чебоксары) — этноним *чуваши*.

Одной из самых многочисленных была секция «Антропонимия». В ряде докладов содержалась общая характеристика антропонимических систем и ее компонентов отдельных тюркских народов. Так, например, тувинская антропонимия была представлена докладом А. И. Кунаа (Кызыл). Г. Ф. Саттаров (Казань) убедительно показал научное и практическое значение исследования татарских фамилий для понимания проблем истории, языка, вопросов этногенеза татарского народа. Выступление Т. Х. Кусимовой (Уфа) было посвящено цветовым обозначениям в башкирской антропонимии. Антропонимические категории на азербайджанском материале проанализировал Ш. М. Саадиев (Баку); особенности киргизской антропонимии показал Ш. Жапаров (Фрунзе); тюркоязычные антропонимы гагаузов рассмотрел С. С. Курогло (Кишинев).

Проблемы взаимодействия и взаимовлияния различных антропонимических моделей были освещены в докладах: А. Г. Шайхулова (Уфа) — «Некоторые закономерности заимствования русских имен башкирами»; А. О. Орузбаева (Фрунзе) — «Киргизские имена в аспекте киргизско-русского двуязычия»; Ф. Хавази и А. Дина (Фрунзе) — «Тюркское влияние на антропонимию дунган»; Ю. Д. Каражае и К. Г. Джусоевой (Орджоникидзе) — «Тюркские этнонимы в осетинской антропонимии», Л. К. Тазиевой (Казань) — об истории проникновения и освоения арабских личных имен в антропонимию татар. Большой интерес вызвал доклад Н. Б. Алдаровой (Улан-Удэ), посвященный монгольской антропонимии. Доклад был основан на богатом полевом материале, который автор собрал во время длительной научной командировки в Монгольскую Народную Республику.

Значительный интерес представили доклады, в которых характеризовались особенности личных имен в диалектах тюркских языков: об антропонимах ичкиликского говора киргизского языка говорил И. Абдувалиев (Фрунзе); диалектные особенности личных имен киргизского языка были рассмотрены Н. Бейшекеевым (Ош). Историческая антропонимия тюркских народов — в докладах: Т. А. Гуриева (Орджоникидзе) — «Тюркизмы в ономастике осетинской нартологии», Б. У. Махпиров (Алма-Ата) — «Ономастика древнеуйгурских памятников», А. Н. Карсанов (Москва) — «Ясыня в Волжской Булгарии».

Активно работала секция «Топонимия». В центре внимания докладчики С. К. Караева (Ташкент) — «Номинационные типы этнотопонимов Узбекистана», А. А. Камалова (Уфа) — «Принципы словообразования в башкирской топонимии», А. Р. Мырзакулова и Л. И. Лупачевой (Ош) — «Словообразование и семантика тюркских этнотопонимов»; Н. Г. Мамедова (Баку) — «Некоторые закономерности образования топонимов Азербайджана» были теоретические проблемы.

О новой методике сбора топонимов Киргизской ССР рассказали В. А. Кузмиченок и В. А. Небесихин (Фрунзе). Принципы образования топонимов были рассмотрены в докладах: К. Сейдакматова (Фрунзе) — «К этимологии топонима Талас», Ч. Х. Мирзазаде (Баку) — «Топоним Шамхор», А. Орузбаева, А. Макеевой и Г. Аkenовой (Фрунзе) — «К проблеме топонимии г. Фрунзе».

С интересом были прослушаны доклады: Т. К. Чороева (Фрунзе) — «Топонимические данные Махмуда Кашгари (XI в.) и миграции тюрков раннего средневековья», Т. Т. Машрапова (Фрунзе) — «Топонимы Киргизии по персидским источникам XVI—XVII вв.», А. Буриева (Ташкент) — «Труды Хазифы-Абру как ценный источник по топонимии Средней Азии», Д. О. Умаровой (Чимкент) — «Топонимы маршрутов путешествий Чокана Валиханова».

Значительную группу составили доклады, рассматривавшие топонимию как один из важных источников для изучения этнической истории тюркоязычных народов. К ним относились доклады: К. Конкобаева (Фрунзе) — «Киргизская топонимия как источник по этногенезу киргизов и истории киргизского языка», К. Матикеев (Ош) — «Стратиграфия географических названий Южной Киргизии», С. Н. Ми

Ахмудовой (Баку) — «Азербайджанские этнонимы на территории Армянской ССР», Т. П. Федянович (Москва) — «Тюркская топонимия на территории Мордовской АССР», Дж.-Б. Логашовой (Москва) — «Тюркские топонимы Афганистана», С. С. Губаевой (Фергана) — «Отражение в топонимии исторических связей Восточного Туркестана и Ферганы», Г. К. Валеевой (Бирск) — «Тюркская топонимия Южного Урала», Н. В. Хромовой (Тюмень) — «Тюркские элементы в топонимии Тоболо-Иртышского междуречья».

Тюркизмы в гидронимах Средневолжья были рассмотрены В. Ф. Барашковым (Львовск); тюркоязычные ойконимы на территории Квемо Картли (Восточная Грузия) — предмет исследования М. Н. Чобанова (Тбилиси); тюркская топонимия Южного Алтая была проанализирована О. Т. Молчановой (Львов).

Проблемы тюркской теонимии (секция «Теонимия») рассматривались на примере народов: о чувашской теонимии говорил М. Н. Юхма (Чебоксары); карачаевско-балкарские теонимы были проанализированы М. М. Текуевым (Нальчик). Доклады Ф. Г. Хисамитдиновой и З. Я. Шариповой (Уфа) были систематизированы теонимы, сохранившиеся в фольклоре башкир, а также в тюркоязычных памятниках Башкирии. О бурятском божестве Ерсу рассказал Д. С. Дугаров (Чан-Удэ). В докладе С. Т. Кайыкова (Фрунзе) рассматривались теонимы эпохи «Эр Тоштюк». Анализ теонимов древнекорейского мифа о Тонмене-Чумоне и их корейско-алтайских параллелях был дан в докладе Р. Ш. Джарылгасиновой (Москва).

В секции «Космонимия» были зачитаны доклады: Н. И. Шатиновой (Горно-Алтайск) — «Космонимия алтайцев» и Т. Дж. Джанузакова (Алма-Ата) — «Лексико-семантические особенности казахской космонимии».

В докладах М. Н. Юхмы (Чебоксары), Т. В. Линко (Алма-Ата), Н. Б. Нуева (Баку), зачитанных на заседании секции «Зоонимия», освещались вопросы зоонимии чувашей, казахов, азербайджанцев.

В секции «Общие проблемы ономастики» интересным был доклад Н. П. Бутенко и А. В. Мамрак (Львов) — «Грамматическое освоение киргизских собственных имен в русском языке», а также А. Закирова (Ош) — «Вопросы наименования и переименования турецких газет и журналов».

На заключительном пленарном заседании первым был заслушан доклад О. Орузбаевой, С. У. Умурзакова, К. Конкобаева (Фрунзе) — «История и перспективы киргизской ономастики». В выступлении А. Г. Кайдарова (Алма-Ата) — «Способы выражения теонимических представлений и понятий у казахов» был обобщен богатый материал. Докладчик говорил о необходимости подготовки специального сборника по теонимии. Насущным проблемам тюркской ономастики был посвящен совместный доклад Э. А. Бегматова, А. Н. Шумаева (Ташкент), Ф. Саттарова (Казань) — «Проблемы региональной ономастики».

В решениях конференции были отмечены важность и актуальность дальнейшего изучения ономастики тюркских народов СССР.

Все выступавшие на заключительном заседании отметили большую работу Оргкомитета по подготовке и проведению этого важного форума, а также выразили признательность киргизским коллегам за гостеприимство и радушие. Участники конференции отметили возможность познакомиться с музеями Фрунзе, культурой и бытом киргизского народа, интересными этнографическими фильмами киргизских документалистов, совершили поездку на высокогорное озеро Иссык-Куль.

Р. Ш. Джарылгасинова, Дж.-Б. Логашова

ХVI МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ОБЪЕДИНЕННОЙ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ДЕМОС»

С 25 по 26 сентября 1986 г. в Берлине проходила Международная конференция Объединенной редакции реферативного журнала по этнографии и фольклористике европейских социалистических стран «Демос»¹.

¹ О журнале «Демос» см.: Терентьева Л. Н., Филимонова Т. Д. Международный реферативный журнал по этнографии и фольклору // Сов. этнография. 1962. № 3.

В этой, уже шестнадцатой международной конференции, проведенной Центральным институтом истории АН ГДР, участвовали: Р. Вайнхольд, Б. Эммерих, В. Фидлер, Б. Шёне, Р. Квитч, З. Нейманн, А. Ланге, В. Бек (ГДР); Л. Макавеева (НРБ); М. Погани (ВНР); Б. Копчинска-Яворска, М. Нивядомска (ПНР); Л. М. Дробизжа, Т. В. Яковлева (СССР); А. Робек, Л. Кунц (ЧССР); Х. Ложар-Подлогар, В. Доманович, Д. Дрляча (СФРЮ).

Конференцию открыл главный редактор журнала Р. Вайнхольд, который от имени заведующего научным отделом истории культуры и этнографии Центрального института истории АН ГДР проф. Х. Штробаха огласил приветственный адрес, в котором дана высокая оценка роли журнала «Демос» как одного из самых репрезентативных научно-информационных изданий, пропагандирующих достижения общественных наук, базирующихся на принципах исторического материализма и способствующих углублению международной кооперации социалистических стран, подчеркнута важность включения совместного издания журнала «Демос» в проект многостороннего сотрудничества между академиями этих стран.

Р. Вайнхольд сделал подробный отчет о деятельности объединенной редакции журнала за четырехлетний период (1982—1986 гг.), дал количественный и качественный анализ материала, опубликованного в выпусках журнала за эти годы, а также коснулся некоторых общих итогов многолетнего сотрудничества ученых социалистических стран в журнале с момента выхода.

О разносторонности содержания журнала, имеющего два раздела — «Рефераты» и «Хроника, отчеты и сообщения», сказал докладчик, можно составить представление уже по его рубрикации. Она охватывает почти все стороны этнографической и фольклористической проблематики. За годы существования было опубликовано 10 270 рефератов на книги и статьи, выходявшие в странах-участницах, и 340 статей, относящихся к разделу хроники, отчетов и сообщений. Большинство рефератов знакомят работами из области исторической этнографии и традиционного фольклора, некоторая часть — с методикой полевых исследований и вопросами этнографического музееведения. В последние годы расширилось реферирование работ общетеоретического характера. Большое внимание уделяется трудам по наиболее актуальной проблематике, отражающей исследования современных этнических процессов, разработку тем, раскрывающих процессы социалистических преобразований культуры и быта различных региональных и социальных групп. Все более в тематику реферирования включаются исследования по этносоциологии, этнопсихологии, этнической статистике и картографированию. Докладчик отметил также некоторые трудности в работе журнала и подчеркнул, что на его страницах происходит не только обмен информацией, но и документальное отражение научных достижений в области этнографии, фольклористики и смежных дисциплин.

От имени рабочей редакции журнала (Дрезден) выступила ведущий редактор Б. Эммерих. Ею были затронуты редакционные проблемы, связанные с критериями отбора реферируемой литературы и техническим оформлением рефератов. Член национальной редакции ГДР В. Фидлер в своем выступлении коснулся вопросов, связанных с транскрипцией и транслитерацией, и остановился на требованиях стандарта СЭВ, распространяющихся также и на издаваемый издательством АН ГДР в Берлине «Демос». Представитель издательства Академии наук ГДР В. Бек подчеркнул интернациональный характер издания и необходимость достижения поквартального выпуска журнала.

С отчетными докладами выступили представители всех присутствующих национальных редакций: ГДР, Болгарии, Венгрии, Польши, СССР, Чехословакии, Югославии. Состоялся обмен информацией о работе национальных редакций за истекший период 1982 г. период.

Выступившие далее участники конференции останавливались на следующих проблемах: отчет и анализ деятельности национальных редакций с ноября 1982 г. по сентябрь 1986 г.; сотрудничество между национальными редакциями и рабочей редакцией журнала; отражение научной деятельности и научных достижений в области этнографии, фольклористики и смежных дисциплин в «Демосе»; опыт и принципы выбора реферируемой литературы; технические и организационные сложности в деятельности национальных редакций; эффективность журнала «Демос». В центре внимания находились также вопросы направления работы журнала и актуализация тематики реферируемых трудов.

В докладе Советской национальной редакции (Л. М. Дробужева, В. Яковлева) было отмечено, что за четырехлетний период советской стороной подготовлено 316 реферативных статей на русском и немецком языках на работы этнических авторов, а также статьи для раздела хроники, отчетов и сообщений.

Ведущее место в деятельности советской национальной редакции занимает обзор от Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. За 4 года сотрудники Московской и Ленинградской части института написали 206 реферативных статей. Кроме того, в журнале отражается деятельность этнографических и фольклорных учреждений республиканских академий наук: Белорусской, Азербайджанской, Грузинской, еврейской и ряда филиалов Академии наук СССР и научных учреждений в автономных республиках — в Абхазской, Карельской, Татарской, Удмуртской, Башкирской, Чувашской, Мордовской, Марийской и Коми. От коллег из союзных и автономных республик было получено 110 рефератов.

Реферативные статьи советских авторов характеризуют труды, отражающие состояние теории науки по проблемам этноса в этнографии, а также ряд других теоретических, антропологических, культурных и расовых проблем на современном этапе.

Основной комплексной темой, которую разрабатывают советские этнографы, является изучение этногенеза, этнической истории, современных национальных, этнокультурных и этнодемографических процессов. В соответствии с этим мы стараемся наиболее широко представить темы, которые рассматриваются в тесной связи с проблемами формирования и развития социалистических наций и совершенствования национальных отношений в СССР, с проблемами интернационализма, с процессами развития современных этносов и их сближения, совершенствования культурно-бытовой сферы образа жизни народов СССР.

В последние годы советские ученые проводят широкие исследования, направленные на изучение современных этнических процессов в СССР и раскрывающие процессы социалистических преобразований культуры и быта различных групп населения. Все это нашло отражение на страницах журнала «Демос». Некоторые реферативные статьи посвящены работам, написанным по материалам конкретных этносоциологических исследований, проведенных в СССР, а также полевым исследованиям последних лет.

В процессе реферирования советская редколлегия пытается наиболее полно отражать такие темы, как: «Национальные традиции и совершенствование социалистического образа жизни»; «Народные традиции и современность (возможности и задачи культурного использования)»; «Семейно-бытовая сфера образа жизни народов СССР»; «НТР и современные национальные процессы»; «Этноэкономика (ускорение социально-экономического развития и национальные аспекты использования человеческого фактора)».

Должное место среди реферируемых работ занимают исследования по отдельным этнокультурным регионам СССР (по восточно-славянским народам, по народам Западной Европы, по народам Прибалтики, Поволжья, Приуралья и европейского Севера, по народам Кавказа), а также знакомящие с работами, публикуемыми в зарубежной тематике. Наиболее широко отражено состояние работ по материальной и духовной культуре, традиционной и семейной обрядности; также отображены обобщающие монографии и труды о народах или локальных группах различных народов.

Большое количество рефератов посвящено вопросам фольклористики. Одни из них связаны с работами теоретического характера, другие — с традиционным фольклором. Важное место среди реферируемых работ было отведено трудам по изучению быта и культуры общества, обобщающим исследованиям по истории народов СССР и истории зарубежных стран и регионов в рамках целевой комплексной программы «Общезаконности и специфические особенности развития общественных формаций», программам истории мировой культуры, включающим историко-этнографическое изучение культуры народов СССР и культуры народов зарубежных стран. Не остались без внимания также и работы источниковедческого характера.

В разделе «Хроника, отчеты и сообщения» содержится информация о конгрессах, конференциях, симпозиумах; некоторые статьи представляют собой очерки о научной деятельности крупных советских ученых. Таким образом, проведенный нами анализ реферативных статей по книгам и статьям советских этнографов, подготовленных за эти годы Советской национальной редакцией для журнала «Демос», показывает, что в этом органе отражается деятельность советских этнографов, направленная на разработку общетеоретических и фундаментальных проблем этнографии, свя-

занных с теорией этноса, марксистско-ленинской теорией нации и национальных отношений, становлением и развитием советского народа как новой исторической общности национальными, этнонациональными и этнодемографическими процессами в СССР зарубежных странах, а также других важных и актуальных проблем науки.

В результате обсуждения докладов и плодотворной дискуссии были высказаны некоторые предложения и пожелания. С советской стороны было предложено расширить информацию о нем за рубежом, в частности информировать о материалах журнала читателей таких изданий, как «Ethnologia Europaea», «Current Anthropology»; поставить информацию о деятельности журнала на международных конгрессах: во время III конгресса МОЭФЕ в Цюрихе в апреле 1987 г., а также на XII конгрессе МСЭ в Загребе в 1988 г., решено расширить обмен информацией об основных направлениях развития этнографической науки на страницах журнала, на уровне международных конференций объединенной редколлегии журнала, включая информацию о пятилетних планах исследований. Зарубежные коллеги внесли предложение о сокращении сроков реферирования, о расширении информации по работам в области смежных дисциплин. Л. Кунц (ЧССР) предложил расширить состав национальных редакций со стороны представителей смежных дисциплин. Б. Копчиньска-Яворска (ПНР) высказала предположение о помещении на страницах журнала информации о деятельности этнографических и других научных обществ, а также о введении авторизованных переводов заголовков работ на французском и английском языках. Х. Ложар-Подлог (СФРЮ) обратила внимание на важность информации о трудах, издаваемых университетами, музеями и предложила шире привлекать сотрудников самых различных научных учреждений в странах-участницах к сотрудничеству в журнале.

Почти все участники подчеркнули важность и актуальность информации о научной жизни в социалистических странах и необходимость более интенсивного ее освещения на страницах журнала «Демос».

Представительница национальной редакции Венгрии М. Погани передала приглашение Венгерской академии наук о проведении следующей конференции объединенной международной редакции журнала «Демос» в Будапеште в 1989 г.

На заключительном заседании были приняты следующие решения: одобрить деятельность национальных редакций за отчетный период; считать необходимым включать работу национальных редакций журнала в ежегодные планы институтов и в планы национальных академий наук; начиная с 1988 г. перейти к поквартальному выпуску журнала по четыре номера в год; в связи с этим осуществлять регулярное поступление материала по установленным нормам для участвующих стран (для СССР — 70 работ ежегодно); усилить информацию о научных событиях в целях повышения актуальности издаваемого журнала; принять предложение венгерской стороны.

На завершающем этапе работы конференции было подчеркнуто важное значение этой международной встречи, отмечено плодотворное сотрудничество ученых социалистических стран Европы, способствующее укреплению их научных контактов и установлению дружественных связей, и намечены конкретные планы и перспективы дальнейшей работы.

Благодаря обширному объему информации журнал «Демос» стал своеобразной хроникой развития тенденций в этнографии и фольклористике. Он обнаруживает математическую широту и глубину исследований, новую постановку проблем и междисциплинарных сплетений, являясь свидетельством постоянного развития нашей на

Т. В. Яков

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

Фольклорная экспедиция кафедры русской литературы Горьковского Государственного университета с 6 по 20 июля 1986 года работала в Городецком районе Горьковской области. В составе экспедиции было 30 студентов, лаборант Л. Е. Балыкина, фотограф Н. И. Фокеев, руководила

экспедицией доцент К. Е. Корепова. Цели экспедиции: изучение местной фольклорной традиции и современного состояния народного творчества.

Отряд фольклористов работал в составе комплексной экспедиции Горьковского университета: на той же территории

брали лингвистический материал диалектологи, в Городце вели раскопки археологи.

Участники фольклорной экспедиции побывали в 56 населенных пунктах Бриляковского, Смольковского, Ковригинского, Комухинского, Мошковского, Тимирязевского и Ягодно-Лесновского сельсоветов. Традиционный фольклор записан от 115 исполнителей преимущественно старше 60 лет.

Как и в предыдущие экспедиции, фольклор записывался в широком этнографическом окружении. Особое внимание было обращено на сбор материала по обрядам и обрядовой поэзии для дальнейшего картографирования. Сделано 14 описаний свадебного обряда, записано 26 свадебных песен, 13 свадебных приговоров при продаже «красоты» — елочки. Свадебного го-лошения здесь не было. Сделаны описания календарных обрядов (святочное ряжение, гадания, празднование масленицы и троицы, окликанье молодых, сбор трав и купание на Ивана-Купалу), записаны окликальные песни — «выюнишники» и семи-кая песня (всего 6 номеров). Сведения о похоронном обряде собирались по программе Института славяноведения и балканистики, скорректированной с учетом местных материалов. Записаны 4 похоронных причитания, сделаны снимки и зарисовки различных типов надгробных крестов.

В лирической традиции на обследованной территории преобладают песни литературного происхождения и романсы. Их записано 42 номера, традиционных лирических необрядовых песен — 25. В материалах экспедиции 728 частушек, 4 сказки, 9 легенд и преданий, 55 быличек, 30 произведений детского фольклора, 60 пословиц и поговорок, есть заговоры, приметы и др. Всего записано 1491 произведение.

Современное состояние народного творчества, место традиционной культуры в семейном и общественном быту, рождение новых обрядов фольклористы изучали на базе передового колхоза им. Куйбышева по специальной программе, составленной кафедрой фольклора МГУ. С той же целью изучался песенный репертуар жителей г. Городца. Опрошено 90 человек (65 женщин, 25 мужчин) следующих возрастных групп: до 15 лет — 6 человек, от 15 до 20 лет — 16, от 20 до 30 лет — 14, от 30 до 40 лет — 17, от 40 до 50 — 11, от 50 до 60 — 18, свыше 60 лет — 8 человек. Среди опрошенных преобладали рабочие, коренные жители районного центра и выходцы из деревень района, была представлена и интеллигенция (техническая и работники

культурно-просветительных учреждений). Программа опроса предусматривала фиксирование репертуара, выявление вкусов, отношение к песням различных групп (фольклорным, современным, эстрадным; профессиональным, созданным в народном стиле; жестоким романсам; частушкам и т. д.).

Записано свыше 20 самодеятельных песен демобилизованных советских солдат, выполнявших интернациональный долг в Афганистане; многие из них — переделки песен Великой Отечественной войны или созданы в их традициях.

Собранные материалы хранятся в фольклорном архиве кафедры русской литературы ГГУ.

К. Е. Корепова

* * *

В июле—сентябре 1986 г. в Монголии в соответствии с планом научного сотрудничества между АН СССР и АН МНР в рамках Комплексной Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции продолжал работу этнографический отряд в составе А. М. Решетова (нач. отряда) и Н. Л. Жуковской. Отряд включал две рабочие группы, последовательно выезжавших в заранее запланированные районы страны.

А. М. Решетов (Ленинград) с 1 июля по 18 августа совместно с монгольским этнографом Г. Батнасаном работал на территории Хубсугульского (сомоны Галт, Алаг-Эрдэнэ, Цагаан-Уул, Цэцэрлэг, поселках Ханх и Хатгал), а также Ара-Хангайского (Тариат сомон) и Дзавханского (г. Тосонцэнгэл) аймаков среди халха, урянхайцев, дархатов, бурятов и хотогойтов. Полевая работа, согласно плану, проводилась по теме «Современные этнокультурные процессы в МНР». Значительно уточнен этнический состав населения региона, конкретизировано его расселение, изучена в полевых условиях традиционная и современная культура. Особое внимание уделено наблюдению за трансформацией этнического самосознания в наши дни. В г. Тосонцэнгэл впервые начато изучение культуры и быта городского населения МНР. Собранный на территории полиэтнического по составу населения Хубсугульского аймака материал позволяет утверждать, что ведущим здесь является активно протекающий процесс завершения формирования единой монгольской нации на основе халха. Вместе с тем складывается впечатление, что родственный халха по языку дархатский этнос весьма активен, и в районах, расположенных к западу

от озера Хубсугул, параллельно на региональном уровне идут процессы дархатизации урянхайского, цаатанского и частично даже немногочисленного здесь халхаского населения. Например, ассимилированные им группы урянхайцев теперь причисляют себя уже к дархатам или сохраняют двойное самосознание, называясь дархат-урянхайцами. Иногда они еще помнят названия своих родовых подразделений, например, хулар, что свидетельствует об их принадлежности в прошлом к тюркскому миру. Удалось уточнить ареалы расселения урянхайцев, как сохраняющих еще хотя бы частично свой язык, так и полностью его утративших. Они повсеместно живут вокруг озера Хубсугул. Среди халха активно идет процесс культурной моногенизации этноса. Ценный этнографический материал собран также в аймачных музеях Мурэна и Цэцэрлэга и в центральных музеях г. Улан-Батора.

Н. Л. Жуковская (Москва) находилась в МНР с 11 августа по 20 сентября. Вместе с монгольским ученым Д. Тангадом она собирала материал по теме «Личность в традиционном обществе» в Алтай и Булган сомонах Кобдоского аймака. Объектом изучения были специально избраны компактные группы двух небольших западномонгольских народностей — захчинов и торгутов, чтобы на небольшом массиве апробировать новую программу сбора полевых материалов по теме «Тради-

ционное мировоззрение и представление личности у монгольских народов». Программа включала в себя следующие основные аспекты: этапы формирования личности, каналы и методы влияния традиционной культуры, возрастные классы, народная педагогика и труд, воспитание детей, взросление, освоение всего комплекса традиционных представлений о мире и человеке, превращение личности формирующейся в сложившуюся в дальнейшем в свою очередь эталоном, на который равняются представители всех последующих возрастных классов. Собранный материал, в частности, позволил установить наличие возрастных периодов в формировании личности в монгольском обществе, а также определенных отличий в одежде и бытовом укладе для каждого из них и др.

Для МАЭ собрана небольшая, но ценная этнографическая коллекция по традиционной культуре монгольских и тюркских народов Прихубсугулья (орудия рыбной ловли, резьба по дереву, предметы быта и культа).

Полевые материалы обеих рабочих групп этнографического отряда, включая дневники с записями, рисунки и фотографии после обработки поступят в архивы соответственно Ленинградской и Московской частей Института этнографии СССР.

А. М. Решет

НАРОДЫ СССР

Статистика в этнографии/Отв. ред. Пименов В. В. М.: Наука, 1985. 189 с.

Рецензируемый сборник — заметное явление в этнографии. Он объединяет статьи по ряду регионов, где ведутся подобные этнографические исследования с использованием статистических методов, в то время как более ранние издания в рамках данного направления были посвящены изучению отдельных этносов или регионов. Выделяется сборник и тематической направленностью: он посвящен в первую очередь методологическим и методическим вопросам данного направления в этнографии. Поэтому появление такого сборника предоставляет возможность для рассмотрения некоторых общих тенденций в развитии этнографии.

Главная методологическая проблема, на наш взгляд — соотношение теоретического и эмпирического уровней в этнографическом знании; ведь характерное для указанного направления в этнографии стремление к четкости выводов выявляет «болевые точки» во взаимодействии этих двух пластов науки. Данная проблема в явной или завуалированной форме присутствует в статьях каждого из двух структурных разделов сборника. Первый озаглавлен скромно — «Методика», но именно здесь помимо чисто методических вопросов рассмотрен ряд кардинальных методологических проблем современной этнографии. Второй раздел — «Исследования» — содержит изложение результатов изучения этнокультурных процессов с использованием статистических методов. Развитие теории этноса в последние годы настоятельно требует привлечения новых эмпирических данных. Однако традиционные этнографические исследования, опирающиеся на неформализованные или полужформализованные опросы небольшого числа информаторов, незаменимые в ряде случаев, далеко не всегда дают материалы, отвечающие требованиям развивающейся теории. Нетрудно понять причины такой ситуации. Теория этноса рассматривает закономерности взаимосвязей различных компонентов этноса, в то время как этнографа-полевика зачастую интересует какая-либо отдельно взятая сторона этнокультурного комплекса. Этнографические наблюдения обычно не позволяют проследить взаимосвязи между различными элементами этнокультурных комплексов, а также масштабы распространения того или иного этнокультурного явления. Преодолеть разрыв теории и эмпирии как раз и призваны статистико-этнографические исследования, опирающиеся на массовые стандартизованные обследования, оперирующие современными статистическими приемами анализа данных.

Но, как показывают материалы сборника, само по себе использование массовых данных и статистических методов не гарантирует теоретической значимости результатов того или иного исследования. Для этого необходимо, чтобы исследователь видел свою основную задачу именно в проверке теоретических гипотез. В целом авторы сборника делают значительный шаг в этом направлении. Однако в сборнике можно выделить статьи, в большей и меньшей степени ориентированные на теоретическое осмысление результатов исследования.

Одной из центральных методологических проблем системного анализа — соотношение синхронного и исторического подходов при системном изучении этноса — посвящена статья В. В. Пименова. В противоположность распространенному мнению, что системность анализа мешает выходу за рамки синхронии, автор приходит к выводу, что «исторический аспект рассмотрения выступает в системном исследовании в качестве необходимого и обязательного элемента» (с. 49). В то же время автор подчеркивает трудности методического и источниковедческого плана, неизбежно возникающие при изучении динамики таких сложных систем, как этнос. В. В. Пименов рассматривает и конкретные пути преодоления этих трудностей. Конечно, автору удалось решить далеко не все проблемы (что и невозможно сделать в одной статье). Однако уже сама постановка и анализ проблем и различных подходов к их решению представляют интерес для любого исследователя этнокультурных процессов, независимо от того, разделяет ли он общие исследовательские принципы автора.

Насколько эффективным может быть применение статистических методов при исследовании такой проблемы этнографической науки, как изучение структуры этнокультурного комплекса, показано в статье В. Ф. Вавилина и В. С. Кондратьева «Анализ структуры этнокультурных комплексов». Авторы исследуют один частный, на первый взгляд, вопрос: насколько тесно связан с этнической традицией такой элемент мате-

риальной культуры, как форма крыши сельского жилища. Действительно, не логи ли предположить, что форма крыши в каждом конкретном случае определяется не всею климатом, конструктивными особенностями жилища или, наконец, материалами кровли? Однако анализ результатов этнографического картографирования с помощью методов ранговой корреляции показал, что «формирование крыши в мордовском жилище в значительной степени определяется этническими традициями. Это в свою очередь дает... возможность считать форму крыши этнодифференцирующим признаком жилища, так как в данный момент она объективно отличает одну этнографическую группу мордвы от другой» (с. 30). Этнические традиции в строительстве, хотя и сформировались под влиянием экологических и экономических факторов, в настоящее время приобрели самостоятельное значение и поэтому оказываются относительно независимыми как от климатических условий, так и от наличия тех или иных строительных материалов. Таким образом, с помощью статистических методов получен ответ на главный для теории этноса вопрос о вхождении или невхождении конкретного этнокультурного комплекса.

Примером того, как четкая постановка теоретической проблемы исследования в сочетании со статистическими методами анализа приводит к значимым для теории этноса выводам, служит статья Г. В. Старовойтовой, посвященная методике изучения образа жизни и написанная по материалам этносоциологического опроса населения Татарской АССР, а также этнодисперсной группы татар Ленинграда. По утверждению автора, «в основе исследования лежала гипотеза о существовании различий в структурно-потребительских групп у русских и татар одинаковой социально-профессиональной принадлежности, обусловленных различием путей этнокультурного развития татар и русских в длительной исторической перспективе» (с. 78).

Анализ статистических зависимостей позволил сделать вывод о большом многообразии внепроизводственной деятельности русского населения Татарской АССР по сравнению с татарским. Автор объясняет это большим единством национальных традиций более унифицированной по сравнению с русскими структурой культурных навыков татар в данном регионе (с. 82). Вместе с тем Г. В. Старовойтова, на наш взгляд, далеко не полностью использует аналитические возможности, заложенные в использованных методах. Так, более тесная статистическая взаимозависимость различных сторон образа жизни у татар по сравнению с русскими говорит не о меньшей вариативности образа жизни у коренного населения республики, но о более четкой поляризации у двух типов внепроизводственной деятельности.

Принципиальное значение для теории этноса имеет методика изучения этнической среды и межэтнических контактов по материалам статистики. Этим вопросам посвящена статья В. С. Кондратьева. Автор оригинально использует обычные методы статистики, чтобы выявить влияние особенностей социального состава, образовательного уровня, расселения национальностей на этноконтактную среду на примере Поволжья и Приуралья. В статье показано, какие большие возможности открывает применение статистических методов для изучения межэтнических контактов по материалам даже такого относительно бедного информацией источника, как переписи населения.

В статьях первого раздела разносторонне представлены источники статистико-этнографических исследований. Так, в упомянутой работе В. Ф. Вавилина и В. С. Кондратьева использованы материалы статистического картографирования. С источниковедческой точки зрения большой интерес представляют статья Л. С. Христолюбовой с опытом применения метода экспертных оценок в этнографии, а также работа В. К. Малковой, основанная на материалах республиканской прессы.

Исследования, представленные во втором разделе, охватывают различные регионы страны (Прибалтику, Карелию, Алтай, Поволжье, Белоруссию) и широкий круг проблем — изучение семейной обрядности, пищи, традиционного жилища, народной и профессиональной художественной культуры. В этом разделе проблема соотношения теоретического и эмпирического уровней этнографической науки выступает особенно рельефно.

В статье М. Я. Устиновой, посвященной семейным обрядам в жизни молодежи малых городов Латгалии, показано, что молодым людям больше известны свадебные обряды — родильные обряды, в меньшей степени — похоронные. Интересно, что, в данном опросе, проведенного В. В. Пименовым в 1968 г., среди удмуртов такой закономерности не наблюдается; более того, городские удмурты, в том числе и молодежь, более ясно представляют как раз похоронные обряды, которые в определенной степени консолидируют родственные и земляческие круги общения в городе¹.

Таким образом, статистический подход, основанный на формализованных методах, значительно облегчает и делает более надежным межрегиональное сравнение результатов исследований, что также очень важно для развития теоретической этнографии. Интересен сделанный М. Я. Устиновой вывод о том, что осведомленность о различных обрядах не зависит от основных социально-демографических характеристик индивида, в то время как бытование обрядов заметно различается по возрастам, а отношение к обрядам — по социально-профессиональным группам населения.

Много полезной информации о протекании этнокультурных процессов содержится и в других статьях сборника. Так, например, работа Т. П. Федянович посвящена распространению традиционной свадебной обрядности в различных социально-демографических группах населения.

¹ Пименов В. В. Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л., 1977. С. 11.

ческих и этнографических группах мордвы. Н. И. Шатинова проанализировала бытование обычаев избегания и гостеприимства у современных алтайцев, а также их отношение к этим обрядам.

Р. А. Григорьева на материалах опроса белорусского сельского населения Латгалии показала, что даже такой, казалось бы, уходящий в прошлое элемент этнической культуры, как национальная кухня, может оказаться «в фокусе» национального самосознания, особенно среди интеллигенции (с. 138).

Анализ основных конструктивных элементов жилища по материалам Межозерья — одной из этнографических зон Северо-Запада РСФСР — позволил З. И. Строгалышиковой доказать, что в основе типологии жилища должна лежать конструктивно-плановая схема дома, так как этот фактор в значительной степени определяет и другие элементы постройки.

Статьи Е. И. Клементьева и И. А. Мардосы, замыкающие сборник, можно отнести скорее к этносоциологическим, чем к этнографическим. В первой из них описывается межпоколенная динамика некоторых характеристик культурного облика карельского городского населения Карельской АССР по материалам обследования 1972 г. Для работы И. А. Мардосы, посвященной процессам приобщения литовского сельского населения к изобразительному искусству, характерен социально-проблемный подход к изучению проблемы. Отмечая в целом позитивный характер этого процесса, автор вместе с тем выделяет ряд нерешенных проблем. Главная из них — значительная дифференциация в потреблении культурных ценностей в различных социально-профессиональных группах. Так, например, высококачественные художественные произведения приобретаются, по данным автора, в основном семьями квалифицированных работников, сельской интеллигенции; в то же время «и среди сельских жителей, и среди горожан имеется тенденция вложить капитал в более престижные, по их мнению, вещи, характеризующие состоятельность семьи (хрусталь, сервизы и проч.)» (с. 183). Большое практическое значение имеет полученный автором вывод, что «ценностные ориентации населения больше направлены не на профессиональное искусство, а на современные национальные формы, в чем-то продолжающие традиции народного искусства» (с. 185). Этот вывод мог бы дать возможность более целенаправленно развивать предприятия художественного промысла в республике. Получить целостную картину указанных ориентаций по всем слоям сельского населения республики было бы невозможно без использования массовых источников и статистических методов их анализа. Таким образом, на примере данной статьи раскрывается еще одна положительная сторона статистического подхода к этнографическим исследованиям — более широкая возможность изучения практически значимых массовых процессов в развитии этнической культуры.

Из сказанного ясно, что большинство статей сборника содержательно и информативно. Вместе с тем значимость перечисленных исследований для развития теоретической этнографии могла быть значительно выше, если бы их авторы целенаправленно стремились к верификации теоретических гипотез, не ограничиваясь описанием статистических распределений. В основном это замечание относится ко второму разделу сборника. Однако неопределенность теоретических ориентаций в ряде статей сборника — скорее неизбежная «болезнь роста» статистических исследований в этнографии, чем ее «врожденный порок». Думается, все интересующиеся развитием этнографии и этносоциологии получили очень полезную работу, которая, несомненно, окажет заметное влияние на развитие этих научных дисциплин.

А. А. Сусоколов

С. Ш. Гаджиева. Семья и брак у народов Дагестана в XIX — начале XX в. М.: Наука, 1985. 358 с.

Изучение семьи и семейного быта народов Дагестана имеет давние традиции. Однако несмотря на целый ряд интересных трудов по этой проблеме, многие ее аспекты еще не исследованы полностью.

В рецензируемой монографии автор поставил целью рассмотреть семейный быт не по отдельным дагестанским этносам, как это имело место в предшествующих работах, а на общедагестанских материалах.

Монография С. Ш. Гаджиевой — многоплановый труд, в котором прослеживаются общие закономерности и специфические особенности развития дореволюционной семьи, форм семейного быта и семейной обрядности народов Дагестана. Основываясь на обширных архивных, литературных, фольклорных и прежде всего лично собранных полевых этнографических материалах, автор анализирует большой круг вопросов — от социальных и социально-психологических основ семьи, численного и поколенного ее состава, хозяйственных и общественных функций до общественно-правового и семейно-правового положения членов семьи. Часть монографии занимает детальная характеристика семейной обрядности. Изучая общее в семейном быту народов Дагестана, автор выявляет также локальные особенности в развитии семьи отдельных этносов этого региона, обусловленные характером их исторического развития.

Структурно монография включает Введение, пять глав, список информаторов, список сокращений. Работа иллюстрирована photographиями и рисунками, объединенными в 17 таблиц.

Хронологически исследование охватывает в основном XIX — начало XX в. В работе нередко экскурсы в предшествующие исторические периоды. В пятой, заключительной главе кратко характеризуются социалистические преобразования семейного быта дагестанских народов.

Три основные главы монографии (со второй по четвертую) посвящены трем основным и недостаточно разработанным на кавказских материалах проблемам: неразделенной (с. 24—85) и малой семьям (с. 85—143), семейным обычаям и обрядам (с. 143—345). Первая глава содержит обобщенную социально-экономическую характеристику Дагестана в XIX — начале XX в.

Исследуя неразделенную семью (глава вторая), автор рассматривает причины сохранения или распада как в условиях высокогорного, так и равнинного Дагестана. С. Ш. Гаджиева возражает против довольно распространенного в кавказоведческой литературе мнения, согласно которому степень сохранности неразделенной семьи была большей в высокогорных районах. Автор справедливо считает, что ее стабильность была большей в равнинной зоне. Этому способствовали некоторые хозяйственные социальные особенности равнины: трудоемкость земледельческих работ, орошение, разведение крупных хозяйств, этнические традиции местного субстрата, возможно и чечников.

В третьей главе монографии рассмотрена малая семья, ее генезис, прослежена тесная связь с неразделенной семьей. В малой семье, как и в неразделенной, внутрисемейные отношения характеризовались значительной патриархальностью. Вместе с тем в малых семьях (главным образом в горных селах) уже во многом отличался от патриархального быта неразделенной семьи. Так, более самостоятельной семья стала в хозяйственном отношении, и, поскольку основные работы выполнялись женщиной, она обрела в семье большие права, возросла ее роль как хозяйки и матери. Эта ситуация менялась в равнинных селах. Здесь в пореформенный период некоторая механизация сельского хозяйства, наличие дешевой рабочей силы привели к меньшей занятости женщины в хозяйстве, что меняло ее статус в семье.

В этой главе интересен специальный раздел, посвященный традиционному воспитанию детей в дагестанской семье. Автор акцентирует внимание на трудовом воспитании, прослеживая особенности воспитания мальчиков и девочек. Важным в воспитании горцев всегда было воспитание чувства патриотизма, верности, мужества, уважения к старшим и немоощим. Вместе с тем С. Ш. Гаджиева отмечает, что гипертрофированные традиции уважительности способствовали возникновению своего рода пропасти между старшими и младшими, сковывали инициативу младших, вырабатывали в них определенную инертность, что более всего было характерно для женской части населения.

Часть этого раздела освещает обычай аталычества, распространенный в XVIII—XIX вв. в феодальной среде, особенно в равнинном Дагестане. Хотя объем этого исследования невелик (всего несколько страниц), тем не менее обращение автора к обычая аталычества на дагестанских материалах представляется интересным, поскольку такие материалы обобщены и проанализированы в кавказоведческой литературе впервые.

Четвертая глава работы посвящена циклу семейной обрядности — свадебной, похоронной. Здесь же исследуются (хотя и не так детально) традиции обычаев гостеприимства, куначества и кровной мести. Во всех разделах данной главы конкретное изучение этнографических материалов конца XIX — начала XX в. сочетается с анализом истоков существующих явлений, предшествующих форм, их генезиса с истолкованием многих явлений и институтов брака и свадьбы. Так, оформление брака в доме невесты, пребывание ее после обручения в отцовском доме, вступление в супружеские отношения, происходившие там же, рассматриваются автором как реликт матриликального брачного поселения (с. 174, 218—219).

Очень широко и в целом удачно в этой главе привлечен обрядовый фольклор С. Ш. Гаджиева демонстрирует отличное его знание и умелое использование в исследовательских целях.

Один из разделов этой же главы посвящен характеристике калыма, кебина и приданого (с. 177—190). Автор дал свою интерпретацию многих аспектов этой проблемы. Удачно прослежена трансформация названных социальных институтов во второй половине XIX — начале XX в., когда грань между калымом и кебином почти стирается и постепенно калым видоизменяется в кебин. Происходил и другой процесс. С разложением неразделенной семьи усиливалась тенденция к сокращению калыма и увеличению приданого. В малой семье калым все более отождествлялся со свадебными расходами и приданым.

Несомненный интерес представляет раздел «Гостеприимство, куначество, кровная месть» (с. 312—344). Автор показывает социальную сущность этих институтов, роль гостеприимства и куначества в хозяйственной и политической жизни, значение в развитии контактов с другими народами, в том числе с русскими.

Как всякий многоплановый фундаментальный труд, монография С. Ш. Гаджиевой не лишена некоторых недочетов. За рамками исследования остались некоторые важные вопросы, которым, видимо, следовало бы уделить большее внимание, например генезис обычаев аталычества, кровной мести. Слишком категорично устанавливает автор прямую зависимость процесса распада большой семьи и отходничества. Нередко кумыкский этнографический материал экстраполируется на весь Дагестан.

В заключение хочется подчеркнуть, что монография С. Ш. Гаджиевой представляется несомненным вклад в этнографическое дагестановедение, в изучение сложной и актуальной проблемы семьи и семейных отношений.

М. О. Османов, А. Р. Шихсаидов

Э. В. Померанцева. Русская устная проза/Сост. Смолицкий В. Г. М.: Просвещение, 1985. 272 с.

Самая точная оценка рецензируемого сборника дана в его предисловии, написанном акад. Д. С. Лихачевым: «Книга учит..., каким должен быть исследователь фольклора». Значение личности Э. В. Померанцевой для фольклористики вовсе не исчерпывается научными работами, написанными ее рукой и опубликованными под ее фамилией. Неоценимый вклад в развитие науки о народном творчестве она внесла своим благотворным влиянием на других, редким даром объединять людей общей целью, заботой о выяснении научной истины. Для многих советских фольклористов, работающих в разных республиках и городах СССР, Э. В. Померанцева — учитель. Ее учениками называют себя не только те, кому посчастливилось быть ее студентами и аспирантами, авторами отредактированных ею работ, но и многие другие, которых заразили ее идеи и увлеченность наукой. До последних своих дней Э. В. Померанцева пристально следила за поисками своих учеников, радовалась их успехам, поддерживала, поправляла и спорила. Глубоко символично, что ее посмертная книга обращена к молодежи — к будущим филологам. Составитель сборника В. Г. Смолицкий и издательство «Просвещение» заслуживают признания и от фольклористов — за новую встречу с работами Э. В. Померанцевой.

В сборнике нашли отражение работы Э. В. Померанцевой, обращенные к специалистам по фольклору и этнографии (ее доклад на V Международном съезде славистов, главы из монографий «Судьбы русской сказки» и «Мифологические персонажи в русском фольклоре», статьи, опубликованные в научных сборниках), а рядом представлены отрывки из книги, которая ею была написана для широкого круга читателей. Нам представляется, что такое совмещение вполне закономерно, так как научное исследование фольклора и его популяризация органично слились в деятельности Э. В. Померанцевой. Занимаясь любой проблемой, она опиралась на свой поистине огромный опыт собирателя фольклора, на впечатления от общения со многими рассказчиками, на наблюдения жизни народных произведений и стремилась уяснить, что самое ценное в этом наследии, что и сейчас, и в будущем может служить духовному обогащению советских людей. До широкого читателя она доносила результаты научных изысканий, не снижая теоретического уровня изложения, в доступной форме раскрывала сложность и глубину фольклорных явлений. Так современным людям возвращалась древняя народная культура. Э. В. Померанцеву занимало использование фольклора в профессиональном искусстве и литературе (ее работы по этим проблемам, не вошедшие в рецензируемый сборник, также заслуживают внимания как фольклористов, так и писателей).

В сборнике представлены исследования, посвященные русской народной прозе — главной области научных интересов автора. Занимаясь этой тематикой, Э. В. Померанцева обогатила советскую фольклористику новыми идеями и новыми приемами изучения, одной из первых ставила вопросы, в решение которых включились затем многие исследователи. Нам хочется обратить внимание лишь на некоторые идеи сборника «Русская устная проза», подхваченные многими фольклористами и, бесспорно, плодотворные для развития науки.

Для Э. В. Померанцевой как ученого характерно историческое и диалектическое мышление: фольклорные явления она всегда рассматривала в развитии, чутко улавливала их внутренние противоречия, взаимосвязь и взаимообусловленность. Она полагала, что творческая жизнь сказки продолжается до тех пор, пока произведение живет в репертуаре народных исполнителей. Это мнение основано на многочисленных наблюдениях, сделанных во время экспедиций, на знании множества вариантов одного и того же сюжета — не только опубликованных, но и обнаруженных в архивах. На той же прочной основе реальных фактов сделаны и выводы об изменчивости сказок и их одновременной стабильности, о соотношении в них индивидуального и коллективного начал. В работах Э. В. Померанцевой сказки предстают как живые организмы, тесно связанные с жизнью создавшего их народа, отражающие ее изменения. На конкретных примерах показывая новации отдельных сказочников, отпечаток их личности, индивидуальные особенности стиля, Э. В. Померанцева одновременно ощущала и ту основу, без которой немыслима дальнейшая жизнь произведения, основу, которая проявляется во всех вариантах, не вышедших из-под контроля еще живой традиции.

В связи с этим вполне естественным и закономерным выглядят повышенный интерес исследовательницы к проблеме варианта, высокая оценка каждой новой записи фольклорного произведения. Такая позиция последовательно выдержана не только в ее сказковедческих работах, но и в поистине научном подходе к собиранию сказок и фольклора вообще, в комментировании изданных ею текстов.

Э. В. Померанцева не замыкалась на русском или славянском материале. Расширению тематики способствовали хорошее знание европейских языков, постоянное общение и обмен информацией с фольклористами союзных и автономных республик, зарубежными коллегами. Сопоставительный анализ множества разноразличных текстов — вариантов одного сюжета сказки о неверной жене — позволил автору наглядно и убедительно продемонстрировать сходство и различие произведений мирового фольклора

и сделать теоретический вывод о тесном взаимодействии национального и интернационального начал в устной художественной прозе.

Развивая идею А. Н. Веселовского о двустороннем характере столкновения и национальных традиций, Э. В. Померанцева рассмотрела сложные процессы взаимодействия сказок народов Поволжья и их отношения с русской сказочной традицией. Определяя место сказок в национальной культуре (огромные знания разностороннего фольклорного и этнографического материала дали возможность автору по достоинству оценить плодотворность идеи П. Г. Богатырева о необходимости изучения этнографических фактов с точки зрения их функций), она убедительно показала, что фольклор способствует сближению духовных культур разных народов и, таким образом, существенно влияет на этнические процессы.

Э. В. Померанцева одной из первых в русской советской фольклористике обратилась к мифологическим представлениям русского народа, широко отразившимся в называемых быличках и бывальщинах. Тщательно собрав не только развернутые вестования о встречах человека с «нечистой силой», но и разные суждения и сведения о леших, домовых, русалках и пр., исследовательница выявила круг мифических образов, описала, как они предстают в видении народа в разных этнографических регионах России, и — что особенно ценно — наметила признаки, которые роднят и отличают персонажей несказочной прозы с персонажами сказок. Вывод о том, что одновременно мифические персонажи в сказках и мифологических сюжетах все-таки весьма сильно различаются, как нам кажется, еще недостаточно учитывается исследователями, извлекающими сведения о мифических существах из контекста произведений разных жанров и строящими свои гипотезы на этом разнородном материале.

Выводы о закономерностях функционирования фольклорных произведений, к которым Э. В. Померанцева пришла на материале сказок, другими советскими учеными примерно в то же время были сделаны на материале иных жанров. Понимание диалектического единства противоречивых тенденций (стабильности и вариативности, коллективного и индивидуального, национального и интернационального начал) стало советской фольклористике общепринятым. Такое понимание способствовало и, можно с уверенностью сказать, будет способствовать и в дальнейшем более глубокому изучению истории отдельных жанров и всего фольклора в целом. Диалектическое развитие сказок раскрывается авторами, пользующимися иной методикой, — это лучшее подтверждение положения Э. В. Померанцевой о том, что сказки сохранились до наших дней благодаря их постоянному развитию.

Даже этот беглый перечень наиболее важных аспектов научного наследия Э. В. Померанцевой говорит о том, что автор работ, представленных в сборнике «Русская устная проза», принадлежит к числу ученых, заложивших теоретическую базу советской фольклористики.

Б. П. Кербер

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Фернан Бродель. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв. Т. I. Структуры повседневности: возможное и невозможное/Перевод Куббля Л. Е. Вступит. статья и ред. Афанасьева Ю. Н. М., 1986. 622 с.

Появление на русском языке первого из трех томов капитального труда выдающегося французского историка Фернана Броделя — заметное и отрадное событие в нашей интеллектуальной жизни. Советский читатель получает возможность познакомиться одним из крупных достижений французской исторической школы нашего времени, к которой, вне сомнения, представляет собой влиятельнейшее направление в зарубежной немарксистской историографии. Достаточно напомнить, что ее основатели — великие французские историки первой половины века Марк Блок и Люсьен Февр, последователем и продолжателем дела которых (в особенности Февра) и был Бродель. После Февра (скончавшегося в 1956 г.) Бродель занимал главенствующее положение в исторической науке и, более того, собственно, во всей сфере гуманитарного знания в Франции. Это положение определялось его высоким научным авторитетом, его капитальными трудами, во многом наложившими отпечаток на стратегию научных исследований в области истории в этой стране и далеко за ее пределами. Его книга «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II»¹ вскоре после ее выхода в 1949 г. сделалась классикой историографии. Ряд теоретических и методологических положений, сформулированных Броделем, обнаружил значительную плодотворность в трудах его последователей и учеников.

Таким образом, издательством «Прогресс» выбрана для перевода не случайная книга, а своего рода эталон научного исследования в области истории, и этот выбор нужно приветствовать. В обстоятельной и интересной вступительной статье Ю. Н. Афанасьева даны всесторонний анализ и оценка всего творчества Броделя, а также и приведенного первого тома (два других готовятся к изданию), и я не нахожу ниче

¹ Braudel F. La Méditerranée et le Monde méditerranéen de Philippe II. P., 1949.

лучшего, как отослать читателя к этому введению для ориентации в творчестве скончавшегося в 1985 г. патриарха французской историографии.

Читатель «Советской этнографии» вправе задать вопрос: каково отражение в труде Броделя тех сторон исторической жизни, которыми занимается этнография? Премущественно под этим углом зрения мне и хотелось бы рассмотреть первый том; возможно, более близкий по содержанию к этим сюжетам. Ибо как раз в первом томе в центре внимания ученого «структуры повседневности», та бытовая сторона жизни, в которой яснее всего проявляются традиции, обычаи, национальные и иные стереотипы поведения. В самом деле, большинство из восьми глав тома посвящено бесспорно этнографическим темам: народонаселение и его флюктуации на протяжении указанного в заглавии периода (гл. 1), его питание (гл. 2 и 3), такие бытовые аспекты жизни, как жилой дом, интерьер и костюм (гл. 4), город с его населением и локальным своеобразием, процессы урбанизации (гл. 8). Но и остальные главы — о состоянии техники и революции в ней (гл. 5 и 6) и денежного обращения (гл. 7) — также отнюдь не чужды этнографии. Все аспекты повседневной жизни человека в мире переходной эпохи от средневековья к новому времени рассмотрены Броделем на основе огромнейшего, разнообразнейшего материала, львиная доля которого извлечена ученым из архивов и впервые представлена специалистам и другим читателям. Уже в том, что Бродель поднял целый пласт новых источников, заключается его большой научный подвиг.

Неотъемлемой частью книги, существенно помогающей понять ее содержание, служат графики, схемы и карты, которые, как и иллюстрации, позволяют визуально приблизиться к человеку и его окружению. Наконец, необходимо отметить высокое качество перевода, осуществленного Л. Е. Куббелем: изящество стиля ученого — неотъемлемая черта всех лучших произведений французских историков — адекватно передано в переводе.

Как видно уже из беглого перечня тем, рассматриваемых в книге, в центре внимания автора — явления и структуры, подверженные по большей части медленным изменениям, происходящим исподволь и заметным лишь при изучении их в большой временной протяженности, в той самой *longue durée*, понятие которой было введено в историческое исследование тем же Броделем и в немалой степени обогатило современную историческую мысль (об ограничениях, которые здесь существенно было бы внести, см. вступительную статью). Бродель развертывает широчайшую панораму повседневной жизни мира в указанную переходную эпоху, ее медленное, порой незаметное движение, прерывающееся время от времени и в определенных точках более быстрыми переменами и катаклизмами. Каковы соотношения и связь этого бытового пласта исторической действительности со сменой и развитием социально-экономических структур (формаций, как сказали бы марксисты, — понятие, которое Броделю чуждо)? Об этом мы надеемся узнать из последующих томов². Пока же хотелось бы поставить другой вопрос, более непосредственно относящийся к содержанию первого тома: каким образом в «структурах повседневности», которые определяли, по мысли Броделя, то, что было возможно для человека и общества, и то, что оставалось за пределами их возможностей, проявлялись поведение человека, структура его личности, потенции ее обнаружения? Мне думается, что быт представляет интерес как раз в этом плане — плане социально-психологическом.

Иначе говоря, возможно ли от внешних проявлений, деталей, аксессуаров быта, от всего неисчислимо богатого анализа «структур повседневности» перейти к пониманию личности, внутреннего ее ядра и ее отношения к другим личностям? Вот в чем, мне кажется, заключается главный вопрос.

Возьмем один пример. Изучая то, как питалось население Европы в XVI—XVIII вв., Бродель уделяет немалое внимание среди других вопросов также и сервировке стола и застольным манерам и приводит интересный конкретный материал. Мы узнаем, что ели европейцы, как ели, как приготавливалась и подавалась на стол пища, каков был рацион знати и просто народа и многое другое; при чтении некоторых страниц его образной и насыщенной фактами прозы «слюнки текут»; в других случаях современный читатель скорее подивится вульгарности и нецивилизованности тогдашних гурманов. Вот, скажем, судьба вилки. Старинным инструментом была большая двузубая вилка, которой пользовались при приглатывании блюд, и ею же подавали мясо гостям. Но вилка столовая, индивидуальная, восходит, по наблюдению автора, «в общем, к XVI веку», причем на протяжении долгого времени к ней либо относились с предубеждением, либо неумело ею пользовались; так было и во времена Монтеня, и еще при дворе Людовика XIV — держать мясо пальцами было удобнее и привычнее; отсюда необходимость салфеток и послеобеденного омовения рук (см. с. 222—224, ср. с. 40 и др.).

Или другой пример. Бродель собрал огромный фактический материал, характеризующий жилищные условия, интерьер, устройство и обстановку домов людей разных стран в изучаемый период. Понимание комфорта, естественно, отличалось от нынешнего. В частности, тогдашний человек практически почти вовсе не имел возможности уединиться, обособиться от ближних: общие спальни для людей обоего пола и даже кровати, в которых спали по двое и по трое (как и общие для обоих полов бани); от детей не были скрыты даже сексуальные отправления взрослых; примитивные, на наш взгляд, санитарно-гигиенические условия... Удовольствуется ли современный историк высокочерным соображением, что те люди стояли в своем развитии «на более низкой ступени», нежели мы? Разумеется, всегда интересно узнать, как люди жили в далеком прошлом. Но хотелось бы вдуматься в смысл, таившийся за их бытом.

² Постановкой этого вопроса открывается недавно появившаяся книга советского историка-античника Г. С. Кнабе «Древний Рим — история и повседневность» (М., 1986).

И здесь вспоминается другая книга, пережившая своего рода «бум» в науке почти одновременно с книгой Броделя (хотя написанная намного ранее), — книга немецкого социолога и историка Норберта Элиаса «О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования»³. Кстати, Элиас принадлежит к тому же поколению, что и Бродель.

Элиас связывает изменения в способах бытового поведения западноевропейцев, происходившие в те же столетия, которые рассматривает Бродель, со сдвигами в структуре человеческой личности. Анализ стандартов поведения, норм и барьеров стыдливости, т. е., открывающихся именно в быте, указывает путь к познанию тех психических процессов, в которых находят невольное выражение самосознание и самоощущение человеческой личности. «Цивилизация», по Элиасу, есть прежде всего процесс установления индивидом контроля над своей эмоциональной жизнью и обуздания аффектов, процесс, который происходил в обстановке перестройки социальных отношений и структуры общества. Элиас специально останавливается на застольных манерах, но они его занимают не сами по себе. В том, что люди средних веков и начала нового времени ели преимущественно руками или с помощью ножа, вынимая мясо из общей миски и нередко возвращая в нее недоеденные куски или обглоданные кости, пили вино или пиво из обходившего стол кубка, не обтирая при этом губ, а суп хлебали из одного горшка, проявляется вовсе не их невоспитанность, а нечто глубокое, запятанное в структуре человеческой личности.

В контексте подобного анализа столовая вилка перестает быть только предметом обихода, который медленно и с трудом внедрялся в европейский быт, и приобретает значение некоего индикатора ментального хабитуса европейца XVI в. Элиас показывает, как новые манеры, возникавшие в аристократическом кругу и служившие знаком куртуазности и престижа, распространились в более широкой среде, в частности буржуазной. Изменение привычек и моделей поведения диктовалось не рациональными соображениями (гигиеническими и т. п.), а причинами социальными и социально-психологическими. Эмоциональная жизнь в тот период была структурирована на свой лад, и в то время не существовало «невидимой стены аффектов, отделяющей одно человеческое тело от другого»⁴. Потребность в «приватизации» и «интимизации» естественных отправления человека — продукт исторического развития, и в начале этого периода еще отсутствовали те четкие грани между индивидами, которые постепенно воздвигаются к концу его. И точно так же констатация особенностей жилья, в частности отсутствия возможности уединения для индивида, — ценное с точки зрения исследователя социально-исторической психологии свидетельство самоощущения человека, который, по-видимому, не испытал неодолимой тяги к тому, чтобы остаться наедине с самим собой. Иной быт — показатель иной структуры человеческой индивидуальности и иной структуры межличных отношений.

Таким образом, оказывается, что от «структур повседневности» возможен переход к структурам личности. Иными словами, возможно, а следовательно, необходимо углубление проблематики исследования от уровня феноменологического описания быта к уровню культур — антропологическому, на котором в центре внимания стоит человек в своей исторической конкретности. Его быт, вся его повседневная жизнь бросают свой ответ на него и в свою очередь оживают и обретают целостный смысл в зависимости от внутренней структуры личности.

Этого шага Бродель не делает. Читатель повергнут в известное недоумение. Дело в том, что план анализа, о котором сейчас шла речь, теснейшим образом связан с изучением ментальностей, т. е. со вторжением в «заповедное поле» школы «Анналов», возглавлявшейся после смерти Февра самим Броделем. Как объяснить то, что метр не прибег к тому самому методу, которому следуют ныне многочисленные историки этого направления и которому следовал его учитель Февр? Пафос работ Э. Леруа Ладюра Ж. Ле Гоффа, Ж. Дюби и других ученых, при всем индивидуальном своеобразии каждого из них, заключается в том, чтобы за жизненным разнообразием внешних факторов разглядеть потаенные, невыговоренные структуры сознания и обусловленного им поведения людей. Подобного пафоса не чувствуется в рецензируемом труде. Я не готов объяснить этот парадокс, но не могу не припомнить того, что в последний период своего творчества Бродель, оставаясь членом директората «Анналов», отвернулся от журнала, заявив, что он стал ему чуждым, и произошло это именно в тот период, когда группирующиеся вокруг «Анналов» ученые со все большей интенсивностью и результативностью стали разрабатывать ментальную историко-психологическую тематику.

«Монблан фактов» налицо, фактов разнообразных, интересных, организованных для демонстрации процесса постепенного накопления того нового в мире, что в конце концов привело к созданию материальной цивилизации капитализма. Но, видимо, рискованно до конца развязывать изучение цивилизации и культуры, материи и духа, быта и человеческой личности. Рискованно, ибо в реальной истории они были соотнесены сплетены, являли собой разные ипостаси противоречивого и многоликого целого. Как справедливо пишет Бродель, материальная жизнь — «это люди и вещи, вещи и люди» (с. 41). Но поведение людей невозможно объяснить при посредстве самой широко

³ Elias N. Über den Prozeß der Zivilisation. Soziogenetische und psychogenetische Untersuchungen. Frankfurt am Main, 1981—1982. Bd. 1—2 (книга впервые издана 1936 г., однако стала пользоваться известностью и признанием лишь в 60-е годы).

⁴ Ibid. Bd. I. S. 89.

⁵ См. мою статью «Этнология и история в современной французской медиэвистике (Сов. этнография, 1984, № 5).

демонстрации вещей, их окружающих и ими созданных. Силы инерции, действовавшие в переходном обществе XV—XVIII вв. («невозможное»), — это не только внешние факторы, на которые наталкивались люди в своей деятельности, это и силы инерции, таившиеся в самом человеке. Не существенно ли это дополнение как при анализе мира, каким он был три — пять столетий назад, так и при попытке понять наш собственный мир?

А. Я. Гуревич

В. А. Житомирский. Апартеид по-британски. М.: Мысль, 1985, 240 с., ил.

Расизм становится все более острой проблемой в странах Западной Европы, и в частности в Великобритании. Сообщения о различных фактах дискриминации «цветных» в этой стране, об их выступлениях против эксплуатации, преследований, надругательства над их национальным и человеческим достоинством в последние годы практически непрерывно появляются в британской прессе, в средствах массовой информации многих стран мира. Осветить различные аспекты положения этих париев «демократического» британского общества — такую цель поставил перед собой В. А. Житомирский в рецензируемой книге. Автор — журналист-публицист, и свою задачу он решает в присущей ему профессиональной манере. И тем не менее я беру на себя смелость утверждать, что по уровню разработанности материала, по серьезности освещения многих вопросов книга вполне может быть отнесена к категории публицистических исследований, имеющих и научное значение.

В. А. Житомирский идет от факта — выразительного, эмоционально окрашенного, всегда убедительного именно своей характерностью, типичностью, достоверностью «статей, в отличие от многих книг такого рода большая часть здесь приводимой информации — цифры, описания тех или иных случаев, ситуаций, цитаты и т. п. — строго документирована, имеет отсылки на источники). Но автор никогда не останавливается на «голом» факте, на картинах жизни тех обездоленных людей, о которых, в защиту которых он написал свою книгу. В. Житомирский далек от фотографического изображения их жизни и борьбы, он постоянно стремится (и по большей части это ему удается) к развернуто-аналитической характеристике ситуации, прослеживая ее в развитии, вскрывая явные и скрытые факторы, определяющие нынешнее положение; он показывает и оценивает расстановку политических и классовых сил в стране в связи с проблемой «цветных», проблемой расизма вообще.

Проблема эта, отмечает автор, со взрывной силой давшая о себе знать в 80-е годы, имеет в Великобритании давние и глубокие корни. Ее истоки — в тех временах, когда Лондон управлял громадными колониальными и полуколониальными территориями с сотнями миллионов подвластных ему людей. Транспарант со словами: «Мы здесь, потому что вы были там», который несли «цветные» иммигранты на одной из демонстраций в Лондоне, четко указывает на связь нынешнего положения этих людей с тяжелой колониальной судьбой их отечеств. Беспощадная эксплуатация колоний в прошлом, неоколониальная империалистическая эксплуатация развивающихся стран в современную эпоху обусловила их отсталость, нищету значительной части населения этих стран, многие из которых относятся к беднейшим в мире. Неразвитость их экономики — главная причина постоянного наличия здесь избыточной рабочей силы, иными словами, громадной армии безработных. Эти люди и стали объектом вербовки, когда британским монополием понадобились дешевые рабочие руки во время экономического бума 50-х — начала 60-х годов. Сотни тысяч жителей Индостана, карибских и африканских стран стали строителями, грузчиками, мусорщиками, санитарами, чернорабочими на транспорте и в ночных сменах заводов и фабрик. Они трудились там, где тяжело и грязно, т. е. на таких работах, куда не хотели идти коренные англичане. Своим трудом они внесли ощутимый вклад в послевоенное развитие бывшей метрополии, так же как эксплуатация многих поколений их предков обусловила процветание капиталистической Британии в колониальные времена, отмечает автор книги.

Изменение экономической конъюнктуры в 60-е годы стало главной причиной поворота в иммиграционной политике британского правительства. Анализируя законодательство об иммигрантах и о праве на британское гражданство, В. А. Житомирский показывает, как оно все более обретало расистскую окраску (законы 1914, 1948, 1962, 1971, 1982 гг.).

«Цветных» все меньше «допускают» в Великобританию (даже если их деды и отцы десятилетиями жили и имели британский паспорт), все чаще под любыми предлогами выдворяют оттуда. За этой краткой констатирующей фразой тысячи разбитых судеб, разделенных семей. Автор показывает, что нарушение права на создание и сохранение семьи стало обычной практикой британских властей, когда речь идет о «цветных». Множество циркуляров и правил, которыми полицейские и иммиграционные власти манипулируют по своему усмотрению, позволяют делать это на «законном» основании (главы «„Гуманисты“ из иммиграционной службы», «„Кошмар“ бюрократических сложностей»).

Каково же положение тех небелых жителей страны, которым разрешено здесь оставаться? В 1982 г. их было 2,3 млн. человек, в том числе более 600 тыс. из стран Карибского бассейна, 430 тыс. из Индии, 240 тыс. из Пакистана, 50 тыс. из Бангладеш, около 300 тыс. из Африки, столько же из других регионов (с. 23). В книге убедительно показано, что они подвергаются дискриминации буквально во всех областях жизни: на рынке труда (с. 57—79 и др.), в системе образования (с. 93—101), здравоохра-

нения (с. 31—36), в жилищной сфере (с. 80—92), в сфере религии (с. 50, 61). Останавливается автор на фактах поистине расистского обращения с «цветными» танками полисменов, которые подвергают их безосновательным обыскам, арестам, ски избивают (а иногда — и убивают). Расизм в полиции продолжается расизм суде — многочисленные факты, приведенные В. Житомирским, неопровержимо свидетельствуют об этом (гл. VII — «В духовном родстве с ку-клукс-кланом», гл. VI «Фобии английской Фемиды»).

Все более открыто и активно действуют в Великобритании фашистские и откровенно расистские организации и группы, требующие изгнания всех «цветных» терроризирующих их, — это погромщики из «национального фронта», «британского жения», «колонны-88» (с. 102—128). Автор отмечает, что хулиганы и бандиты чувствуют себя вполне уверенно: именно на их стороне чаще всего оказывается полиция: их стороне фактическая, а иногда и официальная поддержка влиятельных кругов истеблишмента, в том числе многих деятелей из правящей партии, которые не раз говорили об «опасности» афро-азиатской общины, могущей «затопить» Британию. Приходится говорить и о том, что расистские настроения разделяют и многие функционеры и рядовые члены тред-юнионов (с. 67—70). Предприниматели пользуются системными предрассудками, культивируют расистские настроения для разобщения рядовых, для снижения эффективности их борьбы за свои классовые интересы.

Постоянное, ежедневное расовое насилие и дискриминация — в такой социальной обстановке приходится жить миллионам «цветных» в Великобритании. Именно в мае 1980 г. возникает «взрыв в Сент-Поле» (один из районов Бристоля), 174—179), за которым последовало «жаркое лето» 1981 г. (с. 180—202) — так называемые «расовые волнения», а точнее, настоящие восстания «цветных» в Лондоне, Манчестере, Бирмингеме и других британских городах. Автор на обширном фактическом материале показывает, что причина взрыва вовсе не в «подстрекательстве» неких «заговорщиков», как пыталась объяснить происшедшее полиция, а также часть прессы и правые политики; причина — в антинародной политике тори, в нерешительности, крайнем обострении многих социальных проблем, тяжесть которых особенно мучительно сказывается в положении «цветных» британцев.

Борьба «цветных» жителей Великобритании, кроме стихийных выступлений, обретает все более организованные формы. Создаются национальные, региональные, профессиональные организации «цветных», в некоторых случаях они договариваются о координации своих действий. Иммигранты проводят забастовки, митинги, демонстрации в защиту своих прав. На их стороне прогрессивные силы страны — компартия, Антифашистская лига, ряд влиятельных профсоюзов. Надо отметить, однако, что этот вопрос освещен В. А. Житомирским крайне слабо (с. 227—231 и некот. др.).

В целом же «Апартеид по-британски» — содержательная, хорошо написанная книга, удачно пополнившая советскую библиотеку по вопросам расизма и борьбы с ним в современном мире.

Актуальность содержащихся в ней материалов, точность выводов и оценок подтвердили события августа — сентября 1985 г. (т. е. почти год спустя после сдачи этой книги в набор), когда новые сильнее «расовые волнения» потрясли крупнейшие районы Великобритании. Суть дела довольно точно выразил один из английских телекомментаторов: «Проблема Южной Африки выплеснулась на улицы английских городов». Ясен, думается, смысл этой аналогии: в стране старейших традиций буржуазной демократии, формального равенства граждан существуют свои «Соуэто», в которых живут бесправные по существу люди, «чувствующие себя беспомощными перед лицом ежедневной тревоги» (как написала в одном из материалов в августе 1985 г. лондонская «Таймс»), люди, которые не хотят, не могут более мириться с таким положением.

С. Я. Коза

Tove Skutnabb-Kangas. Bilingualism or Not: The Education of Minorities. Multilingual Matters 7. Clevedon. England. 1984. 378 p.

Билингвизм на уровне личности и группы всегда занимал видное место в истории народов мира, и чем большее число исследователей обращается к билингвизму, тем очевиднее становится всеобщность и универсальность этого важного аспекта межнациональных контактов. Постоянно растущий интерес к билингвизму не случаен. В наше время, когда контакты между странами и народами неизмеримо возрастают, проблемы двуязычия становятся более актуальными.

Можно сказать, что расширение масштабов исследований по билингвизму увеличивает потребность в надежных научных и практических ориентирах понимания процессов функционирования двуязычия и руководства ими. В этом плане большой интерес вызывает опубликованная в 1981 г. на шведском, а в 1984 г. на английском языке книга Тове Скутнаб-Кангас «Двуязычие или нет? Обучение меньшинств».

Тове Скутнаб-Кангас родилась в Финляндии. Закончив Хельсинкский университет, где защитила диссертацию по педагогическим аспектам двуязычия, она переехала в Данию и развернула большую пропагандистскую и научную деятельность по изучению прикладных аспектов двуязычия применительно к различным группам национальных меньшинств. Она — редактор периодического издания «Иммигранты и меньшинства». Диапазон ее исследовательских интересов последовательно расширяется от непосредственно языковых к более сложным вопросам социально-экономического и культурного

статуса национальных меньшинств в Скандинавских и некоторых западноевропейских странах.

Композиция и содержание книги в известной мере отражают эволюцию взглядов западноевропейских ученых и самого автора на узловые вопросы двуязычия.

Несмотря на то, что книга освещает главным образом прикладные аспекты двуязычия (см. 3. I, с. 58—59), в ней рассмотрены и важные в общетеоретическом и концептуально-терминологическом планах вопросы: сущность языка, понятие родного языка и двуязычия, планирование языкового обучения. Для советских же специалистов особый интерес могут представить прикладные вопросы, в том числе посвященные анализу эмпирического материала, в связи с выявлением, фиксацией и характеристикой различных компонентов двуязычия: языковой компетенции, речевой деятельности, беглости речи в различных ситуациях, размеров интерференции и т. д. Самостоятельную ценность представляет информация о билингвизме национальных меньшинств Западной Европы в широком контексте их жизни в иноязычной среде.

Наряду с разработкой дефиниций, способствующих глубокому раскрытию механизма приобщения детей и взрослых ко второму языку, автор делает попытку увязать этот процесс с более широким — «включением» некоторых групп населения в инородную (иносоциальную, инонациональную, инокультурную и т. д.) среду. Исследования Т. Скутнаб-Кангас ограничены Скандинавским регионом, хотя в отдельных случаях она обращается к более широкому географическому ареалу двуязычия. К сожалению, в книге бедно представлена языковая жизнь многонациональных стран социалистического содружества, не упоминаются многие регионы и страны Азии и не всегда уделяется должное внимание многообразию многоязычных ситуаций в разных сферах жизнедеятельности (книгоиздательство, средства массовой коммуникации, делопроизводство и т. д.).

Представляют немалый интерес мысли автора об уточнении существующих определений языка, поскольку, как полагает Т. Скутнаб-Кангас, язык выступает не только связующим началом между людьми, инструментом коммуникации и формирования концепций, но и инструментом социального анализа, отражающим общественные отношения.

Признание равноправия и равноценности всех языков определяет точку зрения исследовательницы. В последнем тезисе привлекает внимание гуманистическая позиция автора, ее уверенность в том, что не существует примитивных языков и что язык любой общности людей имеет право и способен на бесконечное развитие. Но едва ли можно согласиться с утверждением, что «степень развития литературного письменного языка или разработка терминологии — это только технические проблемы, которые можно легко решить при наличии специалистов и денег» (с. 4). В действительности решающим условием структурного развития языка выступает только его функциональное развитие, которое в свою очередь обусловлено потребностями самих носителей того или иного языка.

Значительное место в книге занимает обсуждение понятия «родной язык». В отличие от ряда работ в данной книге приводятся критерии определения родного языка (как собственно языковые, так и внеязыковые). Родной язык — это язык, на котором человек думает, мечтает, видит сны, может считать. При этом Т. Скутнаб-Кангас справедливо подчеркивает, что перечисленные показатели — относительно слабые критерии. Человек, проживший долгое время в иноязычной среде, может использовать второй язык в указанных ситуациях, не владея им при этом хорошо.

Из существующего многообразия критериев родного языка заслуживают внимания те, которые базируются на структурно-функциональных особенностях языка. Так, например, достаточно точный критерий — происхождение. В этом смысле родной язык — это язык, который ребенок выучивает первым при постоянном и длительном языковом контакте с матерью.

Следующий критерий — уровень языковой компетенции, т. е. родной язык — это язык, который человек знает лучше всего. В уровне языковой компетенции автор выделяет четыре различных аспекта: понимание, говорение, чтение, письмо. Нельзя не указать, что при строгом подходе к уровню языковой компетенции вряд ли можно найти много случаев, когда два языка в одинаковой мере функционируют в различных сферах жизни.

Критерий — функциональное предназначение языка, т. е. языка, который чаще всего используется, — также не совсем точен, так как часто билингвы используют на работе язык большинства, но знание этого языка не всегда бывает хорошим. Несовпадение языковой компетенции и реального речевого поведения, в частности, хорошо изучено в различных республиках СССР в ходе этносоциологических исследований, проведенных Институтом этнографии АН СССР. В ходе этих же исследований удалось установить ведущую роль психологических факторов в определении родного языка. Выводы советских ученых вполне согласуются с мнением Т. Скутнаб-Кангас о критерии — установке на родной язык, т. е. о том, что родной язык — это язык внутренней идентификации, язык, посредством которого в процессе социализации человек постигает нормы и систему ценностей своей этнической группы (с. 13—15) и отождествляет себя с ней.

Анализ предметной области исследования билингвизма в его педагогическом аспекте, уточнение критерия того, что считать родным языком, в том числе на примере структуры языков, взаимопонимания и социальных функций языка, проделанные в книге, позволяют подойти к раскрытию вопроса: «Что такое двуязычие?». Этому посвящена глава IV — своеобразный мост между эмпирическими материалами, теоретическими наблюдениями и выводами автора рассматриваемой работы. По насыщенности

понятий, терминов, дефиниций IV и V главы, пожалуй, являются центральными в ней. Рассматривая те или иные ключевые определения двуязычия, Т. Скутнаб-Кангас справедливо замечает, что их существует столько же, сколько и исследователей. может быть, это вполне естественно, так как представитель каждой дисциплины подходит к критериям двуязычия с точки зрения интересов своей науки, изучающей многообразные связи языка и этноса.

Открывающая IV главу мысль о том, что билингвизм часто ассоциируется с целым рядом негативных явлений, кажется неожиданной и даже парадоксальной для современного читателя. Однако по мере того как автор проследживает эволюцию отношения общественного мнения к двуязычию в западноевропейских странах, многое становится ясным. В самом деле, если речь идет о таком взгляде на двуязычие (распространенном в 20—30-е годы), при котором оно представляет лишь переходное состояние от первоначального одноязычия угнетенных национальных меньшинств через двуязычие, где вторым языком выступает язык большинства, к новому одноязычию с языком доминирующей национальности, то действительно, приходится согласиться с тем, что такое двуязычие, представляющее по сути дела инструмент ассимиляции, является неизбежным злом. Совсем другое дело, как показывает Т. Скутнаб-Кангас, когда двуязычие развивается как более или менее стабильный процесс, не угнетающий позиции языков национальных меньшинств.

Рассуждения автора ценны тем, что еще раз подтверждают важный вывод, который уже прозвучал в советской литературе и получает все большее признание. «Хотя языковая общность непременно присуща каждому этносу», — отмечал Ю. В. Бромлей еще в 1973 г., — и каждый этнос в процессе становления обычно пользуется одним языком, однако совсем не обязательно, чтобы на протяжении всего своего дальнейшего существования он обслуживался одним языком»¹. Имплицировано приведенное суждение подтверждает Т. Скутнаб-Кангас, которая, в частности, пишет: «Билингв — это тот, кто способен функционировать на двух языках, либо в одноязычной, либо в двуязычной общине, в соответствии с социокультурными требованиями, предъявляемыми к коммуникативной и познавательной компетенции билингва со стороны этих общин и самим билингвом на том же уровне, что и носители языка, и может позитивно отнестись к себе с обеими языковыми группами и культурами или с их частями» (с. 9).

При анализе проблем планирования обучения билингвов Т. Скутнаб-Кангас раскрывает сущность и содержание процесса двуязычного обучения, под которым она понимает использование не менее двух языков для преподавания ряда предметов, кроме изучения самих языков как отдельного предмета.

Любое многоязычное общество, стремящееся к прогрессу, постоянно нуждается в совершенствовании коммуникативных возможностей своих граждан. С этой точки зрения особый интерес представляют наблюдения и выводы Т. Скутнаб-Кангас о речевой школе и семье в приобщении детей различного возраста и различных групп населения ко второму языку. Анализ содержания, достоинств и недостатков таких способов «одвуязычивания», как «immersion programme» («языковая ванна»), «submersion programme» (языковое погружение), в том числе «раннее», «позднее» и «частично» открывает новые перспективы для изучения прикладных аспектов двуязычия и реального хода этноязыковых процессов.

70-е годы, как известно, значительно расширили внимание исследователей к двуязычию как к сложному, многокомпонентному явлению. В отличие от многих западных ученых Т. Скутнаб-Кангас с глубоким значением классифицировала различные методики проведения социалингвистических исследований с учетом их целей и задач, с ясным пониманием их предназначения. Не приходится доказывать, что фиксация языковой компетенции, речевого поведения или установок на изучение и употребление языка требует разных методик. Так, в VIII главе она пишет не о тестах вообще, а о педагогически-лингвистически-психологически ориентированных тестах; не просто об измерении речевой деятельности, а о фиксации языкового восприятия и языкового воспроизведения; не просто о мотивации, а о синтетической и интегрированной мотивации и т. д.

Рассматривая взаимосвязь педагогического и психологического аспектов двуязычия автор констатирует, что знание и употребление двух языков могут иметь тройное воздействие на развитие познавательных способностей билингвов: положительное, отрицательное, нейтральное.

Положительный эффект двуязычия достаточно хорошо изучен в современной советской психо-, социо- и этнолингвистике. Что же касается его отрицательного эффекта, думается, здесь нужны серьезные дополнительные исследования, хотя бы потому что ученые, применяющие тесты как основной способ определения уровня владения двумя языками, часто не учитывают необходимость дифференцирования тестов, так как неправомерно применять один и тот же тип теста для монолингвов и билингвов.

Уродливое развитие двуязычия среди некоторых национальных меньшинств, находящихся, с одной стороны, в угнетенном, а с другой — в маргинальном состоянии, т. е. людей, которые утратили ценности своей и не приобрели в должной мере ценности не своей этнической общности, вызывает к жизни различные негативные формы в основе которых, как правило, лежит отмечаемое в X главе несовершенное владение каждым из контактирующих языков.

Завершающие книгу главы XI и XII посвящены анализу политических и экономических аспектов языковой политики, в том числе такой, при которой билингвы из числа

¹ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 57.

мигрантов и национальных меньшинств плохо овладевают как первым, так и вторым языком.

Несмотря на отдельные спорные положения и не совсем удачные формулировки, результаты исследований Т. Скутнаб-Кангас являются ценным вкладом в разработку педагогических, прикладных, причинно-следственных аспектов двуязычия.

Н. С. Ермакова

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Г. Ф. Сиверцева. Семья в развивающихся странах Востока (социально-демографический анализ). М.: Наука, 1985. 165 с.

Исследования этносоциальных процессов в зарубежных странах, выявляющие связь этих процессов со спецификой социально-политического развития наций и конкретных этнокультурных ситуаций, в последнее время стали одним из важных направлений в этнографической науке¹. Особенно это касается развивающихся стран, в которых под влиянием кардинальных экономических и социальных сдвигов происходит разрушение традиционных укладов и зарождение новых, порой неожиданных форм этнокультурных явлений и процессов.

Заметное место принадлежит здесь анализу семейных отношений, в рамках которых воспроизводится большинство этнических характеристик. С целью координации комплексных исследований семьи в Институте этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР создана и действует межсекторальная проблемно-тематическая группа. Учитывая все это, можно сказать, что рецензируемая работа, хотя акцент в ней сделан на социально-демографическом аспекте исследования семьи, представляет несомненный интерес для этнографов.

Основная цель работы состоит в «рассмотрении динамики, структуры и роли семьи в развивающихся странах», причем особое внимание уделяется «комплексному анализу взаимного влияния развития семьи, социально-демографических и отчасти социально-политических процессов» (с. 4). К сожалению, подобный подход, охотно декларируемый многими авторами, далеко не всегда находит подтверждение в соответствующих исследованиях, где анализ социально-экономической ситуации и собственно семьи нередко ведется как бы параллельно, а их взаимосвязи остаются нераскрытыми. В пользу рецензируемой работы говорит то, что в ней в целом выдержан принцип комплексности исследования.

Первая из четырех глав монографии посвящена анализу эволюции семьи в развивающихся странах. Автор характеризует своеобразие норм брачности (понимая под нею возраст вступления в брак, распространенность и формы брака, разводимость), сложившихся в рамках ислама, буддизма, индуизма и христианства. Эволюцию традиционных норм брачности в странах Востока Т. Ф. Сиверцева связывает с их социально-экономическим развитием, которое приводит к изменению структуры семьи, а также со значительно усилившимся в последнее время процессом эмансипации женщин.

Интерес этнографов, несомненно, вызовет вторая часть главы, в которой рассматривается эволюция форм семьи. Взяв за основу такие типы, как расширенная, неразделенная и нуклеарная семья², автор констатирует, что в развивающихся странах наиболее распространены семьи, «объединяющие в себе различные элементы этих типов» (с. 29). В то же время общей для изучаемого региона Т. Ф. Сиверцева считает тенденцию к нуклеаризации семей, правда, специально оговариваясь, что нуклеарная восточная семья достаточно разнообразна и не всегда идентична нуклеарной западной семье (с. 35). В большинстве восточных стран сложные семьи продолжают сохраняться наряду с нуклеарными и даже функционально взаимодействуют с ними. Кроме того, институт большой семьи нередко сохраняется в виде определенных пережитков и специфических социально-психологических установок.

В монографии подчеркивается, что начавшийся процесс разложения большой семьи оказывает немалое влияние на изменение функций семьи и ее места в структуре современного общества. В данном контексте интересна высказанная автором мысль, что по мере распада большой семьи традиционный комплекс внутрисемейной и родовой мотивации, прежде имевший решающее значение в формировании репродуктивного поведения, разрушается и ему на смену приходят иные мотивы и стереотипы поведения, реализация которых означает переход к новому типу воспроизводства населения.

Подробному рассмотрению этого процесса посвящена вторая глава монографии. Автор исходит из того, что рождаемость наиболее адекватно отражает социально-экономические изменения в развивающихся странах (с. 41). Безусловно признавая, что динамика рождаемости зависит от сдвигов в социально-экономической сфере, мне все

¹ См. Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981. С. 123.

² Т. Ф. Сиверцева ссылается на неоднозначность трактовки типов семьи в советской и зарубежной литературе, указывая на условность выбранных ею наименований типов семьи.

же хотелось бы возразить автору, что эта зависимость не столь очевидна, поскольку она опосредствована действием многих промежуточных факторов, о которых, как в дальнейшем говорит и сама Т. Ф. Сиверцева. В развивающихся странах, где наблюдается устойчивость традиционной мотивации репродуктивного поведения, особенно велика роль этнокультурных факторов. Поэтому Т. Ф. Сиверцева совершила права, отмечая, что «сходные социально-экономические причины в разных культурных ареалах могут вызвать противоположные воздействия на рождаемость: например стремление к экономической самостоятельности семьи в развитых странах может приводить к снижению числа детей в семье, а в развивающихся — к повышению (с. 83).

Придерживаясь принятого в демографии довольно условного деления факторов рождаемости на социально-экономические и культурно-бытовые, Т. Ф. Сиверцева связывает специальный раздел рассмотрению каждой из этих групп. К социально-экономическим она относит следующие факторы: материальное благосостояние семьи; занятость и характер труда; урбанизацию как степень приобщения к городскому образу жизни; образование как характеристику социально-экономического и культурного уровня.

Нет необходимости напоминать вслед за автором, какое влияние оказывают на рождаемость каждый из перечисленных факторов, — это относится скорее к предмету демографической науки. Однако некоторые поднятые автором проблемы несомненно должны привлечь внимание этнографов. Это можно сказать, в частности, об упоминании автором дифференциации рождаемости в ряде развивающихся стран, имеющих крупные этнонациональные поселения (особенно если этнические различия в них подливаются конфессиональными). В данном случае без анализа этнической ситуации в конкретных странах невозможно раскрыть причины межгосударственных различий в рождаемости.

Другая важная особенность — зависимость рождаемости от экономической ситуации женщины в семье. Думается, по этому вопросу Т. Ф. Сиверцева также могла бы использовать материалы, накопленные этнографами.

Кроме того, обращение к опыту этнографии, одной из важных задач которой всегда являлось изучение основных элементов образа жизни населения, позволило Т. Ф. Сиверцевой углубить анализ влияния урбанизации на рождаемость, ибо, она верно замечает, роль данного фактора целесообразнее изучать исходя из сопоставления об образе жизни городском и образе жизни сельском независимо от этнонациональной принадлежности исследуемого поселения к городскому или сельскому (с. 61).

Наконец, привлечение этнографического материала могло бы существенно обогатить анализ влияния, оказываемого на репродуктивное поведение ростом образованного уровня и связанным с ним изменением социальных и внутрисемейных условий.

Что касается культурно-бытовых факторов рождаемости, то они еще теснее связаны с этнической проблематикой. Несмотря на слабую разработанность классификации этих факторов, а также на отсутствие общепринятых критериев для отбора и интерпретации соответствующей информации, Т. Ф. Сиверцева на основе тщательного изучения доступных ей материалов сумела довольно полно охарактеризовать воздействие на рождаемость некоторых культурных особенностей народов развивающихся стран Востока, своеобразия их брачно-семейных отношений, а также религиозных традиций.

В работе прослеживается связь между формами семейной организации и уровнем рождаемости у разных народов. Отмечая, что высокие показатели брачности и рождаемости во многих восточных странах связаны с «широким распространением разрозненных и неразделенных патриархальных семей» (с. 70), автор вместе с тем приводит материалы, свидетельствующие о неоднозначности подобной связи.

Вслед за В. И. Козловым³ автор пытается также рассмотреть крайне мало изученный вопрос о влиянии формы брака на рождаемость. В работе приводятся чрезвычайно редкие сведения о влиянии полигамии на рождаемость, составленные исследователем на основе материалов обследования, проведенного в Нигерии в 1977–1978 гг. (с. 73–74).

Интересны размышления Т. Ф. Сиверцевой о возникновении традиции многодетности, уходящей корнями в первобытную эпоху. Именно с этой традицией, сохранившейся до нашего времени, она связывает инертность населения многих развивающихся стран Востока в применении современных средств контроля над рождаемостью (с. 75). Понятно, что без ломки традиционной установки на многодетность никакие призывы к понижению рождаемости, даже подкрепленные соответствующими социально-экономическими мерами и общедоступностью противозачаточных средств, будут вполне эффективными.

Между тем в восточных странах традиция многодетности оказалась очень прочной, чему в немалой степени способствовала религия. Автор, на наш взгляд, верно замечает, что если на ранних ступенях развития общества религия играла роль одного из самых мощных социально-психологических факторов, формирующих внутрисемейное поведение, то в современном мире ее воздействие в целом ослабело, но вместе с тем опосредствовало, чаще опосредствуясь другими факторами (с. 76). Безусловно, верный вывод о том, что «многие религиозные установки в результате их многове-

³ См. его работы «Динамика численности народов» (М., 1969), а также «Этническая демография» (М., 1975).

вого развития входят в культуру и быт народов, становятся по существу „народными традициями“ и как таковые продолжают существовать даже после ослабления влияния религии“ (с. 76), еще раз подтверждает необходимость и несомненную пользу этнодемографического подхода к изучению рождаемости.

Кроме того, в работе приводятся очень интересные и редко встречающиеся в специальной литературе материалы о зависимости среднего количества детей от религиозной принадлежности родителей (с. 78—80), которые автор пытается интерпретировать исходя из специфических установок христианства, мусульманства, буддизма и индуизма.

Третья глава монографии названа «Положение женщины в семье и обществе». Из всего многообразия вопросов, группирующихся вокруг данной проблемы, автор концентрирует внимание главным образом на тех, которые связаны с демографическим развитием семьи.

Выделяя в качестве важнейшего фактора раскрепощения женщины в развивающихся странах приобретение ими самостоятельного экономического статуса, Т. Ф. Сиверцева вместе с тем подчеркивает, что на изменение социальной роли женщин, а также их отношения к деторождению влияет не занятость вообще, а именно занятость в современном индустриализованном секторе (с. 88).

В монографии прослеживаются истоки женского движения в странах Востока, его социальная дифференциация, основные направления, характер требований и другие проблемы. Успешное решение женского вопроса автор связывает со всем комплексом проблем модернизации в развивающемся обществе.

Т. Ф. Сиверцева попыталась охарактеризовать экономическую и политическую активность женщин в ряде развивающихся стран с помощью таких показателей, как процент женщин в парламенте, в самодеятельном населении, а также среди сельскохозяйственных и несельскохозяйственных рабочих (с. 97). Эту попытку приходится признать не вполне удачной, особенно в отношении политической активности, которая, разумеется, не исчерпывается участием в парламенте. Думается, более правомочен тезис автора о том, что в условиях традиционной семьи не следует жестко связывать вовлечение женщин в общественное производство с их политической активностью (с. 101). Нередко, как показано в работе (с. 101—102), женщины в восточных обществах используют совершенно особые, неведомые в Европе рычаги воздействия на политическую жизнь, в которой они формально не участвуют. Поэтому хочется обратить внимание читателя на то, что, как верно замечает Т. Ф. Сиверцева, «включенность женщин в традиционную социальную организацию далеко не равносильна ее „закабалению“ и общественной пассивности. И наоборот: насильственный слом этой включенности не обязательно ведет к „раскрепощению“ женщины, повышению ее статуса и активизации ее роли в обществе» (с. 102).

Последняя, четвертая глава монографии посвящена рассмотрению политики народонаселения. Как и в предыдущих главах, автор касается в основном лишь тех аспектов демографической политики, которые связаны с проблемами рождаемости.

Закономерный процесс ослабления позиций традиционного сектора в развивающихся странах, постепенная модернизация их экономики, рост урбанизации и образовательного уровня населения способствуют тому, что все большая часть семей начинает практиковать сознательное регулирование деторождения. Вместе с тем, как показывает Т. Ф. Сиверцева, этнокультурная специфика восточных стран, и прежде всего влияние религии, сдерживает широкое распространение контроля над рождаемостью. В работе дается оценка позиций мировых религий, бытующих на Востоке, по отношению к ограничению рождаемости (с. 111—115). Но автор, на наш взгляд, верно придает второстепенное значение религиозному фактору, подчеркивая, что в сходных по конфессиональному признаку, но имеющих разный уровень социально-экономического развития странах влияние религии на демографическое поведение далеко не одинаково (с. 115).

Большой интерес представляют материалы, характеризующие разрыв между идеальным, желаемым и реальным количеством детей в развивающихся странах Востока. Анализ этих материалов позволил автору сделать заключение, что население в большинстве стран этого региона потенциально склонно к ограничению деторождения (с. 119). Этот факт особенно важно подчеркнуть, так как он означает, что в восточных странах уже подготовлена почва для успешного проведения демографической политики, ибо последняя, безусловно, «не может быть искусственным средством поддержания демографического равновесия» (с. 124), но должна строиться с учетом объективных тенденций социально-экономического развития и сдвигов в сознании людей.

Т. Ф. Сиверцева совершенно справедливо обращает внимание на то, что в своем репродуктивном поведении семьи руководствуются главным образом узкими семейными, а отнюдь не широкими национальными интересами. Это доказывает необходимость гибкости демографической политики, ее неформального характера и ориентации на цели, доступные и понятные широким массам населения.

Специально следует отметить собранные автором и представленные в виде таблицы сведения об основных этапах формирования и развития планирования семьи в развивающихся странах (с. 126). Кроме того, в работе дается краткая сравнительная характеристика программ планирования семьи в отдельных странах. Особенно подробно автор останавливается на примере Индии и Пакистана, применительно к которым сделана попытка дать комплексный анализ основных проблем демографического развития, а также мероприятий и результатов реализации программ планирования семьи. Оценивая значение программ планирования семьи, автор признает их важность, указывая на настоятельную необходимость соотнесения их «с социально-экономиче-

ским и социально-психологическим состоянием и запросами бедствующего народа большинства» (с. 148). По итогам проделанного исследования Т. Ф. Сиверцева отслеживает возможные пути эволюции восточной семьи. В частности, она высказывает предположение о дальнейшем росте числа нуклеарных семей, хотя и подчеркивает, в ближайшем будущем в отличие от «западного варианта» они еще будут сохранять некоторые традиционные черты (с. 147).

Рецензируемая работа, разумеется, не исчерпывает всего многообразия проблем семьи, стоящих перед развивающимися странами Востока. Разные уровни социально-экономического и культурного развития, своеобразие конкретно-исторической и политической ситуаций в каждой из стран, неоднородность многих ключевых понятий, функционирующих в семье, положения женщин и демографической политики — наконец, разнородность, а часто и просто отсутствие необходимых статистических данных — все это в совокупности помешало автору в должной мере систематизировать изученный материал и создать целостную и одновременно точную модель семьи в развивающихся странах. Вместе с тем продемонстрированное Т. Ф. Сиверцевой умение ориентироваться в злостных проблемах социально-демографического и культурного развития стран Востока, в целом выдержанный ею принцип комплексности исследования, неординарный подход ко многим сложным явлениям несомненно делают ее работу ценной и полезной для широкого круга демографов, этнографов, востоковедов и других специалистов, занимающихся проблемами семьи.

О. Д. Комар

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Ш. А. Богина. Этнокультурные процессы в США. Конец XVIII — начало XIX в. Наука, 1986. 112 с.

Тема новой монографии Ш. А. Богини относится к одной из наиболее сложных для анализа сфер науки, так как изучение этнокультурных процессов вообще неминуемо предполагает охват и компоновку огромного разнопланового материала, принадлежащего многим областям этнографии и ряду других дисциплин. В данном случае и значимость темы книги не уступает ее сложности: момент становления остается интереснейшей темой для всех обществоведческих дисциплин.

Два предмета находятся в центре внимания Ш. А. Богини: этнические процессы, приведшие к сложению американского народа, и формирование культуры и самосознания этого народа. Основную мысль, владевшую автором при написании книги, можно было бы выразить словами известного американского этнографа, знатока Каролинского региона С. Минца о том, что люди в странах Нового Света «превращались в общность и приобретали общую культуру, поскольку и по мере того, как создавали их»¹. Наглядно демонстрируя этот процесс, Ш. А. Богина рассматривает этническую историю именно как часть общей истории страны, что позволяет полно показать этнические процессы: их социальную, экономическую и идеологическую подоплеку, конкретные формы и результаты, предвещающие какие-то новые этапы этнического развития.

В главах I—III Ш. А. Богина выделяет и анализирует существенные черты этнической ситуации в Соединенных Штатах Америки изучаемого периода: разнообразие этнического состава, главные типы межэтнических контактов и связанных с ними этнических процессов, а также наличие этнической дискриминации.

Ш. А. Богина использует огромный и разнообразный круг источников: данные Бюро переписи, мемуарную литературу, записки путешественников, правительственные документы, работы европейских и американских историков изучаемого времени, произведения художественной литературы.

При характеристике этнических процессов Ш. А. Богина не только соотносит их с событиями гражданской истории, но и не упускает из виду таких специфических факторов, определяющих их, как, например, длительное сохранение в районе голландской колонии системы землевладения феодального типа, препятствовавшей мобилизации голландцев, а тем самым и смешиванию их с окружающим населением — с. (отъезд из США в конце XVIII в. нескольких сот семей феодалов изменил это положение и облегчил ассимиляцию голландцев).

Обобщая материал первых глав, Ш. А. Богина намечает крайние точки некоего ассимиляционного процесса: с одной стороны, очень медленное и длительное вхождение в американскую действительность групп, подобных пенсильванским немцам, жившим компактно и пытавшимся культивировать свои этнические традиции, с другой — интенсивное смешение, физическое и культурное, жителей Нью-Джерси — и в целом процессов, все более типичных для Америки по мере развития в стране капитализма.

¹ Mintz S. W., Price R. *Anthropological Approach to Afro-American Past: a Caribbean Perspective*. Philadelphia, 1981. P. 7.

Автор неустанно подчеркивает характернейшую черту американского населения, которая еще с колониального периода способствовала его культурному своеобразие и обусловила само сложение американского народа,— разнообразие этнического состава.

Однако в тени в данных главах (второй и третьей) остается вопрос о ядре складывавшейся нации, важный для понимания активно шедших в изучаемое время этнообъединительных процессов. Если в последующий период этнические группы американского общества можно считать структурными элементами нации, о чем пишет Ш. А. Богина в монографии об иммигрантском населении США², то сейчас эта структура все же окончательно не сформировалась и вновь прибывавшие были в большой степени «осколками» своих родных народов. Они сохраняли этническую специфику не только в сфере психологии и самосознания, что характерно для более позднего периода, но и в других областях.

Поэтому представляется важным выделить показатели, определявшие принадлежность человека к ядру американского народа, которое уже существовало и как таковое взаимодействовало с иммигрантами. Может быть, следовало бы отчетливее сказать, что первоначальным центром притяжения была английская группа, на правах первой, самой многочисленной и в некотором смысле самой передовой, утвердившая на новых землях свой язык и высокий социальный статус.

Однако вскоре в условиях активно развивавшегося капитализма от англичан самым существенным, безусловно принадлежащим им, хотя и модифицированным элементом культуры остался язык, ставший национальным языком американцев со всем громадным значением его в жизни общества. Поэтому, может быть, к ядру нового этноса можно отнести не только англичан и их потомков, составлявших в изучаемый период 60% населения колоний, но и всех, кто, структурно ассимилировавшись³ в созданную Америку социально-экономическую действительность, перешел на английский язык, оказавшийся в данном случае самым мощным фактором ассимиляции.

Что касается самой ассимиляции, то, на наш взгляд, Ш. А. Богина несколько расширяет употребление этого термина, обозначая им и более общие интеграционные процессы. Термин в основном своем смысле применяется к процессу, вполне определенному по характеру и направлению: какой-либо этнос (ЭСО) передает свои свойства сосуществующему с ним этническому меньшинству, в конечном счете растворяя последнее в себе. В рассматриваемый же период, формирующийся для американского этноса и его культуры, пожалуй, лишь о структурной ассимиляции иммигрантов можно говорить как о реальности, четко обозначенной данным термином. В сфере же культуры и быта, при неустоявшихся еще этнических характеристиках, ассимиляция, судя по приведенному материалу, имела не одно направление.

Многие десятилетия существовали на землях американских колоний этноареальные группы, нередко втягивавшие в себя окружающее население, ассимилировавшие его в бытовом и культурном смысле. Так, на голландской территории, в северной части колонии Нью-Йорк, издавна жило множество людей и иного происхождения — шведов, финнов, англичан и т. д., и все они, даже англичане, «голландизировались» (с. 13). Особая этническая ситуация сложилась и в Луизиане, где господствующими оказались французский язык и культура (этому посвящен раздел в книге). Были и другие этнические гомогенные поселения и районы, которые оказывали влияние на окружающее население в той или иной сфере культуры: шотландцы, шведы (они ввели в фермерский быт Америки скандинавскую бревенчатую хижину, ставшую в XIX в. своего рода национальным символом — с. 13), немцы в районе ими же основанного города Вашингтона; на порубежье пришедшие европейцы в чем-то уподобились индейцам (с. 11, 16).

Поэтому классификацию ассимиляционных процессов можно было бы, наверное, дополнить, отметив наряду с пенсильванским и нью-джерсийским типами еще и «обратную» ассимиляцию. Разумеется, по интенсивности и длительности контакты этого рода значительно уступали прочим, но они, как показывает книга Ш. А. Богиной, были весьма характерны для колониального периода и имели место также после Войны за независимость, сплотившей население американских колоний политически и на уровне национального самосознания.

Если же поискать обобщающий термин, то в целом то, что мы наблюдаем в XVIII—XIX вв. в Соединенных Штатах Америки, представляется мне наиболее близким к процессу этногенетического смешения (миксации) в сочетании с этнической дивергенцией, т. е. положению, когда «в новую общность объединяются отдельные части различных этнических единиц основного уровня, не находящиеся в генетическом родстве, причем одновременно происходит их все большее обособление от своих первичных этносов»⁴. Ассимиляция же в прямом смысле слова была одним из важнейших механизмов этого общего процесса.

Вопрос о ядре этноса и характере интеграции тем более важен, что в последующих, чрезвычайно интересных главах (третьей и четвертой) наглядно показано существование нового народа и исследуется формирование у него чувства и сознания общности, возникших на основе специфического по сравнению с европейским исторического опыта. С нескольких сторон анализирует Ш. А. Богина этот процесс: указы-

² Богина Ш. А. Иммигрантское население США 1865—1900 гг. Л., 1976.

³ Богина Ш. А. Историческое развитие американской нации (XIX в.)//Национальные процессы в США. М., 1973. С. 60.

⁴ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 69, 290.

ваются причины отрыва от Европы (широкий спектр социально-экономических, оп сти идеологических стимулов, в том числе утопические представления о Новом Свете) отмечается комплекс признаков развития этносоциального организма: укрепление связей, движение к политическому объединению, усиление культур общности. Формирование этносоциального организма составляет основное содержание глав «Сложение американского народа» и «Консолидация американской нации в чале XIX в.». Здесь, как и при раскрытии других тем, Ш. А. Богина дает образ глубокого, систематического, поэтапного анализа вызревания особенностей национальной психологии, литературы и искусства, характеризует национальные черты в ре гии и семейном строе американцев.

Появление национальной символики, содержащей память о Войне за независимость, утверждение в народных представлениях образа типичного американца-янки, развитие национального языка, рождение американского патриотизма с его личными оттенками: с одной стороны, чувством исключительности, а с другой — интернационализмом, надолго вошедшим в американскую демократическую традицию, — всему этому уделено в книге должное внимание. Причем для иллюстрации своих положений автор широко привлекает чисто этнографические детали, такие, например, как отмеченное русским дипломатом использование фамилий государственных деятелей Америки в качестве даваемых детям личных имен (с. 88) — во славу национальных революционных и исторических традиций.

Еще одна сторона процесса консолидации народа — появление самобытной литературы и искусства — также показана Ш. А. Богиной. В этих областях тоже произошел отказ от примера Европы, и духовная культура американцев приняла иной облик с характерной популярностью фольклорных жанров, народной музыки, демократиче стью героев литературы и театра, юмором и т. п.

Однако консолидация американской нации сопровождалась и рядом негативных явлений: этнической дискриминацией, сегрегацией, травлей иммигрантов-чужаков, частую разжигаемыми и направляемыми верхушкой общества (Ш. А. Богина посвятила этому специальную — третью — главу). Одним из проявлений неприязненного отношения к «чужакам» являются и некоторые этнические стереотипы, возникающие в ходе контактов. Вообще стереотипы позволяют судить о межэтнических отношениях и автор приводит такой материал. Жаль только, что предвзвешенно не обосновано значение стереотипного восприятия людьми представителей других народов. Ш. А. Богина уделила этой теме внимание в предыдущей своей монографии⁵, которая, одна посвящена следующему этапу этнической истории США и может оказаться не в той в руках читателя.

Выделение материала об афроамериканцах в отдельную главу (пятую) представляется совершенно правомерным из-за их особого положения в структуре американской нации, обусловленного прежде всего тем, что в изучаемый период они были рабами, а также несхожестью всех их культурных традиций с европейскими. Тем самым своеобразие образа жизни и творческого самовыражения именно этой общности вклад во всю американскую культуру, особенно в художественную.

Таким образом, перед нами всестороннее исследование процессов сложения американской нации и ее этнокультурного развития в ранний период. Высказанные в рецензии замечания ни в коей мере не меняют оценки книги как научного достижения Ш. А. Богиной, вносящего немалый вклад в разработку актуальных проблем этноамериканистики.

Ш. А. Богина решает своей книгой и одну из важнейших практических задач этнографии — дает широкому читателю реальное представление о другом народе. Читая книгу, получаешь из рук ученого определенный образ американского народа, попросту говоря, начинаешь лучше понимать этот народ, особенности его характера, социальной ситуации в США. От углубления знаний о других народах в немалой степени зависит верность ориентации в международной обстановке, а в перспективе выработка миролюбивого отношения ко всем народам Земли. Книга Ш. А. Богини именно в таком смысле практически значима — она несет объективные знания, положенные с гуманистической гражданской позицией.

В заключение хочется сказать, что монография прекрасно написана: имеет вид не только редкое соответствие формы и содержания, но и стилистическая повторяемость научной прозы Ш. А. Богиной.

Н. Н. Кулаков

⁵ Богина Ш. А. Иммигрантское население США 1865—1900 гг. Л., 1976. С. 229—230.

Русская Америка в «Записках» Кирила Хлебникова. Ново-Архангельск/Сост., предискоммент. и указатели Федоровой С. Г. Отв. ред. Александров В. А. М.: Наука, 1983. 302 с.

Среди славных страниц истории России немало относится к открытию исследованию и освоению северо-запада американского континента — Аляски (Русской Америки, к которой кроме Аляски относились русскую Калифорнию — Форт-Рос в XVIII—XIX в. Недавно литература по этому вопросу пополнилась новой книгой о делах на Аляске незаурядного человека — Кирила Тимофеевича Хлебникова¹.

¹ О предыдущем томе серии см. рец.: Лукин Б. В. Новые публикации работ К. Т. Хлебникова // СЗ, 1985. № 2.

К. Т. Хлебников (1784—1838), уроженец приуральского города Кунгур, провел на Аляске на службе Российско-Американской компании 15 лет (с конца 1817 г. до осени 1832 г.), исполняя должность помощника главного правителя Русской Америки и правителя главной Новоархангельской конторы. С его деятельностью связан один из самых активных этапов продвижения и утверждения русских на северо-западе Америки. И в деятельности К. Т. Хлебникова очень наглядно отражаются наиболее существенные черты процесса исследования и освоения русскими Аляски.

Вообще выход книги следует считать явлением примечательным. До сих пор публикация источников по истории Русской Америки велась недостаточно, хотя нельзя не упомянуть заслуги в этом отношении ряда советских ученых, прежде всего А. В. Ефимова, А. И. Андреева, С. Б. Окуня, М. И. Белова, Н. Н. Болховитинова, Р. В. Макаровой.

Между тем в архивах нашей страны хранится немало все еще не вовлеченных в научный оборот различного рода документов, путевых записок, других рукописей, относящихся к деятельности Российско-Американской компании. Их расшифровка, анализ, публикация помогут выявить новые факты и глубже понять мотивы и характер освоения Аляски русскими. Мне это представляется особенно необходимым, поскольку многие очень важные аспекты деятельности русских в Америке освещены недостаточно.

Немаловажно и то обстоятельство, что за рубежом, особенно в США, а также в Канаде в последние одно-два десятилетия необычайно расширился интерес к истории Русской Америки. Проводятся специальные конференции, выходят монографии, осуществляются публикации текстов источников.

В таких условиях необходимо, чтобы советская наука давала верную оценку событиям, происходившим в Русской Америке. Надо учесть, что зарубежные, прежде всего американские авторы подчас или искажают, или замалчивают многие факты деятельности русских в Америке в XVIII—XIX вв.²

Значение исследований истории Русской Америки в настоящее время также обусловлено сознательным искажением и неправильным юридическим толкованием в политических кругах США договора 1867 г. о продаже Аляски. Этот договор, как и другие российско-американские соглашения, касающиеся северной части Тихого океана, американцы используют для совершенно необоснованных притязаний на владение рядом морских акваторий³.

Словом, здесь не следует бояться громких слов и сказать, что освещение истории Русской Америки — дело и научное, и патриотическое, и политическое.

На мой взгляд, важнейшее значение публикации «Записок» К. Хлебникова состоит в том, что они показывают прогрессивный для своего времени характер освоения русскими Аляски. В отличие от происходившей тогда же колонизации соседних с Аляской северных районов Канады, обладающих сходными природно-географическими условиями, освоение Аляски русскими не ограничивалось завязыванием торговых связей с коренными жителями и скупкой пушнины. Русские прочно обосновывались на открытых ими землях, пытались заводить там различные производства и ремесла (судостроение, добыча и плавка меди), заниматься сельским хозяйством.

Причины такого характера торгово-промыслового освоения Русской Аляски связаны с особыми историческими условиями, в которых оно проходило. Если на Канадский Север шли исключительно купцы и миссионеры, то на Аляске больше селился трудовой люд — спасавшиеся от крепостного гнета крестьяне, торговые и служилые люди. Отдаленность колоний от центральной России и трудности транспортных связей заставляли русских поселенцев в Америке самим обеспечивать себя всем необходимым, развивать ремесла, обрабатывать землю, избегать хищнической эксплуатации промысловых ресурсов, сохранять добрые отношения с местным населением⁴.

В рецензируемой книге хорошо видно это стремление русских поселенцев. К. Хлебников, как рачительный хозяин, проявлял заботу о надежном снабжении колоний продовольствием и другими товарами, о развитии ремесел, о различных изысканиях (в том числе поиске минералов), о строгом порядке в пушном промысле. Его обстоятельные дневниковые записи, многочисленные конторские счета, откровенные признания ошибок и трудностей в хозяйственных и других делах говорят о том, что русские относились к своим американским владениям так же по-хозяйски, как к собственно российским территориям.

Кстати сказать, русский опыт хозяйственного освоения Аляски как северной территории с суровыми и сложными природными условиями имеет определенное прикладное значение. До сих пор оптимальные пути развития производительных сил таких территорий еще недостаточно ясны. Сибирские биологи уже обратили внимание (по материалам К. Хлебникова) на русскую практику промысла лисич на Аляске.

В «Записках» много места отводится коренным жителям Русской Америки, прежде всего алеутам и индейцам-кюлошам. Этнографические зарисовки К. Хлебникова отличаются доброжелательностью и, как мне кажется, не потеряли научного интереса до настоящего времени. Тщательное изучение записей еще раз убеждает в стремлении

² См.: Агранат Г. А. Новые американские работы по Русской Америке//Летопись Севера. М., 1957. Т. 2. С. 247—255; Болховитинова Н. Н. Зарубежные исследования о Русской Америке. США: Экономика, политика, идеология. 1985. № 4. С. 87—95.

³ См. Войтоловский Г. По разные стороны Берингова пролива//Мировая экономика и международные отношения. 1986. № 6. С. 31—39.

⁴ Подробнее см. Агранат Г. А. Об освоении русскими Аляски//Летопись Севера. 1971. Т. 5. С. 180—193.

русских жить в мире с аборигенами Аляски и в их попытках улучшить условия жизни и быт алеутов и индейцев. Известное по другим источникам и исследованиям враждебное отношение Российско-Американской компании к креолам также подтверждается записями К. Хлебникова.

Созидательный характер деятельности русских в Америке, более человечное обращение с аборигенами, чем в колонизируемых областях США, признается многими американскими исследователями, в частности известным историком XIX в. Г. Г. Бэрофтом. Русский вклад в освоение Аляски в историческом плане тем более значим, что по приходе на Аляску американцы практически полностью разрушили все созданное здесь русскими. И тем не менее русское наследие в культуре и быту аборигенов на географических картах, в не потерявших научной ценности результатах исследований Аляски русскими сохраняется до сих пор⁵. Записи К. Хлебникова помогают лучше осмыслить все эти факты.

Особого упоминания заслуживает работа составителя, автора предисловия, комментария и словаря С. Г. Федоровой. Не будет преувеличением сказать, что без этой работы «Записки» К. Хлебникова читались бы с трудом даже специалистами. С. Г. Федорова хорошо известна советским и американским читателям как автор глубоких исследований по Русской Америке, подавляющее большинство которых переведено на США и Канаде на английский язык. Кроме того, она лично знакома с «полигоном» своего исследования — Аляской, а также участвовала в проводимых в США научных конференциях по истории Русской Америки. С. Г. Федорова снабдила книгу предисловием, обширнейшими пояснениями к тексту и иллюстрациям, предметным словарем, указателем специальных терминов, местных и устаревших слов, а также указателем географических названий и указателем имен. В пояснениях даны развернутые тексты и ссылки на труды современных К. Хлебникову и позднейших авторов, а также то, что особо нужно подчеркнуть, на архивные материалы; их число очень велико, и сами по себе они читаются с большим интересом. В значительной мере это материалы, впервые введенные в научный оборот, или основательно забытые даже специалистами. Использовано большое число американских и других зарубежных исследований.

Немаловажное значение имеет высокое полиграфическое качество издания, а также богатые иллюстрации.

Рецензируемая книга является второй публикацией трудов К. Т. Хлебникова: первая («Русская Америка в неопубликованных записках К. Т. Хлебникова») вышла в 1979 г. Хотелось бы скорее видеть третью публикацию — о русской Калифорнии. Хорошо бы было составителю снабдить ее предисловием, в котором более обстоятельно, чем в предисловии к рецензируемой книге, были бы показаны основные черты процесса исследования и, что особенно важно, освоения Америки русскими. И надо надеяться, что составитель и издательство избавят последующую публикацию от довольно большого количества подчас весьма досадных опечаток, которые встречаются в рецензируемом труде.

Но это все детали. Публикацию трудов К. Т. Хлебникова, особенно с такой обобщающей эти труды «научной подачей», какой отличается рецензируемая книга, следует высоко оценить и всемерно приветствовать.

Г. А. Агранат

⁵ См.: Агранат Г. А. Первые полвека американского господства на Аляске//Летопись Севера. 1962. Т. 3. С. 223—238; Федорова С. Г. Русское наследие в судьбах коренного населения Аляски//Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М.: Наука, 1981. С. 244—266.

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

И. М. Меликсетова. Трибализм и государственность (Этнонациональные и социально-политические процессы в Папуа — Новой Гвинее в 60—80-е годы XX в.). М. 1985. 170 с., илл.

Эта небольшая, скромно, но изящно оформленная книга — одно из не очень многочисленных в советской науке исследований по этнографии и социологии Океании, основанных на личных наблюдениях автора (в полевые сезоны 1971 и 1977 гг.). Основная задача книги — проанализировать, как соотносятся и влияют друг на друга в Папуа-Новой Гвинее две основные категории социальных связей, отношений и институтов: одной стороны, традиционные, основанные на издавна сложившихся этнических, кровнородственных, соседских, территориальных группировках, а с другой стороны, введенные в процессе современного экономического и политического развития группировки и организации государственного, политического, предпринимательского характера. Тем самым круг проблем, рассматриваемых в книге, расширяется далеко за пределы понятий, вынесенных в заглавие. Трибализм и государственность выступают здесь лишь как условные обобщающие символы двух комплексов общественных структур: традиционного и современного.

Трибализм — это идеология племенной организации, вступившей в контакт (и с ответственностью конфликт) с государственным устройством современного типа. Но нов

гвинейская действительность, как пишет сам автор (с. 8), представляет собой еще незавершенный вариант формирования племенной организации. Социальные традиционные отношения здесь значительно аморфнее, чем в классическом племени, и варьируют в весьма широких пределах. Именно этносоциальной неоднородности новогвинейских обществ и посвящена первая глава рассматриваемой книги. Хотя «социальные различия между многочисленными обществами Папуа—Новой Гвинеи сложились внутри единой формации» (с. 12), т. е. первобытнообщинной, но все же различия эти очень велики, и автор здесь уделяет значительное внимание разным типам обществ, сложившимся в результате сочетания воздействия природной среды и конкретных исторических обстоятельств, и характеризует историю их формирования.

Во второй главе на конкретных, описанных с убеждающим «эффектом присутствия» примерах показана специфика развития социальных отношений на отдельных островных группах «островной дуги» и в разных районах главного острова Новой Гвинеи. Здесь показано, как на этнические различия наслаиваются конфессиональные (в лице разных, враждующих между собой миссионерских христианских направлений) и социально-профессиональные, когда отдельные этнические группы поставляют значительную часть интеллектуальной и административной элиты для других районов страны. Характерно при этом, что основной центр лояльности «своих к своим», влияющий и на социальную, и на материальную взаимную поддержку и вообще на формирование групповых интересов и чувства принадлежности и сопричастности, лежит в рамках не этнических групп («племен» и соплеменностей), и даже не в рамках отдельных поселков, а в рамках «кланов», которых иногда может быть 10—15 в одном поселке, а с другой стороны, они могут быть разбросаны между разными поселениями. Очень досадно, однако, что автор не смог ничего сообщить читателю о сущности этих «кланов» — об их примерной средней численности, эндогамности или экзогамности, системе брачных связей с другими «кланами» и т. д. А все эти вопросы чрезвычайно важны, так как создается впечатление, что вся динамика социальных связей в Папуа—Новой Гвинее формируется в значительной мере именно на «клановой» основе.

Большое значение для этой динамики имеют и более широкие, чем «клан», группировки, обозначаемые на «пиджине» как «ванток» (*wan tok* от англ. *one talk*, т. е. «говорящие на одном языке»). Понятие это новое, расплывчатое и многоступенчатое, оно отнюдь не идентично этноязыковой группе: «ванток» может быть и шире, и уже таковой. Автор много пишет о разных социальных, этнических, суб- и суперэтнических аспектах функционирования концепции «ванток», но все же сущность ее остается не до конца ясной. Вряд ли можно говорить, что связи «ванток» рождены «в процессе развития первобытнообщинных отношений» (с. 77): они явно появляются на стыке этих отношений с капиталистическими, рыночными, товарно-денежными. Но вывод, что «связи „ванток“ объективно служат промежуточным звеном между доклассовым и классовым, фрагментированным и гражданским обществом» (с. 78), представляется верным.

Еще одно интересное и важное наблюдение сделано И. Меликсетовой. Понятия «один клан» и «один круг деловой активности» (*lain* и *bisnis*) практически совпадают. Быть в одном «бизнесе» (*mitupela i wan bisnis*) и значит, собственно, быть в одном клане, т. е. экономические связи строятся по линиям структуры родоплеменного общества. Преуспевающий человек щедро «благодетельствует» своих родственников и свойственников, но он явно может и эксплуатировать их труд для достижения своих целей в «бизнесе», которые внешне выглядят не как его личные, а как клановые. Это и есть трибализм в действии. К сожалению, второй, потенциально эксплуататорской стороны клановых связей автор не раскрыл, но приводимый материал явно подводит к таким выводам.

Последняя, третья глава книги показывает, как накладываются на «родо-племенную», или, что будет точнее в данном случае, кланово-общинную структуру другие, совершенно иные структуры, скопированные с государственных механизмов развитых наций — политические партии, парламентаризм, государственная администрация. На низовом уровне, действуя через местные «комити», эти институты неизбежно преломляются все той же кланово-общинной организацией и, будучи «современными» по форме, в реальности отражают прежние традиционные междугрупповые связи. Но кроме этого, они позволяют сформироваться своего рода «супертрибалистским» устремлениям, которые и принимают форму «регионализма»: таково движение «папуа бесена» в бывшей территории Папуа, региональные интересы о. Бугенвиль, да по существу и все округа получили автономию со своими премьер-министрами, правительствами и департаментами. Несомненно, здесь действует и обратная связь, и наличие таких учреждений активно формирует региональную элиту из числа доминирующих в данных округах этносов (например, как показывает автор, в округе Чимбу эта роль принадлежит этносу куман).

Таким образом, в работе И. М. Меликсетовой можно найти и данные, позволяющие хотя бы ориентировочно прогнозировать ход дальнейшего этнического развития и исключительно дробного и многоплеменного населения Папуа—Новой Гвинеи.

В целом следует приветствовать появление этой книги, являющейся ценным вкладом в развитие советской океанистики, и выразить сожаление (увы, ставшее в последнее время почти общим местом в рецензиях такого рода), что она издана столь малым тиражом (всего 800 экз.).

С. А. Арутюнов

The Theory of Ethnic Self-Awareness in Soviet Ethnography (Main Aspects of the Problem)

Characterized are the major features of the theory of ethnic self-awareness, which was elaborated in Soviet ethnography during the last two decades. This theory is viewed as a part of the general theory of ethnic communities. The idea of ethnic self-awareness as a major characteristic of an ethnic community originated in Soviet ethnography in the 40s (V. V. Mayrodin, D. S. Likhachov, P. I. Kushner); in mid-50s this problem was considered by I. I. Potekhin. However a definite concept of ethnic self-awareness was actualized only in 60s—80 s. While ethnic self-awareness is widely regarded as a determining feature of an ethnic group (N. N. Cheboksarov, S. A. Tokarev, V. I. Kozlov, K. V. Chistiyu, V. Bromley, M. V. Kriukov, L. M. Drobizheva), the theory of the phenomenon is actively developed, including methodology and historiography of the problem. Nowadays most closely considered are the following problems: ethnic self-awareness and its correlation with ethnic communities at different taxonomic levels (viewed synchronously) as well as with different types of ethnic communities (from the viewpoint of historical evolution); ethnic self-awareness at different stages of ethnogenesis and ethnic history; the components of ethnic self-awareness (their sources and developmental regularities); ethnic self-awareness and ethnonymy. Particularly stressed is the enormous scientific and practical significance of further studies in ethnic self-awareness.

R. Sh. Dzharlygasina

Psychosemantic Approach to Ethnopsychology

On the basis of psychosemantic approach the author has conducted a comparative intercultural study of female stereotypes in family life sphere. The subjects were female students of philology belonging to two ethnic groups — Azerbaijanians and Russians. The author has developed a psychosemantic technique of «multiple identifications» allowing to determine similarities and differences of several role positions («me», «my mother», «my ideal of woman», «typical woman», «woman failed in her private life» etc.) judging by actions attributed to those role positions by the subjects. Factorial analysis of the data obtained makes it possible to construct subjective semantic spaces, which are operational models of categorial structures inherent to ordinary everyday consciousness, and to reveal ethnic peculiarities in attitudes towards various actions and role positions in the family life sphere.

V. F. Petrenko

Folk Art in Contemporary Society (Social Function and Evolutionary Prospects)

Recent decades are marked by an unprecedented growth of interest in folk art accompanied by a universal upsurge of ethnicity and ethnic self-awareness. As one of the most «ethnic» strata of spiritual culture, folk art becomes the focal point of ethnic emotion. Folk art has a number of important social functions. Occupying an appropriate place in human cultural potential, together with professional arts, folk art fulfils an artistic-aesthetic function. Its ethnosemantic function is based upon visible ethnic individuality, easily perceived ethnic identity inherent to pieces of folk art. International contacts becoming more intensive, folk art is endowed with communicative function, allowing different nations to get to know each other, and also being a channel of interethnic reciprocal influences. The specific function of folk art consists in psychological self-affirmation of peasantry, which becomes more conscious of itself as of a social community, contributing considerably to human spiritual culture by its artistic activity. Folk art has also a cognitive function, being a most valuable source for interdisciplinary study of the past. Social practice has revealed some negative phenomena associated with folk art when used in various philosophic-political theories in order to justify the concepts of racial/national exclusiveness of some groups. This is exemplified by the theories of negritude and indianism.

Yu. D. Anchabadze

..hno-Cultural Processes under Multiple Political Structures in Daghestan (till XXth Century)

The author analyses a unique political system which had evolved in Daghestan. It consisted of «societies» and their unions characterized by a complex hierarchical structure of government and a pronounced tendency towards local autonomy. It's supposed that ethnocultural and linguistic pluralism inherent to Daghestan presents a cultural response to a polystructural political system which existed steadily for about a millennium.

M. A. Aglarov

About the Role of Power in the Genesis of Class Society (The Case of Pre-Colonial Societies of Tropical Africa)

The author attempts to reveal the socio-economic nature of power as the main factor of social reproduction under the type of antagonistic social association obtaining in pre-colonial Africa. Starting from K. Marx' ideas concerning evolution and typology of communities and related forms of property as well as from the «ownership» category current in Soviet African studies (meaning property in a wider sense), the author puts forward the following concept. The described type of social association was a synthesis of all social relations, which was historically modified without transforming itself into higher forms. This complex of social links was dominated by oppression, based upon appropriation of individual personality. Alienation of surplus product, i. e. exploitation, took a secondary place, so far as under ownership system private property existed only in limited forms. So the principal element of social antagonism consisted in appropriation of individual by the social power, the social function of the latter being to maintain normal social reproduction.

G. S. Kiselyov

Ethnography: Some Arguable Questions

It's argued that ethnography is a historical discipline which can be totally included in history in a wider sense. The subject-matter of ethnographic studies is regarded as ethnic functions of culture at all stages of historic process. Nonetheless, the distinguishing features of Marxist current in ethnography still lack definition.

A. I. Pershits

On the Subject of Ethnography and Its Inner Structure

It's only ethnography that collects facts about the societies which still were primitive or pre-class by the moment of being put under study as well as about material and spiritual culture (excluding oral folklore) of the peasantry and peasant social relations and institutions. For some time ethnography remained purely empirical. As the transition from empiricism to theory took place, ethnography was divided into three disciplines. The first one studies ethnic communities, while the second represents a theory of primitive society, the third being a theory of peasant community.

Yu. I. Semyonov

Historical Ethnography Within Ethnography's Structure

The author shares Yu. V. Bromley's and M. V. Kriukov's view about ethnography's subject-matter including some areas reaching beyond the scope of history proper and attempts to determine the place of historical ethnography within the framework of ethnography as a whole. The term «historical ethnography» occurs frequently in the Soviet literature of recent decades, its content remaining, however, not certain enough. The author defines historical ethnography as a particular discipline of ethnography embracing the portion of its subject-matter which is common with history. The main areas of historical ethnography include ethnogenesis, ethnic history, ethnography of no longer extant ethnic groups, origin and history of traditional forms of everyday life and popular culture (as regards pre-class society — all forms of culture), origin and evolution of subsistence types and historic-ethnographic regions.

The author characterizes cultural-genetic studies as a major direction of historical ethnography. In developing these studies Soviet scholars reject the weakest aspect of the traditional evolutionary approach which views cultural-historic process as unilinear, moving only from the simple to the complex. It's also understood that externally similar phenomena can differ as regards their origin and functions.

Soviet ethnography can boast of major achievements in developing and applying comparative-historic method which is central in studying the genesis of ethnic cultures and their components. This method is based upon the concept of all the forms of popular culture evolving historically, the evolution being subject to some general regularities. Unquestionably, the character of the evolution is caused by internal (endogenous) processes, primarily conditioned by socio-economic factors, as well as diffusion, i. e. the impact of other ethnic cultures. Some innovations having penetrated from without, soon die off, the other become organic elements of culture participating in its subsequent evolution. The major factors influencing the turn of events are functional requirements, ecology and traditional stereotypes. The innovations of both endogenous and exogenous (diffusionary) origin, incorporated in a culture in certain historic periods, form historic-genetic strata. These can be revealed only by means of comparative-historic analysis and dated both absolutely and relatively. Applying comparative-historic method envisages a comparative-typological analysis both at synchronous and diachronous (historical typology) levels.

S. I. Vainshteyn

Ethnography and Historicism

The considered article continues the discussion of Soviet ethnography's aims, tasks and essence, going back to 1920s. The authors correctly determine the main object of ethnography as a people (*narod*). But they identify a people with an ethnic community, thus, narrowing the central concept. From the viewpoint of ethnography a people is characterized not only by its ethnic properties. Beside ethnic communities and contemporary ethnic processes, the subject-matter of ethnography includes also historical ethnography, the history of family, social relations and social organization in primitive, pre-industrial and developing societies. Ethnography is an entirely historical discipline, having no subject zones reaching beyond the scope of history. Ethnography must be perfected by stressing the theoretical character of its studied. The renovation (*perestroyka*) in ethnography must be carried out on the basis of comprehensive and democratic discussion.

G. Ye. Markov

Ethnographic Study of Culture: the Problem of Sources

Supporting the main theses of the discussed article, the author dwells on some questions requiring specification or further development. It's deemed necessary to expand the scope of sources for the history of ethnography. Consideration is given to a book by Y. Tomiček, a Czech author of the first half of the 19th century. The book outlined some principles, which later determined the evolutionary current in ethnography. Considering ethnography's interaction with history of culture, the author stresses the necessity of an exact definition of «the ethnographic source» concept.

A. S. Mylnikov

Dmitri Tarkhanov's Forgotten Expedition to the Copper [Mednaya] River

While studying Alaskan history and ethnography of the period when the land was explored by the Russians (1741—1867), the author discovered a hitherto unknown manuscript, preserved in the Manuscript Department of the M. E. Saltykov-Shchedrin State Public Library. It's «The Journal of Wanderings and Travels of Mining Sergeant Dmitri Tarkhanov». The author of the journal, a non-com officer of the Mining Corps, visited Alaska in 1794—1798. He and his companions were obviously the first Europeans to have spent almost a year among the Tlingit Indians. Besides, he explored the middle stretch of the Copper River, getting in close contact with local Indians. Beside the narrative of D. Tarkhanov's Alaskan travel, the manuscript also contains an ethnographic survey, considering mostly the Tlingit and the Copper River Athapaskans. The «Journal» is of great value being one of the earliest first-hand accounts on Russian America's native who were hardly influenced by Europeans.

A. V. Grinyo

CONTENTS

Soviet Ethnography under Renovation (*Perestroyka*). *R. Sh. Dzharylgasinova* (Moscow). The Theory of Ethnic Self-Awareness in Soviet Ethnography (Main Aspects of the Problem). *V. F. Petrenko* (Moscow). Psychosemantic Approach to Ethnopsychology. *Yu. D. Anchabadze* (Moscow). Folk Art in Contemporary Society (Social Function and Evolutionary Prospects). *M. A. Aglarov* (Makhachkala). Ethno-Cultural Processes under Multiple Political Structures in Daghestan (till XXth Century). *G. S. Kiselyov*. About the Role of Power in the Genesis of Class Society (the Case of Pre-Colonial Societies of Tropical Africa).

Discussions

Discussing Yu. V. Bromley's and M. V. Kriukov's Article «Ethnography: Its Place in the System of Science, Main Currents, Methods». *A. I. Pershits* (Moscow). Ethnography: Some Arguable Questions. *Yu. I. Semyonov* (Moscow). On the Subject of Ethnography and Its Inner Structure. *S. I. Vainshtein* (Moscow). Historical Ethnography within Ethnography's Structure. *G. Ye. Markov* (Moscow). Ethnography and Historicism. *A. S. Mylnikov* (Leningrad). Ethnographic Study of Culture: the Problem of Sources.

From the History of Ethnography

A. V. Grinyov (Barnaul). Dmitri Tarkhanov's Forgotten Expedition to the Copper (Mednaya) River.

Communications

A. B. Kunanbayeva (Leningrad). The Kazakh Epos of Nowadays: the Narrator and the Story. *M. D. Savurov* (Tashkent). A Modern Transformation of Anthroponymic Model among the Uighurs of Uzbekistan. *A. I. Lokotko* (Minsk). Types of Traditional Planning of a Byelorussian Peasant Yard.

Searchings, Facts, Hypotheses

I. N. Solomonik (Moscow). Katkhputli: Folk Puppets of Rajasthan (To the Problem of Irano-Indian Ethno-Cultural Connections).

Academic Life

R. Sh. Dzharylgasinova, J. B. Logashova (Moscow). First All-Union Conference on Turkic Onomastics. *T. V. Yakovleva* (Moscow). The 16th International Conference of «Demos» United Editorial Board.

Expeditions in Brief.

Criticism and Bibliography

Peoples of the USSR. *A. A. Susokolov* (Moscow). Statistics in Ethnography. Editor-in-Chief *V. V. Pimenov*. *M. O. Osmanov, A. R. Shikhsaidov* (Makhachkala). *S. Sh. Gadzhiev*. Family and Marriage among the Peoples of Daghestan in 19th — Early 20th Centuries. *B. P. Kerbelite* (Vilnius). *E. V. Pomerantseva*. Russian Oral Prose. Peoples of Non-Soviet Europe. *A. Ya. Gurevitch* (Moscow). *F. Braudel*. Material Civilization, Economy and Capitalism of 15th — 18th Centuries. *V. I. Structures of Everyday Life: The Possible and the Impossible* (Translated from French). *S. Ya. Kozlov* (Moscow). *V. A. Zhitomirsky*. Apartheid British Way. *N. S. Yermakova* (Moscow). *Tove Skutnabb-Kangas*. Bilingualism or Not: The Education of Minorities (in English). Peoples of Non-Soviet Asia. *O. D. Komarova* (Moscow). *T. F. Sivertseva*. Family in the Developing Countries of the East. Peoples of America. *N. N. Kulakova* (Moscow). *Sh. A. Bogina*. Ethno-Cultural Processes in the USA. Late 18th — Early 19th Centuries. *G. A. Agranat* (Moscow). Russian America in Kiril Khlebnikov's «Notes». Peoples of Oceania. *S. A. Arutiunov* (Moscow). *I. M. Meliksetova*. Tribalism and Statehood (Ethno-National and Socio-Political Processes in Papua — New Guinea in 1960s — 1980s).